

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 16, № 1, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается
в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ РАН,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ).

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомяк Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кшиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 1, 2023

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:
08.00.00 – economic sciences;
22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiyama, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulina, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

© VoIRC RAS, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. «Перестать валять дурака» – требование Президента к чиновникам всех уровней	9
--	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Волконский В.А. Логика противостояния цивилизационных полюсов	35
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Растворцева С.Н., Манаева И.В. Современное развитие системы городов России: статический и динамический подходы	55
Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. Проблемы агент-ориентированного моделирования формирования эффективной территориальной сети лесных дорог	68
Фаузер В.В., Смирнов А.В. Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике	85

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Кузнецов М.Е., Никишова М.И. Методика оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника	103
Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов	122

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Дубровская Ю.В. Детерминанты продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ	139
--	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Белехова Г.В. Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России	164
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения	186
Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Детерминация доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления	208
Салганова Е.И., Осипова Л.Б. Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход	227

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Шах И.А., Ненгру Т.А. Влияние денежных переводов на торговый баланс в странах Южно-Азиатского региона	241
Жэнь Яньянь. Проблемы правового обеспечения китайско-российского экономического сотрудничества	253

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ромашкина Г.Ф., Когай Е.А. Об итогах конференции «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях» в рамках I Лапинских чтений	266
--	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	275
Правила приёма статей	286
Информация о подписке	287

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The President Called on the Officials of All Levels
to “Stop Fooling Around” 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Volkonsky V.A. The Logic of Withstanding between Civilizational Poles 35

REGIONAL ECONOMICS

- Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. Modern Development of the System of Cities in Russia:
Static and Dynamic Approaches 55
- Gulin K.A. Dianov S.V., Alfer’ev D.A., Dianov D.S. Agent-Based Modeling
in the Formation of an Effective Territorial Network of Forest Roads 68
- Fauzer V.V., Smirnov A.V. International and Russian Approaches to Studying
the Sustainable Development of Urban Environment: From Theory to Practice ...85

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Kuznetsov M.E., Nikishova M.I. Methodology for Assessing Scenarios of Tourism Industry
Development in Kamchatka Krai on the Basis of Digital Twin Technology 103
- Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Comparative Analysis of Trends in the
Development of Finance of Large Corporations in the Metallurgical
and Coal Industries in Russia in the Context of Global Challenges 122

PUBLIC FINANCE

- Dubrovskaya J.V. Determinants of Life Expectancy in Heterogeneous Constituent Entities
of the Russian Federation 139

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Belekhova G.V. The Scale of Inequality and the Specifics of Its Perception in Modern Russia	164
Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. Consolidation of a Regional Community in a Glocal Social Reality: Socio-Cultural Barriers	186
Maykova E.Yu., Simonova E.V. Determinants of the Trust of Russian Municipalities’ Residents in Local Self-Government Bodies	208
Salganova E.I., Osipova L.B. Students’ Digital Literacy: Competence-Based Approach	227

GLOBAL EXPERIENCE

Shah I.A., Nengroo T.A. Impact of Remittances on the Trade Balance in the Countries of the South Asian Region	241
Ren Yanyan. Problems of Legal Support of Chinese-Russian Economic Cooperation	253

ACADEMIC LIFE

Romashkina G.F., Kogay E.A. On the Results of the Conference “Consolidation of Russian Society in the New Geopolitical Realities” in the Framework of the First Lapin Readings	266
--	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	275
Manuscript Submission Guidelines	286
Subscription Information	287

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

«Перестать валять дурака» – требование Президента к чиновникам всех уровней

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В феврале 2023 г. прошел год с начала специальной военной операции (24 февраля 2022 г.). 21 февраля 2023 г. Президент РФ В.В. Путин обратился к Федеральному собранию с очередным посланием. В своем выступлении глава государства отметил, что «это время не только вызовов, но и возможностей... от того, как мы их реализуем, зависит наша будущая жизнь. Надо убрать – хочу это подчеркнуть – убрать любые межведомственные противоречия, формальности, обиды, недомолвки, прочую чушь. Всё для дела, всё для результата – на это должно быть всё нацелено»... И здесь Президент, безусловно, прав, поскольку принципу «всё для дела, всё для результата» препятствуют деятельность и управленческие решения отдельных представителей чиновничьего аппарата, неспособных или нежелающих соответствовать новым условиям,

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). «Перестать валять дурака» – требование Президента к чиновникам всех уровней // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. The President called on the officials of all levels to “stop fooling around”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 9–34. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.1

в которых оказалась страна после начала специальной военной операции. В статье авторы продолжают анализировать ситуацию в России; ключевые шаги, предпринимаемые Президентом в условиях наращивания угроз национальной безопасности; тенденции общественного мнения и отдельные факты реальной жизни, противоречащие доминирующему национально-патриотическому тренду социальных настроений и задачам, которые ставит Президент после 24 февраля 2022 г. В качестве информационной базы авторы используют оценки экспертов различных сфер деятельности, результаты мониторинговых социологических исследований, публичные выступления главы государства начиная с 2000 г. Один из главных выводов статьи состоит в том, что будущее России, реальное формирование нового Общественного договора, которое возможно только после победы в специальной военной операции и заключается в выстраивании суверенного социального государства, основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях и принципе социальной справедливости, должно начинаться с мобилизации элит, с ликвидации «противоречий, формальностей и прочей чуши», и инициатором этого процесса может и должен быть глава государства.

Ключевые слова: Президент РФ, специальная военная операция, общественное мнение, новый Общественный договор, президентские выборы 2024 г.

В последнее время частой практикой стала прямая трансляция совещаний Президента с членами Правительства РФ. Широкие слои населения, таким образом, имеют возможность в онлайн-формате увидеть, как проходит работа главы государства с членами кабинета министров: уровень его подготовки к конкретному заседанию, стиль общения, характер задаваемых вопросов, четкость формулировок задач, сроков и т. д. С другой стороны, люди сами, а не понаслышке, могут оценить, как ведут себя чиновники, уровень их ответственности за выполнение поставленных Президентом задач.

11 января 2023 года состоялось одно из таких совещаний Президента с членами Правительства, которое транслировалось в прямом эфире телеканалом «Россия 24». Повесткой совещания, как обозначил сам В.В. Путин, являлись «вопросы социальной поддержки граждан, организации выплат в новых регионах России денежных средств, пособий по всем направлениям». Однако, по-видимому, после предварительной беседы с директорами предприятий первый вопрос Президента касался того, «как выполняются поручения по реализации долгосрочных программ обновления парка воздуш-

ных судов и водного транспортного флота», и был адресован заместителю Председателя Правительства РФ, министру промышленности и торговли Д.В. Мантурову.

Приводим прямую выдержку из «диалога», состоявшегося между Президентом и заместителем Председателя Правительства, который, на наш взгляд, показывает всё несоответствие между задачами, четко формулируемыми главой государства, и стремлением чиновников (причем самого высокого ранга) «уйти» от такого же четкого ответа.

Приведенный эпизод наглядно показывает, как Президенту приходится порой противостоять «огромной удушающей волне инерции»¹. В словах и поведении главы государства чувствовалось накопившееся эмоциональное неудовлетворение от того, что по всей вертикали власти есть чиновники, которые не понимают, в каких условиях существует страна, и зачастую «валяют дурака», находя какие-то оправдания, проявляя скрытое нежелание перестраиваться под требования времени, когда в условиях обострения внешних угроз национальной безопасности существенно возрастает роль четкости и оперативности выполнения задач Президента.

¹ Дугин А. К 2023-му мы подошли, балансируя на грани бездны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.01.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23744>

Выдержка из совещания Президента РФ с членами Правительства 11.01.2023

В. Путин: «Что касается сегодняшней повестки, то в качестве основной темы мы с вами договорились рассмотреть вопросы социальной поддержки граждан, организации выплат в новых регионах России денежных средств, пособий по всем направлениям... Но в начале совещания прошу Дениса Валентиновича Мантурова рассказать о том, **как выполняются поручения по реализации долгосрочных программ обновления парка воздушных судов и водного транспортного флота.** Мы с вами тоже в прошлом году активно этим занимались, **все понимаем остроту этих вопросов, особенно по воздушному транспорту».**

В своем докладе Д. Мантуров отметил: «В 2023–2025 годах запланированы поставки „Аэрофлоту” 63 самолётов, имея в виду 34 импортозамещённых „Суперджета”, 18 МС-21 и одиннадцать Ту-214... в текущем году планируется принятие отдельных паспортов в обеспечение комплексной программы развития авиационной отрасли... В период с 2023 по 2027 год наши верфи рассчитывают построить 260 гражданских судов... Суммарно программа обновления гражданского флота свёрстана на 231 миллиард рублей».

Доклад Д. Мантурова заканчивался уточнением текущих задач: **«Сейчас ключевая задача – оперативно утвердить паспорт инвестпроекта.** Готовы внести его в Правительство и рассчитываем, что мои коллеги быстро отработают процедурные вопросы, что позволит нам открыть финансирование в этом квартале, как Вы, Владимир Владимирович, нам и поручали...»

В. Путин: «Денис Валентинович, пока нет паспортов, о которых Вы сами сказали, а их нет, и нет твёрдых контрактов, у них нет понимания того, что они будут делать и должны будут делать. Долго, слишком долго. Пожалуйста, я Вас прошу ускорить эту работу. На предприятиях нет контрактов на 2023 год, понимаете, ну что там говорить. Паспортов, Вы сами сказали, нет. Когда они будут? И контрактов нет пока».

Д. Мантуров: «Вот распоряжение, Владимир Владимирович. У нас есть контракты и, как я доложил, по Министерству обороны, и по гражданской линии, и ГТКЛ, и другие лизинговые компании – это в части вертолётов. А по самолётам у нас всё свёрстано. Это с учётом техиспытаний, сертификации и программ импортозамещения „Суперджета” и МС-21. Полностью всё свёрстано».

В. Путин: «Денис Валентинович, у Вас свёрстано, но контрактов нет. Я же Вам говорю. Давайте после, сейчас закончим совещание. Что мы тут с Вами пикироваться будем? Я знаю, что контрактов нет на предприятиях, мне директора сказали. **Что Вы, в самом деле, дурака-то валяете?** Когда контракты будут? Я вот о чём говорю. Мне директора предприятий говорят: нет контрактов. А у Вас „всё свёрстано”. Когда будут паспорта? Когда контракты будут? Вот на какие вопросы надо ответить».

Д. Мантуров: «Что касается паспорта самолётов, о которых я только что доложил: распоряжение строго в соответствии с Вашим заданием. Что касается других паспортов, это будет сделано в течение квартала исходя из тех возможностей, которые сформированы бюджетом, в том числе по льготной программе ФНБ».

В. Путин: «Чтобы в течение месяца, я Вас прошу, в течение месяца должно быть всё сделано. Квартала какого-то. О чём мы говорим? Мы что, не понимаем, в каких условиях мы живём? Я Вас прошу в течение месяца эту работу закончить. Ладно?»

Д. Мантуров: «Мы постараемся сделать всё возможное с коллегами из экономического блока. Спасибо».

В. Путин: «Нет, не постарайтесь сделать всё возможное, а сделайте это, пожалуйста, в течение месяца. Это нужно сделать в течение месяца, не позже. Хорошо?»

Д. Мантуров: «Есть»².

² Совещание Президента РФ с членами Правительства 11 января 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70338>

Современные условия в России являются **кульминацией** многолетней борьбы страны за сохранение своего национального суверенитета, которая началась еще в **2007 году**, после того как Президент РФ заявил на международном уровне, что Россия не собирается изменять традиции проводить независимую внешнюю политику.

«Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»³.

На долгом пути к началу СВО был **2014 год**, когда после государственного переворота на Украине коллективный Запад начал планомерную работу по реализации своего проекта «анти-Россия», включая 8 лет обстрелов Донбасса.

В.В. Путин сделал ряд реальных шагов к тому, чтобы подготовить страну (общество, систему государственного управления) к потенциальной возможности наиболее негативного и вполне вероятного сценария развития отношений с коллективным Западом:

✓ **21 марта 2014 г.** — принятие Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации⁴;

✓ **15 января 2020 г.** — внесение инициативы об изменении Конституции РФ⁵ (поправки были нацелены на укрепление традиционных

духовно-нравственных ценностей, а также организационных основ системы государственного управления);

✓ **4 июня 2021 г.** — Указ Президента о запрете экстремистским организациям участвовать в выборах⁶ (который «свел к нулю» деятельность штабов Навального*);

✓ **2 июля 2021 г.** — подписание новой Стратегии национальной безопасности (в которой, как отметили эксперты, впервые была «выпукло отмечена система национальных ценностей или нравственных, нравственно-духовных ценностей... отдельным приоритетом обозначено „идеологическое лидерство, которое необходимо в мире”»⁷);

✓ **15 декабря 2021 г.** в ходе встречи в МИД России американской стороне были переданы проекты договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора⁸.

Данное соглашение включало в себя требование России к НАТО «не размещать свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года»; «исключить дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины»; «отказаться от ведения любой военной деятельности на территории Украины, государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии».

³ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁴ Федеральный закон от 21.03.2014 № 36 «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

⁵ Сама инициатива об изменении Конституции впервые прозвучала в ходе Послания Президента Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. Общероссийское голосование прошло в период с 25 июня по 1 июля 2021 г.

⁶ Федеральный закон от 04.06.2021 № 157 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статью 4 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”».

* Деятельность штабов Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁷ Мнение директора Центра военно-политических исследований МГИМО А. Подберезкина (источник: Эксперты оценили перемены в подписанной Путиным стратегии нацбезопасности // РБК. 03.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2021/60e0a1c79a7947a36edadc3d>).

⁸ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО. 17.12.2022 // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/

Основные положения соглашения о мерах обеспечения безопасности России и государств-членов Организации Североатлантического договора⁹:

- статья 4. «Российская Федерация и все Участники, являвшиеся по состоянию на 27 мая 1997 года государствами-членами Организации Североатлантического договора, соответственно, не размещают свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года».

- статья 5. «Участники исключают развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования в районах, из которых они способны поражать цели на территории других Участников».

- статья 6. «Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, принимают обязательства, исключающие дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств».

- статья 7. «Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, отказываются от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии».

«В декабре 2021 года мы официально направили в США и НАТО проекты договоров о гарантиях безопасности. Но по всем ключевым, принципиальным для нас позициям получили, по сути дела, прямой отказ. Тогда окончательно стало понятно, что отмашка на реализацию агрессивных планов дана и останавливаться уже они не собираются»¹⁰.

Однако все эти требования России были проигнорированы. **26 января 2022 г.** госсекретарь США Э. Блинкен заявил о том, что «США не откажутся от принципа „открытых дверей“ в НАТО»¹¹, а генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг отметил: «Мы не можем пойти на компромисс по принципам, на которых основана наша безопасность в течение десятков лет»¹². По сути, это был отказ НАТО от основных требований гарантий безопасности, на которых настаивала Россия.

Только после этого стало понятно, что у Президента РФ «**просто не осталось ни одной другой возможности** защитить Россию, наших людей»¹³, кроме как объявить **21 февраля 2022 г.** о признании независимости Донецкой и Луганской народных республик, а **24 февраля 2022 г.** — о начале специальной военной операции (СВО) с целью «защиты людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима»¹⁴.

⁹ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора // Официальный сайт МИД РФ. 17.12.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

¹¹ Блинкен: США не откажутся от принципа «открытых дверей» в НАТО // ТАСС. 26.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13535663>

¹² НАТО и США отвергли предложения России по безопасности. Чем ответит Путин? // Бизнесonline. 27.01.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/537506>

¹³ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

¹⁴ Там же.

После 24 февраля 2022 г. стало понятно, что возврат к прежним отношениям между Россией и коллективным Западом уже просто невозможен. Рубикон пройден, и далее у России нет другого выбора, кроме как реализовать обозначенные цели СВО. **Это стало вопросом уже не просто борьбы за суверенитет, а борьбы за существование, «за право России быть на политической карте мира»¹⁵.**

«Элиты Запада не скрывают своей цели: нанести, – как они говорят, это прямая речь, – «стратегическое поражение России»... Это значит покончить с нами раз и навсегда»¹⁶.

Сегодня, когда прошел ровно год с момента начала СВО, уже больше не осталось никаких сомнений в факте, который в принципе был очевиден с самого начала: конфликт, в который вступила Россия, носит не локальный, а глобальный, цивилизационный характер; и противником нашей страны в этом противостоянии выступает не только действующий киевский режим, а прежде всего блок стран НАТО, так называемый «коллективный Запад», который публично заявляет о том, что Россия «должна быть ликвидирована», а «на построссийском пространстве должны быть созданы свободные и независимые государства»¹⁷.

Как отмечает философ, политолог, общественный деятель А. Дугин, начало СВО «стало кульминацией современной России, мы вступили в войну с Западом. Вернее, мы признали открыто и честно, что она уже идет, осознали масштаб фундаментального противостояния... президент и государство сделали то, что было жизненно необходимо, то, что давно мы должны были сделать, а когда не делали, то лишь усугубляли ситуацию»¹⁸.

И несмотря на многочисленные публичные заверения высших должностных лиц НАТО о том, что «мы не собираемся ввязываться в третью мировую войну...», напрямую ввязываясь в конфликт»¹⁹, «ни НАТО, ни союзники по НАТО не являются частью конфликта»²⁰, для России было очевидно, что это всего лишь «подлог, махинация и искажение истины».

«... мы делали всё возможное, действительно всё возможное для того, чтобы решить эту проблему мирными средствами, терпеливо вели переговоры о мирном выходе из этого тяжелейшего конфликта.

Но за нашей спиной готовился совсем другой сценарий. Обещания западных правителей, их заверения о стремлении к миру на Донбассе обернулись, как мы теперь видим, подлогом, жестокой ложью... **И сегодня признаются в этом – они же признаются в этом публично, открыто, не стесняясь²¹.**

¹⁵ Российская газета. 10.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/10/lavrov-rf-vedet-boj-ne-na-zhizn-a-na-smert-za-mesto-na-politicheskoj-karte.html>

¹⁶ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

¹⁷ Выдержки из статьи «Распад Российской Федерации гораздо менее опасен, чем оставление её под управлением преступников» председателя подкомитета Европейского парламента по безопасности и обороне, экс-главы МИД Польши А. Фотыги (источник: Остроменский М.П. О политике во время войны. Условия победы. Часть I / Межрегиональная общественная организация «Вече». 16.02.2023. URL: <http://veche-info.ru/news/11124>).

¹⁸ Дугин А. К 2023-му мы подошли, балансируя на грани бездны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.01.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23744>

¹⁹ Пресс-конференция Президента США Дж. Байдена 10 ноября 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2022/636c432d9a794764b2cd21b0>

²⁰ Пресс-конференция генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга 14 февраля 2023 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17042559>

²¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

М. Захарова: «Это все было с точки зрения Запада просто фальсификация, чтобы накачать киевский режим оружием, политически подготовиться к тому, чтобы начать те самые боевые действия, что мы и видели в начале 2022 года, когда по Донбассу киевский режим начал наносить просто смертоносные удары. **В этом признании канцлера Меркель, бывшего канцлера Меркель, звучит страшное – подлог как метод действия Запада, махинации, манипуляции, все виды искажений истины, закона и права, которые только можно себе представить.** Они уже тогда, в 2015 году, когда проводили многочасовые переговоры, знали, что они никогда не будут это исполнять, и что они будут накачивать киевский режим оружием»²².

С. Глазьев: «Немцы помнят, что для становления гитлеровского режима и милитаризации Германии, подготовке её к войне потребовалось 8 лет. Этот опыт они вместе со своими патронами сейчас применили на Украине. Нашей наивности приходится теперь только удивляться и сетовать, что они снова обманули»²³.

Е. Сатановский: «...Минские соглашения с самого начала никто не предполагал выполнять и единственной их целью было спасти Украину от военного поражения, выиграть время для того, чтобы собраться с силами против России в самом Североатлантическом альянсе... и вообще подготовиться полнее к полному и окончательному уничтожению нашей страны...»²⁴.

12 месяцев проведения СВО показали, что оба геополитических противника (и Россия, и страны коллективного Запада, возглавляемые США) в некоторых аспектах недооценили возможности друг друга. Так, несмотря на беспрецедентную по своим масштабам санкционную атаку стран НАТО на российскую экономику, им так и не удалось осуществить «санкционный блицкриг», что Президент РФ констатирует публично и регулярно, когда дает открытую оценку состояния российской экономики: «Расчет был понятен – нахрапом, с наскака смять экономику России..., но этого блицкрига не состоялось... Всё работает, всё функционирует, всё стабильно» (вкладка 1).

Что касается России, то недооцененными оказались глубокие внутренние последствия существования страны в «вязком, обволакивающем либеральном тумане», о котором мы писали 5 лет назад в статье «Год до четвертого президентского срока»: «Общий вывод относительно наиболее вероятного будущего российского общества можно выразить одной фразой – „оно в тумане“. Трудно не согласиться с такой экспертной оценкой настоящего и будущего российского общества с учетом неэффективной для значительной части населения экономической и социальной политики, проводимой правящими элитами и приводящей к снижению уровня и качества жизни в результате реформ в образовании, здравоохранении, ЖКХ»²⁵.

²² Заявление Ангелы Меркель о Минских соглашениях подтверждают, что Запад не собирался их выполнять // Официальный сайт 1 Канала. 08.12.2022. URL: https://www.ltv.ru/news/2022-12-08/443077-zayavlenie_angely_merkel_o_minskih_soglasheniyah_podtverzhdayut_chno_zapad_ne_sobiralsya_ih_vypolnyat

²³ Признание Меркель – месть подельникам из США и горький урок для России // Царьград. 11.12.2022. URL: https://tsargrad.tv/news/priznanie-merkel-mest-podelnikam-iz-ssha-i-gorkij-urok-rossii_682537

²⁴ Там же.

²⁵ Ильин В.А. (2017). Год до четвертого президентского срока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 22.

Публичная оценка Президентом экономической ситуации в стране после начала СВО

<p>1. Выступление В. Путина на совместной пресс-конференции с Президентом Белоруссии А. Лукашенко 12 апреля 2022 г.: <i>«Тот ближний, на который рассчитывали наши недоброжелатели, конечно, не состоялся. Это очевидно. Наша финансовая система, промышленность работают ритмично... Оказалось, что российская экономика, финансовая система достаточно прочно стоят на ногах»</i>²⁶.</p> <p>2. Выступление В. Путина на пленарном заседании Международного экономического форума 17 июня 2022 г.: <i>«Расчёт был понятен: нахрапом, с насока смять экономику России, за счёт разрушения бизнес-цепочек, принудительного отъезда западных компаний с российского рынка, заморозки отечественных активов ударить по промышленности, финансам, по уровню жизни людей. Не получилось. Очевидно, это не вышло, не состоялось... Мы шаг за шагом нормализуем экономическую ситуацию... Мрачные прогнозы относительно экономики, которые звучали ещё в начале весны, не сбылись»</i>²⁷.</p> <p>3. Выступление В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 7 сентября 2022 г.: <i>«Многие уже вернулись, поняли, что ничего страшного здесь не происходит, даже с учётом санкционной агрессии некоторых стран в отношении России. Всё работает, всё функционирует, всё стабильно»</i>²⁸.</p> <p>4. Выступление В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г.: <i>«Россия, противодействуя тем санкциям, которые были введены в отношении неё, она и создаёт, собственно говоря, в известном смысле пространство свободы для того, чтобы можно было не бояться санкционного давления и свободно развивать экономические связи между самыми разными регионами мира и самыми разными странами... В отношении России ввели эти санкции, ожидали полного обвала российской экономики... Но этого ближнего против российской экономики не состоялось»</i>²⁹.</p> <p>5. Выступление В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г.: <i>«Как известно, против России развёрнута беспрецедентная санкционная агрессия. Она была нацелена на то, чтобы в сжатые сроки, по сути, смять нашу экономику, через грабёж наших валютных резервов обвалить национальную валюту – рубль – и спровоцировать разрушительную инфляцию. Этот расчёт, как мы видим, как, собственно, все видят, не оправдался»</i>³⁰.</p> <p>6. Выступление В. Путина на встрече с представителями авиационной отрасли 9 февраля 2023 г.: <i>«...для многих – тех, кто пытался и пытается создать для нас проблемы, было неожиданным то, как эффективно мы противостояем создаваемым для нас угрозам в области экономики и в отдельных отраслях производства. Как выяснилось, как оказалось, и финансовая система работает, и все отрасли производств работают, все отрасли услуг работают – работают ритмично, без сбоев»</i>³¹.</p> <p>7. Последнее выступление Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г.: <i>«Запад развернул против нас не только военный, информационный, но и экономический фронт. Но нигде ничего не добились и не добьётся... Они хотят заставить народ страдать, тем самым дестабилизировать наше общество изнутри. Но их расчёт не оправдался – российская экономика и система управления оказались гораздо прочнее, чем полагали на Западе»</i>³².</p>	<p>²⁶ Совместная пресс-конференция В. Путина с Президентом Белоруссии А. Лукашенко // Официальный сайт Президента РФ. 12.04.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68182</p> <p>²⁷ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента РФ. 17.06.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669</p> <p>²⁸ Выступление В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума // Официальный сайт Президента РФ. 07.09.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69299</p> <p>²⁹ Выступление В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента РФ. 27.10.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695</p> <p>³⁰ Выступление В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента РФ. 15.12.2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086</p> <p>³¹ Выступление В. Путина на встрече с представителями авиационной отрасли // Официальный сайт Президента РФ. 09.02.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70484</p> <p>³² Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565</p>
---	---

Конкретный факт (пример) «либерального тумана»

«Норильский никель» – главный актив Потанина, который он получил в середине 90-х годов в результате операции «залоговый аукцион»... **Команда Ельцина оценила комбинат в 170 миллионов долларов. Цена комбината была занижена как минимум на порядок. Только за один непростой 1995 год «Норильский никель» получил чистой прибыли около 730 миллионов – в 4 с лишним раза больше итоговой стоимости контрольного пакета акций комбината.** «Это была откровенная сделка по отчуждению госсобственности в руки друзей действующей власти...», – говорит заместитель председателя Счетной палаты РФ в 1996–2003 гг. Юрий Болдырев.

Какова же дальнейшая судьба «Норникеля» после того, как комбинат обрел нового хозяина? **Предприятия стали выжимать, как лимон. Дegrаdировать стал и Норильск, инфраструктура которого находилась на балансе комбината.** Об этом много написано в последние годы. И одним из следствий деградации стала масштабная экологическая катастрофа. Она произошла 29 мая 2020 года...

Величина выплачиваемых дивидендов акционерам «Норникеля» существенно превышает объем капитальных вложений в основные фонды предприятия. За пятилетний период суммарный объем выплаченных дивидендов составил **903 млрд руб.**, а капвложения – **518 млрд руб.** **Величина дивидендов сопоставима с бюджетом Красноярского края,** где проживает без малого 3 миллиона человек, а площадь больше, чем территории многих европейских государств. Величина выплаченных акционерам «Норникеля» дивидендов в 2015, 2017 и 2018 гг. даже **превышала величину чистой прибыли**³³.

«Не надо думать, что «Норникель» исключение:

Согласно данным из открытых источников, капитальные вложения Новолипецкого металлургического комбината (бенефициар Владимир Лисин) за 2017–2021 годы – **318,8 миллиарда рублей.** А дивидендные выплаты за тот же период – **662,2 миллиарда рублей, то есть в два с лишним раза больше.**

Или ПАО «Северсталь» (бенефициар Алексей Мордашов). В 2017–2021 годы капитальные вложения составили **333,4 миллиарда рублей,** дивидендные выплаты – **603,3 миллиарда рублей**³⁴.

В качестве одного из конкретных примеров результатов такого «либерального тумана» можно назвать развитие горно-металлургической компании «Норильский никель», которую (как отмечают эксперты) «выжимали, как лимон», что в итоге привело к масштабной экологической катастрофе.

После принятия Президентом РФ решения о начале СВО (24 февраля 2022 г.) внешний «туман» во многом рассеялся: стало понятно, кто России друг, а кто враг; по какому пути страна должна идти, а по какому не должна... Глава государства очень точно почувствовал и сформулировал мнение большинства населения России, когда отметил, что «никто из простых граждан страны не пожалел тех, кто потерял

свои капиталы в зарубежных банках, не пожалел тех, кто лишился яхт, дворцов за рубежом и так далее и тому подобное, а в разговорах на кухне люди наверняка припомнили и приватизацию 90-х годов, когда предприятия, созданные всей страной, уходили за бесценок, и показную, демонстративную роскошь так называемых новых элит»³⁵.

Но внутренний «туман», находящийся в конкретных людях на всех уровнях власти, «у руля» экономики, бизнеса, культуры, всё ещё весьма плотный. **В этом смысле задача Президента по формированию понятного образа будущего России и системы государственного управления, в основе которой лежит социальная справедливость, пока остается нерешенной.**

³³ Катасонов В. Экономическое развитие России блокируется олигархами – нужна национализация // Фонд стратегической культуры. 27.01.2023. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/01/27/ekonomicheskoe-razvitie-rossii-blokiruetsja-oligarhami-nuzhna-nacionalizacija-58329.html>

³⁴ Там же.

³⁵ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

Особенность сегодняшней ситуации в России связана ещё и с тем, что остается чуть больше года до выборов Президента РФ. Напомним, что выборы главы государства (согласно действующему избирательному законодательству³⁶) должны состояться 17 марта 2024 г. По мнению главы комиссии Совета Федерации по защите госсуверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России А. Климова, «Запад попытается дестабилизировать президентские выборы в 2024 году, используя спецоперацию как фактор для вмешательства в дела страны»³⁷.

Учитывая характер сегодняшней международной ситуации, опираясь на экспертное мнение и результаты массовых социологических опросов населения, можно констатировать следующее.

Первое, это событие — выборы Президента РФ в 2024 г. — имеет не только внутреннее, но и внешнее (глобальное, международное) значение, поскольку именно Россия под руководством В.В. Путина на протяжении последних 22 лет является субъектом, который реально противостоит «искажению миропорядка, вызванному так называемым однополярным моментом и подавлением мира западным доминированием на протяжении по крайней мере трех столетий»³⁸.

Второе, есть все основания предполагать, что после выборов в марте 2024 г. начнется пятый президентский срок В.В. Путина, а это значит, что линия дальнейшего разрыва отношений России с Западом продолжится. Некоторые эксперты, подчеркивая важность и необходимость

«После начала спецоперации, по задумке американцев, нашу страну должны были захлестнуть антивоенные митинги... однако спецоперация на Украине вместо раскола и протестных настроений лишь еще больше сплотила наше общество... **Очевидно, что антироссийская стратегия коллективного Запада потерпела неудачу. При этом главным просчетом американцев стало то, что они не брали в расчет наш менталитет»**³⁹.

нового президентского срока В.В. Путина, говорят о том, что действующему Президенту «сейчас совершенно очевидно никакой замены быть не может»⁴⁰.

Самый же главный момент заключается в том, что доверие российского общества действующему Президенту (в конечном итоге, решающий фактор, от которого зависят результаты любого голосования) с годами укрепляется.

В этом смысле коллективный Запад явно недооценил ментальные особенности российского общества как «интегральной характеристики людей, живущих в конкретной культуре, с их особым способом восприятия мира, образом мыслей, иерархией жизненных ценностей, формами бытового и социального поведения»⁴¹. Еще в 2016 году В.В. Путин отметил: «В ментальности, в душе русского человека всегда есть стремление к какому-то высокому моральному идеалу, к каким-то высоким моральным ценностям»⁴².

³⁶ О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 05.12.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/c3b8b1b1845f4b4bcb6bfc2a1514d8cc0bacc74/

³⁷ Мнение главы комиссии Совета Федерации по защите госсуверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России А. Климова (источник: <https://ura.news/news/1052619323>).

³⁸ Яковенко А. Мир вступил в фазу поиска нового баланса развития // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-12-15/3_8617_kb.html

³⁹ Не учли менталитет: Антироссийская стратегия Запада потерпела неудачу // Политическое обозрение. 21.03.2022. URL: https://politobzor.net/247473-ne-uchli-mentalitet-antirossijskaja-strategija-zapada-poterpela-neudachu.html?utm_source=topwar.ru

⁴⁰ Мнение бывшего премьер-министра, главы Ассоциации юристов России С. Степашина (источник: РИА-новости. 13.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221013/stepashin-1823562381.html>). Ряд экспертов отметили, что Степашин озвучил «именно общее мнение» (директор Центра политических технологий А. Макаркин); что это, «видимо, консолидированная позиция» (политолог А. Немцев) и «мнение уважаемого и авторитетного политика» (Председатель правления Фонда развития гражданского общества, экс-глава управления президента по внутренней политике К. Костин).

⁴¹ Артемова В.Г., Филиппова Я.В. (2008). Ментальность русского народа: традиции и эволюция // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (10). С. 1–12.

⁴² Интервью В. Путина во Владивостоке. 05.09.2016. URL: <https://nikatv.ru/news/vlast/vladimir-putin-nazval-otlichitelnyuy-chertu-rossiyskogo-mentaliteta>

Результаты мониторинга общественного мнения, который проводит ВолНЦ РАН, показывают, что в ответ на обострение угроз национальной безопасности общество консолидируется вокруг патриотических ценностей и главы государства. В условиях СВО в среднем за 2022 год по сравнению с 2021 годом уровень доверия В.В. Путину существенно возрос (на 7 п. п., с 49 до 56%; *вкладка 2*). Кроме того, ощутимо увеличился уровень доверия Правительству РФ (на 6 п. п., с 40 до 46%), Совету Федерации (на 5 п. п., с 30 до 35%) и в целом большинству (16 из 21) ключевых государственных и общественных институтов (*табл. 1*).

Таблица 1. Государственные и общественные институты, которым граждане РФ стали доверять чаще за период 2021–2022 г., %*

Группа институтов	Перечень институтов
Институты, доверие к которым увеличилось на 11% и больше	1. Президент РФ 2. Правительство РФ 3. Совет Федерации 4. Государственная Дума 5. Органы местного самоуправления 6. Общественная палата РФ 7. Общественная палата области
Институты, доверие к которым увеличилось на 6–9%	1. Прокуратура 2. ФСБ 3. Общественные организации 4. Директора, руководители предприятий 5. Банковские и предпринимательские круги
Институты, доверие к которым увеличилось на 5% и меньше	1. Суд 2. Руководство области 3. СМИ 4. Политические партии, движения
Итого: 16 институтов	
* Подробные данные представлены во вкладке 2.	

«Очень многие считают, что обострение отношений между Россией и странами западного мира произошло после знаменитого выступления президента РФ Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году. Однако это не так... **на Западе еще раньше поняли, что „он настоящий русский патриот“, который не станет пресмыкаться ни перед Соединенными Штатами, ни перед Европой. За это Путина и невзлюбили»**⁴³.

Таким образом, данные социологических опросов и экспертные мнения указывают на высокую степень вероятности пятого президентского срока В.В. Путина, и это никак не может устраивать политическую элиту коллективного Запада, которая уже много лет ведёт войну **фактически лично с ним и с тем, в каком направлении развивается Россия под его руководством**. Именно поэтому в период, оставшийся до президентских выборов в России, со стороны стран НАТО возможны шаги, которые приведут и к эскалации боевых действий в ходе СВО, и к росту социальной напряженности внутри России.

В таких условиях очевидно, что в ближайшие 12 месяцев Президенту предстоит принимать необходимые решения, связанные с повышением обороноспособности страны; с усилением дисциплины (прежде всего в деле реализации первоочередных потребностей вооруженных сил); с обеспечением функционирования российской экономики в новых реалиях международных отношений, изменившихся после 24 февраля 2022 г.; с поддержанием уровня и качества широких слоев населения и социальной защитой отдельных категорий граждан; с функционированием информационно-культурного пространства, приобретающего особенно важную роль в условиях ведения СВО.

«Постепенно в России приходят к пониманию того, что прежнего мира не будет: деформируется его внутреннее содержание, меняется былая структура экономики. **Война заставляет перестраиваться во всём и всерьёз»**⁴⁴.

При этом очень важно, как эти вынужденные решения будут восприняты обществом. Итоги 2022 года показали, что ресурс общественного доверия Президенту значителен. Не только публичная риторика, но и конкретные решения главы государства нацелены на реализацию национальных интересов и полностью соответствуют характеру нынешнего времени (*вкладка 3*).

⁴³ Настоящий патриот России: когда Запад ополчился против Путина. URL: <https://freedom-news.ru/nastoyashhij-patriot-rossii-kogda-zapad-opolchilsya-protiv-putina/> (со ссылкой на материал обозревателя The Unz Review М. Уитни).

⁴⁴ Переслегин С. Ритмы войны // Информационный ресурс «ЦентрАзия». 18.02.2023. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1676701680>

Динамика уровня доверия государственным и общественным институтам за период с 2000 по 2022 год

Государственные и общественные институты	Среднегодовые данные										Изменение (+/-), 2022 г. к...			
	2000	2004	2008	2012	2018	2019	2020*	2021	2022**	2021 г.		2000 г.		
										п. п.	%	п. п.	%	
Президенту РФ	57,1	54,4	65,2	45,7	60,5	52,4	51,6	49,1	55,7	+7	+13	-1	-2	
Церкви	42,3	42,9	51,9	41,4	50,0	46,5	45,5	46,6	46,7	0	0	+4	+10	
Прокуратуре	30,9	28,8	40,9	33,9	47,1	43,6	43,1	44,6	46,7	+2	+5	+16	+51	
Правительству РФ	42,7	35,2	60,2	39,6	47,3	41,0	41,0	40,1	45,6	+6	+14	+3	+7	
Суду	31,6	31,0	41,3	36,1	45,3	39,4	38,1	42,1	44,5	+2	+6	+13	+41	
ФСБ	34,2	28,4	43,8	33,2	45,2	41,0	42,7	43,9	44,4	+1	+1	+10	+30	
Полиции	27,2	23,7	36,5	29,3	44,4	40,7	41,6	43,9	44,1	0	0	+17	+62	
Армии	37,0	27,1	37,8	31,3	47,2	40,8	38,5	43,0	42,5	-1	-1	+6	+15	
Руководству области	31,3	30,0	48,6	34,6	35,4	33,5	34,2	35,6	38,5	+3	+8	+7	+23	
Органам местного самоуправления***	-	-	40,9	29,3	34,4	31,6	30,3	32,3	36,7	+4	+14	-	-	
Научным организациям****	-	-	-	-	32,8	30,3	30,3	36,1	35,7	0	-1	-	-	
Совету Федерации	28,3	27,1	47,6	32,3	37,4	32,2	31,9	30,3	34,9	+5	+15	+7	+23	
Государственной Думе	23,0	26,0	42,0	30,5	33,8	28,6	27,7	29,0	32,7	+4	+13	+10	+42	
Общественной палате РФ****	-	-	-	28,1	31,0	27,4	27,8	28,3	32,4	+4	+14	-	-	
СМИ	33,4	27,3	35,2	29,5	29,8	26,7	26,9	29,5	31,6	+2	+7	-2	-5	
Общественной палате области****	-	-	-	25,4	28,3	25,6	25,9	27,6	30,9	+3	+12	-	-	
Профсоюзам	28,4	26,5	35,9	25,6	33,3	29,7	28,4	31,8	30,6	-1	-4	+2	+8	
Общественным организациям****	-	-	32,6	26,5	28,1	24,9	24,7	28,5	29,4	+1	+3	-	-	
Директорам, руководителям предприятий	19,6	21,5	30,5	25,1	25,1	20,5	21,2	24,4	24,7	0	+1	+5	+26	
Банковским, предпринимательским кругам	12,4	17,6	26,6	21,3	20,7	17,6	18,9	22,8	23,9	+1	+5	+12	+93	
Политическим партиям, движениям	10,7	17,4	26,8	20,9	22,3	19,7	18,7	20,0	21,7	+2	+9	+11	+103	
Динамика количества положительных и отрицательных изменений (из 21 института), %										14 / 3		14 / 2		

Формулировка вопроса «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти» (варианты ответа «полностью доверяю» и «в основном доверяю»). Вопрос задаётся с 2000 г. В таблице представлены среднегодовые данные за 2000, 2004, 2008, 2012, 2018 гг. (годы президентских выборов), а также среднегодовые данные за период IV президентского срока В.В. Путина.

* 2020 г. – год начала пандемии коронавируса.

** 2022 г. – год начала специальной военной операции на территории Украины.

*** Вариант ответа фигурирует в опросе с 2006 г.

**** Вариант ответа фигурирует в опросе с 2010 г.

***** Вариант ответа фигурирует в опросе с 2018 г.

На фоне СВО в среднем за 2022 год доля людей, доверяющих Президенту РФ, увеличилась на 13% (на 7 п. п., с 49 до 56%).

При этом возрос уровень доверия всем институтам власти: Правительство РФ – на 14% (на 6 п. п., с 40 до 46%); Совету Федерации – на 15% (на 5 п. п., с 30 до 35%); Государственной Думе – на 13% (на 4 п. п., с 29 до 33%); руководству области – на 8% (на 3 п. п., с 36 до 39%).

Ни по одному из основных общественных институтов и институтов, представляющих «силовой блок» (полиция, армия и т. д.), в среднем за 2022 год уровень доверия также не снизился.

Мониторинг ключевых решений, принятых Президентом РФ (21 декабря 2022 г. – 21 февраля 2023 г.).⁴⁵

28 декабря 2022 г. – в законодательство внесены изменения, запрещающие иноагентам службу в органах прокуратуры.
28 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Устанавливаются особенности исчисления и уплаты некоторых налогов и сборов на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.
28 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Федеральным законом повышаются размеры пенсий неработающих пенсионеров. С 1 января 2023 года средний размер пенсий неработающих пенсионеров составил 21 054 рубля.
29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства”». Предусматривается необходимость согласования с уполномоченным органом сделок по установлению иностранным инвестором контроля над хозяйственным обществом, имеющим лицензию и (или) иные разрешительные документы на осуществление видов деятельности, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также устанавливается порядок получения таких лицензий и (или) иных разрешительных документов хозяйственным обществом, находящимся под контролем иностранного инвестора.
29 декабря 2022 г. – внесено изменение в Указ о применении в целях обеспечения безопасности России специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности. Указ предполагает установление повышенных ставок вывозных и (или) ввозных таможенных пошлин в отношении продукции и (или) сырья, вывозимых за пределы территории Российской Федерации и (или) ввозимых на территорию Российской Федерации, согласно перечням, определяемым Правительством Российской Федерации.
29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 239 и 3301 Уголовного кодекса Российской Федерации». Предусматривается усиление уголовной ответственности за создание деструктивных организаций (в том числе признанных иностранными агентами), деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами и иным причинением вреда их здоровью, с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей. Уголовно наказуемыми признаются уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах, и нарушение порядка деятельности иностранного агента при условии, что за аналогичные деяния лицо привлекалось к административной ответственности дважды в течение года.
29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационном технологиях и о защите информации”». Устанавливается запрет для отдельных юридических лиц в предусмотренных Федеральным законом случаях на использование принадлежащих иностранным юридическим лицам и (или) иностранным гражданам информационным системам и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения. Федеральным законом устанавливаются отдельные запреты и обязанности для владельцев сервисов размещения объявлений.

⁴⁵ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга управленческих решений органов власти, который мы начали в статье «Грудная дорога после рубикона» (журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». 2022. Т. 15. № 3. С. 29–32).

Продолжение вкладки 3

<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Совершение любого преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии признаётся обстоятельством, отягчающим наказание. Уголовный кодекс Российской Федерации дополняется статьями, устанавливающими повышенную ответственность за такие деяния, как содействие диверсионной деятельности (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение диверсии, вооружение или подготовка лица в целях совершения указанного преступления, финансирование диверсии), организация совершения и финансирование диверсии, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организация диверсионного сообщества и участие в нём. Лицам, признанным виновными в совершении указанных деяний, может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.</p>
<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “Об Общественной палате Российской Федерации”». Число представителей общественных палат субъектов Российской Федерации в Общественной палате Российской Федерации увеличено с 85 до 89 в связи с принятием в Российской Федерации Донецкую Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонской области.</p>
<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 5 и 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”». В Федеральный закон «О противодействии коррупции» вносятся изменения, наделяющие Президента Российской Федерации полномочием по определению особенностей соблюдения ограничений, запретов и требований, исполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции федеральными законами.</p>
<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”». Вносятся изменения, предусматривающие включение в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Росфинмониторинг осуществляет обязательный контроль над их операциями с денежными средствами или иным имуществом.</p>
<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Вносятся изменения, согласно которым суд обязан приостановить судебное производство в случае участия гражданина в боевых действиях, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооружённые силы Российской Федерации, а также в случае выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения. Кроме того, в федеральные законы «Об исполнительном производстве», «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооружённые силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вносятся изменения, предусматривающие приостановление исполнительного производства в отношении соответствующих категорий лиц. При этом банк или иная кредитная организация приостанавливает исполнение требований о взыскании денежных средств указанных лиц, направленных на возврат задолженности по кредитному договору.</p>
<p>29 декабря 2022 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 38 Федерального закона “О приватизации государственного и муниципального имущества”». Изменения направлены на совершенствование правового регулирования вопросов, связанных с принятием Правительством Российской Федерации решений об использовании специального права («золотой акции») в отношении акционерных обществ, не включённых в перечень стратегических акционерных обществ, утверждённый Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», но имеющих стратегически важное значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства.</p>

Продолжение вкладки 3

<p>29 декабря 2022 г. — Федеральный закон «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О приватизации государственного и муниципального имущества”». В законодательство внесено изменение, упрощающее порядок передачи вооружения для гособоронзаказа. Предусматривается упрощение порядка передачи федеральными органами исполнительной власти российским организациям для выполнения государственного оборонного заказа, создания вооружения и иных целей, определяемых законодательством Российской Федерации, вооружения, боеприпасов к нему, военной и специальной техники, запасных частей, комплектующих изделий и приборов к ним, взрывчатых веществ, средств взрывания, порохов, всех видов ракетного топлива, а также специальных материалов и специального оборудования для их производства, специального снаряжения личного состава военизированных организаций, нормативно-технической продукции на их производство и эксплуатацию.</p>
<p>29 декабря 2022 г. — Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Уточняются положения Кодекса, предусматривающие административную ответственность за распространение в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях информации об иностранных агентах (за исключением информации, размещаемой в единых государственных реестрах и государственных информационных системах, предусмотренных законодательством Российской Федерации) либо производимых ими материалов без указания на статус иностранного агента, а также за организацию деятельности некоммерческой организации, включённой в реестр иностранных агентов, в отношении которой принято решение о приостановлении её деятельности, либо участие в такой деятельности.</p>
<p>29 декабря 2022 г. — Подписан закон, разрешающий транспортным компаниям из ЕАЭС заниматься внутрироссийскими грузоперевозками.</p>
<p>29 декабря 2022 г. — Федеральный закон «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации” и статьи 1 и 17 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”». Устанавливается, что в прокатном удостоверении на фильм должны содержаться сведения о запрете распространения фильма среди детей в случаях, если фильм содержит информацию, запрещённую для распространения среди детей, или сведения об ограничении распространения фильма среди детей определённых возрастных категорий в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Предусматривается, что действие Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не распространяется на отношения в сфере оборота произведений литературы, изучение которых предусматривается федеральными государственными стандартами и федеральными основными общеобразовательными программами, а также в сфере распространения Библии, Корана, Танаха и Ганджура.</p>
<p>29 декабря 2022 г. — Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О наркотических средствах и психотропных веществах”». Законодательно разрешено использование без лицензии в воинских частях наркотических средств в медицинских целях.</p>
<p>29 декабря 2022 г. — Федеральный закон «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”». Вносятся изменения, касающиеся реализации программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и упрощения процедуры приостановления действия государственной аккредитации образовательной деятельности. Также устанавливаются особые права при приёме на обучение в высшие учебные заведения по программам бакалавриата и специалитета для Героев Российской Федерации, лиц, награждённых тремя орденами Мужества, детей принимавших участие в специальной военной операции на территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, военнослужащих и их детей, лиц, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооружённые силы Российской Федерации, и др.</p>

Продолжение вкладки 3

<p>30 декабря 2022 г. – внесены изменения в Указ о единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооружённых силах. Размер единовременной денежной выплаты – 195 тыс. руб.</p>
<p>31 декабря 2022 г. – Указ «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим и лицам, имеющим специальные звания полиции, проходящим военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей». В случае гибели военнослужащего членам семьи осуществляется единовременная выплата в размере 5 млн рублей. В случае полученного увечья (ранение, травма, контузия) военнослужащему предусматривается единовременная выплата в размере 3 млн рублей. В выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях военнослужащим засчитывается один день выполнения задач за два дня; время непрерывного нахождения на излечении в медицинских организациях в случае получения увечья (ранения, травмы, контузии) при выполнении задач из расчета один месяц военной службы (службы) за два месяца.</p>
<p>25 января 2023 г. – Указ № 808 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г». Изменения, в частности, содержат следующие новые положения:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ «Основной общероссийской идентичности является исторически сложившаяся система российских духовно-нравственных ценностей, объединяющая культуры многонационального народа Российской Федерации»; ✓ «Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации»; ✓ «Основные цели государственной культурной политики – формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития».
<p>17 февраля 2023 г. – подписан ряд законов, связанных с регулированием правовых отношений в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ закон об особенностях правового регулирования отношений в сфере здравоохранения; ✓ закон, устанавливающий особенности пенсионного обеспечения граждан; ✓ закон, устанавливающий порядок предоставления мер защиты гражданам; ✓ закон об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки; ✓ закон, устанавливающий особенности осуществления выплат по обязательному социальному страхованию граждан.
<p>17 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменения в статью 22 Федерального закона “О стратегическом планировании в Российской Федерации”». Устанавливается, что прогноз научно-технологического развития Российской Федерации разрабатывается на основе решений Президента Российской Федерации с учётом данных, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академией наук. Координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации обеспечивает Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации утверждается Президентом Российской Федерации по представлению Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Порядок разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации.</p>
<p>17 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 211 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 244 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Вносится изменение, в соответствии с которым немедленному исполнению подлежат решения суда о включении гражданина Российской Федерации в список избирателей, участников референдума.</p>

Окончание вкладки 3

<p>17 февраля 2023 г. — распоряжение «О внесении изменений в распоряжение Президента Российской Федерации от 19 декабря 2022 г. № 412 “О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих и членов их семей”». В список получателей дополнительных мер социальной поддержки включены лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации.</p>	<p>21 февраля 2023 г. — Послание Президенту Федеральному Собранию РФ. Ключевые предложения главы государства:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ создать государственный фонд, его задачей станет персональная помощь семьям погибших военнослужащих в СВО; за каждой семьей должен быть закреплен персональный работник; уже в этом году фонд должен быть развернут во всех регионах России; ✓ с января следующего года вдобавок к запланированному повышению МРОТ провести еще одно — на дополнительные 10%; таким образом, МРОТ вырастет на 18,5% и составит 19242 рубля; ✓ субъекты РФ в текущем году смогут получить средства, зарезервированные на финансирование национальных проектов в 2024 году, через механизм беспроцентных казначейских кредитов; ✓ увеличить размер социального налогового вычета по расходам на обучение детей с нынешних 50 тыс. до 110 тыс. рублей в год, а по расходам на собственное обучение, а также на лечение и приобретение лекарств — со 120 до 150 тыс. рублей; ✓ предоставлять материнский капитал в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях семьям, в которых дети родились начиная с 2007 года, то есть с того момента, как эта программа начала действовать по всей России; ✓ правительству найти резервы для расширения программы выдачи жилищных сертификатов молодым ученым; ✓ вернуться к традиционной для России базовой подготовке специалистов с высшим образованием; срок обучения может составить от 4 до 6 лет; ✓ привлечение капитала в быстрорастущие высокотехнологичные бизнесы на внутреннем фондовом рынке будет поддержано налоговыми льготами как для компаний, так и для покупателей таких акций; ✓ Россия приостанавливает участие в договоре о стратегических наступательных вооружениях; как подчеркнул Президент, «не выходит из договора, а именно приостанавливает свое участие».
<p>21 февраля 2023 г. — Указ № 111 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 “О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации”». В тексте документа отмечается, что решение принято в целях «обеспечения национальных интересов России в связи с глубокими изменениями, происходящими в международных отношениях».</p> <p>Указ о мерах по реализации внешнеполитического курса был подписан 7 мая 2012 года. В нем говорилось, что внешняя политика России направлена на обеспечение ее национальных интересов на основе принципов прагматизма, открытости и многовекторности. В частности, в соответствии с указом МИД РФ федеральным органам власти было поручено укреплять позиции России как равноправного партнера на мировых рынках, твердо отстаивать центральную роль ООН в мировых делах, активно задействовать различные формы многосторонней дипломатии, включая БРИКС, G20 и Шанхайскую организацию сотрудничества. Также внешнеполитический курс РФ был направлен на содействие международным усилиям по противодействию глобальным вызовам и угрозам, включая опасность распространения оружия массового уничтожения, международный терроризм и региональные конфликты.</p>	

Но, как отметил сам Президент во время своей первой инаугурации 7 мая 2000 г., **«в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране»⁴⁶**.

И в этом смысле для ресурса общественного доверия государству, власти существует «слабое место», поскольку **легитимность любой власти определяется прежде всего тем, насколько публичная риторика её представителей не расходится с конкретными делами.**

Дело в том, что отдельные представители управленческой вертикали рядом своих решений, видимых для широких слоев населения (через СМИ, социальные сети, личный опыт), противоречат целям России в глобальном конфликте с Западом и таким образом дискредитируют самих себя, демонстрируя свое нежелание соответствовать контурам нового Общественного договора, формирующегося в стране. И, что не менее важно, дискредитируют всю систему государственного управления, показывая, что находятся попросту «не на своем месте», причем зачастую на важном месте, требующем принятия быстрых и конкретных управленческих решений для реализации поставленных Президентом задач.

Конкретные примеры управленческих решений и действий чиновников, которые представляют собой иногда **«невероятно опасную раздвоенность»**, иногда — целенаправленную **«разрушительную работу»**, а порой являются **«верхом цинизма и бесчеловечности»** и таким образом **«дискредитируют власть»**, **«подрывают доверие к государству»**, создают условия для

«внутреннего протеста в обществе», представлены во *вкладке 4*.

«В современной России та часть элиты, которая исторически сформировалась как сословие преферентной торговли и “большого хапка”, остаётся такой и поныне и не замотивирована на пронациональные перемены.

Значительная часть представителей российского бизнеса стремится покинуть Россию, реструктурировать свои компании с учётом наложенных на РФ санкций, спасти или вывести свои активы за рубеж. **Парализована и значительная часть чиновничества»⁴⁷**.

Например, в своих авторских программах «Бесогон» кинорежиссер Н. Михалков, занимающий активную государственную позицию, регулярно ставит вопрос о противоречивых и неоднозначных высказываниях пресс-секретаря Президента РФ Д. Пескова (в частности, по поводу покинувших страну россиян), а также о «разрушительной работе..., подспудного провокационного навязывания идеи расчленения России», которую проводит Ельцин Центр. За последние 17 выпусков (начиная с экстренного выпуска от 5 марта 2022 г., который стал первым после начала СВО) Михалков обращался к прямым цитатам Д. Пескова 5 раз⁴⁸; к деятельности Ельцин Центра — 3 раза⁴⁹, но пока что в реальной жизни ничего не изменилось.

⁴⁶ Церемония вступления Владимира Путина в должность Президента России 7 мая 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21410>

⁴⁷ Лепехин В. Власть, элита и народ. От мобилизации к модернизации // Информационный ресурс «ЦентрАзия». 20.02.2023. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1676868480>

⁴⁸ Выпуски:

1. «Эффект Титаника» (15.04.2022);
2. «Бывает ли ярость благородной?» (29.04.2022);
3. «Давос и ныне там» (04.06.2022);
4. «Вой среди чужих» (11.11.2022);
5. «Жены маркиза Карабаса» (10.02.2023).

⁴⁹ Выпуски:

1. «Давос и ныне там» (04.06.2022);
2. «Кровавая вольность Европы» (24.06.2022);
3. «Жены маркиза Карабаса» (10.02.2023).

Некоторые примеры управленческих решений и действий элит, противоречащих политике Президента и основной повестке общественного мнения после начала СВО

1. Выпуск программы «Бесогон» от 10 февраля 2023 г.:

✓ **«Мы опять не знаем с кого спрашивать. Эта раздвоенность в обществе невероятно опасна. С одной стороны, по поводу уехавших деятелей культуры, шоу-бизнеса и т. д., вот что мы слышим с трибуны Государственной Думы: «Для большинства отъехавших звезд Россия — это не Родина, а кормовая база. Значит надо методично отключать источники питания» (Председатель комитета Государственной Думы РФ по культуре Е. Ямполская). С другой стороны, вот мнение пресс-секретаря Д.С. Пескова: «Они все наши граждане, все в равной степени. И у всех могли быть разные причины для того, чтобы уехать. Но тот, кто не скатился на стезю действительно вражеского отношения к нашей стране — это наши граждане, за которых нам надо бороться».**

✓ **«Насколько мы готовы противостоять всему этому, если мы не можем даже набивший оскомину Ельцин Центр лишить того разрушительного влияния, которым он пользуется. Мы об этом говорили много лет, включая ужасный мультимедиа, в котором показывают детям где все бездарно, все кроваво, все лживо в России, кроме того времени, когда появился первый президент России Б. Ельцин... Не только мы, вообще звучит этот внутренний протест в обществе, что от Ельцин Центра исходит русофобия и призывы так или иначе к расчленению нашей страны».**

2. «Следователями ИСУ ГУ МВД России по г. Москве окончено предварительное расследование уголовного дела в отношении бывшего заместителя министра просвещения Российской Федерации М. Раковой, ректора ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук» С. Зуева, а также бывших сотрудников «Фонда новых форм развития образования» Е. Зака, М. Инкина и других лиц. Они обвиняются в совершении пяти эпизодов мошенничества в особо крупном размере. В ходе расследования собраны доказательства, подтверждающие вину фигурантов в инкриминируемых им преступных деяниях. Одновременно с этим появилась информация о трудоустройстве М. Раковой в Агентство стратегических инициатив (АСИ) — структуру, созданную Правительством РФ. АСИ возглавляют член президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам С. Чулиева, спецпредставитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Д. Песков, сын руководителя АП РФ А. Вайно. Якобы Ракова официально принята на должность советника гендиректора АСИ ещё 13 декабря прошлого года, ежемесячная зарплата якобы в три раза больше зарплат депутата Госдумы».

Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов: «Решение о назначении на должность советника директора АСИ экс-замминистра просвещения М. Раковой после обвинений в системном многомиллионном хищении бюджетных средств в составе группы не просто позорно. Одно такое решение дискредитирует власть, у людей создаётся устойчивое ощущение, что борьба с коррупцией в России свернулась, о чём постоянно вещают западные эксперты. А когда ей ещё и зарплату кладут, как 10 бойцам в зоне СВО, это переходит все мыслимо-немыслимые пределы...».

<p>Редактор журнала «Арсенал Отечества» Алексей Леонков: «Руководители АСИ имеют как минимум второй допуск к гостайне. Как, впрочем, и их советники. Его по определению не может иметь подследственная девушка Марина Ракова. Это не объяснить никак и никому из глубинного государства. От слова „сосизмена“»⁵⁰.</p> <p>Н. Михалков: «Разве такое решение АСИ не подрывает доверие к государству, к власти? Особенно если мы знаем, что Наблюдательный совет этой организации возглавляет Президент России. Но самое пикантное, что фигурантом по делу госпожи Раковой проходил В. Мау – ректор РАНХиГС при Президенте РФ, то есть это один из ведущих вузов, который куёт кадры для управления нашей страной»⁵¹.</p>	<p>3. «Следователями столичного управления пресечена преступная деятельность транснациональной группировки, которая, только по предварительным данным, вывела за рубеж свыше 1 трлн руб. В состав ОПС кроме граждан России входили и граждане Украины... Используя ключи «Банк-клиент» фиктивных компаний, участники осуществляли незаконный оборот финансов непосредственно на территории Украины и Кипра... Действовали преступники около десяти лет, живучесть их незаконного бизнеса, к сожалению, объяснялась довольно просто: наличием покровителей среди сотрудников правоохранительных органов, ФНС и работников банковской сферы. ОПС имело высокоструктурированное, организованное иерархичное строение, высокотехническое обеспечение, высокую степень конспирации. Одним из покровителей ОПС был полковник Дмитрий Захарченко (за преступления коррупционной направленности приговорен к 16 годам строгого режима, его активы, оцененные в 10 млрд руб., конфискованы)... Всего в теневом бизнесе участвовало несколько сот человек, роль каждого была четко регламентирована... В общей сложности группировка контролировала более полутора тысячи юридических лиц и предпринимателей. Был у злоумышленников и свой банк – «Новое время». Используя его и целый ряд криминальных схем, фигуранты, по подсчетам следствия, обналичили или вывели за границу более 1 трлн руб., получив преступный доход в размере 32 млрд руб... на сегодняшний день в бюджет Российской Федерации возвращено около 3 млрд руб.»⁵².</p>	<p>4. В начале января 2023 г. в сети появился видеоролик с отдыха депутата Курской областной думы М. Васильева в Мексике. Секретарь генсовета «Единой России» А. Турчак назвал данное видео неуместным на фоне того, как «вся страна работает на фронт, помогает семьям мобилизованных и погибших бойцов», а «жители приграничной Курской области подвергаются обстрелам». С. Турчак отметил: «Верх цинизма и бесчеловечности. Ни Родины, ни флага. Ни чести, ни достоинства. Ни мозгов»⁵³. 24 января 2023 г. М. Васильев сложил полномочия заместителя председателя комитета областного парламента по бюджету, налогам и экономическому развитию.</p>
--	--	---

⁵⁰ Иванов А. Ракова, обвиняемая в хищении 50 млн из бюджета, трудоустроена в Агентство стратегических инициатив. URL: https://zavtra.ru/events/takova_obvinyaemaya_v_hishenii_50_millionov_trudoustroilas_v_agenstvo_strategicheskikh_initiativ

⁵¹ Михалков Н. «Бесогон ТВ». Выпуск № 217 «Жены маркиза Карабаса» (10.02.2023). URL: <https://besogontv.ru/videos/zhyeny-markiza-karabasa/>

⁵² Дмитрий Захарченко приоткрыл «Портал» для следствия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772247>

⁵³ Что за скандал с курским депутатом, записавшим поздравление из Мексики? // Аргументы и факты. 10.01.2023. URL: https://aif.ru/politics/world/chto_zha_s_kandal_s_kurskim_deputatom_zapisavshim_pozdravlenie_iz_meksiki

Окончание вкладки 4

Похожая история произошла с депутатом Законодательного собрания Вологодской области Д. Долженко, который 6 января опубликовал видео со своего отдыха в Дубае. Как отметил губернатор Вологодской области О. Кувшинников, «иногда вседозволенность чиновников и народных избраников переходит все границы... Когда земляки рискуют жизнью и с оружием в руках защищают интересы нашей страны, кто-то считает для себя позволительным, как и прежде, беззаботно ездить в отпуск на люксовые курорты и сообщать об этом в соцсетях... общественный запрос на справедливость. С чиновников и депутатов он в стократ жестче, чем с блогеров и прочих селебрити. Удивительно, что за годы депутатства Денис Евгеньевич этого так и не понял. В таких непростых условиях председатель комитета ЗСО по экономической политике и собственности, с поста регионального координатора партийного проекта «Зеленая экономика», а также исключен из числа сторонников партии решением президиума Генсовета «Единой России»».

5. «В конце 2022 года Владимир Путин подписал закон о запрете пропаганды извращений. 10 января стало известно о первом деле, возбуждённом по новой статье о пропаганде ЛГБТ в отношении скандального издательства *Rorsott Books*, которое выпустило тот самый педофильский роман „Лето в пионерском галстукѣ“, его продолжение „О чём молчит ласточка“ и множество других извращенческих „шедевров“ ...

Владелец Rorsott Books Денис Котов (президент АНО „Сотворение“, совладелец Объединённой розничной сети „Читай-город – Буквоед“) ... вошёл в обновлённый состав Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации. Соответствующий приказ подписала министр культуры Ольга Любимова... «выходит, человек, чьими стараниями разворачивается русская молодёжь, человек, отработывающий идеологические нарративы нашего геополитического противника, будет „советовать“ Министерству культуры, как государству следует корректировать гуманитарную политику. Это ли не нонсенс?».

«Проблема заключается как раз в том, что общественные советы создаются кулуарно, без привлечения общества. А ведь совет потому и называется общественным, что должен представлять интересы общества. Мне было бы интересно знать, интересы какого общества представляет издатель Денис Котов. Также мне интересно знать критерии, по которым дѣйствительно членство в Общественном совете при Минкультуре, — сказала в беседе с NEWS.ru председатель Комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Нина Останина. Писатель, экс-председатель Общественного совета при Минкультуре Юрий Поляков считает, что «единственным способом исправить ситуацию является кадровая революция в Минкультуре. Без перестановок дело с места не сдвинется»⁵⁴.

⁵⁴ Губернатор Вологодской области отреагировал на скандал с депутатом ЗСО Денисом Долженко // Информационное агентство Вологда-Регион. 10.01.2023. URL: <https://volgdatregion.ru/news/2023/1/10/gubernator-vologodskoy-oblasti-otreagiroval-na-skandal-s-deputatom-zso-denisom-dolzhenko>

⁵⁵ Иванов А. Фигурант дела об ЛГБТ-пропаганде вошёл в совет Министерства культуры РФ. URL: https://zavtra.ru/events/figurant_dela_ob_lgbt-propagande_vshoyu_v_sovet_ministerstva_kul_turi_rf

Подобные факты говорят о том, что многие чиновники по-прежнему надеются на то, чтобы «хоть в каком-то виде вернуть всё как было... Такие настроения существуют и в бизнес-элите, и среди чиновников (особенно бенефициаров коррупционной ренты)»⁵⁶. Но, как отмечают эксперты, «чтобы быть адекватным современному миру и, самое главное, чтобы послужить России, надо стараться даже в нынешних трудных и сложных обстоятельствах делать **нравственный выбор... единственный способ достойной жизни – это жить в соответствии с принципами социальной справедливости**»⁵⁷.

Социальная справедливость является краеугольным камнем, сплачивающим российское общество. Потребность в ней на протяжении уже многих лет испытывает большинство граждан. За последние 7 лет (с 2015 по 2022 год) доля людей, считающих современное российское общество несправедливым, увеличилась на 9 п. п. (с 51 до 60%), причем в большинстве (в 13 из 14) социально-демографических категорий населения (вкладка 5; табл. 2).

Не случайно именно справедливость (фактически как **индикатор эффективности государственного управления**) вошла в перечень тра-

диционных российских ценностей, которые **законодательно** закреплены Президентом РФ в ноябре 2022 года и являются «основой российского общества», «нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение граждан России»⁵⁸. Но сделать этот принцип доминирующим среди чиновников на всех уровнях власти – задача сложная, рассчитанная на многолетнюю перспективу. И, чтобы приступить к её реальному решению, прежде всего необходимо достичь победы в СВО.

«К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, **справедливость**, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»⁵⁹.

Таблица 2. Категории населения, в которых увеличилось ощущение несправедливости общества за период с 2015 по 2022 год, %*

Группа категорий населения	Категории населения
Категории, в которых увеличилось ощущение несправедливости общества на 20% и больше	1. Мужчины 2. Лица в возрасте до 30 лет 3. Люди со средним и неполным средним образованием 4. 20% наименее обеспеченных 5. Жители районов
Категории, в которых увеличилось ощущение несправедливости общества на 11–19%	1. Женщины 2. Лица в возрасте 30–55 лет 3. Люди со средним специальным образованием 4. 60% среднеобеспеченных
Категории, в которых увеличилось ощущение несправедливости общества на 10% и меньше	1. Лица старше 55 лет 2. Люди с высшим и незаконченным высшим образованием 3. 20% наиболее обеспеченных 4. Жители г. Вологды
Итого: 13 категорий населения	
* Подробные данные представлены во вкладке 5.	

⁵⁶ Чадаев А. Страх победы и надежда на поражение. О настроениях значительной части российской элиты // Царьград. 24.01.2023. URL: https://tsargrad.tv/experts/strah-pobedy-i-nadezhda-na-porazhenie_710246

⁵⁷ Фурсов А. Как выжить в XXI веке // Официальный сайт Изборского клуба. URL: <https://izborsk-club.ru/23754>

⁵⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁵⁹ Там же.

Вкладка 5

Как Вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?*
(вариант ответа «скорее несправедливо»; данные Волнц РАН, % от числа опрошенных)

Категория населения	Среднегодовые данные										Изменение (+/-), 2022 г. к...	
	2015	2016	2018	2019	2020	2021	2022	2021 г.		2015 г.		
								п. п.	%	п. п.	%	
	Пол											
Мужской	49,4	59,2	59,7	59,9	59,9	62,3	60,2	-2	-3	+11	+22	
Женский	52,3	55,8	61,6	58,4	56,5	58,5	59,7	+1	+2	+7	+14	
	Возраст											
до 30 лет	43,8	53,5	55,5	57,6	55,7	59,6	59,9	0	+1	+16	+37	
30–55 лет	51,2	57,9	62,2	59,7	59,8	61,2	60,6	-1	-1	+9	+18	
старше 55 лет	55,0	58,7	61,2	59,0	56,7	59,3	59,1	0	0	+4	+7	
	Образование											
Среднее и н/среднее	45,1	52,9	63,7	58,9	60,3	61,3	62,9	+2	+3	+18	+39	
Среднее специальное	51,0	57,8	58,5	57,0	53,8	58,1	57,1	-1	-2	+6	+12	
Высшее и н/высшее	56,7	61,9	60,5	62,0	61,0	62,1	60,0	-2	-3	+3	+6	
	Доходные группы											
20% наименее обеспеченных	42,1	47,1	56,5	53,6	52,2	51,0	60,6	+10	+19	+19	+44	
60% среднеобеспеченных	54,8	59,1	62,5	62,2	57,9	63,5	60,7	-3	-4	+6	+11	
20% наиболее обеспеченных	53,3	63,5	58,4	57,4	61,3	61,4	54,1	-7	-12	+1	+2	
	Территория											
Вологда	56,5	64,8	64,5	64,3	62,8	64,4	62,2	-2	-3	+6	+10	
Череповец	68,5	68,9	73,0	70,8	69,6	69,0	67,4	-2	-2	-1	-2	
Районы	37,7	46,4	51,4	49,3	48,4	52,7	54,3	+2	+3	+16	+44	
Область	51,0	57,3	60,7	59,1	58,0	60,2	59,9	0	0	+9	+17	
Динамика количества положительных и отрицательных изменений (из 14 категорий), %												
								8 / 5				

* Вопрос задается с 2015 г. В 2017 г. вопрос не задавался.

За период с 2015 по 2022 год во всех основных социально-демографических категориях населения (за исключением жителей г. Череповца) увеличилась доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо. Особенно среди тех, кто по самооценкам доходов относится к категории 20% наименее обеспеченных слоев населения (на 44%; или на 19 п. п., с 42 до 61%); людей со средним и неполным средним образованием (на 39%; или на 18 п. п., с 45 до 63%); жителей районов (на 44%; или на 16 п. п., с 38 до 54%); а также лиц в возрасте до 30 лет (на 37%; или на 16 п. п., с 44 до 60%).

Таким образом, как показывают данные, представленные во *вкладке 5*, с 2015 года почти во всех основных слоях населения увеличивается доля людей, которые считают современное российское общество несправедливым, **а если общество не видит от государства справедливости, точнее, видит «справедливость не для всех», легитимность (доверие) власти оказывается под угрозой.**

«Мы провозглашаем, что боремся за справедливость, а в нашем обществе такой большой дефицит ее, что волосы встают дыбом. Мы говорим о честности и чистоте, и наши герои, наши люди, наша церковь, наша история, наша идентичность действительно воплощают в себе честность и чистоту, но наш правящий класс вообще никак не соответствует этим критериям...

Мы видим президента, который бьется чуть ли не в одиночку, есть группа людей, которые политически его поддерживают, есть народ, готовый подниматься и пробуждаться на спасение России. Но огромная удушающая волна инерции не позволяет нам прийти в себя»⁶⁰.

Поэтому в новом Общественном договоре должен быть заложен защитный механизм, который максимально ограждает государственность от управленческих кадров, ставящих свои личные интересы выше интересов национальной безопасности и национального развития. **Для того чтобы не утратить ресурс общественного доверия, необходимо сделать так, чтобы люди четко осознавали, в каком направлении мы идем, какое государство строим.** А этого не сделать без соответствующей нацеленности руководящих кадров. Как отмечают эксперты, **«задача по модернизации кадровой политики является нынче сверхактуальной»**⁶¹.

С такой постановкой и актуальностью задачи «кадровой революции сверху» сложно не согласиться: «...нам необходима не только крепкая, сильная, могучая, мощная, современная армия... **нам нужно совсем другое государство**»⁶². Государство, в котором все элементы властвующей иерархии нацелены на реализацию национальных интересов и в котором реальное поведение чиновников не расходится с задачами, формулируемыми Президентом.

«...главная задача сейчас заключается в том, как осуществить кадровую замену, то есть, как всё-таки отодвинуть от власти элитные кланы и планомерно заменить некомпетентных чиновников или агентов влияния Запада на компетентных и патриотически настроенных профессионалов... Существующая клановая элита в России **добровольно не трансформируема, эволюционно не преобразуема**... вопросы неэффективности системы управления обществом могут быть мирно решены **кадровой революцией сверху** (т. е. новой кадровой политикой) с последующей за ней политической реформой...

Если Путин захочет и будет действовать умно и хитро, решительно и последовательно, то он вполне может приструнить все олигархические кланы, причём без сноса всей властной системы»⁶³.

Продолжать «валять дурака» и в мирное время — недопустимо, поскольку тормозит процесс национального развития и усугубляет внутреннюю ситуацию в стране. Но в сегодняшних условиях, когда идет «война уже не гибридная, а почти настоящая»⁶⁴, это просто неприемлемо, потому что создает угрозу для самого существования России.

⁶⁰ Дугин А. К 2023-му мы подошли, балансируя на грани бездны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.01.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23744>

⁶¹ Папаиани Ф. Трансформация элит // Официальный сайт Изборского клуба. 02.02.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23813>

⁶² Дугин А. К 2023-му мы подошли, балансируя на грани бездны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.01.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23744>

⁶³ Папаиани Ф. Трансформация элит // Официальный сайт Изборского клуба. 02.02.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23813>

⁶⁴ Переговоры с главой МИД ЮАР Наледи Пандор 23 января 2023 г. URL: <https://ria.ru/20230123/rossiya-1846778090.html>

Как отмечают эксперты, «нельзя воевать наполовину... Когда мы воюем наполовину, а не полностью, мы проигрываем. Мы выигрываем по-настоящему только отечественные войны, когда включается весь народ, все государство, когда все для фронта, все для победы, когда нет ни одного элемента в государстве, в обществе, не включенного в систему борьбы на победу»⁶⁵. **Только при этих условиях может быть одержана победа. И только после победы можно будет говорить о реальном формировании в России нового Общественного договора.**

Пожалуй, можно согласиться с одним из экспертных мнений, выраженных российским социологом, политологом, директором Института изучения проблем развития Евразийского экономического союза В.А. Лепехиным, как с

концентрированной оценкой преобладающих в обществе социальных настроений: «Каков же выход? И в чём мы видим гарантии победы России в очередном столкновении с Западом и серьёзными системными проблемами внутри страны?.. Если попытаться выстроить алгоритм этого выхода, то он должен выглядеть так: «От мобилизации элит — к экономической модернизации, и от неё — к солидарному государству»... Глава государства в современной России может быть субъектом позитивных перемен. Собственно, именно этого — мудрых и эффективных решений — и ждёт от президента России большинство граждан страны. Но будут ли проведены жёсткая чистка элит, смена экономической модели, и когда это произойдёт — мы пока не знаем»⁶⁶.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The President Called on the Officials of All Levels to “Stop Fooling Around”

Abstract. February 2023 marks one year since the beginning of the special military operation (February 24, 2022). February 21, 2023, Russian President Vladimir Putin delivered his annual address to the Federal Assembly. The head of state noted: “This is not only a time of challenges but also a time of opportunities... And our future depends on the way we realize these opportunities. We must put an end — and I want to emphasize this — to all interagency conflicts, red tape, grievances, doublespeak, or any other nonsense. Everything we do must contribute to achieving our goals and delivering results. This is what we must strive to achieve”... And here the President is certainly right, since the principle of “everything must contribute to achieving our goals and delivering results” is hindered by the activities and managerial decisions of individual representatives of bureaucracy who are unable or unwilling to comply with the new conditions in which the country found itself after the start of the special military operation. In the article, we carry on analyzing the situation in Russia, key steps taken by the President in the face of increasing threats to national security, trends in public opinion and individual facts of real life that contradict the dominant

⁶⁵ Дугин А. К 2023-му мы подошли, балансируя на грани бездны // Официальный сайт Изборского клуба. 10.01.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23744>

⁶⁶ Лепехин В. Власть, элита и народ. От мобилизации к модернизации // Информационный ресурс «ЦентрАзия». 20.02.2023. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1676868480>

national-patriotic trend of social sentiment and the tasks set by the President after February 24, 2022. The information base for our research includes assessments by experts from various fields, results of monitoring sociological surveys, and public speeches of the head of state since 2000. One of our main conclusions is that the future of Russia, the real formation of a new Social Contract, which is possible only after Russia's victory in the special military operation and which consists in building a sovereign social state based on traditional spiritual and moral values and the principle of social justice, should begin with the mobilization of elites, elimination of “contradictions, formalities and other nonsense”; and the head of state can and should be the initiator of this process.

Key words: President of the Russian Federation, special military operation, public opinion, new Social Contract, 2024 presidential election.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Логика противостояния цивилизационных полюсов

**Виктор Александрович
ВОЛКОНСКИЙ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: volk-econom@rambler.ru

Аннотация. В статье предлагается концептуальная схема исторического развития в виде последовательности *переломов*, связанных со сменой смысловой, идеологической структуры, определяющих доминирующие установки субъектов исторической деятельности. Временные промежутки между последовательными переломами — это *эпохи* относительной *стабильности* системы идеологических установок. Современная эпоха началась с исторического перелома, наступившего в конце XIX — начале XX столетия, сменив эпоху классического капитализма XV—XIX веков. Доминирующая смысловая структура современной эпохи определяется цивилизационным противостоянием стран Запада и группы ведущих незападных стран. В XX веке главным идеологическим противоречием этого более многоаспектного противостояния была борьба социализма и капитализма. Однако в начале XXI века противостояние западных и незападных стран трансформировалось в борьбу между сторонниками однополярного и сторонниками многополярного мира. Время от времени цивилизационное противостояние переживает периоды экстремального обострения (например, Первая и Вторая мировые войны), но затем создаются условия для периода «разрядки напряженности». Важнейшим фактором исторической динамики служат процессы во властвующей элите Запада, связанные с необходимостью поддержания доминирующей в этой части мира идеологии превосходства. В статье описаны черты экономических и политических процессов, которые могут приводить к возникновению и акселерации обострений в международных отношениях. Это тенденция утраты лидерства Западом на фоне бескомпромиссной борьбы с претендентами на новое лидерство, масштабные и во многом

Для цитирования: Волконский В.А. (2023). Логика противостояния цивилизационных полюсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 35–54. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.2

For citation: Volkonsky V.A. (2023). The logic of withstanding between civilizational poles. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 35–54. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.2

успешные попытки манипулирования общественным сознанием через средства массовой информации и систему образования, формирование теневых центров власти в западных странах, угроза активизации неонацистских организаций.

Ключевые слова: исторический перелом, эпоха стабильности, историческое развитие, противостояние, Запад, незападные страны, идеология.

Движущие силы истории. Исторические переломы

Факторы и движущие силы исторического развития будем классифицировать, разделяя их на четыре группы: 1) духовно-идеологические (смысловые); 2) информационно-технологические; 3) социально-экономические; 4) институциональные. Наиболее инерционными можно считать факторы первой группы. Основные черты доминирующего в обществе мировоззрения и структуры смысловых установок сохраняются в течение длительных исторических периодов (столетий или даже тысячелетий) и в некоторой степени способствуют стабилизации факторов других групп. Постепенно накапливающиеся сравнительно небольшие изменения факторов всех групп (включая и первую группу) приводят к радикальной перемене в фундаментальной духовно-мировоззренческой структуре. Это стимулирует более радикальные перемены в других группах факторов и в целом воспринимается потомками как исторический *перелом*.

Таковыми переломами в Западной Европе были распространение христианства и переход от Средневековья к Новому времени и капитализму. Принятие христианства означало смену установки в максимальной степени соответствовать традиционным, объективно заданным нормам поведения и ограничениям нравственности на бесконечное совершенствование человека в его стремлении приблизиться к Богу.

Временной промежуток между переломами характеризуется сравнительно стабильной системой духовно-идеологических установок субъектов истории. Назовем такие промежутки *эпохами стабильности* смысловых установок. Эта стабильность вовсе не означает отсутствия предельных и даже «запредельных» событий, таких как войны, на протяжении эпохи. Речь идет только о сохранении, несмотря на эти тяжелые события, смысловой структуры, которая определяет данную эпоху.

Для чего нужна новая модель структурирования истории? Она заставляет больше внима-

ния уделять сложившимся или быстро меняющимся духовно-смысловым факторам. Их роль часто недооценивается, но в современном мире они все чаще оказываются ключевыми для понимания исторических событий.

В настоящее время актуален следующий вопрос. Неужели действительно, как заявляют некоторые западные идеологи, нынешнее социально-политическое обострение противостояния России и Китая коллективному Западу может разрешиться, вообще окончиться только разрушением одной из сторон? Из концепции, предлагаемой в статье, следует, что более вероятен переход (в том или ином политико-идеологическом оформлении) в фазу «мирного сосуществования» режимов (скорее всего, с продолжением идеологической борьбы и, возможно, локальных «горячих» войн).

Можно сформулировать следующую «методологическую гипотезу». Момент или период исторического перелома характеризуется тем, что следующая за ним линия исторического развития не определяется однозначно предшествующим историческим движением. Даже позднейшие историки часто замечают, что имелись достаточно вероятные альтернативные результаты конфликтов и путей развития. В такие периоды перед элитарными властвующими группами (а также и перед отдельными членами общества) обычно открывается несколько альтернативных возможностей, из которых они могут выбирать. Группировки, предвидящие перелом, заранее готовят условия для реализации своей альтернативы.

В эпохи стабильности реальная возможность выбора касается только второстепенных вопросов или таких, где тот или иной выбор скажется только очень нескоро. Решение важнейших вопросов (даже таких, как развязывание войны) оказывается почти однозначно предопределенным объективными процессами и сложившейся структурой духовных и институциональных факторов. «Ошибки» властвующей группировки одной из стран в выборе

«единственно правильного» курса политики, «предопределенного для данной эпохи», могут ухудшить ситуацию для данной страны, но не изменят общей конфигурации главных факторов, определяющей облик эпохи. Это логика истории. Для России главной «ошибкой» в 1991 году была фактическая потеря суверенитета. Разве не может появиться сильная личность, способная изменить ход истории? Может, но в эпоху стабилизации это очень маловероятное событие. В следующих разделах эти положения будут проиллюстрированы при разборе тенденций современной эпохи.

Перелом европейской истории в XV–XVII веках характеризуется переходом от концентрации внимания на внутренней, духовной жизни человека, от установки в смысловой сфере на созерцательность к радикальной активизации и ценности прагматического действия. Высшие смыслы оказываются отодвинутыми на вторые роли. Важнейшим результатом перелома в целевой сфере стало доминирование капиталистической установки на личное, индивидуальное обогащение и победу в финансово-экономической конкуренции. Причина этого исторического перелома – сочетание таких факторов, как появление за счет экономико-технологического развития и осознание возможностей получения сверхвысокой рентабельности вложений (в сотни и даже тысячи процентов) в «особых секторах», возможностей получения высокоэффективных технологий за счет научно-интеллектуальной деятельности¹, а также великих географических открытий (Балацкий, 2021).

В результате географических открытий европейская цивилизация столкнулась с народами цивилизаций Америки и Африки, стоящими на более низких ступенях развития. И это позволило европейцам не только получить огромные богатства за счет природных ресурсов и эксплуатации рабочей силы этих территорий, но поверить в свое несомненное превосходство. Это оказало воздействие на развитие культуры и всей ментальности западноевропейских народов, сходное с воздействием **импринтинга** на индивидуальную психику животных (фиксация

¹ Такая фантастическая прибыльность имеется в определенных секторах и в настоящее время. Примеры приведены в работе (Балацкий, Екимова, 2020).

в памяти некоторых отличительных признаков объектов и актов поведения). Менее убедительная, но похожая ситуация возникла при столкновениях народа и армии древней Римской империи с варварскими народами, пришедшими из Азии. Этот социально-психологический феномен, возможно, объясняет широкое распространение в странах Западной Европы расистских идеологий, а временами и серьезное влияние их на социально-политические процессы².

Создание капиталистической системы в странах Западной Европы и затем в Северной Америке оказало мощное воздействие на активизацию исторического развития в первую очередь этих стран, но и человечества в целом. Была создана система колониальной и полуколониальной зависимости и эксплуатации народов незападных стран. В результате страны западной цивилизации стали на длительный срок мировым лидером и даже гегемоном, что поддерживало и укрепляло доминирующую у них идеологию глобального лидерства («импринтинг превосходства»).

Ядром идеологической и институциональной системы эпохи Модерна стала система смысловых установок и институтов капитализма. Надличностные смыслы и ценности, не связанные с установкой на накопление капитала или препятствующие развитию свободной рыночной конкуренции (религиозные учения, ценность государства и национальных традиций), были отодвинуты на вторые роли. Наоборот, ценности антигосударственного либерализма, индивидуалистические, личностные смыслы бытия были выдвинуты на высший уровень. Право частной собственности стало «священным», права и свободы человека (личности, а не организации, не социальной страты) стали основой идеологии общества. Экономика оказалась главнее политики и идеологии. Период становления и развития капиталистических форм общественной жизни в XV–XIX столетиях естественно называть эпохой капитализма.

² Можно выдвинуть предположение, что народы Западной Европы в большей степени готовы к принятию разделяющих идеологий, чем, например, народы России, которые склонны к принятию объединяющих идеологий (см. следующий раздел).

Исторический перелом начала XX века. До эпохи капитализма постоянные связи и взаимодействия (экономические и культурные) между различными цивилизациями были очень слабыми или небольшими по меркам исторического времени. В основном они возникали в периоды войны между государствами или переселения народов.

В эпоху капитализма основные процессы, определяющие развитие человечества, происходили внутри группы стран западной цивилизации. Главными противоречиями, определяющими историческое развитие в этот период, являлись взаимодействия (сотрудничество и противостояние) между классами. Остальные страны оказывали слабое воздействие на эти процессы. Они либо не были связаны с этим развитием, либо играли подчиненную роль колоний или полукolonий, получая определяющее влияние от стран Запада.

Однако в настоящее время становится все более ясным, что смысловая и институциональная структура капитализма перестала быть безраздельно доминирующей в системе движущих сил истории. На первые места выдвигаются геополитические факторы – политико-идеологические и экономические факторы противостояния западных и незападных стран. Можно ли считать эти перемены очередным историческим переломом, который открывает эпоху с новой более или менее стабильной структурой доминирующих ценностей и смыслов?

При капитализме цели и движение человека определялись рамками заданного общественного устройства, той «окружающей среды», которая не в его власти. Поведение большинства людей определялось их *личностной* смысловой установкой: для капиталистов – на накопление капитала, для рабочих и крестьян – на повышение своего уровня жизни. *Надличностные* жизненные смыслы давала религия. Она в определенном смысле выполняла роль «окружающей среды» в духовном пространстве. После периода Модерна и Просвещения религиозные жизненные смыслы стали активно замещаться культурными и социально-политическими ценностями и смыслами. Выявилась необходимость и возможность изменять основы этой «окружающей среды» в сфере устройства общества и сути самого человека, его природы. В конце XIX – начале XX века перемены в

духовно-идеологической сфере достигли интенсивности перелома. В качестве примеров можно привести футуризм в изобразительном искусстве, а в философии – ницшеанство.

Октябрьская революция 1917 года в России показала и дала возможность осознать в качестве главного направления этих перемен политическое, а также необходимость замены на первых местах духовно-идеологической иерархии смысловых установок *личностных* установками *надличностными*, объединяющими огромные сообщества (страну, весь мир). Конечно, это относится в большей степени к элитам, а не к массам, которые только на сравнительно короткие промежутки времени вовлекаются в героические и трагические рывки и войны элит³.

В результате колоссального прогресса технологий и возможностей производства при капитализме произошли перемены в системе потребностей человека и общества. На первые места по приоритетности и остроте, наряду с физиологическими, потребностью в комфортных условиях жизни, выдвигаются потребности в безопасности и идентификации себя с большим и устойчивым сообществом. По терминологии Абрахама Маслоу (Маслоу, 2002), это дефицитарные потребности. Политические факторы становятся не менее, а даже более значимыми движущими силами истории, чем экономические.

Уже в период империализма на высший уровень в системе смыслов наряду с личностной установкой на накопление капитала поднимаются ценности идентификации себя и своей компании с той или другой из крупнейших стран Запада и с ее государственной организацией. Все больше представителей рабочего класса и интеллигенции идентифицируют себя с сообществом строителей коммунизма. Это происходит как в западных, так и в незападных странах. Однако в России с образованием мощного социалистического государства надличностные смыслы занимают безальтернативно первое место.

В западной историографии значительное число сторонников имеет концепция, согласно

³ Джованни Арриги (Арриги, 2006), определяя тот слой общественно-экономической жизни, к которому относится его конструкция циклов накопления капитала, пишет, что это «изучение капитала „у себя дома“, на верхнем этаже дома торговли».

которой главными событиями, переломившими ход истории, стали развязывание Германией Первой мировой войны (пракатастрофа XX столетия) и поражение в ней⁴. Большинство немецких историков согласны с утверждением о преемственности экспансионистской политики Германии перед Первой и Второй мировыми войнами (и о единстве внешней и внутренней политики). Декларируется наличие причинно-следственных связей между развязыванием Первой мировой войны и поражением Германии, ноябрьской революцией 1918 года, нестабильностью времен Веймарской республики, приходом к власти нацистов и развязыванием Второй мировой войны. Кроме того, Первая мировая помогла большевикам прийти к власти в России. Следовательно, она в какой-то степени послужила причиной холодной войны и развала СССР (Залесский, 2022, с. 323–324).

Следует констатировать, что цели германской элиты, с которыми готовилась Первая мировая война, и ее представления об устройстве Европы в послевоенную эпоху в определенном виде реализовались во второй половине XX века. Эти представления длительное время развивались в концепции «Срединной Европы». Их суть изложена в секретной записке, представленной канцлером в правительство 9 сентября 1914 г. (через месяц после начала войны). Это создание срединно-европейского экономического объединения, близкого по составу и содержанию к современному Европейскому союзу, при следующем циничном добавлении: «Эта ассоциация не будет иметь верховной конституции, внешне все ее члены будут равны, но на самом деле руководящая роль будет у Германии» (Залесский, 2022, с. 8–9).

В конце XX века необходимость и неизбежность «переломных» событий осознавалась и элитой Британской империи. В ее духовно-интеллектуальном пространстве происходили события, может быть, более важные, чем подготовка Германии к европейской войне, — началось формирование идеологии глобальной империи. В 1891 году в Лондоне было создано закрытое общество, наиболее известным из основателей которого являлся Сесил Родс. Он считал себя и вообще британский правящий класс наследниками великих империй Алексан-

дра Македонского, персидских царей, Наполеона и ставил целью распространение британского владычества во всем мире, «колонизацию британцами всех земель, где средства к существованию можно приобретать энергией, трудом и предприимчивостью» (Фурсов, 2022).

Социальное неравенство — важнейший элемент британского культурного кода. В то же время неравенство — главный источник классовой борьбы при капитализме. Для С. Родса необходимо было оградить империю от классовой гражданской войны в первую очередь в ее ядре, в Британии. Решение задачи обеспечивает колониализм: он ведет к идеологическому, смысловому и институциональному «замещению» неравенства социально-экономического на неравенство этническое, цивилизационное, расовое.

Простые англичане из низов могут чувствовать себя аристократами по отношению к низшим расам. Идея избранности, легитимного господства вводится в либеральную идеологию Запада (провозгласив немецкий народ расой господ, Гитлер во многом оказался учеником британцев).

Судьбоносными событиями переломного периода, определившими эпоху после перелома, стали социалистическая революция и создание СССР. В лидирующем сообществе стран западной цивилизации возникает потребность ответа (response) на этот вызов (challenge) незападного мира. Таким ответом становится утверждение в Италии фашизма и затем в Германии национал-социализма (*нацизма*). Несмотря на некоторые черты подобия политико-идеологических структур нацизма и *раннего социализма — сталинизма* (в основном в системе институтов)⁵, эти политико-идеологические системы радикально различаются как по целям, так и по средствам реализации. Во второй половине XX века продолжилось противостояние западных стран со странами, строящими социализм, в форме холодной войны. Идеологическое противостояние со стороны незападных стран шло под лозунгом борьбы за социализм против капитализма, а со стороны Запада — за либерализм и демократию против диктатуры и тоталитаризма.

⁴ Подробное описание в (Залесский, 2022).

⁵ Позднее западные идеологи использовали это подобие для дискредитации советского социализма.

Исторический опыт столетий (или даже тысячелетий) на Западе подготовил почву для формирования «разделяющих» теорий и идеологий, *идеологий превосходства*, поднимающих на приоритетный уровень ценность и роль своего сообщества (страны, народа) и требующих подчинения или подавления для остальных. Не исключаются методы насилия. В России и Китае приоритетными являются «объединяющие» теории и идеологии. Считается необходимым понять культуру народа, с которым идет взаимодействие, учитывать его интересы. Цель — сотрудничество и взаимная помощь во имя общих интересов (Волконский, 2017). Создатель футуризма итальянец Филиппо Томазо Маринетти в «Футуристическом манифесте» (напечатан на первой странице парижской «Фигаро», 20 февраля 1909 г.) восхваляет войну: «Это единственная гигиена мира, только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освобождения». Никто из русских поэтов не воспевал войну как самостоятельную ценность.

Капитализм, заставляющий всех субъектов (от индивидов до государств) участвовать в рыночной конкуренции, — типичный разделяющий смысловой комплекс. Идеология социализма, требующая политики сотрудничества, равенства и справедливости в социальных и экономических отношениях, — типичная объединяющая идеология.

Смысловое ядро новой исторической эпохи — *противостояние западной и незападных цивилизаций*, или сторонников однополярного мира (ОПМ) и сторонников многополярного мира (МПМ). Противоборство универсальных смысловых комплексов, базирующихся на западной разделяющей идеологии капитализма и на «восточной» идеологии социализма (каждая со своей институциональной системой), в XX столетии было формой противостояния западной и незападных цивилизаций.

В 1990-е годы появились две книги, очень содержательные и важные для нашего исследования: Джованни Арриги «Долгий двадцатый век» (Арриги, 2006) и Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (Хантингтон, 2019). Арриги структурирует исторический процесс капиталистической эпохи как последова-

тельную смену циклов накопления капитала, сопровождаемую сменой геоэкономических и геополитических центров (национальных государств или империй). Почему главный фактор структуризации — накопление капитала? При капитализме именно концентрация капитала в ведущих странах Западной Европы и затем Америки и его экспансия были основной движущей силой и источником великих достижений человечества.

Арриги считает создание и сохранение капиталистической системы главным условием современных и будущих успехов исторического развития. Попытка в России, Китае, Вьетнаме создать общественно-экономический строй, отличный от капитализма, его мало интересует. На последних страницах книги, рассматривая «три возможных выхода из кризиса американского режима накопления», он каждый раз приходит к неизбежности «конца капиталистической истории». В крайнем случае капиталистическая история продолжится, но уже не будет современной общественно-экономической системы, обеспечивающей «расширенное воспроизводство капиталистической страты» в обществе. Развитие придется начинать сначала. В условиях растущего числа признаков ослабления Европы и США отсутствие оптимизма вполне естественно.

Однако в основе опубликованной в 1995 году почти одновременно с работой Арриги книги С. Хантингтона лежит гораздо более широкий взгляд на движущие силы истории. Согласно концепции Арриги, мировой центр капитала обязательно защищает (вынужден обеспечивать) свое доминирующее положение от других претендентов на положение лидера (или гегемона). Гегемон заинтересован в экономическом росте своих сателлитов. Но кто-то из них может стать угрозой для его лидирующего положения (которое дает преимущества с точки зрения накопления капитала). Тогда гегемон использует широкий арсенал средств воздействия, чтобы ограничить развитие успешного сателлита. Арриги подробно обсуждает, какие экономические и политические средства (вплоть до военных) могли использовать США в 1980-е годы, чтобы затормозить развитие Японии и других стран Юго-Восточной Азии.

Рассмотрение современных мировых проблем с точки зрения теории цивилизаций является неизмеримо более плодотворным, чем концепция Арриги о неизбежности концентрации мировой экономической и политической власти в едином центре. Концепция Арриги сохраняет свое значение благодаря тому, что сейчас коллективный Запад и его центр США сохраняют реальную власть и доминирование своей идеологии в большей части мира. Необходимо заметить, что Хантингтон приписывал установку на обязательное мировое доминирование единого центра именно западной цивилизации (Хантингтон, 2019).

После разрушения СССР и социалистического лагеря только немногие незападные страны официально декларируют свою политическую систему как ориентированную на социализм. Историческая значимость идеологии социализма также существенно сократилась после крушения СССР и требует обновления. Универсальная мировая идеология социализма становится действенной и эффективной, когда выступает в соединении с традиционными ценностями национальной культуры. Социализм стал многообразием идеологий с различной национальной спецификой. Необходимо модификация первоначальной идеи социализма для его сочетания с механизмами рынка и другими элементами капитализма, т. е. реализация идей конвергенции. В настоящее время капиталистические ценности и смысловые установки также перестают быть доминирующими в пространстве смыслов (Волконский, 2022).

С крушением Советского Союза создалось впечатление, что обостренное противоборство Запада с социалистическим лагерем окончилось победой Запада и мир стал однополярным (ОПМ). Доминирующая на Западе идеология либерализма была преобразована в идеологию глобализма по-американски. Но уже в начале XXI века стало очевидно, что противостояние западной и незападных цивилизаций обретает новое смысловое наполнение и обострение в форме противоборства сторонников однополярного мира (ОПМ) и сторонников многополярного мира (МПМ).

Противостояние капитализма и социализма, которое было главным идеологическим

противоречием в XX столетии, можно рассматривать как первый этап противостояния западной цивилизации и ряда незападных цивилизационных полюсов. Однако ценности и смыслы социализма входят в качестве важной части в «цивилизационные коды» большинства незападных стран, стремящихся освободиться от диктата западного центра (Волконский, 2021). Поэтому цивилизационное противостояние ОПМ – МПМ в определенном смысле есть продолжение противостояния «капитализм – социализм». В статье мы будем рассматривать XX век как первый этап более продолжительной эпохи, идеологическим, или более широко – ментальным, стержнем которой является противостояние цивилизаций.

Правомерно ли говорить о новом историческом переломе в начале XXI века? Крушение Советского Союза, конечно, изменило структуру взаимоотношений между цивилизациями. Но противостояние ОПМ – МПМ осталось главным в смысловом, идеологическом пространстве. Просто наступил период «разрядки напряженности». Для Запада открытое нагнетание новой напряженности в отношениях с Россией или новые попытки раскола властвующей элиты Китая были связаны с очевидным риском. Значительная часть властвующих слоев России и Китая в тот момент была настроена прозападно, но открытое внешнее давление могло превратить ее во враждебную Западу (что и случилось несколько позже). Необходим был период «строительства ОПМ» путем ослабления второстепенных центров сопротивления, таких как страны Ближнего Востока, Югославия.

Однако уже в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности Владимир Путин заявил, что однополярный миропорядок с безусловной гегемонией Запада «изжил себя», наступает МПМ, в котором Россия равноправна Западу. С государственным переворотом на Украине в 2014 году, пандемией COVID-19 и приходом демократов к власти в США в 2020 году стало резко нарастать политическое и идеологическое давление Запада (в первую очередь США) на Россию и Китай, что привело к стремительному обострению противостояния.

Современная ситуация, конечно, отличается от ситуации XX столетия – хотя бы тем, что политическая структура предыдущего столетия

была фактически бинарной. Сейчас западные страны фактически управляются из одного центра — «коллективного Запада». У стран Незапада нет общего центра управления. Но общая цель противостояния Западу ведет к быстрому укреплению экономических взаимосвязей и межгосударственных коалиций, что приближает ситуацию к бинарной структуре. В работе (Балацкий, 2022) отмечается такой важный факт: после введения в 2022 году в отношении России беспрецедентных международных санкций со стороны коллективного Запада образовался Незападный альянс исламского Ирана, синского Китая и православной России. Этому не помешали глубокие духовно-идеологические различия.

Период пандемии COVID-19 и затем обострение, связанное со специальной военной операцией России, многими западными политологами рассматриваются как некий порог, начало движения к новому миру. Действительно, с этим обострением выявились такие феномены в отношениях между странами и народами, которые не наблюдались в течение многих десятилетий. Это объединение, даже сплочение элитарных слоев стран Запада и ориентированных на западный центр — объединение на основе тотальной русофобии; вызывающее удивление практически полное отсутствие протестов в Западной Европе против неонацизма в структурах власти и общества на Украине. И это в Европе, пережившей период гитлеровского нацизма, ставшего по существу катастрофой для ее великого гуманистического развития. Не только рядовые политологи, но и политические деятели и идеологи, формирующие повестку дня западного сообщества, стали выступать с предсказаниями и призывами, предрекающими наступление в ближайшие годы Нового порядка. Об этом пишет, например, бессменный куратор Давосского форума Клаус Шваб (Шваб, Маллере, 2020). Всемирный экономический форум в Давосе изменил тему этого года с нейтрально-дружественной на алармистскую: «История в переломный момент: государственная политика и бизнес-стратегии». На Западе и в России появляются публикации, описывающие будущее, которое возникнет в результате «окончательной» победы одной из сторон столкновения цивилизаций.

Нынешняя ситуация похожа на ситуацию исторического перелома. Однако при этом не выявилось ни одного смыслового, политико-идеологического начала или феномена, который не имел бы прототипа в предшествующем столетии. Нынешнее обострение политико-экономического и информационно-идеологического противоборства западных и незападных стран не обязательно считать новым историческим переломом. Все идеологические и институциональные аспекты современного противоборства являются оживлением или эскалацией идей и институтов, возникших уже в XX веке. Это не формирование новой смысловой структуры, а возвращение к привычной. Целесообразно рассмотреть такое историческое развитие, когда нынешнее обострение тем или иным способом перейдет, например, в фазу холодной войны. Нужно быть готовым к ситуации, когда создадутся условия для такого перехода. Необходима модель, концептуальная схема эпохи цивилизационного противостояния, представляющая собой чередование периодов, подобных нынешнему обострению на грани «большой войны», и периодов относительно мирного сосуществования Запада и незападных цивилизационных полюсов, подобных «периоду разрядки» 1970-х годов (с продолжением холодной, информационно-идеологической войны и эпизодически возникающих локальных горячих войн).

Важнейшим источником переходов от периодов «разрядки напряженности» к геополитическому обострению и снова к «мирному сосуществованию» служат процессы, происходящие во властвующих элитах Запада. Укажем на простейшую логику, лежащую в основе этих процессов.

В западном сообществе при сравнительно слабой роли государств главным фактором, обеспечивающим его единство и скоординированные действия его как целого, является идеологический, смысловой комплекс. В основе этого комплекса лежит идеология превосходства — уверенность как элиты, так и большинства граждан в лидирующей роли западных стран в историческом развитии и привилегированном положении их граждан по параметрам качества жизни в сравнении с незападными странами (в начале статьи говорилось про

социально-психологический «импринтинг» в результате капиталистического рывка).

В начале XXI века стала очевидной тенденция экономического и политического усиления крупнейших незападных цивилизационных полюсов и ослабления Запада, утраты им лидирующих позиций во многих аспектах. Восстановление и поддержание лидерства становится для западного сообщества не просто естественным стремлением к выигрышу в межцивилизационной конкуренции, а вопросом сохранения его дееспособности как целого и преодоления духовного кризиса.

Упомянутый выше Арриги, описывая циклы накопления капитала, считает неизбежной концентрацию как экономической, так и политической власти в руках одного государства-лидера. После Второй мировой войны таким лидером в группе западных стран стали США. Неизбежную единственность лидера поддерживает и Хантингтон («стержневое государство») (Хантингтон, 2019). Однако он имеет в виду лидерство в рамках одной цивилизации. Тем не менее взаимоотношения лидеров разных цивилизаций совсем не обязательно сводятся к «игре на исключение». Сейчас это актуально, поскольку во множестве незападных стран, противостоящих «коллективному Западу», имеется настоятельная потребность в идеологическом и политическом единстве, но при этом не проявляется борьба за место единого лидера, а тем более гегемона. Ничему не противоречит, например, концепция сотрудничества России и Китая в формировании общей стратегии для сообщества сторонников МПМ и ее реализации. Сотрудничества, в котором при решении экономических проблем определяющая роль отведена Китаю, а в вопросах геополитических и военных — России.

Раскол в элите США связан не с вопросом о необходимости их мирового лидерства. Различие двух частей элиты (близких по численности и влиятельности) касается вопроса, как понимать лидерство. Одна часть считает приоритетными целевыми показателями восстановление устойчивого первенства страны по уровню экономического, технологического, научного развития (и решать в первую очередь следует внутренние проблемы). Другая часть главной целью называет поддержание геополитиче-

ской гегемонии, способность подчинить своим установкам структуры власти и ключевые решения по возможности всех остальных государств планеты (супер-глобализм). С первым из этих направлений ассоциируют установку Дональда Трампа, со вторым — Барака Обамы и более агрессивную установку Джозефа Байдена. Переход от периода «разрядки» к нынешнему обострению противостояния ОПМ — МПМ связан в основном с болезненным осознанием западной элитой утраты цивилизационного лидерства. Когда и чем закончится этот период обострения, в значительной мере будет определяться политико-идеологическими процессами в странах Запада.

Крупнейшие незападные страны по многим аспектам остаются догоняющими. Здесь большую роль играет государство. Целевые установки его и патриотической части элиты связаны в первую очередь с повышением экономического, технологического, культурно-образовательного уровня и уровня жизни населения. Эти страны вынуждены участвовать в гибридных войнах для обеспечения своей безопасности. Но они и их патриотические элиты заинтересованы в окончании периода обострения и создании взаимовыгодных отношений между всеми странами и их коалициями. Следующие разделы статьи посвящены более подробному описанию проблем, определяющих взаимодействие цивилизационных полюсов.

Тенденция утраты лидерства Западом. Важный фактор, оказывающий серьезное влияние на политическую и идеологическую ситуацию в мире, — ослабление Запада, отчетливо проявляющееся в течение обоих десятилетий XXI столетия. США теряют лидерство то в одном, то в другом аспекте общественной жизни. Устойчивой тенденцией выступает сокращение доли Запада как в численности населения планеты, так и в мировой экономике. Китай обогнал США по объему ВВП, догоняющие страны Третьего мира давно показывают более высокие темпы экономического роста. Все больше незападных стран присоединяется к коалиции государств, где лидируют Россия и Китай. После окончания войн в Ираке и Афганистане США во многом утратили влияние на Ближнем Востоке. Для ослабления своих противников США и ЕС в качестве экономического и политиче-

ского оружия используют крупномасштабные санкции. Однако это подрывает авторитет идеологии либерализма и особенно глобализма. А в 2022 году стало очевидным, что санкции наносят больший урон самим странам Запада.

В западных союзах уже нет того политического единства, которое вынуждало большинство стран подчиняться диктату США. В элитах США и других западных стран наглядно проявился политический и идеологический раскол. Вершина, пик авторитета и лидерства Запада, веры в ОПМ по-американски, похоже, остались в прошлом. Следует заметить, что, несмотря на это, ситуация противостояния, скорее всего, сохранится на длительный период. И не только потому, что в странах Запада накоплены огромные объемы материального, информационного и человеческого капитала, но и потому, что их активный социальный слой «заряжен» устойчивой смысловой установкой, направленной на сохранение (или достижение) мирового лидерства (возможно, в результате отмеченного выше «импринтинга»).

Сейчас в средствах массовой информации появляются материалы с обсуждением прихода в руководящие органы западных стран большого числа политиков, не обладающих опытом политической работы и с недостаточным уровнем образования. Сравнивают «масштабы личности» современных и прошлых руководителей европейских стран: Бориса Джонсона — с Маргарет Тетчер, Эмануэля Макрона — с Шарлем де Голлем, Олафа Шольца — с Людвигом Эрхардом. «Ошибками» политиков в условиях необходимой смены политики публицисты объясняют явные признаки утраты Западом геополитического лидерства. Однако, как обычно бывает в истории, низкий уровень руководящих деятелей — только один из многих факторов, характеризующих общий долгосрочный исторический тренд, который определяется рядом объективных факторов. «Человеческая логика» требует отказа от политически обусловленных антироссийских санкций для предотвращения энергетического и продовольственного кризиса, для гарантий от мировой войны. Но «логика истории» оказывается сильнее.

Каждое устойчивое сообщество для обеспечения своего единства и активизации стремится укреплять и развивать доминирующую идеоло-

гию, свой доминирующий смысловой комплекс. На Западе это идеология глобализма — идея превосходства Запада, его культуры и институциональных систем, а также необходимости и благотворности их распространения на весь мир. Для поддержания способности этой идеологии выполнять объединяющую и активизирующую функции в условиях реального ослабления общество соглашается на ее все более агрессивные варианты.

Д. Трамп стал президентом США с политической установкой «сделать Америку снова великой», имея в виду решение в первую очередь внутренних проблем, которое необходимо для обеспечения лидерства страны в экономико-технологической, социальной, информационно-когнитивной областях (временно отодвинув задачу властного управления всем миром). Такая политика могла дать миру период «разрядки». Дж. Байден пришел на волне активизации наиболее агрессивной части американской элиты, «заряженной» мессианской установкой суперглобализма на мировую гегемонию *во что бы то ни стало, «любой ценой»*.

В ответ на стремление Запада к политическому и экономическому подчинению незападных стран в множестве этих стран образуются коалиции и союзы, начинает формироваться цивилизация многополярного мира и ее идеология (Волконский, 2021).

В области финансово-экономического развития также происходит процесс, связанный с ослаблением Запада, — *фрагментация* сети финансово-экономических потоков, способствующих формированию и усилению незападных полюсов многополярного мира (противников гегемонии Запада). Этот процесс, естественно, усиливает установку западных элит на обострение борьбы с их главными геополитическими противниками — Россией и Китаем. На протяжении периода «мирного сосуществования» возрастает готовность к обострению этой борьбы.

Одной из тенденций является ослабление всемирной взаимосвязанности, «переплетенности» экономико-производственных процессов, которую можно назвать *экономической деглобализацией*. Этой тенденции был посвящен доклад Жака Сапира «Всемирная торговля: между фрагментацией и реструктуризацией»,

сделанный на российско-французском семинаре в июне 2022 года⁶. Важным параметром, который отражает эту тенденцию (и является ее измерителем), служит отношение объема мировой торговли к мировому ВВП. После кризиса 2008–2010 гг. все большая доля произведенной продукции переключалась с международной торговли на внутренний рынок.

Причиной служит переход Запада (в основном США) от общей идеологической установки на максимальное расширение отношений свободного рынка к политике массового использования санкций с целью ограничения и подавления развития стран с «авторитарными» режимами. Усиливаются и укрепляются экономические связи внутри групп стран, близких по политико-идеологическим установкам. Аналогичные процессы характеризуют сеть финансово-инвестиционных потоков. Растет число *суверенных фондов* и их размеры, что отвечает увеличению стремления стран к экономическому и политическому суверенитету, независимости, самодостаточности. Идет процесс *фрагментации* сети финансово-экономических связей, процесс деглобализации. И параллельно в процессе перестройки сети увеличиваются и укрепляются связи внутри групп стран, близких по политико-идеологическим установкам, что, как правило, соответствует формированию цивилизационных полюсов, повышению их силы и устойчивости. Характерным признаком этого процесса можно считать недавно в очередной раз заявленный республиканцами призыв провести референдум в штате Техас о выходе штата из США. Он характеризует продолжение процесса культурной, идеологической, политической интеграции латиноамериканских народов и формирования латиноамериканского цивилизационного полюса.

Все это свидетельствует об общем повышении целевой значимости политических и идеологических факторов: экономические факторы чаще используются в качестве инструментов.

С точки зрения либеральных социально-политических теорий описанные процессы

⁶ Сапир Ж. (2022). Всемирная торговля: между фрагментацией и реструктуризацией. Доклад на Российско-французском симпозиуме 29 июня 2022 г. URL: <https://ecfor.ru/publication/mirovaya-torgovlya-mezhdu-fragmentatsiej-i-restrukturizatsiej/> (дата обращения 14.10.2022).

фрагментации торгово-финансовой сети заслуживают только отрицательной оценки. Однако можно привести аргументы, подвергающие сомнению такое суждение. Например, с увеличением сложности технологий и «переплетения» интересов производителей разных стран производственные цепочки создания и рыночной реализации многих видов продукции становятся непомерно длинными и подверженными высоким рискам (риски имеют не только естественную и экономическую, но и политическую природу!). Можно ожидать, что перестройка таких производственных цепочек будет приводить к их замене более короткими и, главное, более надежными.

Итак, можно указать следующие долгосрочные тенденции, свидетельствующие об ослаблении глобального доминирования цивилизации Запада:

- снижение доли западных стран в мировом ВВП;
- расширение страновых коалиций типа БРИКС и ШОС, где лидерами являются Россия и Китай;
- фрагментация глобальной сети торгово-финансовых связей между странами (деглобализация) и укрепление таких связей внутри групп стран, близких по политико-идеологическим установкам.

Проблема государства на Западе и на Востоке. Книга Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона «Узкий коридор» (Аджемоглу, Робинсон, 2021) посвящена описанию на широчайшем историческом материале и анализу взаимодействия и противоборства государства (и других групп, обладающих властью) и общества. По убеждению авторов, главной ценностью, которой удается добиться народам (не всем, но наиболее успешным) в результате трудного и противоречивого развития, является свобода – социальная, политическая, экономическая. Это состояние общества – свобода – служит главным фактором, обеспечивающим его долгосрочное научно-технологическое, экономическое, культурное развитие, рост благосостояния и т. д. Свобода – это не только отсутствие насилия и угроз насилием. Это отсутствие любого доминирования: тот, над кем доминируют, не способен делать свободный выбор. Для свободного общества необходимы закон и порядок.

В соответствии с учением Томаса Гоббса, в обществе без государства возникает «война всех против всех». Для поддержания свободы и порядка необходимо сильное государство — могучий и ужасный Левиафан. Но Левиафан может сам ограничивать свободу членов общества — это Деспотический Левиафан. По мнению авторов, положительный результат достигается только при условии активности, «мобилизованности» общества, которое должно постоянно бороться (вплоть до кровопролитных восстаний) против Деспотического Левиафана (чтобы обуздать его ненасытную волю к власти) и против доминирования любых элитных группировок. В результате такой борьбы устанавливается более или менее устойчивое равновесие между силой и властью государства, с одной стороны, и противостоящими им силой и активностью общества, с другой. Положительный результат достигается, если это равновесие находится в некотором «узком коридоре» между зонами Отсутствующего Левиафана и Деспотического Левиафана. Коридор — это зона Обузданного Левиафана.

В книге убедительно обосновывается необходимость свободы для продолжительного и разностороннего развития страны в экономической, технологической и социальной сферах. Критикуя современную модель общественного устройства в Китае под руководством Коммунистической партии, авторы пишут, что высокие темпы экономического роста и технологические достижения явились «следствием сосредоточенности [интеллектуальных и иных ресурсов] на хорошо поставленных проблемах в узких областях... Разнообразие и продолжительность инновационных процессов ... зависят не от решения существующих проблем, а от воображения и постановки и продумывания новых». Это требует нестандартного мышления, большого количества индивидуальных экспериментов с возможным нарушением правил, частых неудач и редких удач, — т. е. того, что характеризовало итальянские города-государства позднего средневековья и предпринимателей времен промышленной революции. «Можно приказывать людям работать, не покладая рук, но невозможно приказывать быть креативными» (Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 328–329).

В эпоху капитализма государству вполне успешно противостоял класс предпринимателей. Он обуздал Левиафана. В период позднего капитализма крупнейшие банки и финансово-промышленные корпорации использовали его в своих интересах как мощного цепного пса. Согласно концепции авторов книги, это не ситуация Деспотического Левиафана и не ситуация Отсутствующего Левиафана. Значит, западные страны — в зоне «узкого коридора». Однако они мало похожи на общество свободы, где отсутствует доминирование. Если бы марксисты захотели использовать терминологию данной книги, они назвали бы Левиафаном не государство, а слой крупнейших капиталистов, осуществляющих властный контроль над обществом.

В России и Китае отношения общества и государства всегда резко отличались и отличаются от отношений в западных странах. Многие историки подчеркивают, что характерная черта общественного устройства России — единство государственной власти и народа. В доминирующем мировоззрении устойчиво присутствует нормативный образ государства как представителя народа, ответственного за судьбы народа как целого и каждого члена общества (Сергейцев, Куликов и др., 2020). Естественно, и состояние равновесия между силой государства и возможностями контроля со стороны общества (узкий коридор) оказывается в ином положении, чем в странах Запада: в России государство обладает большими функциями и большей силой. Гораздо большая, чем на Западе, роль государства в общественном устройстве характерна также для Китая. В современных условиях это является преимуществом (Волконский, 2022).

Представленная в книге Т.Н. Сергейцева и его соавторов идеологическая концепция, несомненно, является ценным и плодотворным вкладом в теорию государства и его роли в историческом развитии. К сожалению, в книге почти нет исследования воздействия на государство и на состояние баланса сил государства и общества межстрановых и межкультурных взаимодействий и противостояний, которые стали важнейшими противоречиями и двигателями истории в XX–XXI столетиях.

Возникновение Советского Союза – сильного государства, «заряженного» неудержимо распространяющейся коммунистической идеологией революционной перестройки «старого мира», преобразило смысловую систему властвующих элит стран Запада. Важнейшим фактором становится геополитическое и идеологическое противостояние, которое требует срочного усиления централизованной политической власти, т. е. повышения ценности и роли государства. Потребность в сильном и эффективном централизованном управлении диктовалась также увеличивающейся сложностью производственных и социальных связей и возрастающей скоростью общественных процессов.

Это было непростой задачей в условиях доминирования идеологии либерализма, в значительной мере антигосударственной. Можно указать следующие направления развития управляющей системы Запада для ее решения. Первое – дискредитация идеологии и институциональной системы противника, Советского Союза и всего социалистического лагеря. Главное, чего удалось добиться, – это устойчивое представление у большей части населения стран Запада, что Россия была и остается очень опасным *врагом*, способным разрушить основы общественного уклада Запада и установить систему, лишаящую человека свободы. Это представление не всегда необходимо, но оно может быть легко активизировано при любом обострении, как нынешнее мгновенное распространение русофобии во всех СМИ и политических элитах.

Наличие постоянного врага помогло властвующей элите стран Запада и их управляющим структурам создать за последние 50–70 лет следующие два фактора или института, которые в значительной мере решают задачу оперативного централизованного управления:

1) монопольный контроль за ключевыми потоками информации (в СМИ и социальных сетях) и доминирующими политико-идеологическими установками (система «фабрик мысли» (think tanks)), что дает реальную возможность манипулировать общественным сознанием;

2) формирование второго, невидимого, «теневое» центра власти помимо официальных государственных структур; это оказалось

проще и эффективнее, чем усиливать контрольные и властные функции самого государства в условиях, когда общество «мобилизовано» против усиления Левиафана. Монопольная структура контроля над основными информационными потоками позволяет защитить «теневой» центр от излишнего внимания общества и исследований (Волконский, 2022). Такой центр принято называть глубинным государством. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в книге «Цена неравенства» (Стиглиц, 2015) регулярно использует понятие Верхушка, которое во многих случаях соответствует понятию «теневого» центра власти.

Проблема манипулирования общественным сознанием. Поведение человека формируется на основе того виртуального мира, мира представлений о фактах и их взаимосвязях, который сложился в его голове и который он считает отражением (плохим или хорошим) реального мира. Разные политико-идеологические сообщества строят свои идеологические комплексы и политические установки на основе одного и того же множества фактов и их взаимосвязей (или представлений о них), используя разные его подмножества. Сознательная подмена адекватного представления о факте неадекватным, не соответствующим реальности, называется ложью. Обвинение политического центра или политика в использовании лжи всегда вело к потере им доверия. Такие ситуации были редки: политики остерегались использовать ложь.

Другая ситуация возникла, когда в результате монопольного управления институтами создания и распространения информации появилась возможность эффективно ограничивать и направлять создание и распространение конкретных видов информации. Политики Запада обвиняют в централизованном контроле и ограничениях создания и распространения информации «авторитарные» режимы России и Китая, утверждая, что для западных стран характерны свобода и конкуренция. Однако такое положение если и соответствовало реальности, то только в период холодной войны в XX веке. В настоящее время проведен ряд исследований, доказывающих, что сейчас в западных странах ключевые потоки информации подчинены

монопольному управлению и централизованному контролю (Волконский, 2022). В качестве наглядного примера можно указать на предвыборную кампанию США в 2020 году. Тогда основные СМИ и соцсети с завидным единодушием и практически одновременно откликнулись на все события этой кампании – против Трампа и в пользу Байдена. Невидимый центр продемонстрировал свои возможности контроля в информационном пространстве. Правда как очищение от любой лжи перестала быть ценностью даже в информации, рассчитанной на общество собственной страны.

Важным следствием монопольного контроля западной Верхушки над информационным пространством стало убеждение ее в полной безответственности в отношениях с незападными странами, особенно с противниками. Социальные психологи используют термины «ощущение вседозволенности и безнаказанности». Невидимый центр чувствует себя свободным от любых ценностных и нравственных ограничений. В борьбе за глобальную гегемонию регулярно используются террористические и неонацистские силы. Секретные сети спецназа проводят операции по устранению непокорных лиц, по свержению неугодных правительств и подготовке иностранных военных.

Может быть, самым удивительным следствием стало все более массовое использование лжи политиками и политическими организациями, даже без серьезной заботы о мерах по сокрытию, что это ложь. Удивительно также практически полное отсутствие протестов против этого в странах Европы – странах старой высокой культуры. Устраиваются целые спектакли для создания фейков, для замены в голове западного человека представлений о фактах, почерпнутых из реальности, на такие представления, которые нужны в качестве опоры идеологической установки. В г. Краматорске украинские националисты ударили ракетой по вокзалу, чтобы «доказать», что российские военные бьют по мирному населению. В тот же день их обвинения подхватили многие ведущие западные политики. И хотя в мире fake news трудно отличить правду от лжи, в данном случае очень быстро выяснилось, что удар был нанесен ракетой Точка-У, стоящей на вооружении у Украины и давно снятой с вооружения

в России⁷. Как следствие, кампания по обвинению России в этом массовом убийстве была почти мгновенно свернута, но предъявлять обвинения Украине западные страны не стали, постаравшись замолчать эту историю.

На Украине фабрикация подобных фейков стала массовой. Однако само использование западными спецслужбами террористических актов «под чужим флагом» имеет долгую историю. Например, теперь уже хорошо изучена деятельность в 1960–70-е годы в странах Западной Европы диверсионной сети «Гладио» одного из секретных подразделений, созданных национальными спецслужбами и действовавших под контролем ЦРУ. Тогда левые правительства в европейских странах набирали популярность, возникла опасность развала НАТО. Сеть «Гладио» проводила террористические операции в рамках «стратегии повышения напряженности», ответственность за которые возлагалась на левых радикалов, таким образом, компрометируя местные левые партии и Москву. По данным одного из главных специалистов по этой теме, швейцарского исследователя Даниэля Гансера, с 1969 по 1987 год в одной Италии было совершено более 14500 «терактов под чужим флагом». Около 500 человек погибли, почти 1200 были ранены (Гансер, 2017).

На секретной базе 10-го полка спецназа США в Германии, где проходили подготовку террористы сети «Гладио», сейчас проводится подготовка украинского спецназа и создан штаб координации военной помощи Украине, в него входят 20 стран⁸.

Развитие частной инициативы в условиях свободного рынка невозможно без общей атмосферы **доверия**, лишь редко нарушаемого, – доверия между незнакомыми партнерами, доверия к структурам власти. Использование лжи как оружия касается в основном политико-идеологической сферы, причем направлено оно, как правило, против цивилизационных против-

⁷ Лавров Б., Степовой Б. «У-точечные данные»: кто нанес удар по мирным людям на вокзале Краматорска? // Известия. 08.04.2022. URL: <https://iz.ru/1317765/anton-lavrov-bogdan-stepovoi/u-tocheynye-dannye-kto-nanes-udar-po-mirnym-liudiam-na-vokzale-kramatorska> (дата обращения 14.10.2022).

⁸ Крашенинникова В. (2022). США готовятся к большой войне с Россией // Пятая газета. № 30.

ников или, по крайней мере, незападных партнеров. США нарушают любые международные соглашения и общепринятые правила, если это им необходимо. В хозяйственной и финансовой сфере доверие в определенной мере сохраняется. Однако факты экспроприации государственной собственности РФ («заморозка» валютных резервов), счетов и недвижимости российских олигархов в западных странах показывают, что теперь не сохраняются даже такие универсальные ценности, как «священное» право собственности. Как следствие, общая атмосфера доверия деградирует.

Россия и Китай заинтересованы в развитии внутреннего бизнеса, привлечении инвестиций и активных деловых людей из зарубежья (точнее, России нужно устранить все мотивы их оттока). Здесь государственная установка состоит в укреплении общей атмосферы доверия. Идеологическим оружием является правда и раскрытие лжи противников. Общепринято рассматривать США и страны Запада как наследников капитализма, а Россию и Китай — как наследников альтернативной идеологии коммунизма и социализма. Категория общей атмосферы доверия позволяет высветить возникновение в последние годы (по крайней мере, возможности возникновения) нового фактора, очень важного в условиях «гибридной войны не на жизнь, а на смерть» между Россией и Западом.

Речь идет о том, на чьей стороне в этой схватке окажется класс предпринимателей. И значение этого выбора гораздо серьезнее, чем рост или падение экономики России. Противниками в цивилизационном противостоянии являются Запад и формирующаяся цивилизация МПМ. Код новой цивилизации будет основан на взаимопонимании и сотрудничестве⁹ (Волконский, 2021). Запад с помощью масштабных политически обусловленных санкций, разделения народов на своих и чужих по национальным и культурным признакам (русофобия, наподобие расового разделения при нацистах) быстро разрушает атмосферу доверия, необходимую для деятельности предпринимателей.

Наоборот, деятельность предпринимателей, деловых людей, устанавливающих торгово-финансовые и личные связи, служит одним из главных факторов формирования и развития цивилизации МПМ.

Близкие идеи содержатся в статье российского миллиардера Рубена Варданяна¹⁰. Вот его характеристика Запада: «Западная цивилизация, кажется, сделала все, чтобы подорвать доверие как к себе, так и внутри себя на всех уровнях — к системе, к институтам, к сообществам, к людям». Важнейшей задачей он считает устранение духовно-идеологической и политической враждебности между цивилизациями (автор использует слово поляризация) и призывает к ее решению деловых людей. Необходимо отметить важную роль в ее решении, которую Варданян отводит малым народам «на перекрестках цивилизаций», которые обладают большим историческим опытом посредничества между недружественными цивилизациями (даже в условиях санкций). Они могут оказаться «в авангарде поиска путей к ослаблению поляризации». Легко понять, что речь идет о таких народах, как армяне и евреи.

Столкновение цивилизаций и опасность фашизма. В арсенале Запада имеется мощное оружие, которое наиболее агрессивные части западной элиты используют как «последний аргумент» в противоборстве цивилизаций, — это активизация фашистских движений. Западные спецслужбы имеют длительный опыт создания деструктивных экстремистских движений и придания им нужного направления развития. Последние полстолетия было принято смотреть на идеологию нацизма как на один из вариантов маргинального, умирающего смыслового комплекса, который существует только в головах немногих по тем или иным причинам оставшихся в живых деятелей гитлеровского режима. Захват власти на Украине после 2014 года организациями ультраправых националистов, практически не скрывающих использования идей и символов германского нацизма, и, что еще важнее, поддержка установленного ими режима властвующими

⁹ С.Ю. Глазьев описывает эту новую формирующуюся цивилизацию на языке смены мирохозяйственных укладов (МХУ): это будет «интегральный МХУ» (Глазьев, 2016; Глазьев, 2017).

¹⁰ Варданян Р. (2022). Новый мир: какими нам быть, чтобы в него попасть. ПМЭФ, 16 июня. URL: https://www.rbc.ru/opinions/economics/16/06/2022/62a9dc149a794748eee0119e?from=column_1

элитами США и других стран Запада, свидетельствуют, что указанный взгляд на нацизм является ошибкой.

Фашизм, неонацизм¹¹ можно назвать самой опасной идеологической угрозой для человечества. Нацизм базируется на культурно-мировоззренческих основах самой могущественной западной цивилизации, претендующей на глобальную гегемонию. И сам нацизм однажды в истории уже продемонстрировал способность мобилизовать под свою разрушительную идеологию чуть ли не всю Западную Европу.

После разгрома во Второй мировой войне нацизм не исчез. Социально-политические движения, использующие идеологические наработки и практический опыт германского нацизма, возникают и действуют почти во всех западноевропейских странах (и не только европейских). Фашистская организация – это вовсе не только политическая партия. Это сообщество, заряженное фанатичной верой в свое учение (близкой к вере сектантов в оккультные мифы) и свое предназначение. Его члены связаны сознательной дисциплиной и готовы на жертвы ради того будущего, в которое они верят. В основе этой веры лежит не только конкретный образ достижимого в обозримом будущем общественного устройства, но и защищенные от рационального анализа и сомнений идеи, отсылающие к языческим мифам и ницшеанской идее сверхчеловека.

¹¹ Необходимо заметить, что название движения «нацизм» может вводить в заблуждение, указывая на его обязательную связь с национализмом. Действительно, при зарождении национал-социализма в Германии его главной политической целью было установление господствующего положения великой германской нации в Европе и мире. Свои наиболее античеловечные черты он приобрел за счет замены этой установки на «теорию» превосходства арийской расы и практику обеспечения ее господства. Для современных вариантов неонацизма идея выделения и превосходства определенного сообщества является ключевой. Но это вовсе не обязательно нация или раса. Примером может служить наиболее радикальная неонацистская организация на Украине – «азовское движение». «Неважно, кто ты – еврей, русский, венгр или поляк, – если ты принимаешь идею строительства ... “нации господ”, хочешь повелевать на том пространстве, которое останется после разрушения русской цивилизации, то ты – свой» (Инклюзивный фашизм. Как специалисты из США готовили полк «Азов». Беседа с координатором движения «Русский Союз» Алексеем Кочетковым // Завтра. 2022. № 29).

Классик психологической науки Карл Густав Юнг одним из первых постарался объяснить массовое изменение психологического состояния большого сообщества при нацизме через психологию индивида. В работе 1946 года (см. издание Юнг, 1997) он объясняет феномен фашизма неким универсальным архетипом, связанным с первобытным инстинктом, насилием и жестокостью. Это архетип, «спящий» в бессознательном каждого индивида. Тяжелая ситуация, в которой оказалось общество после поражения в войне, общая атмосфера морального упадка привели к пробуждению этого «первобытного инстинкта». Позже более развернутое объяснение роли психологических механизмов на основе постулатов психоанализа дал Эрик Фромм (Fromm, 1977).

Отличие фашистов от оккультной секты состоит в том, что идеология, которая лежит в основе их веры, не противоречит значительной части современных научных знаний, позволяет им использовать огромный арсенал современных технологий. В гитлеровской Германии очень много инженеров и ученых были членами НСДРП и эффективно работали «во славу 3-го Рейха». Именно сочетание фанатичной квазирелигиозной целевой установки и современных научно-технологических инструментов достижения целей делает фашизм особенно опасным.

Но изучение социально-психологических процессов возникновения и развития сект (их в США больше тысячи) дало возможность западным спецслужбам накопить опыт по отбору и направлению развития деструктивных групп и организаций неонацистского типа. «Научно-инженерные» методы социально-психологических исследований позволяют способствовать принятию человеком (определенного психологического типа личности, подросткового возраста) идеологических установок фашизма как своего главного жизненного смысла. По свидетельству Алексея Кочеткова, координатора движения «Русский Союз», автора книги о движении «Азов» (Кочетков 2022), полк «Азов» и потом социально-политическое движение «Азов» были созданы в значительной мере в результате руководства (и финансирования) со стороны ЦРУ и других западных спецслужб. Спецслужбы и центры власти Запада надеются,

что они всегда будут способны не только создавать это «оружие», но и направлять его в нужную им сторону.

Возможности вовлечения значительных контингентов в нацистское движение — результат высокой привлекательности (для ряда психологических типов) его идеологии и того социального статуса, который получает его участник. Сознание *выделенности и превосходства* всех членов фашистской «касты» по отношению к остальным людям (а внутри движения — выделенности его главного духовно-идеологического ядра — типа организации СС в гитлеровском нацизме) придает участникам организации ощущение жизненного смысла и помогает преодолеть «духовный вакуум», в котором оказался человек эпохи позднего капитализма. Роль идеи о сверхценности дает фашистам свободу от общепринятых правовых и моральных норм и ограничений по отношению к не-фашистам (а если надо, и к своим соратникам), обосновывая *вседозволенность и безнаказанность*. В частности, это относится к широкому применению *насилия* для достижения целей движения. Для создания страха в обществе перед фашистскими организациями и «расчеловечивания» психики самих фашистов (особенно подростков) поощряется предельная жестокость, делается привычным применение пыток. Имеются свидетельства, что азовцы применяют даже более изощренные изуверства, чем гитлеровцы¹².

Как могло случиться, что эта античеловеческая идеология оказалась привлекательной для значительной части высококультурного слоя немецкого народа? Объяснением могут служить следующие факторы. При создании национал-социалистической партии в 1920-е годы ее идеология резко отличалась от идеологии партии и германского государства после прихода Гитлера к власти, когда в основу идеологии были положены расовая теория и антисемитизм, и основанная на ней политика стала осуществляться на практике. Именно расизм и основанная на

нем политика в первую очередь ответственны за те чудовищные преступления, которые связаны с нацизмом. Скорее всего, в период этого 12-летия культурные и образованные люди если и становились членами НСДРП, то вовсе не потому, что разделяли ее принципы.

Изначально национал-социализм — наследник вполне конструктивных и плодотворных идеологий социализма и национализма. Многие члены национал-социалистической партии и большая часть поддерживающих ее граждан (так же как фашисты Италии) разделяли некоторые установки социализма и считали буржуазию враждебным классом. Это был не антикапитализм слева, как в марксизме, а антикапитализм справа. Правый антикапитализм исходил из того, что интернациональная природа капитала препятствует реализации национальной идеи и суверенитета государства.

В XVIII–XIX столетиях Германия была одним из лидеров в сфере литературы и философии. Но в отличие от Англии и Франции, где сложились единые буржуазные нации с мощными суверенными государствами, Германия оставалась страной с феодальной раздробленностью, состоящей из более трех десятков герцогств, княжеств, свободных городов. Александр Дугин подробно описывает (Дугин, 2020), как «единая германская нация» с суверенным государством формировалась сначала в качестве идеологического концепта романтиков и философов, насыщалась героической пассионарной энергией, переосмыслилась из чисто рациональной конструкции буржуазной нации в идеологию «революционного национализма». Эта идеология могла стать основой эффективной политической системы. Но поражение Германии в Первой мировой войне, унижительный Версальский договор, Великая депрессия 30-х годов создали условия для прихода к власти нацистов, которые преобразовали эту идеологию, привнеся туда расизм, и использовали ее для своих экстремистских целей.

Пока, кажется, нет достаточно проработанного ответа на вопрос, почему в странах Запада, хорошо знакомых с нацизмом по временам гитлеризма и последующих десятилетий, не возникает протест против его современного возрождения на Украине, его активизации в ряде

¹² Инклюзивный фашизм. Как специалисты из США готовили полк «Азов». Беседа с координатором движения «Русский Союз» Алексеем Кочетковым // Завтра. 2022. № 29.

других стран и поддержки структурами власти в Европе и США? Объяснением (конечно, далеко не полным) может служить следующее обстоятельство. Те черты нацизма, которые были указаны выше как факторы его привлекательности, являются экстремальным (или запредельным) продолжением ключевых черт доминирующей в западной цивилизации идеологии превосходства. Политика западных властей и СМИ «не замечать», не обращать внимания и даже поддерживать развитие неонацистских движений — это один из видов практики «переступания» через любые барьеры и правила во имя сохранения своего превосходства. А информацию о том, что фашисты переступают любые «экстремальные пределы», удастся не допустить в широкое обсуждение.

Следует признать, что недостатки цивилизации есть продолжение ее достоинств. Западные политики считают главной угрозой, исходящей от «авторитарных» России и Китая, чрезмерное усиление государства в этих странах, которое угрожает уничтожением либеральных свобод и прав личности. Российские патриоты считали и считают важнейшей задачей совершенствование государства, которое должно не препятствовать, а стимулировать и поддерживать расширение свободной инициативы граждан и самих государственных служащих.

Заключение

На рубеже XIX–XX столетий боролись за новое будущее, за перспективу несколько

политико-идеологических сил, в частности германская элита (за объединение континентальной Европы при ее руководящей роли), Британия (за глобальную роль Британской империи). Однако главным результатом переломного периода, периода войны и революций стало образование мощного социалистического государства — СССР. В дальнейшем ключевые события в основном происходили в соответствии с причинно-следственной логикой. Страны западной цивилизации были вынуждены дать ответ на вызов незападной России (Советского Союза). Их главное оружие (и инструмент объединения) — поддержание своего лидерства, формирование идеологии превосходства и постоянная экономическая и политическая экспансия для накопления капитала. Запад стремится к контролю и подчинению незападных стран, элиты незападных стран — к освобождению от этого подчинения. Межцивилизационное противостояние Запад — Незапад становится главным фактором, определяющим духовно-идеологический образ эпохи. Запад постепенно утрачивает лидерство и вынужден идти на обострения, используя информационно-идеологическую монополию, экономические и политические средства, вплоть до развязывания горячих войн (Вторая мировая война — первое из таких обострений). После обострений наступают периоды почти «мирного сосуществования». Пока нет признаков, предвещающих новый исторический перелом.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2021). Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Балацкий Е.В. (2021). Рентабельность капитала как драйвер экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 26–40.
- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020). «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста // Journal of New Economy. Т. 21. № 3. С. 5–27.
- Волконский В.А. (2017). XXI век. Многополярный мир. Тренды и задачи истории. М.: Книжный мир. 329 с.
- Волконский В.А. (2021). Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир. 384 с.
- Волконский В.А. (2022). «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика // Экономическая наука современной России. № 2. С. 22–37.

- Гансер Д. (2017). Секретные армии НАТО. Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле. 337 с.
- Глазьев С.Ю. (2016). Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. № 2. С. 3–29.
- Глазьев С.Ю. (2017). Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир. 352 с.
- Дугин А.Г. (2020). *Politica Aeterna*. Политический платонизм и «Черное Просвещение». М.: Академический проект. 563 с.
- Залесский К. (2022). За кулисами катастрофы: провокации, дипломатия и война. М.: Наше Завтра. 368 с.
- Кочетков А.В. (2022). «Азов». Черное солнце Украины. История неонацистского формирования. М.: Книжный мир. 736 с.
- Маслоу А. (2002). Дальние пределы человеческой психики. М.: Евразия.
- Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П. (2020). Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер. 688 с.
- Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 512 с.
- Шваб К., Маллере Т. (2020). Covid-19: великая перезагрузка. Всемирный экономический форум.
- Фурсов А.И. (2022). Хуже вражды с англосаксом только дружба с ним. Почему? (Англосаксы, русские, мир: вступая в третье столетие борьбы) // Фурсов А.И. Русские о главном противнике. М.: Наше завтра. С. 369–380.
- Хантингтон С. (2019). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 640 с.
- Юнг К.Г. (1997). Борьба с тенью // Юнг К.Г. Синхроничность. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер.
- Fromm E. (1977). *The anatomy of human destructiveness*. N.-Y.: Penguin Books.

Сведения об авторе

Виктор Александрович Волконский – доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Volkonsky V.A.

The Logic of Withstanding between Civilizational Poles

Abstract. The article proposes a conceptual scheme of historical development as a sequence of breaking points that are associated with the change of sense, ideological structure and determine the dominant attitudes of the subjects of historical activity. The time intervals between successive breaking points are epochs of relative stability of the system of ideological attitudes. The modern epoch began with a historical breaking point that came at the end of the 19th – early 20th century, replacing the epoch of classical capitalism of the 15th – 19th century. The dominant sense structure of the modern epoch is determined by the civilizational confrontation between Western countries and a group of leading non-Western countries. In the 20th century, the main ideological contradiction of this multidimensional confrontation was the struggle of socialism and capitalism. However, at the beginning of the 21st century, the confrontation between Western and non-Western countries transformed into a struggle between supporters of a unipolar world and supporters of a multipolar world. From time to time, the civilizational confrontation experiences periods of extreme aggravation (for example, the First and Second world wars), which is then followed by “détente”. The most important factor in historical dynamics is the processes that occur in the Western power elite and that are associated with the need to maintain the dominant ideology of superiority in this part of the world. The article describes the features of economic and political processes that can lead to the emergence and acceleration of exacerbations in international relations. They include the tendency of the West losing its leadership and an uncompromising struggle with contenders for new leadership; large-

scale and, in many ways, successful attempts to manipulate public consciousness through the media and the education system; emergence of powers behind the throne in Western countries; revival of neo-Nazi organizations.

Key words: historical breaking point, epoch of stability, historical development, withstanding, confrontation, West, non-Western countries, ideology.

Information about the Author

Viktor A. Volkonsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Статья поступила 10.11.2022.

Современное развитие системы городов России: статический и динамический подходы

**Светлана Николаевна
РАСТВОРЦЕВА**

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Москва, Российская Федерация
e-mail: SRastvortseva@hse.ru
ORCID: 0000-0002-1599-359X; ResearcherID: AAS-8915-2020

**Инна Владимировна
МАНАЕВА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
e-mail: in.manaeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4517-7032; ResearcherID: E-5025-2017

Аннотация. В статье поднимаются вопросы трансформации городов. Положения новой экономической географии констатируют, что крупные города получают агломерационные эффекты от скученности населения, бизнеса и удобств. Но практика показывает, что перспективы развития зачастую имеются в большей степени у средних и малых городов. Заимствованный размер – расположение малого или среднего города или населенного пункта вблизи более крупного – позволяет жителям пользоваться некоторыми услугами соседних городов, при этом не принимать на себя соответствующие издержки. Возможность заимствования агломерационных преимуществ формирует новую систему городов. Размещение населения и экономической деятельности не всегда происходит вокруг административных центров, возникает полицентричность пространственного развития. Для анализа системы городов предлагается использовать статический и динамический подходы, позволяющие более полно определить причины привлекатель-

Для цитирования: Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2023). Современное развитие системы городов России: статический и динамический подходы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 55–67. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.3

For citation: Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. (2023). Modern development of the system of cities in Russia: Static and dynamic approaches. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 55–67. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.3

ности городов и роста численности населения. Построена система эконометрических моделей влияния городских функций высокого порядка – факторов экономики, образования, культуры и спорта – на численность жителей городов Центрального федерального округа России в целом и по категориям размеров. В результате анализа полицентричности городов выявлено, что высокий уровень показателя наблюдается в Московской, Владимирской, Белгородской, Тульской, Тверской и Калужской областях, а низкая полицентричность – в Липецкой, Рязанской, Воронежской и Орловской. Определено, что на привлекательность городов и рост численности их населения оказывают влияние городские функции высокого уровня (бизнес, наука, спорт и культура), возможность использования преимуществ «заимствованного» размера, внешние эффекты городской сети и степень межгородского сотрудничества. Показано, что наиболее значимым фактором роста города является число школ. Вторым условием становится возможность детей и подростков заниматься в спортивных секциях. Бюджетные расходы положительно влияют на рост крупных, больших и малых городов. Организации культуры и досуга значимы для привлекательности городов с населением до 10 тыс. человек и от 15 до 20 тыс. чел. Выявлено, что более половины населенных пунктов в ЦФО – это города и поселки городского типа с числом жителей менее 10 тыс. человек. Для этой группы статистически значимыми и важными являются все рассмотренные факторы развития. Результаты исследования могут быть полезны ученым в целях дальнейшего развития идей применения статического и динамического анализа для оценки причин привлекательности городов, обоснования «фактора заимствованного размера», определения общих трендов формирования системы городов. Практическая ценность работы заключается в лучшем понимании принципов создания привлекательного города для жителей на разных этапах и с учетом условий его развития, что может быть использовано при разработке соответствующих социально-экономических программ на городском и региональном уровнях.

Ключевые слова: заимствованный размер города, городские функции высокого порядка, полицентричность системы городов, агломерационные эффекты, города и регионы России.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РНФ, проект № 22-28-00209.

Введение

Полицентричность системы городов в России объясняет разнонаправленные тенденции её развития. В целом уровень урбанизации в стране приближается к своему максимальному пороговому значению: в 2022 году он достиг 74,8%, увеличиваясь ежегодно с 2016 года на 0,12 п. п. При этом в ряде регионов доля городского населения за тот же период сократилась: на 1 п. п. в Иркутской области, на 0,5 п. п. в Москве, Еврейской автономной области и Самарской области, на 0,4 п. п. в Мурманской и Ярославской областях и Республике Адыгея, на 0,2 п. п. в Астраханской и Калужской областях, на 0,1 п. п. в Тульской и Московской областях и Республике Алтай¹.

¹ Рассчитано по: Витрина статистических данных / Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата обращения 15.09.2022).

Рост крупных городов и уровня урбанизации соответствует положениям исследований, подчеркивающих важность агломерации (Glaeser, 2011), и теоретически обосновывается положениями новой экономической географии (Fujita et al., 1999). В то же время снижение урбанизации подтверждается отдельными трендами, например, в Западной Европе (Meijers et al., 2016). В ряде стран в настоящее время наблюдается рост не крупных городов, а средних и малых² (Растворцева, Манаева, 2022а; Camagni et al., 2017). Усиливается полицентричность – города формируют социально-экономические кластеры, зачастую не придерживаясь админи-

² Критерии отнесения российских городов к категории миллионеров, крупнейших, крупных, больших, средних и малых представлены в работе (Растворцева, Манаева, 2022а). Кроме того, определение крупного города в России и других странах различается.

стративных или исторически сложившихся границ сотрудничества.

Считается, что ключевыми факторами роста городов являются экономические (или деловые, привлекающие бизнес-структуры), научные и образовательные, культурные, досуговые и прочие факторы. Принимая во внимание весь спектр условий, мы понимаем, что эти факторы разнятся в зависимости от размера города.

Целью исследования выступает определение основных тенденций развития системы городов через оценку полицентричности и использование статического и динамического подходов к выявлению влияния на развитие городов таких факторов, как образование, экономика, культура и спорт.

В первом разделе статьи представлен теоретический и библиографический обзор исследований, отражающих преимущества крупных городов. Методические аспекты оценки развития системы городов, а именно определение полицентричности и особенности использования статического и динамического подходов, как и исходные данные для проведения анализа, рассмотрены в разделе 2. Результаты исследования показаны в третьем разделе, в заключении сформулированы выводы и направления дальнейших исследований.

Теоретический и библиографический обзор

Как объяснить тот факт, что при всех преимуществах крупных городов с позиций экономической рациональности на практике малые и средние города имеют более высокие темпы роста? Определим причины привлекательности крупных городов.

Сосредоточение социальной и экономической активности в городе, согласно положениям новой экономической географии, приносит скорее положительные эффекты для деятельности компаний (Krugman, 1991). Это означает, что существуют источники возникновения преимуществ от расположения компании в крупном городе в сравнении со средним или малым. Во-первых, это удобства и более высокое качество жизни (Blomqvist et al., 1988; Carlino, Saiz, 2008). Во-вторых, лучшие характеристики промышленной среды (Chinitz, 1961). Объединяя на своей территории различные виды экономической деятельности, городская среда способствует лучшей специализации и ди-

версификации, формированию «связанного разнообразия» (Boschma, Iammarino, 2009). Взаимодополняемость между различными секторами экономики гарантирует обмен знаниями и распространение технологий. Взаимодействие компаний выходит за рамки кластеров и распространяется на всю городскую среду, повышая ее эффективность (Растворцева, Манаева, 2022b).

В-третьих, город создает благоприятные условия для социальных коммуникаций и выступает в роли посредника (Martin et al., 2011). Город становится «плавильным котлом знаний, культуры и настроений» (Krugman, 1991, p. 53). В крупных городах достигаются лучшие результаты в сфере подбора персонала. Наличие высококвалифицированной силы в различных секторах экономики стимулирует повышение производительности труда (Shkiotov, Markin, 2020), а значит, делает города более привлекательными для новых компаний (Растворцева, Манаева, 2022b).

В литературе при обсуждении преимуществ крупных городов внимание акцентируется на трех основных аспектах: неделимости, синергии и физической близости (Capello, 2009).

Неделимость обуславливается рядом возникающих в агломерационных процессах условий. Это возможность совместного использования сложившейся и развивающейся инфраструктуры. Мы можем отнести сюда общий рынок труда, формирующийся для специфических потребностей отраслей, работающих в городе, посредников и обслуживающих фирм. Неделимость возникает при стремлении компаний к стандартизации производственных процессов и достижению преимуществ эффекта масштаба (внутреннего и внешнего). Город и городская экономика получают выгоды от неделимости: повышение привлекательности для крупных компаний, формирование институтов и инфраструктуры для развития самоподдерживающегося агломерационного процесса, снижение безработицы при высокой вероятности более эффективного подбора персонала и привлечение большого числа специалистов, формирование креативного капитала. Неделимость возникает, когда преимущества агломерационных эффектов (внешних экстерналий) повышают общую факторную производительность (Rosenthal, Strange, 2001).

В ряде исследований оценивается, насколько больше преимуществ от агломерирования получают компании при работе только в своей отрасли с другими компаниями или при нахождении в совокупности взаимосвязанных отраслей (Carlino, 1980; Henderson, 1985).

Аспект синергии больше связан с социокультурными изменениями, которые возникают в агломерационных процессах. Сюда мы можем отнести изменения в уровне доверия, чувстве принадлежности, повышении культурной однородности, интенсивности местных взаимодействий, что в итоге приводит к росту отдачи за счёт минимизации транзакционных издержек (Vecattini, 1989). Именно в этих условиях у представителей различных (даже конкурирующих) компаний возникает возможность осуществлять межличностные контакты, что способствует лучшему распространению информации, в том числе в неявной форме. Синергия приводит к формированию и развитию креативного капитала, который, в свою очередь, притягивает в город или регион новых специалистов, позволяет им создавать для себя более удобные и привлекательные условия жизни, что, в конечном счете, поддерживает агломерационные процессы. Развитие синергии как важной составляющей агломерационных процессов в городе часто происходит в рамках программ по развитию инноваций при государственной поддержке (Camagni, 1991; Storper, 1995).

Третий аспект преимущества крупных городов – это близость. Если в экономике отсутствуют затраты на транспортировку товаров, сырья и других ресурсов, а также нет каких-либо препятствий для передачи информации, то идея концентрации экономической деятельности на одной территории теряет смысл. Близость связана с географической агломерацией и эффектами взаимодействия.

Выделенные три аспекта можно объяснить с позиции трех подходов к источникам агломерационной экономики. Неделимость рынка труда, производственных процессов определяется техническим эффектом масштаба. Неделимость снижает издержки и на уровне фирм повышает общую факторную производительность (микроиндустриальный подход). Синергия сокращает транзакционные расходы и совместно с близостью (географический подход) представ-

ляет макротерриториальный уровень (Camagni et al., 2017). Источники статической агломерационной экономики и динамической эффективности во всех подходах имеют свою специфику.

Причины, по которым более крупные города привлекательны для компаний, необходимо принимать во внимание при проведении анализа статичной картины (текущие преимущества города) и динамичной ситуации (изменения преимуществ и потенциала при росте населения города).

Методические подходы к оценке развития системы городов: полицентричность, статический и динамический подходы

Система городов может быть оценена через показатель полицентричности. Полицентрический регион – это совокупность зачастую исторически и административно разных, но территориально близких и связанных между собой городов. Понимание степени полицентричности городской системы в регионе позволяет определить, с какой вероятностью населенные пункты могут использовать преимущества агломерационных процессов. Показатель полицентричности может быть измерен индексом Херфиндаля – Хиршмана (H).

$$H = \sum_{i=1}^N S_i^2, \quad (1)$$

где S_i – доля населения города i в общей численности населения всех городов региона, N – количество городов в регионе.

Значение показателя полицентричности может варьироваться от $1/N$ до 1. Чем ниже показатель, тем более полицентричная система городов в регионе³.

В качестве основных методов анализа развития системы городов выделяют статический и динамический подходы, позволяющие получить информацию об основных тенденциях и причинах развития.

Преимущества крупных городов перед малыми выявляются через сравнительный анализ системы городов в конкретный период времени. Такой подход называют статическим.

³ Использование индекса Херфиндаля – Хиршмана при анализе полицентричности можно отметить в работах (Meijers et al., 2018; Meichang and Bingbing, 2020; Hoogerbrugge et al., 2022), при анализе экономической пространственной структуры в (Liu et al., 2022).

Он показывает, города какого размера характеризуются более высоким уровнем привлекательности, снижается она или возрастает при изменении численности населения. Построение эконометрических моделей выявляет набор факторов развития для городов определенного размера, но фактически не показывает, будет ли население города расти или снижаться при выполнении некоторых условий.

Динамический анализ говорит о дальнейших трендах развития. Он проводится за период времени и не просто демонстрирует значимые факторы, но и отражает их влияние на возможные тенденции в динамике. К числу таких факторов должны относиться внутренние характеристики города. Например, существует мнение, что агломерационные процессы сами по себе не стимулируют рост городов и повышение эффективности, так же как и сама урбанизация по числу жителей, еще не гарантирует ускоренного экономического развития (Henderson, 2010). Статический и динамический подходы характеризуются разным набором исследовательских вопросов (Samagni et al., 2017).

Общегородская привлекательность может быть оценена с помощью разных показателей. Например, городской арендной платы за землю с учётом чистых выгод от местоположения (выгоды за минусом затрат) (Albouy, 2009). Использование этого показателя логично объясняется тем, что в крупных городах недвижимость дороже. На наш взгляд, показатель имеет три недостатка. Так, из-за искусственного ограничения предложения на строительство нового жилья именно в крупных городах возможно смещение цены (Cheshire, Sheppard, 2002). Далее, крупные города гораздо чаще являются административными центрами, сосредоточение управленческих функций требует присутствия значительного числа персонала и, тем самым, увеличивает цены на жилье. Наконец, для проведения актуального анализа необходимы данные по стоимости недвижимости не только в крупных, но и в средних и малых городах. Их отсутствие или сложность получения могут искажать полученные результаты.

Наиболее простым и доступным индикатором привлекательности города является численность его населения. *Размер города по числу жителей*, на наш взгляд, может быть как фак-

торным, так и результирующим показателем. В новой экономической географии рассматривается круговая причинно-следственная связь, которая объясняет самоподдерживающийся характер агломерационных процессов. Города с большей численностью населения могут быть более привлекательными для новых жителей, в то время как численность населения может выступать одним из ключевых индикаторов благополучности города (Растворцева, 2013).

В ряде государств мобильность населения выше и изменения его численности происходят быстрее. Но даже в тех странах, где население маломобильно, например России, все же происходят изменения в результате естественного или механического движения. Считаем, что для статического анализа — численность, а для динамического — ее изменение в динамике — являются наиболее подходящими показателями.

Факторными показателями привлекательности города могут выступать городские функции высокого уровня, «заимствованный размер» и внешние эффекты городской сети или степень сотрудничества городов (Samagni et al., 2017).

Городские функции высокого уровня (например, доля административных работников в общей численности). Считается, что наличие таких функций будет способствовать качественному сдвигу кривой эффективности города. Такое положительное влияние сохраняется при любом размере города. К высокоуровневым функциям могут относиться бизнес, наука, спорт, культура (Meijers et al., 2016).

«Заимствованный размер» — степень, в которой малый или средний город использует преимущества более крупного города, расположенного поблизости. Эффекты «заимствованного размера» определяются через численность населения, в статике и динамике, и через городские функции разных уровней. Мы можем предположить, что крупный город получает такие преимущества, как приток маятниковых мигрантов (это увеличивает рынок труда), снижение напряженности на рынке недвижимости (за счёт того, что работники проживают за пределами города), повышение возможностей межличностного общения. Недостатками такой связи являются транспортная загруженность, загрязнение окружающей среды, высокие тра- ты работников на дорогу.

Таблица 1. Показатели для эмпирического анализа

Переменная	Обозначение	Пояснение	Период и источник данных
Численность населения	<i>ln_Y</i>	Численность населения города	2021; Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ (дата обращения 16.09.2022).
Образование	<i>ln_school_learn</i>	Численность обучающихся в общеобразовательных организациях с учетом обособленных подразделений, человек	2017; Экономика муниципальных образований России, Мультистат – Многофункциональный статистический портал
	<i>ln_schools</i>	Число общеобразовательных организаций на начало учебного года, ед.	2017; Экономика муниципальных образований России, Мультистат – Многофункциональный статистический портал
Экономика	<i>ln_budg_exp</i>	Расходы местного бюджета, фактически исполненные, тысяч рублей	2018; Экономика муниципальных образований России, Мультистат – Многофункциональный статистический портал
Культура	<i>ln_culture</i>	Численность работников организаций культурно-досугового типа с учетом обособленных подразделений, всего, человек	2017; Экономика муниципальных образований России, Мультистат – Многофункциональный статистический портал
Спорт	<i>ln_sport</i>	Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах, человек	2017, 2018; Экономика муниципальных образований России, Мультистат – Многофункциональный статистический портал

Малые и средние города получают преимущества в том, что некоторые услуги они могут не развивать у себя, а пользоваться ими в крупных городах. К числу «заимствованных функций» можно отнести театры, концертные площадки, музеи, университеты, порты и аэропорты, спортивные арены, парки и зоопарки, крупные больницы, а также другие организации образования, науки, культуры, спорта, досуга, здравоохранения, логистики и т. д.

Для эмпирической части исследования в качестве объекта мы определили города и поселки городского типа Центрального федерального округа (ЦФО) России. Подробно показатели и источники информации представлены в *таблице 1*.

Ранее (Растворцева, Манаева, 2022) мы представили обоснование влияния факторов образования, экономики, культуры и спорта на развитие городов разных размеров. В работах российских исследователей можно отметить данный набор факторов в разных интерпретациях. Так, О.О. Смирнов и В.А. Безвербный к системе образования относят и развитие академической среды города (Смирнов, Безвербный, 2022), А.А. Бувин и В.И. Хабаров в системе здравоохранения городов подчеркивают тенденции цифровизации (Бувин, Хабаров, 2022),

Е.А. Коломак (Коломак, 2022) выделяет жилой фонд, число врачей, рыночные города и т. д.

Результаты исследования

Определим, насколько полицентрична городская структура ЦФО по показателям индекса Херфиндаля – Хиршмана, числу городов и поселков городского типа и численности городских жителей (*табл. 2*).

Хотелось бы обратить внимание, что число городов и поселков городского типа в регионах Центрального федерального округа за анализируемый период не изменилось. Численность городских жителей округа за год сократилась на 84623 человека. Наибольшая убыль имеет место во Владимирской (14544 чел.), Тульской (14211 чел.), Ярославской (12626 чел.) и Тверской (11126 чел.) областях. Увеличение численности жителей произошло в Московской (37665 чел.) и Калужской (9910 чел.) областях.

Динамику индекса полицентричности проследить за год довольно сложно – концентрация населения в городах меняется медленно. Но можно увидеть некоторые тенденции – снижение в Орловской (-0,0021 ед.) и Тульской (-0,000 ед.) областях, наибольший рост в Костромской и Тверской (по 0,0044 ед.), Воронежской (0,0034 ед.) и Рязанской (0,002 ед.) областях.

Таблица 2. Городская полицентричность регионов Центрального федерального округа в 2021 году

Регион	Число городов	Число поселков городского типа	Численность городских жителей*		Полицентричность**	
			на 01.01.2021	на 01.01.2022	на 01.01.2021	на 01.01.2022
Белгородская область	11	18	1 041 310	1 037 398	0,201	0,202
Брянская область	16	23	833 197	825 055	0,2441	0,2449
Владимирская область	23	9	1 049 234	1 034 690	0,1506	0,1513
Воронежская область	15	17	1 567 046	1 558 117	0,4562	0,4596
Ивановская область	17	13	807 364	799 962	0,2705	0,2729
Калужская область	22	7	758 763	768 673	0,2247	0,2254
Костромская область	12	7	459 063	455 546	0,378	0,3824
Курская область	10	22	752 748	745 355	0,3818	0,3832
Липецкая область	8	0	729 043	718 936	0,5023	0,5024
Московская область	74	73	6 296 406	6 334 071	0,0235	0,0237
Орловская область	7	13	483 481	476 031	0,4125	0,4104
Рязанская область	12	21	793 275	783 514	0,4608	0,4628
Смоленская область	15	10	663 281	656 710	0,2576	0,2578
Тамбовская область	8	12	611 901	605 394	0,2603	0,2614
Тверская область	23	28	950 071	938 945	0,2152	0,2196
Тульская область	19	11	1 082 882	1 068 671	0,2144	0,2141
Ярославская область	11	11	1 011 966	999 340	0,3912	0,3911

* Жителей городов и поселков городского типа.
** Индекс Херфиндала – Хиршмана.
Составлено по: Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года, на 1 января 2022 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 16.09.2022; 01.02.2023). Информация по числу городов и поселков городского типа получена из ресурсов интернета по каждой области отдельно.

Напомним, что чем ниже индекс Херфиндала – Хиршмана, тем выше полицентричность региона. Наиболее высокая полицентричность наблюдается в Московской области, которая лидирует и по численности жителей, и по числу городов и поселков городского типа. Вторая область с высокой полицентричностью городов – Владимирская. Далее можно назвать Белгородскую, Тульскую, Тверскую и Калужскую области. Низким уровнем полицентричности отличаются Липецкая, Рязанская, Воронежская и Орловская области.

Видим, что в Центральном федеральном округе на 1 января 2021 года располагалось 303 города и 295 поселков городского типа, в которых проживало почти 19 млн человек населения (без учета города Москвы). Больше число городского населения – в Московской, Воронежской, Тульской, Владимирской, Белгородской и Ярославской областях; наименьшее число жителей – в Костромской и Орловской областях.

Общая выборка составила 598 городов и поселков городского типа. Отметим, что по

некоторым из них отдельные статистические данные не представлены, а значит, размер выборки будет варьироваться.

Самый крупный город в полученной выборке – Воронеж, с численностью населения свыше 1 млн человек, самый маленький – поселок городского типа Городок Калужской области с 64 жителями. К числу крупнейших городов (от 500 тыс. до 1 млн человек) можно отнести четыре – Ярославль, Рязань, Балашиха и Липецк. Крупные города (от 250 тыс.) – это преимущественно областные центры, за исключением двух городов в Московской области – Подольск и Химки. Всего в выборке 14 крупных городов. Больших городов (от 100 тыс. жителей) 25, они в основном расположены в Московской области, кроме Рыбинска Ярославской, Новомосковска Тульской, Обнинска Калужской и Железногорска Курской областей.

К числу средних городов (от 50 до 100 тыс. чел.) можно отнести 32 города, а остальные 522 – малые города.

Модель влияния городских функций высокого уровня на численность населения имеет вид:

$$Y = F(Educ, Econ, Cult, Sport), \quad (2)$$

где Y – численность населения города или поселка городского типа;

$Educ$ – факторы системы образования и науки;

$Econ$ – развитие бизнеса и экономические факторы;

$Cult$ – культурные и досуговые факторы;

$Sport$ – развитие спорта.

Модель 1 (табл. 3) построена в линейной форме, модели 2 и 3 – через натуральные логарифмы.

Мы построили три модели влияния показателей образования, экономики, культуры и спорта на численность населения городов. Модель 1 обнаруживает линейную связь и демонстрирует, что все рассматриваемые факторы положительно воздействуют на численность жителей городов. Видим, что наибольшее влияние оказывает образование. Первоначально предполагалось, что в модель может быть включена численность обучающихся в общеобразовательных организациях. Однако была выявлена высокая корреляция данного показателя с общей численностью населения – чем боль-

ше жителей в городе, тем больше обучающихся детей, поэтому данный показатель был заменен на число общеобразовательных организаций. Несмотря на то, что наполняемость школ и детских садов, их число и другие параметры регламентируются общими нормами по всей стране, корреляция с численностью населения не такая высокая. При этом данный показатель продолжает оказывать большее влияние на размер города.

Вторым по значимости фактором является численность учеников, занимающихся в детско-юношеских спортивных школах. Отметим, что в доступной статистике не так много показателей, которые могли бы отразить уровень развития спорта в городах, особенно в малых. Число школ в большом диапазоне размеров городов варьируется от 1 до 2. При этом число учащихся спортивных школ различно. Мы можем объяснить это доступностью тренеров, числом секций, общей организацией спортивных школ, то есть административным ресурсом. Более высокий уровень развития спорта для детей и молодежи привлекает больше жителей и играет роль при выборе места поселения.

Прямой зависимости между численностью жителей города и работников учреждений культуры не наблюдается, то есть уровень развития культуры и наличие достопримечательностей в городе являются важным, но не решающим

Таблица 3. Модели влияния отдельных факторов на численность населения городов и поселков городского типа ЦФО

Показатель	Модель 1	Показатель	Модель 2	Модель 3
<i>Зависимая переменная</i>	Y	<i>Зависимая переменная</i>	\ln_Y	\ln_Y
<i>const</i>	-5988*** (1300)	<i>const</i>	4,88*** (0,320)	4,901*** (0,312)
<i>ln_schools</i>	3565,32*** (538,97)	<i>ln_schools</i>	0,56*** (0,061)	0,588*** (0,05)
<i>ln_budg_exp</i>	0,0069*** (0,0026)	<i>ln_budg_exp</i>	0,146*** (0,027)	0,153*** (0,028)
<i>ln_culture</i>	0,059*** (0,019)	<i>ln_culture</i>	0,042 (0,039)	
<i>ln_sport</i>	9,321*** (538,97)	<i>ln_sport</i>	0,322*** (0,044)	0,327*** (0,044)
R^2	0,94	R^2	0,899	0,898
Станд. ошибка	23446	Станд. ошибка	0,423	0,423
Число наблюдений	423	Число наблюдений	360	360

const – свободный член уравнения; *** – уровень значимости 1%; ** – 5%; * – 0%.

В скобках указана стандартная ошибка.

Источник: составлено авторами.

фактором при выборе места жительства. Незначительную роль играют и бюджетные расходы города, хотя их рост положительно влияет на численность населения.

Как мы отмечали ранее, влияние факторов в городах разного размера может быть различным. Разделим города на группы крупных (модель 4), больших (модель 5), средних (модель 6) и малых (модель 7). Результаты представлены в *таблице 4*.

Деление городов на группы по размеру показывает, что число школ всегда положительно отражается на численности жителей города. Большее влияние этот фактор имеет место в крупных и малых городах, меньшее – в средних. Интересно, что в крупных городах фактор культуры не является статистически значимым. В больших городах он отрицательно отражается на численности населения. Мы считаем, что это можно объяснить опережением развития сектора культуры перед непосредственно ростом города.

Экономические факторы важны для городского развития и положительно отражаются на численности населения. Исключение составляют только средние города, где рост расходов городского бюджета не делает город более привлекательным.

Важным фактором развития остается спорт, а именно детский и молодежный спорт. В большей степени это заметно в малых городах, где

прирост занимающихся в детско-юношеских спортивных школах на 1% дает прирост населения на 0,327%.

Наиболее емкую группу создают малые города – 522, из которых полный набор данных представлен по 360 городам. Предлагаем рассмотреть их более подробно, выделив среди них группы согласно классификации, представленной в (Растворцева, Манаева, 2022а): с населением до 10 тыс. чел. (312 населенных пунктов), от 10 до 15 тыс. (77), от 15 до 20 тыс. (38), от 20 до 30 тыс. (51) и от 30 до 50 тыс. (44). Результаты моделирования представлены в *таблице 5*.

Видим, что в самых небольших городах (до 10 тыс. чел.) наиболее важную роль играют школы и возможность заниматься спортом в детских и юношеских спортивных организациях. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в маленьких поселках городского типа школ или спортивных секций может не быть вовсе. С другой стороны, такие населенные пункты утрачивают свою привлекательность. Город без школы предстает как город без перспективного будущего. При этом положительно в таких городах оценивается влияние культурных объектов и расходов местного бюджета. Отметим еще раз, что именно малые города с численностью жителей до 10 тыс. человек, а их в ЦФО насчитывается 312, наиболее чувствительны ко всем факторам развития.

Таблица 4. Модели влияния отдельных факторов на численность населения крупных, больших, средних и малых городов и поселков городского типа ЦФО

Показатель	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
	Крупные	Большие	Средние	Малые
<i>const</i>	-5,834*** (1,104)	8,896*** (0,54)	10,656*** (0,139)	4,906*** (0,312)
<i>ln_schools</i>	0,603*** (0,143)	0,488*** (0,107)	0,168*** (0,051)	0,588*** (0,054)
<i>ln_budg_exp</i>	0,249*** (0,082)	0,07*** (0,017)		0,153*** (0,028)
<i>ln_culture</i>		-0,08** (0,035)		
<i>ln_sport</i>	0,069** (0,03)	0,095* (0,054)		0,327*** (0,044)
<i>R</i> ²	0,864	0,68	0,2	0,898
Станд. ошибка	0,135	0,171	0,177	0,423
Число наблюдений	19	22	31	360

const – свободный член уравнения; *** – уровень значимости 1%; ** – 5%; * – 0%.

В скобках указана стандартная ошибка.

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Модели влияния отдельных факторов на численность населения малых городов и поселков городского типа ЦФО

Показатель	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11	Модель 12
	до 10 тыс. чел.	10–15 тыс. чел.	15–20 тыс. чел.	20–30 тыс. чел.	30–50 тыс. чел.
<i>const</i>	5,864*** (0,476)	9,321*** (0,032)	9,03*** (0,141)	9,253*** (0,225)	10,511*** (0,369)
<i>ln_schools</i>	0,156*** (0,076)	0,076*** (0,027)	0,043* (0,023)		
<i>ln_budg_exp</i>	0,099*** (0,032)		0,024* (0,012)		-0,044* (0,024)
<i>ln_culture</i>	0,124** (0,048)		0,044** (0,02)	-0,045*** (0,023)	
<i>ln_sport</i>	0,205*** (0,058)		0,032* (0,015)	0,154*** (0,039)	0,089*** (0,027)
<i>R</i> ²	0,418	0,085	0,338	0,296	0,143
Станд. ошибка	0,357	0,118	0,066	0,103	0,146
Число наблюдений	144	69	29	38	37

const – свободный член уравнения; *** – уровень значимости 1%; ** – 5%; * – 0%.
В скобках указана стандартная ошибка.
Источник: составлено авторами.

Аналогичную ситуацию мы видим в группе городов с численностью населения от 15 до 20 тыс. человек. Наиболее важными факторами являются число школ, возможность для детей и подростков заниматься спортом и численность работников организаций культурно-досугового типа.

В городах с численностью от 10 до 15 тыс. жителей единственным статистически значимым фактором роста является число школ. Примечательно, что данный показатель перестает играть ведущую роль при росте города (от 20 тыс. до 50 тыс. человек). В данных группах он значительно варьируется (от 0 до 33). Для этих групп городов незначимыми или иногда негативными факторами являются развитие культуры и досуга, расходы городского бюджета. Фактор спорта сохраняет свою высокую значимость.

Заключение

Таким образом, мы видим, что в региональной экономической науке появляются и активно исследуются новые факторы привлекательности городов, которые объясняют рост не только крупных, но и средних и малых населенных пунктов. Городские функции высокого порядка и заимствованный размер определяют в некоторой степени развитие российских городов. Набор значимых факторов изменяется в

зависимости от размера города, но важным условием остается наличие (и число) школ, возможность для детей и подростков заниматься спортом. Для малых городов (с численностью до 10 тыс. человек) важна роль всех рассмотренных факторов.

Использование динамического подхода показало, что полицентричность городской системы в регионах Центрального федерального округа имеет тенденцию к повышению, а общая численность жителей городов сокращается.

На наш взгляд, индекс Херфиндаля – Хиршмана не может считаться исчерпывающим показателем и требует дополнительного анализа или модификации, что может являться предметом самостоятельного исследования. Его значение в качестве индикатора полицентричности городской системы зависит от числа городов в регионе и их размера по численности жителей. Необходимо понимать, что равный показатель полицентричности может наблюдаться в регионах с разной системой городов. Но в целом индекс Херфиндаля – Хиршмана широко используется в экономической географии, а его применение, например, при оценке степени монополизации отраслей в США, происходит без корректировки на число фирм в отрасли.

Результаты исследования могут быть полезны ученым в целях дальнейшего развития идей использования статического и динамического анализа для оценки причин привлекательности городов, обоснования «фактора заимствованного размера», определения общих трендов формирования системы городов. Практическая ценность работы заключается в лучшем понимании принципов создания привлекательного города для жителей на разных этапах и с учетом условий его развития,

что может быть использовано при разработке соответствующих социально-экономических программ на городском и региональном уровнях.

В ходе дальнейших этапов исследования планируется провести оценку влияния факторов на рост городов в динамике, анализ трендов полицентричности городской системы регионов и включить в эконометрические модели переменные расстояния для выявления «заимствованного размера».

Литература

- Бувин А.А., Хабаров В.И. (2022). Экономические аспекты цифровизации в здравоохранении России // Проблемы теории и практики управления. № 1. С. 26–39. DOI: 10.46486/0234-4505-2022-01-26-39
- Коломак Е.А. (2022). Противоречивое влияние неоднородного рыночного потенциала на развитие городов России // Регион: Экономика и Социология. № 2 (114). С. 228–255. DOI: 10.15372/REG20220210
- Растворцева С.Н. (2013). Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии. Москва: Экон-информ. 131 с.
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2022а). Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2022б). Статический и динамический подходы к оценке экономики агломераций с учетом пространственного фактора: обзор исследований // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований: мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 25 января 2022 г. / ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, Экономический факультет; [под научн. ред. Д.В. Кондратьева, К.В. Павлова, А.К. Осипова]. Ижевск: Шелест. С. 72–80.
- Смирнов О.О., Безвербный В.А. (2022). Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. № 1 (91). С. 62–74. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74
- Albouy D. (2009). What are cities worth? Land rents, local productivity, and the value of amenities. *NBER WP*, 14981, 25.
- Becattini G. (1989). *Modelli locali di sviluppo*. Bologna: Il Mulino.
- Blomqvist G., Berger M., Hoehn J. (1988). New estimates of the quality of life in urban areas. *Am Econ Rev*, 78(1), 89–107.
- Boschma R.A., Iammarino S. (2009). Related variety, trade linkages, and regional growth in Italy. *Econ Geogr*, 85(3), 289–311.
- Camagni R. (1991). Technological change, uncertainty and innovation networks: towards a dynamic theory of economic space. In: Camagni R. (Ed.). *Innovation Networks: Spatial Perspectives*. London: Belhaven-Pinter.
- Camagni R., Capello R., Caragliu A. (2017). Static vs. dynamic agglomeration economies: Spatial context and structural evolution behind urban growth. In: *Seminal studies in Regional and Urban Economics*. Cham: Springer.
- Capello R. (2009). Indivisibilities, synergy and proximity: The need for an integrated approach to agglomeration economies. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geographie (TESG)*, 100 (2), 145–159.
- Carlino G. (1980). Contrast in agglomeration: New York and Pittsburgh reconsidered. *Urban Stud*, 17(3), 343–351.
- Carlino J., Saiz A. (2008). Beautiful city: Leisure amenities and urban growth. *Federal Reserve Bank of Philadelphia Working Paper SSRN-1280157*.
- Cheshire P., Sheppard S. (2002). The welfare economics of land use planning. *J Urban Econ*, 52(2), 242–269.
- Chinitz B. (1961). Contrasts in agglomeration: New York and Pittsburgh. *Am Econ Rev Pap Proc*, 51(2), 279–289.
- Fujita M., Krugman P., Venables A. (1999). *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Glaeser E.L. (2011). *Triumph of the City*. New York: Penguin Press.

- Henderson J.V. (1985). *Economic Theory and the Cities*. Orlando, FL: Academic.
- Henderson J.V. (2010). Cities and development. *Journal of Regional Science*, 50(1), 515–540.
- Hoogerbrugge M.M., Burger M.J., Van Oort F.G. (2022). Spatial structure and subjective well-being in North-West Europe. *Regional Studies*, 56(1), 75–86.
- Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge, Ma: The MIT Press.
- Liu K., Xue Y., Chen Z. et al. (2022). Economic spatial structure of China's urban agglomerations: Regional differences, distribution dynamics, and convergence. *Sustainable Cities and Society*, 87, 104253.
- Martin P., Mayer T., Mayneris F. (2011). Spatial concentration and plant-level productivity in France. *J Urban Econ*, 69(2), 182–195.
- Meichang W., Bingbing Z. (2020). Examining the impact of polycentric urban form on air pollution: Evidence from China. *Environmental Science and Pollution Research*, 27, 43359–43371. DOI:10.1007/s11356-020-10216-1
- Meijers E.J., Burger M.J., Hoogerbrugge M.M. (2016). Borrowing size in networks of cities: City size, network connectivity and metropolitan functions in Europe. *Papers in Regional Science*, 95(1), 181–198.
- Meijers E., Hoogerbrugge M., Cardoso R. (2018). Beyond polycentricity: Does stronger integration between cities in polycentric urban regions improve performance? *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 109(1), 1–21.
- Rosenthal S.S., Strange W.C. (2001). The determinants of agglomeration. *J Urban Econ*, 50 (2), 191–229.
- Shkiotov S., Markin M. (2020). A model for measuring the impact of productivity and quality of life on national competitiveness. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 1(1), 20–34. Available at: <http://jraic.com/index.php/tor/article/view/5>.
- Storper M. (1995). The resurgence of regional economies, ten years later the region as a nexus of untraded interdependencies. *Eur Urban Reg Stud*, 2(3), 191–221.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Растворцева – доктор экономических наук, профессор, профессор департамента, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (119017, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17/1; e-mail: SRastvortseva@hse.ru)

Инна Владимировна Манаева – доктор экономических наук, профессор кафедры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

Rastvortseva S.N., Manaeva I.V.

Modern Development of the System of Cities in Russia: Static and Dynamic Approaches

Abstract. The article raises the issues of urban transformation. The provisions of the new economic geography state that large cities get agglomeration effects from overcrowding, businesses and amenities. But practice shows that medium and small cities often have more prospects for development. Borrowed size (the location of a small or medium-sized city or settlement near a larger one) allows residents to use some of the services of neighboring cities without incurring the associated costs. The possibility of borrowing agglomeration advantages is forming a new system of cities. The distribution of population and economic activity does not always occur around administrative centers, there is a polycentricity of spatial development. To analyze the system of cities we proposed to use static and dynamic approaches that allow us to determine more fully the reasons for the attractiveness of cities and population growth. We constructed a system of econometric models of the influence of high order urban functions – factors of economy, education, culture and sports – on the number of residents of cities in the Central Federal District of Russia as a whole and by size categories. The analysis of polycentricity of cities revealed that a

high level of the indicator is observed in the Moscow, Vladimir, Belgorod, Tula, Tver and Kaluga oblasts, and low polycentricity is in the Lipetsk, Ryazan, Voronezh and Orel oblasts. It was determined that the attractiveness of cities and the growth of their population are influenced by high-order urban functions (business, science, sports and culture), the ability to take advantage of “borrowed” size, the external effects of the urban network and the level of inter-city cooperation. The most significant factor in the growth of the city is the number of schools. The second factor is the possibility for children and adolescents to join sports clubs. Budget expenditures have a positive impact on the growth of large, big and small cities. Cultural and recreational activities are significant for the attractiveness of cities with a population of up to 10 thousand people and from 15 to 20 thousand people. It was revealed that more than a half of settlements in the Central Federal District are cities and urban-type settlements with population less than 10 thousand people. For this group, all the considered development factors are statistically significant and important. The results can be used to further develop the ideas of static and dynamic analysis to assess the reasons for the attractiveness of cities, substantiate the “borrowed size factor”, and determine general trends in the system of cities formation. The practical value of the work lies in a better understanding of the principles for creating an attractive city for residents at different stages and conditions of its development; it can be used in the development of appropriate socio-economic programs at the city and regional levels.

Key words: borrowed city size, high-order urban functions, polycentricity of the city system, agglomeration effects, cities and regions of Russia.

Information about the Authors

Svetlana N. Rastvortseva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, National Research University Higher School of Economics (17/1, Malaya Ordynka Street, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: SRastvortseva@hse.ru)

Inna V. Manaeva – Doctor of Sciences (Economics), professor of department, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

Статья поступила 15.10.2022.

Проблемы агент-ориентированного моделирования формирования эффективной территориальной сети лесных дорог

Константин Анатольевич ГУЛИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: gulin_k@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4336-6331; ResearcherID: M-3075-2013

Сергей Владимирович ДИАНОВ

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: Dianov.sv@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8297-8077; ResearcherID: P-9737-2017

Дмитрий Александрович АЛФЕРЬЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: alfer'ev_1991@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3511-7228; ResearcherID: I-8333-2016

Даниил Сергеевич ДИАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: daniil.dianov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4766-8801; ResearcherID: ADK-8080-2022

Для цитирования: Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. (2023). Проблемы агент-ориентированного моделирования формирования эффективной территориальной сети лесных дорог // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 68–84. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.4

For citation: Gulin K.A., Dianov S.V., Alfer'ev D.A., Dianov D.S. (2023). Agent-based modeling in the formation of an effective territorial network of forest roads. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 68–84. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.4

Аннотация. Рассматриваются концептуальные и методологические аспекты создания компьютерных имитационных агент-ориентированных моделей, обеспечивающих принятие решений по формированию эффективно функционирующей территориальной сети лесных дорог. Ключевая цель исследования состоит в интерпретации и апробации сервис-ориентированного подхода к построению подобных моделей. В основу подхода заложен принцип взаимодействия распределенных в пространстве объектов – поставщиков и потребителей сервисов. Рассмотрена проблематика построения и эксплуатации сети лесных автомобильных дорог, обеспечивающих процессы лесозаготовки. Сложность решения этих задач определяется большим количеством взаимодействующих элементов и оцениваемых параметров, различных по специфике величины их влияния на систему в зависимости от конкретной территории. В связи с этим для решения данных задач широко используются методы имитационного моделирования, одним из наиболее перспективных среди которых считается агент-ориентированный подход. При этом определено, что их построение осуществляется без использования формализованной методологической основы, что не позволяет интерпретировать полученные здесь результаты в качестве единой концепции формирования агент-ориентированных моделей в данной предметной области. Авторами предложена претендующая на заполнение указанной ниши собственная концепция, базирующаяся на сервис-ориентированном подходе. Представлены основные фрагменты формального описания разработанного подхода. Рассмотрены отдельные аспекты его прикладной интерпретации на примере реализованного прототипа игровой агент-ориентированной модели в среде AnyLogic. Для решения поставленных задач использовались общенаучные методы формализации, абстрагирования, обобщения, методы системного анализа, агент-ориентированного моделирования. Результатами работы стали развитие и апробация авторской концепции агент-ориентированного моделирования эффективной территориальной транспортной инфраструктуры системы лесозаготовки. Новизна концепции заключается в использовании сервис-ориентированного подхода. Кроме того, концепция может позиционироваться в качестве универсальной основы построения рассматриваемых моделей. Для этого потребуются развитие методологических аспектов ее применения, полномасштабная интерпретация относительно возможных вариантов использования, а также практическая апробация на реальных системах.

Ключевые слова: инфраструктура системы лесозаготовки, транспортная доступность лесных ресурсов, эффективная дорожная сеть, агент-ориентированное моделирование, сервис-ориентированный подход.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект № 22-28-01940).

Введение

Согласно докладу Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций «О состоянии мировых лесов» за 2022 год ожидается, что глобальное потребление всех природных ресурсов увеличится с 92 миллиардов тонн в 2017 году до 190 миллиардов тонн в 2060 году. При этом с 24 до 44 миллиардов тонн возрастет объем потребления биомассы, крупнейшим потребителем которой является лесная и деревообрабатывающая

промышленность¹. Устойчивое удовлетворение спроса на лесную биомассу потребует увеличения предложения лесных ресурсов. Огромными лесными ресурсами обладает Российская Федерация. Однако большая часть лесов произрастает в условиях сурового климата, что обуславливает высокие издержки при заготовке и транспортировке древесины (Гребенюк, Гарус, 2014). В связи с этим особую актуальность имеет вопрос о возможности построения

¹ FAO. 2022. The State of the World's Forests 2022. Forest pathways for green recovery and building inclusive, resilient and sustainable economies. Rome, FAO. URL: <https://doi.org/10.4060/cb9360en>

эффективной территориальной инфраструктуры системы лесозаготовки. Не случайно расширение сети лесных дорог заявлено в качестве одного из базовых условий перехода к интенсивной модели ведения лесного хозяйства в «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года». По расчетам Всероссийской лесоучетной организации для освоения расчетной лесосеки требуется не менее 7 километров всех видов дорог на 1 тысячу гектаров лесной площади. Сейчас этот показатель составляет 2,4 километра². Наиболее существенная нехватка дорог отмечается в зоне перспективного освоения лесов, что обуславливает неравную степень техногенного воздействия на лесную экосистему в части заготовки древесных ресурсов, создающую риски обезлесения одних территорий и образования значительных площадей перестойных лесов на других. В связи с этим развитие сети лесных дорог представляет собой одну из ключевых задач при повышении эффективности лесопользования (Мохирев и др., 2017).

Функционирование лесозаготовительного производства обеспечивается комплексом производственно-транспортных объектов. Параметры размещения объектов, их конструктивные и технологические решения определяют затраты на производство лесозаготовок, его эффективность и безопасность (Афоничев и др., 2014). Вопрос о финансовых вложениях в строительство дорог на сегодняшний день остается дискуссионным (Курьянов, Морковин, 2009). Рентабельность строительства лесной дороги оценивают с помощью расчета оптимальной плотности сети дорог. Оптимизацию плотности сети дорог сводят к задаче сравнения затрат на перевозку лесоматериалов с затратами на строительство (Герасимов и др., 2009). Поиск оптимального варианта заключается в том, что повышение качества автодороги приводит к ее удорожанию, но одновременно уменьшает затраты непосредственно на вывозку древесины (Мохирев и др., 2019). Для определения экономической целесообразности строительства лесовозных дорог следует сопоставить дополнительные капиталовложения с экономией текущих производственных затрат. Эта экономия достигается не только на транспортных опера-

циях. Хорошие дороги обеспечивают ритмичную работу всех звеньев лесозаготовительного производства, что позволяет в максимальной степени использовать основные фонды и трудовые ресурсы, поднять уровень его организации. В результате себестоимость заготовки древесины снижается на 20–80% (Починков, 2000). Эффективность инвестиций в строительство новых транспортных путей может оцениваться по увеличению регионального валового внутреннего продукта и повышается, если на территории региона наряду с лесными используются другие природные ресурсы (Якушева и др., 2014).

Общая задача создания территориальной сети лесных дорог формулируется следующим образом: подобрать места расположения и параметры инфраструктурных узлов и путей между ними, а также структуры и схемы передвижения транспортных средств системы лесозаготовки таким образом, чтобы обеспечить наиболее рентабельный вариант заготовки и транспортировки лесных ресурсов на продолжительном периоде, с учетом обеспечения их эффективного возобновления, из узлов лесных участков территории в инфраструктурные узлы первичной обработки или складирования. Сложность данной задачи предполагает использование современного инструментария, способного обеспечить поддержку управленческих решений в этой сфере. Методические инструменты и программное обеспечение, разработанные в зарубежных странах, не всегда применимы в российских природно-производственных и экономических условиях. В России подходы к обоснованию параметров транспортировки древесных ресурсов еще недостаточно хорошо развиты, а в существующих отечественных научных работах отсутствует решение целого ряда задач по развитию лесотранспортного потенциала страны. Это свидетельствует о необходимости выполнения и актуальности научных исследований по повышению транспортно-экономической доступности древесных ресурсов РФ (Мохирев, Рукомойников, 2022). В качестве одного из наиболее перспективных инструментов подобного рода может быть использовано агент-ориентированное моделирование, которое в последние годы все более активно применяется в работах, посвященных проблемам лесного комплекса.

² Рослесинфорг пересчитал километры лесных дорог. URL: <https://roslesinforg.ru/news/all/4449/>

Основная цель исследования состоит в интерпретации и апробации сервис-ориентированного подхода к построению агент-ориентированных моделей, обеспечивающих формирование эффективно функционирующей территориальной сети лесных дорог.

Новыми научными результатами являются развитие авторской концепции создания агент-ориентированных моделей, основанной на использовании сервис-ориентированного подхода, для моделирования эффективной территориальной транспортной инфраструктуры системы лесозаготовки и ее практическая апробация.

Практическая значимость полученных результатов заключается в развитии методологии построения агент-ориентированных моделей, обеспечивающих процессы поддержки принятия решений при формировании территориальной сети лесных дорог.

Методы

На сегодняшний день имеются исследования, посвященные отдельным проблемам формирования пространственных сетей, таким как расположение узлов сети, эволюция транспортных сетей с учетом их использования субъектами деятельности. Методы обоснования нахождения кратчайших путей между вершинами графа описаны в (Bellman, 1958; Dijkstra, 1959; Moore, 1959; Floyd, 1962). Они позволяют осуществить анализ статических элементов работы предприятий и служат базой для реализации стационарно-динамических задач потокового программирования при рационализации потоков в транспортных системах (Mokhirev et al., 2019). В ряде научных работ представлены математические модели, направленные на решение задачи оптимизации структуры лесного сектора с акцентом на размещение и доступность. А.Г. Третьяков (Третьяков, 2019) для решения подобных задач использует симплекс-метод линейного программирования (Kumar, Kaur, 2010). Математические модели, представленные в трудах И.Р. Шегельмана (Shegelman, 2001; Shegelman, et al., 2005), предназначены для обоснования сквозных потоков заготовки, транспортировки и переработки древесины. Оптимизационные модели, предложенные Б.А. Ильиным (Ильин, 1987), позволяют рассчитать ширину зоны тяготения временной дороги. Решение задачи нахождения оптимально-

го маршрута вывозки древесины из лесосеки с использованием алгоритма Дейкстры и метода динамического программирования представлены в работе (Мохирев и др., 2018). В научной публикации Е.Г. Гладкова (Гладков, 2005) описана математическая модель функционирования лесозаготовительного предприятия.

Однако возможности практического использования рассмотренных методов невелики. Такие модели, как правило, статичны и обчислительны на примерах с небольшим объемом входных данных. Они характеризуют возможность прохождения по дугам каждого временного интервала лишь одного варианта потока и не учитывают специфику лесозаготовительной отрасли, предусматривающую при обосновании графика технологического процесса лесозаготовительных работ необходимость комплексного решения задач разработки нескольких лесосек в течение одного временного диапазона (Мохирев и др., 2019).

Многими учеными исследуется возможность применения имитационного моделирования для решения задач, связанных с повышением эффективности лесозаготовительного производства (Суханов и др., 2012; Васильев, Корныльева, 2015; Рукомойников и др., 2020; Lim, 2012). Имитационное моделирование обеспечивает подробное описание системы и позволяет анализировать ее динамические характеристики (Макаров и др., 2019; Россанская, 2019). Имеющиеся модели охватывают широкий диапазон задач в рассматриваемой предметной области: нахождение оптимальных путей транспортировки лесоматериалов (Соколов, Осипов, 2017; Комаров и др., 2019), организация взаимодействия автопоездов (Никитин и др., 2016), выбор типа проектируемой дороги на участке транспортной сети (Мохирев и др., 2019), организация транспортных потоков³, оптимальное распределение грузопотоков лесоматериалов⁴, синтез оптималь-

³ Иванников В.А. (2019). Совершенствование системы формирования грузопотоков лесоматериалов на смежных видах транспорта: дис. ... д-ра техн. наук: 05.21.01. Воронеж. 340 с.

⁴ Пильник Ю.Н. (2019). Методы и алгоритмы синтеза организационных структур формирования сетевых грузопотоков лесоматериалов многоуровневых транспортно-технологических систем: дис. ... д-ра техн. наук: 05.21.01, 05.13.10. Воронеж. 340 с.

ного лесозаготовительного плана (Герасимов и др., 2011). Набор используемых при этом методов разнообразен: сети Петри (Соколов, Осипов, 2017), нечеткие сети (Комаров и др., 2019), метод Монте-Карло (Никитин и др., 2016), математическое моделирование и геоинформатика (Герасимов и др., 2011; Мохирев и др., 2017), дискретно-событийное и агент-ориентированное моделирование (Мохирев, Рукомойников, 2022). Значительные возможности для решения проблемы эффективного использования лесных ресурсов территорий предоставляет инструментарий агент-ориентированного моделирования (Гулин, Антонов, 2017; Huff et al., 2015). Его весомым преимуществом является возможность учитывать динамику изменения характеристик исследуемых сущностей во времени и их пространственного размещения, а также структуру взаимосвязей между исследуемыми сущностями (Arifin, Madey, 2015; Janssen, 2017; Scholz et al., 2017; Holm et al., Fitzpatrick, 2018; Zupko, Rouleau, 2019; Scholz et al., 2021; 2018; Sotnik et al., 2021). Проблема заключается в том, что построение таких моделей осуществляется без использования формализованной методологической основы. Это не позволяет интерпретировать полученные здесь результаты в качестве единой концепции формирования агент-ориентированных моделей в данной предметной области.

В рамках решения обозначенной проблемы авторами разработана концепция агент-ориентированного моделирования эффективной территориальной транспортной инфраструктуры системы лесозаготовки, базирующаяся на сервис-ориентированном подходе (Дианов, 2020). основополагающим элементом концепции является модель (M), основанная на взаимодействии мобильных и стационарных сервисов и пользователей. Все объекты модели могут выступать в ролях потребителей и поставщиков услуг. В рамках процесса предоставления услуг они должны взаимодействовать либо непосредственно, либо с использованием иных объектов модели. Взаимодействие осуществляется в конфигурации территориальной транспортной сети. В процессе оказания услуг формируются значения заданного набора параметров оценки успешности функционирования модели – целевых показателей (CRP). Основная цель модели-

рования заключается в нахождении при имеющихся ресурсах ($mLim$) наиболее оптимальной архитектуры функционирования моделируемой системы исходя из значений целевых показателей.

Имеются следующие элементы модели.

1. Узлы (U) – точки в пространстве, где могут располагаться объекты модели. Каждый узел имеет свой идентификатор (uID).

2. Пути (S) соединяют узлы. По ним передвигаются объекты модели. Содержат следующий набор атрибутов: идентификатор (sID); соединяемые узлы $uID(U_1)$ и $uID(U_2)$; тип (sT); длина (sL); набор параметров состояния (pS). Набор параметров определяет характеристики передвижения по пути объектов модели. Примерами таких параметров могут служить минимальная глубина водного пути, ровность проезжей части автомобильной дороги и др. Каждый параметр имеет имя ($psNm$), домен (psD) и значение (psV). Домен определяет диапазон возможных значений параметра. Пути могут объединяться в маршруты ($W = \{S\}$).

3. Объекты (O). Могут обозначать широкий диапазон разнообразных элементов моделируемой системы. Имеют имя (oN), место постоянной дислокации в узлах ($oConstD$), тип (oT). Важным параметром объекта выступает тип мобильности ($oTuMob$). Его домен содержит два значения: true и false. В случаях когда значение $oTuMob = false$, объект является стационарным. При этом он не может самостоятельно (либо вообще) перемещаться из узла определенной для него дислокации. Если значение $oTuMob = true$, то в параметрах объекта формируется таблица характеристик его мобильности ($oTabMob$). В ней определены возможные типы путей перемещения объекта и средняя скорость перемещения объекта ($oSpeed$) по каждому из них: $oTabMob = \{\{sT, oSpeed\}\}$. Для данного вида объектов также определяется параметр текущей дислокации ($oCurD$).

С каждым типом объекта связаны наборы потребностей ($O(\{oNeed\})$) и предоставляемых сервисов ($O(\{oServ\})$). На уровне объекта в каждый момент времени моделирования поддерживается набор активизированных потребностей ($O(\{oNeed\}^A)$) и сервисов ($O(\{oServ\}^A)$). Активизированные потребности содержат имена потребностей и

наборы характеризующих их параметров: $oNeed_i^A(oNeedName_i, \{oNeedParNm, oNeedParV\})$. Здесь каждый параметр имеет свое конкретное значение $oNeedParV$. Активизированные сервисы содержат связку объекта O_k , которому предоставляется сервис, и обрабатываемой у него активизированной потребности $oNeed_i^A(O_k)$, а также имя предоставляемого сервиса $oServName_p$ и место его предоставления U_m .

Обработка потребностей и сервисов осуществляется в рамках модели поведения объекта. Потребности возникают исходя из определенного состояния параметров объекта ($oPar$). Параметры имеют имя ($oParNm$), домен ($oParD$) и значение: $oPar = \langle oParNm, oParD, oParV \rangle$. Для каждой потребности в модели поведения объекта формируется отдельный модуль идентификации потребностей ($oNeedModId$), где определяются формулы (F), с помощью которых решается задача идентификации каждой потребности. Идентифицированные потребности размещаются в наборе активизированных потребностей.

В модели поведения объекта для каждой потребности определяется модуль ее реализации. Он разделен на два блока: блок поиска сервиса и блок доступа к сервису.

При поиске поставщика сервиса объекты могут использовать активное и пассивное поведение. При пассивном поведении они либо информируют поставщиков сервисов об имеющейся потребности и ожидают их реакции, либо просто ждут проявления заинтересованности к ним со стороны поставщиков сервисов. В первом случае объектам, предоставляющим необходимый сервис, посылается сообщение, содержащее имя автора сообщения и активизированную потребность: $msgNeedA(oN^{this}, oNeed_i^A)$. Во втором случае блок поиска сервиса не определяется. Отличительной особенностью данного вида поведения объектов является их полная пассивность по выбору поставщика — поставщики сами в конкурентной борьбе определяют, кто из них будет предоставлять сервис.

В случае активного поведения объекты самостоятельно ведут поиск поставщика сервиса. Поиск связан с выбором наиболее оптимального для потребностей объекта в текущий момент времени. Для этого определяется критерий

оптимальности выбора поставщика сервисов (CrFS). Он может быть как критерием минимизации, так и критерием максимизации для различных вариантов выбора. При расчете критерия осуществляется анализ параметров путей доступа к сервису, объекта предоставления сервиса и самого объекта:

$$CrFS = \left\{ F \left(W_i(sT, sL, pS), O_i(oTyMob, oTabMob, oConstD, oCurD, oPar), \right) \right\}^{CountOS};$$

$$\min/\max(CrFS) \rightarrow \langle O^S, U^S, W^S \rangle,$$

где O^S — выбранный объект предоставления сервиса, U^S — узел получения сервиса, W^S — маршрут доступа к узлу получения сервиса.

Алгоритм функционирования блока поиска сервиса состоит из следующих шагов: генерация возможных маршрутов взаимодействия; расчет критерия оптимальности выбора поставщика сервисов по каждому маршруту; выбор оптимального варианта; пересылка сообщения выбранному объекту предоставления сервиса, в котором содержатся имя объекта получения сервиса, потребность и место получения сервиса: $msgNeedO(oN^{this}, oNeed_i^A, U^S)$.

Блок доступа к сервису определен только для мобильных объектов. Он используется в случае, когда узел предоставления услуги не совпадает с узлом текущей дислокации объекта получения услуги. Он также активизируется в случае получения сообщения от объекта, предоставляющего сервис об узле, в котором будет оказана услуга, и пути перемещения к нему $msgServU(U^S, W^S)$. В соответствии с определенным маршрутом доступа к узлу получения услуги осуществляется перемещение объекта. При этом параметры передвижения зависят от параметров самого объекта и параметров путей, из которых состоит маршрут. Общее время на прохождение маршрута определяется суммой времени, затраченной на прохождение путей, из которых состоит маршрут. В свою очередь время прохождения пути определяется на основе некоторой функциональной зависимости: $t_i = F(sL, pS, oSpeed, oPar)$, где выбирается из таблицы характеристик мобильности объекта $oTabMob$. В блоке доступа к сервису также могут быть определены воздействия, оказываемые объектом на параметры путей, по которым он перемещается, а также изменение параметров объекта после прохождения пути.

Модель поведения каждого объекта, предоставляющего сервисы, содержит модули идентификации сервисов, принятия обязательств по предоставлению сервиса и предоставления сервиса.

Модуль идентификации сервисов используется в случаях, когда объект, предоставляющий сервис, осуществляет самостоятельный поиск объектов для предоставления сервиса. Алгоритм его работы состоит из следующих шагов: осуществляется поиск в наборе активных потребностей объекта $O(\{oNeed\}^A)$; определяется факт обслуживания потребности; если факт обслуживания потребности не подтверждается, то объект готовит и посылает в свой адрес сообщение, содержащее имя объекта, нуждающегося в сервисе, и активизированную потребность: $msgNeedA(oN, oNeed_i^A)$.

На вход модуля принятия обязательств по предоставлению сервиса поступают сообщения о потребности в сервисе. Здесь решаются задачи о возможности предоставления сервиса и, в случае положительного решения, его параметрах. Для определения параметров предоставления сервиса рассчитывают критерий эффективности предоставления сервиса (CrES) для всех возможных путей предоставления сервиса (CountW) с учетом мобильности взаимодействующих объектов:

$$CrES = \left\{ F \left(\begin{matrix} W_i(sT, sL, pS), O_j(oTyMob, oTabMob, oConstD, oCurD, oPar), \\ oTyMob, oTabMob, oConstD, oCurD, oPar \end{matrix} \right) \right\}^{CountW};$$

$$\min/\max(CrES) \rightarrow \langle U^S, W^S \rangle.$$

После выбора параметров предоставления сервиса объект вступает в диалог с иными объектами модели, планирующими взять на себя обязательства по предоставлению рассматриваемого сервиса. В этом диалоге объекты обмениваются информацией о рассчитанных критериях эффективности предоставления сервиса. По его результатам выбирается объект, предоставляющий сервис, который готовит и посылает себе сообщение, содержащее имя объекта получения сервиса, потребность, место и путь получения сервиса: $msgNeedO(oN, oNeed_i^A, U^S, W^S)$. В случае когда узел предоставления услуги не совпадает с узлом текущей дислокации мобильного объекта получения услуги, ему передается сообщение, содержащее узел и путь получения сервиса

$msgServU(U^S, W^S)$. Одновременно с этим формируется соответствующий элемент в наборе активизированных сервисов объекта.

Модуль предоставления сервиса активизируется при поступлении сообщений с параметрами принятых для обработки потребностей. Здесь решаются задачи по перемещению к узлу предоставления сервиса и предоставлению сервиса.

Блок перемещения к узлу предоставления сервиса определен только для мобильных объектов. Он используется в случае, когда узел предоставления услуги не совпадает с узлом текущей дислокации объекта. Его содержание аналогично содержанию блока доступа к сервису, рассмотренному применительно к объектам, реализующим потребности.

После отработки блока перемещения к узлу предоставления сервиса активизируется блок предоставления сервиса. Здесь на первом шаге осуществляется мониторинг нахождения объектов взаимодействия в одном узле. При соблюдении данного условия инициируется процесс предоставления сервиса. Он связан с изменением параметров взаимодействующих объектов в течение определенного времени. Величина изменений на каждом временном шаге зависит от совокупности значений текущих параметров объектов: $oPar_i(O^N) := F(oPar(O^S), oPar(O^N))$; $oPar_i(O^S) := F(oPar(O^S), oPar(O^N))$. Предоставление сервиса прекращается при достижении определенных значений в параметрах объекта предоставления сервиса, заданных в некоторых параметрах сервиса: $oPar_i(O^N) < oServPar_j(O^S)$. После этого удаляются соответствующие элементы из наборов активизированных потребностей и сервисов взаимодействовавших объектов.

В процессе моделирования формируются различные архитектурные композиции моделируемой системы. Количество возможных вариантов ограничивается спецификой предметной области и имеющимися ограничениями ресурсов $mLim$. Далее производится моделирование по каждому из вариантов в течение определенного времени моделирования ТМ. По результатам рассчитываются значения показателей эффективности модели (IE), которые являются производными от значений параметров объектов модели, фиксируемых в ходе модели-

рования: $IE_i = F(\{oPar^{O \rightarrow TM}\})$. Набор полученных показателей для каждой модели сравнивается с набором целевых показателей CRP и определяется наиболее оптимальный вариант архитектуры моделируемой системы.

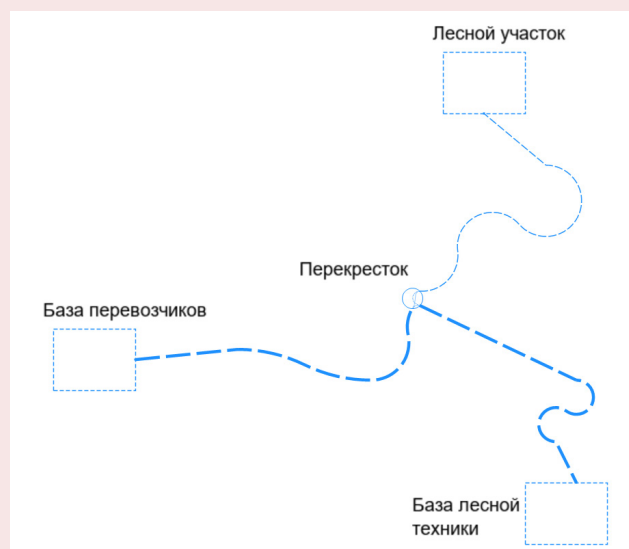
Результаты

В целях практической апробации представленной концепции в ее отдельных аспектах, а также демонстрации возможностей ее интерпретации был создан прототип агент-ориентированной модели инфраструктуры лесозаготовки. Он не является отображением реальной системы. На данном этапе авторы не стремились к точному соотношению модели предметной области. Многие элементы прототипа носят демонстрационный характер. Рассматривается процесс лесозаготовки с использованием автомобильных дорог. Применяется сортиментная технология заготовки. Предполагается, что существуют две транспортные базы: база лесозаготовительной техники и база большегрузной автомобильной техники, способной транспортировать лесозаготовительную технику. Их соединяет автомобильная дорога. Имеется лесной участок, к которому от автомобильной дороги, соединяющей транспортные базы, проложена лесная дорога. На базе лесной техники размещается один харвестер. В целях упрощения модели на данном этапе решено отказаться

от моделирования работы форвардера. На базе автомобильной техники размещается один автомобиль. На лесном участке произрастает лесной массив. При его созревании запускается процесс рубки. При этом для доставки харвестера до лесной дороги используется грузовой автомобиль. Далее харвестер своим ходом доезжает до лесного участка и начинает рубку. По окончании рубки харвестер перемещается до автомобильной дороги, а затем грузовым автомобилем его доставляют на базу. Процесс моделирования осуществляется на длительном периоде, в течение которого происходит несколько моментов созревания лесного массива на участке. При прохождении транспорта ухудшаются характеристики лесной дороги, что сказывается на параметрах ее прохождения транспортом. Цель моделирования – изучить эффективность затрат на обеспечение качества покрытия лесных дорог. Критерием оценки модели выступает рентабельность процесса лесозаготовки. Она зависит от прибыли, полученной в результате заготовки древесной массы, и затрат, возникающих в процессе лесозаготовки. Используется условное время моделирования, не связанное со временем реальных процессов.

Прототип модели создан в среде AnyLogic. В модели имеются четыре узла (рис. 1): node (База перевозчиков) – место дислокации боль-

Рис. 1. Схема размещения узлов прототипа модели

Источник: составлено авторами.

шегрузного автотранспорта, обеспечивающего перевозку лесозаготовительной техники; node1 (Лесной участок) – место размещения лесного участка, на котором осуществляется лесозаготовка; node2 (Перекресток) – общее место пересечения всех путей; node3 (База лесной техники) – место дислокации лесозаготовительной техники.

Созданы три элемента путей: path, соединяющий узлы node и node2; path1, соединяющий узлы node2 и node1; path2, соединяющий узлы node2 и node3. Пути path и path2 отображают автодороги общего пользования, а путь path1 – лесную автодорогу. Набор свойств данных элементов содержит единственный атрибут quality, определяющий качество дорожного покрытия. Домен его значений – действительные числа в диапазоне от 0 до 1. В прототипе модели данный параметр определен лишь для элемента path1. Исходя из специфики используемой среды моделирования для работы с параметрами элементов, для каждого из них создается агент. В данном случае создается агент Way, содержащий параметр quality. Данный агент имеет два состояния (рис. 2): эксплуатации (Exploitation) и технического обслуживания (Service). В состоянии технического обслуживания увеличивается значение параметра quality. Переход в данное состояние осуществляется в соответствии с установленным интервалом времени (Service_period).

На уровне прототипа модели на данный момент не используется атрибут типа пути. Пред-

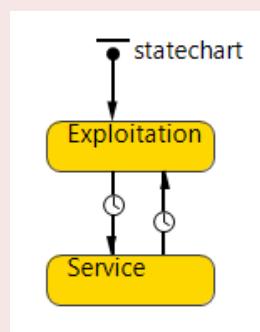
полагается, что имеющиеся в модели объекты могут перемещаться строго по определенным для них маршрутам. Длина путей также носит условный характер.

В модели определены три объекта: лесной участок, харвестер и автовоз. У объекта лесной участок тип мобильности установлен как стационарный. У двух других объектов как мобильный. В таблицах характеристик мобильности данных объектов определены средние скорости перемещения. При этом объект харвестер может перемещаться только по лесной дороге, а объект автовоз – только по дорогам общего пользования.

Потребности определены на уровне объектов лесной участок и харвестер. Для первого объекта – это потребность в рубке, а для второго – потребность в доставке к лесной дороге. Сервисы определены на уровне объектов харвестер – рубка леса и автовоз – транспортировка техники.

Объект лесной участок имеет следующие параметры: возраст древостоя (Age), площадь древостоя (Square), объем древостоя (Volume). На каждом шаге моделирования изменяется значение параметра Volume в зависимости от текущих значений параметров Age и Square. Потребность в рубке возникает при достижении древостоем определенного возраста. При поиске поставщика сервиса объект лесной участок имеет пассивное поведение. При этом он высылает сообщение о готовности объекту харвестер.

Рис. 2. Диаграмма состояний агента Way

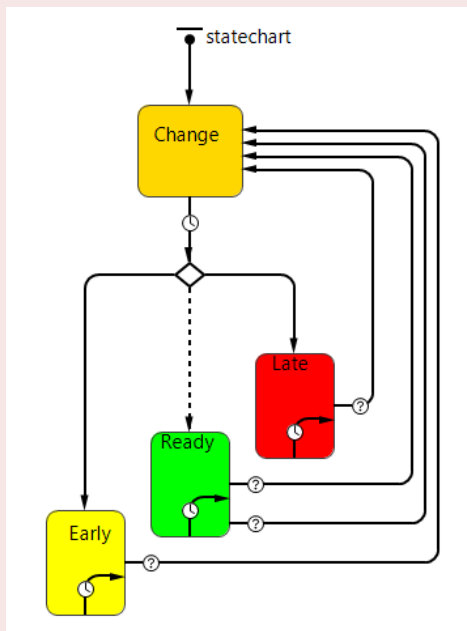

Источник: составлено авторами.

В среде моделирования объект лесной участок реализован с использованием двух агентов: Les и Manager. Первый формирует значения параметров объекта, а второй отслеживает текущее состояние объекта и отправляет сообщение при возникновении потребности в рубке. Агент Les имеет три состояния, характеризующих возраст древостоя (рис. 3): молодой (Early), спелый (Ready) и переспелый (Late), а также состояние возрастного перехода (Change).

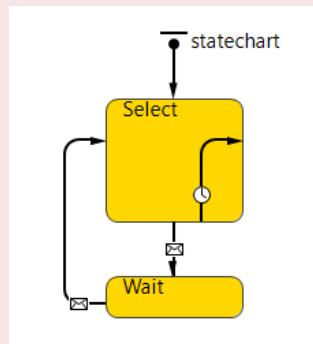
Агент Manager может находиться в двух состояниях (рис. 4): мониторинга состояния агента Les (Select) и ожидания окончания предоставления сервиса по рубке (Wait). Находясь в состоянии Select, агент через определенные промежутки времени проверяет состояние агента Les. Если оно равно Ready, то агент посылает сообщение объекту харвестер о необходимости оказания сервиса. После передачи сообщения агент Manager переходит в состояние

Рис. 3. Диаграмма состояний агента Les

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Диаграмма состояний агента Manager

Источник: составлено авторами.

ожидания. В данном состоянии он находится до тех пор, пока не получит ответное сообщение от объекта харвестер об окончании предоставления сервиса.

Объект харвестер имеет параметр производительность (Performance) – объем леса, который он может вырубить за определенное время. Оказывая сервис рубки леса, он изменяет параметры Volume и Age объекта лесной участок. Одновременно с этим он увеличивает значение параметра общего заготовленного объема древесины (Zagotovleno). Данный параметр определен на общемодельном уровне. Объект харвестер реализуется в системе моделирования в виде агента Harvester. Данный агент имеет множество состояний, которые можно разделить на следующие группы: ожидание запроса на предоставление сервиса по рубке леса; получение сервиса по транспортировке до лесной дороги; перемещение по лесной дороге до лесного участка; предоставление сервиса по рубке леса; перемещение по лесной дороге до автомобильной дороги общего пользования; получение сервиса по транспортировке до базы лесной техники. Потребность в сервисе по транспортировке возникает при получении сообщения от объекта лесной участок о запросе сервиса либо после окончания предоставления сервиса после перемещения до дороги общего пользования. При поиске поставщика сервиса объект харвестер имеет пассивное поведение. При этом он отправляет сообщение объекту автовоз о наличии соответствующей потребности. Параметры сообщения содержат информацию о месте доставки.

Объект автовоз реализован в виде агента Auto. Агент активизирует функционал по предоставлению сервиса по перевозке после получения сообщения от объекта харвестер. Он перемещает харвестер в узел, указанный в сообщении. При этом предварительно он перемещается в место текущей дислокации харвестера. После оказания услуги агент Auto перемещается в узел node (База перевозчиков).

На уровне агентов Harvester и Auto определены переменные Current_time, в которых фиксируется время выполнения ими текущих опе-

раций. На общемодельном уровне введены переменные Time_harvester и Time_auto, в которых накапливается общее время, затраченное агентами Harvester и Auto на выполнение операций. Для подсчета количества сервисных обслуживаний в модель введена переменная Service_count.

Регулируемыми параметрами в прототипе модели являются стоимость единицы объема заготовленной древесины (Price_forest); стоимость использования автовоза за единицу времени (Price_avto); стоимость использования харвестера за единицу времени (Price_harvester); стоимость технического обслуживания лесной дороги (Price_service); период сервисного обслуживания лесной дороги (Service_period).

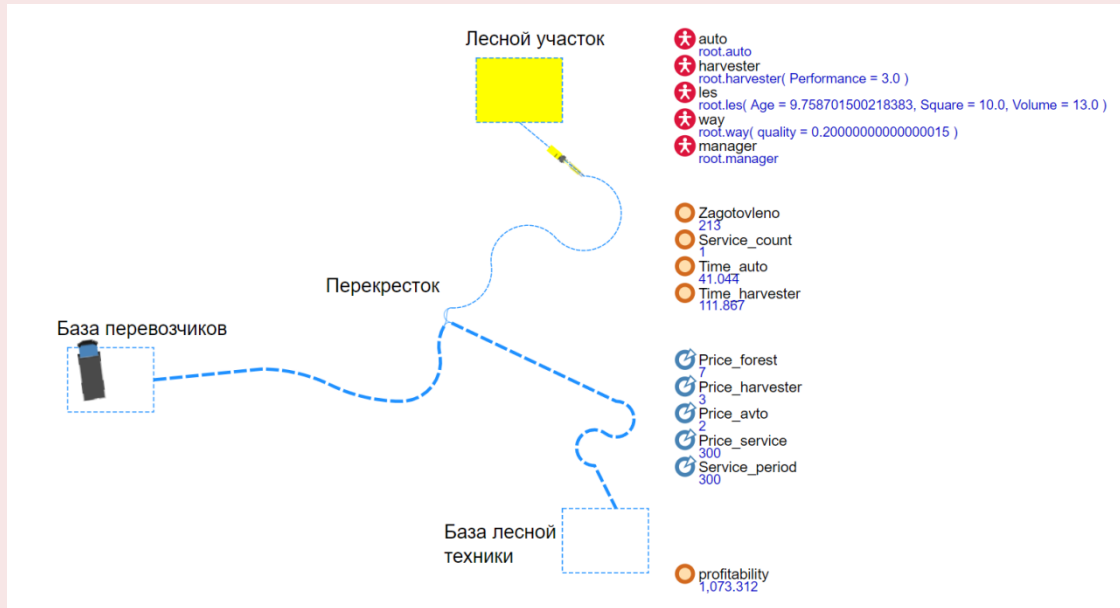
В качестве целевого показателя для созданного прототипа модели выступает рентабельность процесса лесозаготовки. Для его расчета в модель введена переменная profitability. Она обновляется на каждом шаге модельного времени: $profitability = P_{price_forest} \times Zagotovleno - (Price_harvester \times Time_harvester + Price_avto \times Time_auto + Service_count \times Price_service)$.

С использованием созданного прототипа модели авторами был проведен ряд экспериментов (рис. 5).

В таблице представлены результаты экспериментов, связанные с изменением параметра периода сервисного обслуживания лесной дороги при неизменности остальных параметров. Общее время моделирования 300 единиц модельного времени.

По результатам моделирования обращают на себя внимание следующие факты. Наилучший результат, с точки зрения рентабельности, был получен при периоде сервисного обслуживания, равном модельному времени. При этом наихудший результат по параметру рентабельность оказался наилучшим по объему заготовленной древесины. Т. е. за счет более качественного обслуживания лесной дороги повысилась скорость передвижения по ней харвестера к месту лесозаготовки. И это, в свою очередь, обеспечило больший объем лесозаготовки за моделируемый период.

Рис. 5. Окно с результатами моделирования

Источник: составлено авторами.

Результаты экспериментов

№ п. п.	Период сервисного обслуживания, единиц модельного времени	Объем заготовленной древесины, условных единиц объема	Рентабельность, условных денежных единиц
1	300	213	1073,312
2	250	213	773,312
3	200	213	783,558
4	150	213	658,366
5	100	213	381,426
6	50	219	-419,146

Источник: составлено авторами.

Обсуждение

Анализируя полученные результаты, в целом можно утверждать, что поставленная цель исследования достигнута. С использованием практической реализации прототипа модели осуществлены интерпретация и апробация сервис-ориентированного подхода к построению агент-ориентированных моделей, обеспечивающих формирование эффективно функционирующей территориальной сети лесных дорог. В частности, были продуманы и апробированы механизмы, обеспечивающие определение целевых показателей и критериев оценки эффективности функционирования системы в условиях существования мобильных элемен-

тов; формирование пространственного графа функционирования системы с учетом существующей инфраструктуры, способного отображать мобильность элементов системы; определение состава и параметров объектов системы в соответствии с сервис-ориентированной парадигмой; определение моделей поведения объектов системы с учетом их мобильности и направленности на предоставление/потребление сервисов; распределение объектов системы в узлах пространственного графа; возможности манипулирования параметрами объектов, первичным распределением объектов в узлах пространственного графа. При этом стоит отметить, что в рамках исследования не проводи-

лась интерпретация механизмов формирования конкурентного поведения элементов модели. Это связано со стремлением представить упрощенный вариант прототипа модели в целях ее лучшего восприятия. На следующем этапе исследований планируется развитие прототипа модели на примере реальной системы. Это позволит устранить существующие пробелы в интерпретации разработанных подходов к созданию подобной системы, а также уточнить их. Кроме того, представленный прототип в текущем виде не предназначен для проведения экспериментов, по результатам которых можно делать содержательные выводы об исследуемой системе. Получаемые результаты можно трактовать лишь с точки зрения оценки их общей адекватности моделируемым процессам. При этом следует учитывать, что созданный прототип модели способен выступать в качестве основы для построения агент-ориентированных моделей реальных систем. При развитии прототипа авторами планируется учесть множество факторов, влияющих на структуру транспортной сети и размещение отдельных составляющих ее дорог в лесном массиве, среди которых (Иванова, 2011; Чернышова и др., 2019): существующая сеть дорог; природно-климатические условия района; таксационные характеристики древостоев; рельефные, почвенно-грунтовые и гидрологические особенности территории лесосырьевой базы; обеспеченность района местными дорожно-строительными материалами, расположение карьеров; продолжительность зимнего и летнего периодов, распределение осадков по временам года, периоды весенней и осенней распутиц и др. Это позволит проводить содержательную и практическую интерпретацию результатов моделирования.

Заключение

В настоящее время для Российской Федерации актуальной задачей является использование огромного потенциала имеющихся

лесных ресурсов. При этом необходимо решить проблему их доступности, в связи с чем в любом проекте по освоению лесов на определенной территории необходимо планировать формирование экономически наиболее эффективной сети транспортных путей. Следует учитывать и долгосрочный характер инвестиций. Сложность задачи заключается в том, что для ее решения требуется проработать множество возможных вариантов, при этом оперировать большим набором разнообразных параметров, а также прогнозировать изменение системы во времени. Авторами развивается направление научных исследований по разработке методологии создания агент-ориентированных моделей, обеспечивающих поддержку принятия решений по формированию эффективной территориальной сети лесных дорог. Представленное исследование посвящено устранению существующего пробела в использовании единой концепции формализации предметной области, наблюдаемого при создании подобных моделей. Полученные результаты позволят сформировать цельный механизм создания агент-ориентированных моделей, обеспечивающий последовательный и полный цикл этапов, начиная с анализа предметной области и заканчивая практической реализацией и использованием моделей. Они имеют практическую значимость с точки зрения интерпретации разработанной концепции построения агент-ориентированных моделей формирования инфраструктуры лесозаготовки и подтверждения возможности построения с его помощью моделей реальных систем, обеспечивающих их оценку и принятие решений по развитию.

Таким образом, работа вносит вклад в развитие теоретических и прикладных аспектов создания агент-ориентированных моделей формирования эффективно функционирующей территориальной сети лесных дорог.

Литература

- Афоничев Д.Н., Данилов А.Д., Петровский В.С. (2014). Математическое обеспечение системы автоматизированного проектирования объектов производственно-транспортной инфраструктуры лесопромышленного комплекса // Лесотехнический журнал. Т. 4. № 1 (13). С. 75–80.
- Васильев О.И., Корныльева Ю.А. (2015). Имитационное моделирование систем управления объектами лесной инфраструктуры // Лесотехнический журнал. Т. 5. № 2 (18). С. 177–187.
- Герасимов Ю.Ю., Карвинен С., Сюнёв В.С., Соколов А.П., Катаров В.К. (2009). Развитие транспортной инфраструктуры лесной отрасли — опыт Финляндии // Транспортное дело России. № 7. С. 99–102.

- Герасимов Ю.Ю., Соколов А.П., Катаров В.К. (2011). Разработка системы оптимального проектирования сети лесовозных автомобильных дорог // Информационные технологии. № 1 (68). С. 39–43.
- Гладков Е.Г. (2005). Модель территориальной динамики лесозаготовительного предприятия // Лесной журнал. № 1–2. С. 47–53.
- Гребенюк А.Л., Гарус И.А. (2014). Проблема доступности лесных ресурсов // Актуальные проблемы лесного комплекса: сб. науч. трудов по итогам междунар. науч.-техн. конференции. Брянск: БГИТА. Вып. 39. С. 3–4.
- Гулин К.А., Антонов М.Б. (2017). Теоретические аспекты агент-ориентированного моделирования развития лесного комплекса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.4
- Дианов С.В. (2020). Задача оптимального пространственного размещения сервисов для систем с мобильными пользователями // Интеллектуально-информационные технологии и интеллектуальный бизнес (ИНФОС-2020): мат-лы XI заочной междунар. науч.-техн. конференции, Вологда, 29–30 июня 2020 года. Вологда: Вологодский государственный университет. С. 53–55.
- Иванова М.Э. (2011). Исследование и планирование развития лесной транспортной сети // Лесной вестник. № 3. С. 91–97.
- Ильин Б.А. (1987). Основы размещения лесовозных дорог в сырьевых базах лесозаготовительных предприятий. Л.: ЛТА. 63 с.
- Комаров К.А., Фомина В.Ю., Герасимова М.М., Мохирев А.П. (2019). Оптимизация маршрутов доставки древесины на основе нечеткой динамической транспортной сети // Инновации в химико-лесном комплексе: тенденции и перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 25–26 апреля 2018 года / отв. ред. Ю.А. Безруких, Е.В. Мельникова. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. С. 205–210.
- Курьянов В.К., Морковин В.А. (2009). Обеспечение эффективности освоения экономически доступных лесных ресурсов посредством дорожного строительства в условиях реформирования лесного законодательства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. С. 330–333.
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сушко Г.Б. (2019). Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.4
- Мохирев А.П., Герасимова М.М., Медведев С.О. (2018). Нахождение маршрута минимальной стоимости транспортного пути при доставке древесины с лесосеки // Вестник СГУГиТ. Т. 23. № 4. С. 249–261.
- Мохирев А.П., Позднякова М.О., Гудень Т.С., Сухинин В.Д. (2019). Влияние природно-производственных факторов на транспортные затраты лесозаготовительного производства // Лесотехнический журнал. Т. 9. № 2 (34). С. 107–117.
- Мохирев А.П., Позднякова М.О., Резинкин С.Ю., Мамматов В.О. (2017). Оценка доступности лесных ресурсов с использованием современных методик на базе географических информационно-аналитических систем // Лесотехнический журнал. № 4. С. 109–122.
- Мохирев А.П., Рукомойников К.П. (2022). Моделирование структуры лесотранспортных потоков. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет. 396 с.
- Никитин В.В., Козлов В.Г., Арутюнян А.Ю., Умаров М.М. (2016). Имитационная модель функционирования лесовозной автомобильной дороги // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. Т. 20. № 2. С. 167–172.
- Починков С.В. (2000). Рыночная модель лесопользования: экономические аспекты // Лесное хозяйство. № 1. С. 18–24.
- Россошанская Е.А. (2019). Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 1. С. 124–137. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61
- Рукомойников К.П., Мохирев А.П., Медведев С.О., Дербенева Е.Ю. (2020). Отдельные особенности имитационного моделирования технологического процесса вывозки древесины // Наука и бизнес: пути развития. № 10 (112). С. 104–107.
- Соколов А.П., Осипов Е.В. (2017). Имитационное моделирование производственного процесса заготовки древесины с помощью сетей Петри // Лесотехнический журнал. Т. 7. № 3 (27). С. 307–314.

- Суханов Ю.В., Селиверстов А.А., Соколов А.П., Перский С.Н. (2012). Имитационное моделирование операций трелевки форвардером: алгоритмы и реализация // Труды лесоинженерного факультета ПетрГУ. Т. 9. № 1. С. 58–61.
- Третьяков А.Г. (2019). Моделирование структуры и объемов производства лесного сектора в лесном планировании // Экономические науки. № 181. С. 336–342. DOI: 10.14451/1.181.336
- Чернышова Е.В., Скрыпников А.В., Самцов В.В., Абасов М.А. (2019). Лесовозные автомобильные дороги в транспортной сети лесопромышленного предприятия // Лесной журнал. № 2. С. 95–101. (Изв. высш. учеб. заведений). DOI: 10.17238/issn0536-1036.2019.2.95
- Якушева Т.В., Борозна А.А., Ветров Л.С., Насковец М.Т. (2014). Экологический, экономический и социальный аспекты в развитии лесной транспортной инфраструктуры // Труды БГТУ. Лесная и деревообрабатывающая промышленность. № 2 (166). С. 63–65.
- Arifin S.M.N., Madey G.R. (2015). Verification, validation, and replication methods for agent-based modeling and simulation: Lessons learned the hard way! In: Yilmaz L. (Ed.). *Concepts and Methodologies for Modeling and Simulation. Simulation Foundations, Methods and Applications*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-15096-3_10
- Bellman R. (1958). On a routing problem. *Quarterly of Applied Mathematics*, 16, 87–90. DOI: 10.1090/qam/102435
- Dijkstra E.W. (1959). A note on two problems in connection with graphs. *Numerische Mathematik*, 1, 269–271.
- Fitzpatrick B.G. (2018). Issues in reproducible simulation research. *Bull Math Biol*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11538-018-0496-1>
- Floyd R.W. (1962). Algorithm 97 – shortest path. *Comm. of ACM*, 5, 345.
- Janssen M.A. (2017). The practice of archiving model code of agent-based models. *J Artif Soc Social Simul*. Available at: <https://doi.org/10.18564/jasss.3317>
- Holm S., Hilty L.M., Lemm R., Thees O. (2018). Empirical validation of an agent-based model of wood markets in Switzerland. *PLoS ONE*, 13(1): e0190605. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190605>
- Huff E.S., Leahy J.E., Hiebeler D. et al. (2015). An agent-based model of private woodland owner management behavior using social interactions, information flow, and peer-to-peer networks. *PLoS ONE*, 10(11): e0142453. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0142453>
- Kumar A., Kaur M. (2010). A fuzzy linear programming approach to solve fuzzy maximal flow problems. *International Journal of Physical and Mathematical Sciences*, 1(1), 6–12.
- Lim E.W.C. (2012). *Discrete Event Simulations: Development and Applications*. Rijeka: InTech.
- Mokhirev A., Gerasimova M., Pozdnyakova M. (2019). Finding the optimal route of wood transportation. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 226, conference 1, 1–7. DOI: 10.1088/1755-1315/226/1/012053
- Moore E.F. (1959). The shortest path through a maze. In: *Proceedings of an International Symposium on the Theory of Switching, April 2–5, 1957, Part II*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shegelman I.R. (2001). Analysis of end-to-end processes of harvesting tree biomass and its processing into wood chips. In: *Current Issues of Timber Industry Development: Scientific Works*. Petrozavodsk: Karel'skaya regional'naya inzhenernaya akademiya Publ.
- Scholz J., Breitwieser F., Mandl P. (2017). Modelling a dynamic forest fuelmarket focusing on wood chips: A spatial agent-based approach to simulate competition among heating plants in the Province of Carinthia, Austria. *GI_Forum*, 5(1), 383–396. Available at: https://doi.org/10.1553/giscience2017_01_s383
- Scholz J., Breitwieser F., Mandl P. (2021). Simulating the forest fuel market as a socio-ecological system with spatial agent-based methods: A case study in Carinthia, Austria. *Natural Resource Modeling*. Available at: <https://doi.org/10.1111/nrm.12291>
- Shegelman I.R., Shchegoleva L.V., Ponomarev A.Yu. (2005). Mathematical model of the choice of through flows of procurement, transportation and processing of wood raw materials. *Izvestia Sankt-Peterburgskoj Lesotekhnicheskoi Akademii=News of the Saint Petersburg State Forest Technical Academy*, 172, 32–37.
- Sotnik G., Cassell B.A., Duveneck M.J., Scheller R.M. (2021). A new agent-based model provides insight into assumptions in modeling forest management under deep uncertainty. *Landscape Ecology*, 37, 1251–1269. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10980-021-01324-5>
- Zupko R., Rouleau M. (2019). ForestSim: Spatially explicit agent-based modeling of non-industrial forest owner policies. *SoftwareX*, 9, 117–125. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.softx.2019.01.008>

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Сергей Владимирович Дианов – кандидат технических наук, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Дмитрий Александрович Алферьев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alferev_1991@mail.ru); ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29)

Даниил Сергеевич Дианов – инженер, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Daniil.dianov@gmail.com); старший преподаватель, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15)

Gulin K.A., Dianov S.V., Alfer'ev D.A., Dianov D.S.

Agent-Based Modeling in the Formation of an Effective Territorial Network of Forest Roads

Abstract. The paper considers conceptual and methodological aspects in creating computer simulation agent-based models which provide decision-making on the formation of an effective territorial network of forest roads. The key aim of the research is to interpret and test a service-oriented approach to building such models. The approach is based on the principle of interaction between the following objects distributed in space: service providers and consumers. We consider issues related to constructing and operating a network of forest roads used for forest harvesting processes. Complexity in solving these problems is due to a large number of interacting elements and estimated parameters that differ in their impact on the system depending on a particular territory. Thus, such problems are solved using simulation modeling methods, in particular, the agent-based approach, which is one of the most promising ones among them. At the same time, it is determined that they are constructed without using a formalized methodological framework, which does not allow us to interpret the results obtained here as a unified concept of formation of agent-based models in the subject area. To fill this niche, we propose our own concept based on the service-oriented approach. We present main fragments of formal description of the approach and describe some aspects of its applied interpretation using a prototype of game agent-based model in AnyLogic environment. We use general scientific methods: formalization, abstraction, generalization; methods of system analysis and agent-based modeling. As a result of the work we developed and tested our own concept of agent-based modeling of effective territorial transport infrastructure of the harvesting system. The novelty of the concept lies in the use of service-oriented approach. In addition, the concept can be used as a universal basis for building the models in question. This will require the development of methodological aspects of its application, a full-scale interpretation of the possible uses, as well as practical testing on real systems.

Key words: harvesting system infrastructure, transport accessibility of forest resources, efficient road network, agent-based modeling, service-oriented approach.

Information about the Authors

Konstantin A. Gulin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Sergei V. Dianov – Candidate of Sciences (Engineering), associate professor of Department, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Dmitrii A. Alfer'ev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alferev_1991@mail.ru); Assistant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Polytechnicheskaya Street, Saint Petersburg, 194064, Russian Federation)

Daniil S. Dianov – Engineer, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Daniil.dianov@gmail.com); senior lecturer, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation)

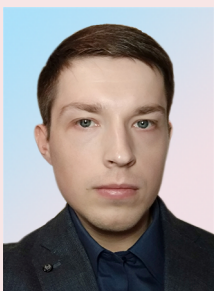
Статья поступила 24.11.2022.

Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике

**Виктор Вильгельмович
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8901-4817; ResearcherID: N-9048-2017

**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6952-6834; ResearcherID: N-8102-2017

Аннотация. Рассматриваются международные и российские подходы к определению устойчивого развития. В докладе «Наше общее будущее» была положена новая триединая концепция устойчивого развития – эколого-социально-экономического. Постепенно акценты устойчивого развития от глобальных проблем континентов, отдельных государств и регионов сместились к изучению устойчивого развития городского пространства, так как в настоящее время в городах проживает более половины мирового населения. С одной стороны, города определяют качество жизни, улучшение которого является предпосылкой удовлетворения базовых потребностей в занятости, жилье, медицинском обслуживании, образовании и отдыхе; с другой, сталкиваются с такими проблемами, как нехватка финансовых ресурсов и рабочих мест, рост количества бездомных и нищеты, увеличивающий разрыв между богатыми и бедными. Приводится анализ принятых документов ООН-Хабитат по устойчивому развитию населенных пунктов от Ванку-

Для цитирования: Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2023). Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 85–102. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.5

For citation: Fauzer V.V., Smirnov A.V. (2023). International and Russian approaches to studying the sustainable development of urban environment: From theory to practice. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 85–102. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.5

верской декларации о населенных пунктах (1976) до «Доклада о городах мира 2022: Предвидение будущего городов». Представлен европейский путь через Европейскую хартию. Основные положения и концепции устойчивого развития больших и малых городов Европы рассмотрены от Ольборгской хартии (Дания, 1994) до «Мангеймского послания» (Германия, 2020). Анализируется рейтинг северных городов, осуществляемый Рейтинговым агентством SGM с 2013 года. Предложена авторская методика оценки устойчивого развития северных городов по восьми демографическим и трудовым показателям; проведена группировка 115 городов Севера России по типам и показателям устойчивого развития, отмечены 10 наиболее устойчивых городов и 10 – с наихудшим рейтингом. Рассмотренные теоретические положения и практические результаты могут применяться для сравнительных исследований и планирования территориального развития. Предложены направления по повышению устойчивого развития северных городов России.

Ключевые слова: ООН-Хабитат, Европейская хартия, устойчивое развитие городов, Север России, демографическая и трудовая устойчивость, рейтинговые оценки.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках программы BR10965247 «Исследование факторов, особенностей и динамики демографических процессов, миграции, урбанизации в Казахстане, разработка цифровых карт и прогнозов». Источник финансирования – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Авторы признательны Фаузер Галине Николаевне и Чупровой Екатерине Анатольевне за помощь в подготовке рукописи к печати.

Введение

Несмотря на обилие литературы, трудно сказать уверенно, кто и когда первым предложил свое видение и обосновал необходимость устойчивого развития. Древние земледельцы, неся колоссальные потери от засухи или, наоборот, от обилия дождей, отсутствия селекции и недостаточного использования удобрений при выращивании сельхозпродукции пришли к выводу, что процесс земледелия должен быть устойчивым и что им необходимо управлять. Первобытные охотники, конкурируя с диким зверем за добычу мяса и дичи, осознали необходимость одомашнивания животных, чтобы дополнить растительный рацион мясными продуктами на постоянной основе. К государственным деятелям пришло понимание целесообразности соблюдать как права всех слоев граждан, так и права и суверенитет слабых в экономическом и военно-политическом плане государств с целью устойчивого развития (УР).

Впервые системно об устойчивом развитии заговорили члены Римского клуба. Его первый Президент Аурелио Печчеи писал: «Демографический кризис, безработица, дефицит и нерациональное управление ресурсами, загрязнение среды, разрушение биосферы и многие другие проблемы, сцепившись друг с другом, подобно щупальцам гигантского спрута, опутали всю

планету». Предлагалась цепочка поэтапных переходов: «рост вообще – допустимый рост – органический рост – динамическое равновесие». Особое внимание обращалось на разумное удовлетворение человеческих потребностей. «Концепцию потребности надо соотносить с возможностью ее удовлетворения, а человеческие запросы подчинять возможности разумного их обеспечения. В противном случае нас не ждет впереди ничего, кроме хаоса и разочарований» (Печчеи, 1985).

Концепция устойчивого развития вышла на международную арену после опубликования в 1987 году Доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН «Наше общее будущее»¹. В нем впервые появилась базовая формулировка «устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В ней содержится ключевая идея устойчивого развития как баланса между поколениями.

¹ Наше общее будущее: Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. ООН. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения 20.11.2022).

У концепции устойчивого развития много аспектов. Начав с изучения эколого-социально-экономических проблем, она плавно переместилась к изучению более детально социальной проблематики, в том числе демографических, трудовых и миграционных аспектов (Демографический и трудовой факторы..., 2018), поскольку именно в этой сфере сосредоточены многие важнейшие вызовы XXI века. Идет быстрый рост населения на одних континентах и его депопуляция на других, увеличилась неконтролируемая миграция в европейские страны. Борьба с бедностью и нищетой не дала нужных результатов. По данным Всемирного банка, около 46% населения мира проживало на менее чем \$5,50 в день.

Одновременно вопросы устойчивого развития целых континентов или их частей, государств и регионов стали рассматриваться применительно к устойчивому развитию городского пространства, отдельных городов. И это был не праздный интерес – все больше людей на планете Земля стали проживать в городах. Ч. Тилли в 1960-е гг. обратил внимание на возросшие темпы урбанизации: «В 100 г. до н.э. менее 1% мирового населения проживало в городах, в 1800 г. – менее 5% и только XX столетие становится веком урбанизации» (Tilly, 1968). Согласно Докладу ООН-Хабитат о состоянии городов мира – 2022, на «фоне того, что городское население продолжает увеличиваться благодаря росту рождаемости, особенно в странах с более низким уровнем дохода, прогнозируется, что доля городского населения в общей численности мирового населения вырастет с 56% в 2021 г. до 68% в 2050 г.»². В последние годы население городов увеличивается в «среднем на 1,5 млн человек в неделю. Хотя города занимают всего 1% суши, на них приходится 80% энергозатрат (и выбросов углекислого газа). По этой причине именно города находятся на переднем крае борьбы с изменением климата» (Гильен, 2022).

В связи с ростом значения городов мировое сообщество начинает принимать ряд основополагающих документов по устойчивому развитию и состоянию городов: ООН-Хабитат (1976), Европейская хартия местного самоуправления

(1985), Ольборгская хартия (1994) и ряд других. В Российской Федерации развитию и управлению городами уделяется особое внимание. В 2002 году принята «Московская декларация», в 2003 году вышел Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В 2016 году утверждён паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Ежегодно создаются рейтинги городов по уровню жизни, уровню зарплат, благоустройству, уровню развития, климату, населению и т. д. С 2013 года публикуется рейтинг устойчивого развития городов РФ, а с 2022 года составляется Рэнкинг устойчивого развития регионов России.

При изучении социальной устойчивости было предложено выделить в отдельные области исследования демографическую устойчивость и трудовую устойчивость, поскольку в долгосрочной перспективе именно они окажут определяющее влияние на развитие общества. Демографическая устойчивость исходит из того, что количество и качество населения определяют другие виды устойчивости; а трудовая устойчивость – качество жизни и отношение человека к природе и обществу. Следовательно, повышение степени демографической и трудовой устойчивости позволит повысить общую устойчивость городского пространства.

Апробация методик прошла применительно к северным и арктическим регионам. Используемые показатели и полученные результаты представлены в работах (Фаузер и др., 2018a; Фаузер и др., 2018b). На следующем шаге исследования предполагается перейти от изучения регионов к городскому пространству и устойчивому развитию городов.

В фокусе внимания находятся города северных регионов России. Цель – опираясь на международные и российские подходы к оценке устойчивого развития городского пространства, оценить трудовую и демографическую устойчивость городов российского Севера. Для ее раскрытия поставлены следующие задачи:

- систематизировать подходы к изучению и оценке устойчивого развития городского пространства;
- определить набор демографических и трудовых показателей для оценки устойчивого развития городов;

² World Cities Report 2022. Envisaging the Future of Cities. Nairobi: United Nations Human Settlements Programme.

– разработать методику оценки устойчивого развития городов по трудовым и демографическим показателям;

– ранжировать северные города по демографической и трудовой устойчивости; дать краткое описание городов лидеров и аутсайдеров по устойчивому развитию, выявить важнейшие факторы устойчивости для разных групп городов.

Информационной базой послужили данные муниципальной статистики.

Рассмотренные теоретические положения, предложенная методика и практические результаты могут быть использованы для межстрановых сравнений. Первый опыт такого исследования получен при работе с коллегами из Казахстана³ (Фаузер, Альжанова, 2022).

Теоретические положения устойчивого развития

Монографических работ и научных статей по устойчивому развитию с точки зрения экологических, экономических и социальных проблем достаточно много. Значительно меньше исследований по оценке демографической и трудовой устойчивости, хотя эти два направления, на наш взгляд, являются ключевыми для развития общества. Не претендуя на полный охват всех монографий и диссертаций, назовем те, что попали в сферу нашего внимания. Ранее в коллективной монографии мы достаточно полно сделали обзор публикаций по устойчивому развитию, в том числе размещенных на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (Демографический и трудовой факторы..., 2018).

К числу первых работ, охвативших северные территории, можно отнести монографию Т.В. Усковой «Управление устойчивым развитием региона», в которой рассмотрены теоретико-методологические и методические аспекты устойчивого развития; раскрыты современные подходы к оценке устойчивости региональных социально-экономических систем; показана роль местного самоуправления в обеспечении УР и повышении конкурентоспособности региона (Ускова, 2009).

³ Программа BR10965247 «Исследование факторов, особенностей и динамики демографических процессов, миграции, урбанизации в Казахстане, разработка цифровых карт и прогнозов».

Представляет интерес многоаспектная монография коллектива авторов «Факторы устойчивого развития регионов России». В ней даны подходы к типологии регионов по УР по разным основаниям, отмечается, что обеспечение устойчивого развития регионов возможно на основе стимулирования регионального промышленного комплекса, приводится опыт по изучению УР Якутии, Саратовской области и Приморского края (Борисова и др., 2015).

В монографии «Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития» раскрываются сущность, структура, цели, принципы и факторы социальной устойчивости региона; систематизированы современные подходы к определению и исследованию социальной устойчивости территорий. Составлен рейтинг территорий РФ по уровню социальной устойчивости и ее составляющих. Выявлен комплекс объективных и субъективных угроз социальной устойчивости (Социальная устойчивость..., 2017).

Применительно к Северу России вышла монография «Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения». Авторы предложили оригинальную методику оценки социальной устойчивости регионов Севера и Арктики, составили их рейтинги, выполнили картирование. Для достижения социальной устойчивости был предложен конкретный механизм и алгоритм действий (Социальная устойчивость..., 2018).

Ближе к теме нашего исследования монография «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России». В ней представлены мировые системы показателей по мониторингу целей устойчивого развития на межстрановом, страновом и локальном уровнях; определены факторы и показатели оценки демографической и трудовой устойчивости; все северные регионы ранжированы по степени устойчивости (высокая, средняя, низкая, критическая); показаны роль и влияние миграции населения на УР северных территорий (Демографический и трудовой факторы..., 2018).

Городская тематика поднимается в работе «Устойчивое развитие городов», где рассмотрен широкий круг вопросов от «территориально-

отраслевой организации общества» до «размещения населения, отраслей производства и оценки экологической ситуации». Исследование акцентируется на изучении системы «Природа – Человек – Производство» и на проблемах развития моногородов (Устойчивое развитие..., 2019).

Представляет интерес монография И.А. Вершининой «Современные теории города: социологический анализ», посвященная анализу теорий, наиболее значимых для социологического осмысления урбанистического пространства. Автор представляет ретроспективный анализ развития городских исследований, демонстрируя, в каком ракурсе в них находила отражение социальная проблематика, а затем переходит к рассмотрению теоретических разработок в сфере урбанистики, способствующих обогащению современного социологического знания. В монографии реконструируются характерные для современной урбанистики репрезентации города как социального феномена (Вершинина, 2019).

Теме устойчивого развития посвящены диссертации Ю.Д. Юркова⁴ и М.Ю. Осиповой⁵.

В зарубежной научной литературе имеются работы по демографической устойчивости (Roca et al., 2002; Camarinha-Matos, Afsarmanesh, 2010; Stern, 2013). Например, изучаются такие характеристики устойчивости, как численность и плотность населения, степень урбанизации, миграция, соотношение полов, возрастной состав, уровень образования и занятости (Roca, Roca, 2014). С точки зрения трудовых факторов устойчивое развитие рассматривается в работе К. ван Трик. Анализ распределения совокупного дохода между факторами производства позволяет оценить степень достижения цели устойчивого развития «достойная работа для всех»⁶. Однако такой подход не лишен недостатков, поскольку игнорируются другие факторы устойчивости.

⁴ Юрков Д.В. (2017). Управление миграцией как механизм устойчивого развития территорий: дис. ... д-ра экон. наук. Казань. 414 с.

⁵ Осипова М.Ю. (2017). Разработка статико-динамического подхода к оценке и управлению устойчивым развитием региона: дис. ... канд. экон. наук. Пермь. 263 с.

⁶ van Treeck K. (2017). The Role of Labor in Sustainable Development. Doctoral Thesis. Available at: <https://ediss.uni-goettingen.de/handle/11858/00-1735-0000-0023-3FB0-A> (accessed: December 1, 2022).

Принципы, концепции и программы устойчивого развития городов

Исследование городского пространства построено на основе принципов, концепций и программ, изложенных в документах Организации Объединенных Наций, Европейской хартии и нормативно-правовых актах Российской Федерации. Рассмотрение начнем с общих положений ООН и закончим документами Российской Федерации.

Первым документом по устойчивому развитию населенных пунктов стала Программа ООН-Хабитат (англ. *The United Nations Human Settlements Programme, UN-HABITAT*) по содействию устойчивому развитию населенных пунктов. В 1976 году в Ванкувере (Канада) прошла Первая конференция – Хабитат I. На ней было подчеркнуто, что сложилась крайне тяжелая ситуация в области населенных пунктов, в первую очередь в развивающихся странах; что «положение в населенных пунктах определяет качество жизни и определяет возможность удовлетворения таких базовых нужд, как занятость, жилье, медицинское обслуживание, образование и отдых». Было подчеркнуто, что идет «неконтролируемый рост городов и возникающих вследствие этого условий перенаселенности, загрязнения, ухудшения окружающей среды и психологической напряженности в крупных городах»⁷.

В 1996 году в Стамбуле (Турция) состоялась Вторая конференция по населенным пунктам – Хабитат II. На ней были приняты две резолюции: «Стамбульская декларация по населенным пунктам» и «Повестка дня Хабитат». Работа конференции была посвящена двум темам: «Достаточное жилье для всех» и «Устойчивое развитие населенных пунктов в урбанизирующемся мире». В декларации отмечено, что «к числу наиболее *серьезных проблем*, с которыми сталкиваются города и их жители, относятся нехватка финансовых ресурсов и рабочих мест, увеличение количества бездомных и разрастание скваттерных поселений, рост нищеты и все увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, ухудшение ситуации в плане

⁷ Декларация принципов: Ванкуверская декларация о населенных пунктах. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/vancouver.pdf (дата обращения 20.11.2022).

безопасности и рост преступности, ухудшение состояния жилищного фонда, качества услуг и инфраструктуры, нехватка учреждений системы здравоохранения и образования, нерациональное землепользование, ненадежность законов о землевладении, перегрузка дорожной сети, усиление загрязнения окружающей среды и ряд др.».

Для устранения выделенных проблем необходимо решить противоречие между «потреблением и производством»; «неравномерным расселением и концентрацией населения в ограниченных ареалах, сопровождающихся ростом бедности, нищеты, безработицы, социальной изоляции и рядом других социальных язв городских сообществ». В целях УР необходимо создать условия для экономического роста, социального развития и охраны окружающей среды⁸.

В июне 2001 года в Нью-Йорке состоялась 25-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН «Стамбул + 5», на которой была принята «Декларация по городам и другим населенным пунктам в новом тысячелетии», подтвердившая приверженность «Стамбульской декларации о населенных пунктах» и «Повестке дня Хабитат», которые касаются «надлежащего жилья для всех, устойчивого развития населенных пунктов, стимулирования и обеспечения участия, гендерного равенства, финансирования жилищного строительства и развития населенных пунктов, международного сотрудничества и оценки достигнутого прогресса». Также были намечены новые инициативы в духе Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций. Отмечено, что «крупные и малые города обладают потенциалом для максимального увеличения преимуществ и сглаживания негативных последствий глобализации. Рационально управляемые города могут обеспечить экономическую среду, способную генерировать возможности для занятости населения, а также обеспечить предложение разнообразных товаров и услуг»⁹.

⁸ Доклад конференции Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (Хабитат II). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/vancouver.pdf (дата обращения 20.11.2022).

⁹ Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии. URL: <http://www.unhabitat.ru/assets/files/publication/dg.pdf> (дата обращения 20.11.2022).

Новая программа развития городов была принята на Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), проходившей с 17 по 20 октября 2016 года в Кито (Эквадор). Участники Хабитат III достигли согласия в том, что «города будут служить источником для решения проблем, чем их причиной. Если процесс урбанизации будет разумно спланирован и эффективно организован, то он сможет стать значимым инструментом для достижения УР как в развитых, так и в развивающихся странах». Программа Хабитат III поможет положить «конец нищете и голоду; сократить неравенство; обеспечить экономический рост и гендерное равенство; повысить жизнестойкость и защитить окружающую среду». Участники конференции просят Генерального секретаря раз в четыре года представлять доклад о ходе осуществления Новой программы развития городов¹⁰.

Новый доклад ООН-Хабитат (Катовице, Польша, 29 июня 2022 года) «Доклад о городах мира 2022: Предвидение будущего городов» призван «обеспечить большую ясность и понимание будущего городов на основе существующих тенденций, проблем и возможностей, а также разрушительных условий, включая ценные уроки пандемии COVID-19». Временные рамки доклада определены как окно «Десятилетия действий» (2020–2030 гг.). Для устойчивого развития городов (УРГ) «в странах с низким уровнем дохода плотность городов необходимо планировать и регулировать таким образом, чтобы будущий рост не оказывал давления на существующие открытые земли, инфраструктуру и услуги и не приводил к скученности, с одной стороны, или к неустойчивому разрастанию, с другой». Отмечается, что «города создают богатство, но также концентрируют бедность и неравенство». Устойчивому развитию городов будет способствовать «интеграция связей между городом и деревней». Будущее городов будет основано «на знаниях, во многом благодаря инновациям и широкому использованию новых технологий, а также оцифровке практически всех аспектов городской жизни»¹¹.

¹⁰ Новая программа развития городов. URL: <http://www.unhabitat.ru/assets/files/publication/Documents/NUA-Russian.pdf> (дата обращения 20.11.2022).

¹¹ Доклад о городах мира 2022. Предвидя будущее городов. URL: <https://unhabitat.org/wcr/#chapter-1> (дата обращения 20.11.2022).

Европейские государства пошли своим путем — через создание хартий. Первым документом по устойчивому развитию городов можно считать «Европейскую хартию местного самоуправления» (Страсбург, Франция, 15 октября 1985 года). В ней подчеркнуто, что «местное самоуправление является одной из главных основ любого демократического строя», а «право может быть осуществлено только на местном уровне». В документе под местным самоуправлением понимается «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения». В хартии подчеркивается, что «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается только с учетом мнения населения соответствующих территорий, в том числе путем проведения референдума там, где это допускается законом». И наконец, определены принципы финансовой деятельности, предусматривающие финансовое выравнивание между слабыми и сильными органами местного самоуправления; отмечено, что «предоставляемые субсидии распределяются органами местного самоуправления в пределах их компетенции и не должны поступать под конкретные программы»¹². Россия подписала хартию 28 февраля 1996 года.

Основы устойчивого развития больших и малых городов были заложены на Первой Европейской конференции по устойчивому развитию городов в хартии «Города Европы на пути к устойчивому развитию» (Ольборгская хартия, Дания, 27 мая 1994 года). В ней отмечается, что «достижение современного уровня потребления ресурсов в промышленно развитых странах невозможно для всех ныне живущих людей, а тем более — для будущих поколений, без разрушения природного капитала». Чтобы реализовать идею УРГ, следует «стремиться к социальной справедливости, устойчивой экономике и экологической устойчивости. Социальная справедливость неизбежно должна основываться на экономической устойчивости и равенстве, для чего необходи-

ма экологическая устойчивость». Отмечается, что «устойчивость на Земле обеспечивается устойчивостью местных сообществ». Предлагается возникающие проблемы решать на городском уровне, а если это невозможно, то выносить их за его пределы¹³. В России к Ольборгской хартии присоединились 16 городов, среди которых Ижевск, Орел, Пермь, Ростов-на-Дону, Смоленск, Ставрополь.

В 1996 году в Лиссабоне (Португалия) прошла Вторая Европейская конференция по устойчивому развитию городов, где был принят «Лиссабонский план действий: от хартии к действиям», в том числе принцип ведения переговоров, инструменты управления, созданы союзы «Север — Юг» и «Запад — Восток»¹⁴.

Далее конференции по устойчивому развитию городов и поселков Европы проводились в Ганновере (Германия, 2000 г.); Ольборге (Дания, 2004 г.); Севилье (Испания, 2007 г.); Дюнкерке (Франция, 2010 г.); Женеве (Швейцария, 2013 г.); Стране Басков (Испания, 2016 г.).

Последняя конференция проходила в Мангейме (Германия) с 30 сентября по 2 октября 2020 года в режиме онлайн. На ней обсуждался Зеленый курс ЕС. Центральный вопрос «Мангейм-2020» состоял в том, сможет ли Европа достичь устойчивого перехода с помощью нового Европейского зеленого курса. На конференции Европейской комиссии было представлено «Мангеймское послание» — местный ответ на «Зеленый курс» ЕС¹⁵.

В Российской Федерации устойчивому развитию городов уделено значительное внимание — 5 июня 2002 года в Государственном Кремлевском Дворце в Москве прошло Всероссийское совещание «Обеспечение устойчивого развития городов России», на котором была принята «Московская декларация». Активно создается законодательная база. В 2003 году вышел Федеральный закон «Об об-

¹³ Хартия «Города Европы на пути к устойчивому развитию» (Ольборгская хартия). URL: http://www.ecology.donbass.com/articles-pdf/aalborgcharter_russian.pdf (дата обращения 20.11.2022).

¹⁴ Лиссабонский план действий: от хартии к действиям. URL: <http://www.ecology.donbass.com/articles-pdf/lisbon.pdf> (дата обращения 20.11.2022).

¹⁵ Программа. IX Европейская конференция по устойчивым городам и поселкам. URL: <https://conferences.sustainablecities.eu/mannheim2020/programme/> (дата обращения 23.11.2022).

¹² European Charter of Local Self-Government. Available at: <https://rm.coe.int/168007a088> (accessed: November 20, 2022).

щих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В 2004 году принят «Градостроительный кодекс», ратифицирована «Градостроительная хартия СНГ» (2000). В 2016 году утверждён паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Ежегодно осуществляются рейтинги городов по уровню жизни, уровню зарплат, благоустройству, уровню развития, климату, населению и т. д.

Рейтинги и показатели устойчивого развития городов

Составление рейтингов и систем показателей — одно из важнейших направлений деятельности международных организаций, государств и ученых в рамках формирования политики устойчивого развития. Рейтинги позволяют выявлять сильные и слабые стороны разных стран, территорий и поселений, отслеживать прогресс в достижении целей устойчивого развития. Они используются при разработке стратегических документов социально-экономического развития.

В области составления и научного обоснования рейтингов и индексов устойчивого развития городов накоплен большой опыт¹⁶ (Арустамов, 2017; Бобылев и др., 2020). Разработано множество методик и подходов. Например, значительный опыт в этом направлении имеют подразделения ООН. Еще в 1996 году Индекс городского развития был разработан в рамках программы ООН по населенным пунктам (UN-Habitat)¹⁷. Еще одну систему индикаторов разрабатывала Комиссия ООН по устойчивому развитию¹⁸.

На основе принятых в 2015 году целей устойчивого развития ООН во многих странах начали создаваться национальные системы показателей. Так, в США оценивалось устойчивое развитие 124 городов, а группой российских и финских ученых разработана система показателей для арктических территорий (Bobylev et al., 2018).

¹⁶ Davis K.E. et al. (Eds.). (2012). *Governance by Indicators: Global Power through Quantification and Rankings*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁷ City Development Index. Available at: <https://unhabitat.org/> (accessed: November 23, 2022).

¹⁸ Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies. Third Edition. New York: United Nations, 2007.

В отечественных публикациях набору показателей и обоснованию критериев их отбора для оценки степени устойчивого развития городов отводится значительное место. К числу комплексных работ можно отнести три статьи (Шабунова, Леонидова, 2011; Бобылев и др., 2014; Долгих и др., 2019); по арктической тематике — две статьи (Гутман, Басова, 2017; Сергунин и др., 2021).

В России Рейтинговое агентство SGM с 2013 года составляет рейтинг устойчивого развития городов, основанный на принципах УР и международном опыте. Рейтинг охватывает 185 больших городов, имеющих население свыше 100 тыс. человек; нацелен на выделение сильных и слабых сторон муниципалитетов, установление ориентиров для органов власти и жителей, создание стимулов к достижению целей устойчивого развития, выделение городов-лидеров для потенциальных инвесторов.

Количество и состав показателей устойчивого развития в рейтинге неоднократно менялся: 2012 год — 32, 2013 — 30, 2014 — 32, 2015 — 31, 2016—2018 гг. — 42, 2019—2020 гг. — 43. Система показателей включает три группы: экономика и городское хозяйство, социальная сфера и экологическая обстановка. Выбор показателей основывался на нескольких принципах: открытость данных (размещение только на официальных сайтах городов и органов статистики), полнота (по каждому показателю доступны данные как минимум для 95% городов) и релевантность — соответствие целям устойчивого развития. Показатели с низкой достоверностью были отсеяны¹⁹.

За 2012 год в рейтинговую базу агентства SGM вошли 19 городов, расположенных на российском Севере (не входил Ханты-Мансийск — 85,0 тыс.), в 2020 году — 20 городов (остался в базе Магадан — 98,7 тыс.). По рейтингу в ранг первых 50 городов вошли девять северных городов, а в первую десятку — Ханты-Мансийск и Южно-Сахалинск. За исключением Сыктывкара восемь городов расположены на Азиатском Севере. По рангу от 51 до 100 вошли пять городов, за исключением Петропавловска-Камчатского, четыре расположены

¹⁹ Рейтинг устойчивого развития городов Российской Федерации. URL: <https://www.agencysgm.com/ratings/> (дата обращения 23.11.2022).

на Европейском Севере. В ранг 101–150 вошли пять городов. Замыкает шкалу рейтинга Кызыл, занявший 165 позицию. Также можно отметить, что занимаемый ранг и индексы устойчивого развития городов (ИУРГ) тесно коррелируют между собой. В первой группе городов только два ухудшили свой рейтинг и ИУРГ: Нижневартовск и Новый Уренгой (табл. 1).

В 2020 году из 20 северных городов 14 превошли медианное по России значение (0,491). Однако 9 северных городов ухудшили свои позиции, из 7 лидеров 6 расположены в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Их высокие показатели обеспечиваются преимущественно сырьевой экономикой, что не гарантирует устойчивости на долгосрочном отрезке.

Стоит отметить, что с 2022 года Агентством SGM впервые был составлен Рэнкинг устойчивого развития регионов России на региональном уровне. Он оценивает все 85 российских регионов на основе 43 показателей, объединенных в пять блоков: экономическое развитие (включая инновации), городская инфраструктура, демография, социальная инфраструктура и экология. Из северных регионов лучшую позицию занимает Ханты-Мансийский АО – 6, серединную Республика Саха (Якутия) – 39 и худшую Республика Тыва – 81²⁰.

Поскольку существующие рейтинги не оценивают устойчивость малых и средних городов, они не позволяют делать выводы о подавляющем большинстве городов Севера России.

Таблица 1. Рейтинг и индекс устойчивого развития городов российского Севера, 2012 и 2020 гг.

Город	Рейтинг SGM – 2012 г.			Рейтинг SGM – 2020 г.			Изменение, 2012–2020 гг.		
	ранг	численность населения, тыс. чел.	ИУРГ	ранг	численность населения, тыс. чел.	ИУРГ	ранг	численность населения, %	ИУРГ
Ханты-Мансийск	-	85,0	-	2	101,5	0,671	-	19,4	-
Южно-Сахалинск	122	186,3	0,468	10	207,3	0,624	112	11,3	0,156
Сургут	34	316,6	0,559	11	387,2	0,618	23	22,3	0,059
Нефтеюганск	24	125,2	0,572	14	128,2	0,604	10	2,4	0,032
Нижневартовск	17	258,8	0,588	19	278,7	0,578	-2	7,7	-0,010
Новый Уренгой	3	112,2	0,642	26	118,1	0,567	-23	5,3	-0,075
Ноябрьск	64	109,2	0,520	30	108,4	0,563	34	-0,7	0,043
Якутск	124	278,4	0,465	40	347,2	0,538	84	24,7	0,073
Сыктывкар	112	254,5	0,476	42	259,3	0,535	70	1,9	0,059
Петропавловск-Камчатский	146*	179,8	0,394*	65	179,4	0,516	81	-0,2	0,122
Мурманск	126	305,0	0,463	68	282,9	0,512	58	-7,2	0,049
Архангельск	113	356,5	0,476	69	352,0	0,511	44	-1,3	0,035
Ухта	115	121,7	0,475	71	112,3	0,511	44	-7,7	0,036
Петрозаводск	65	265,3	0,518	82	280,7	0,504	-17	5,8	-0,014
Магадан	118	102,1	0,472	120	98,7	0,467	-2	-3,3	-0,005
Норильск	107	178,1	0,482	134	183,3	0,452	-27	2,9	-0,030
Северодвинск	119	191,3	0,471	135	181,8	0,452	-16	-5,0	-0,019
Братск	139	243,9	0,445	140	225,0	0,448	-1	-7,7	0,003
Комсомольск-на-Амуре	103	260,3	0,484	146	241,1	0,444	-43	-7,4	-0,040
Кызыл	148	112,0	0,428	165	120,1	0,420	-17	7,2	-0,008

Ранжировано по ИУРГ за 2020 г.
* Данные за 2013 г.
Источник: Рейтинг устойчивого развития городов Российской Федерации. URL: <https://www.agencysgm.com/ratings/>

²⁰ Рэнкинг устойчивого развития регионов России. URL: <https://agencysgm.com/upload/iblock/05b/05b0bd931bf3a3023229ca5c429293b5.pdf> (дата обращения 20.11.2022).

Кроме того, в них недостаточно представлены демографические и трудовые составляющие, особенно важные в условиях Севера из-за многолетнего миграционного оттока населения и большого числа монопрофильных городов.

Методика исследования устойчивого развития городов по демографическим и трудовым показателям

Объектом исследования выступают города российского Севера. Помимо 13 регионов, территории которых целиком относят к Крайнему Северу и приравненным к нему местностям, рассматривались также шесть северных городов Красноярского края (Норильск, Лесосибирск, Енисейск, Дудинка, Кодинск и Игарка). В 2020 году в изучаемых регионах было 123 города, из которых 107 являются малыми и средними, то есть численность их населения не

достигает 100 тыс. человек, 16 городов – большими и крупными. Поскольку статистика по закрытым административно-территориальным образованиям ограничена, из рассмотрения были исключены восемь городов: Североморск, Полярный, Гаджиево, Снежногорск, Заозерск, Островной, Мирный и Вилючинск.

По оставшимся 115 городам были рассчитаны восемь показателей, отражающих основные демографические и трудовые характеристики городов с точки зрения их устойчивого развития. Показатели разделены на четыре тематических блока (рис. 1). Они отобраны исходя из доступности официальных статистических данных на уровне городов и соответствия не только целям устойчивого развития, но и проблемам развития северных городов. В частности, такими проблемами являются миграционный отток

Рис. 1. Показатели индекса демографической и трудовой устойчивости городов российского Севера

Источник: составлено авторами.

населения, который раскрывают два показателя, и недостаточная диверсификация рынков труда — очень высок удельный вес добывающей промышленности.

Основным источником данных для расчета значений послужила База данных показателей муниципальных образований Росстата. Так как данные ранее 2012 года в ней фрагментарны, то исследование ограничивается девятью годами — с 2012 по 2020 год. Пропущенные значения определялись методом интерполяции или экстраполяции по ближайшим известным значениям. Поскольку база не содержит данные на уровне городов, расчеты производились по наиболее детализированным данным из доступных. Показатели первых двух блоков рассчитываются на уровне городских поселений и городских округов, остальные — на уровне муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов, в которых находятся города.

Городам по каждому показателю присваивалось рейтинговое значение в интервале от -1 до 1. Чтобы уменьшить влияние на анализ статистических выбросов, было решено не учитывать 10% наименьших и наибольших значений каждого показателя. Таким образом, значению рейтинга -1 соответствует 5-й процентиль выборки, а значению 1 — 95-й процентиль. Нулевому значению рейтинга соответствует медианное значение выборки по всем городам (исключение — показатели миграции, где за 0 принят нулевой миграционный прирост). Для определения значения в интервале от -1 до 0 и от 0 до 1 применялся метод линейной интерполяции. Если значения выходили за пределы интервала, они приравнивались к 1 или -1. Три показателя (1.2, 3.2 и 4.2) являются обратными (чем выше их значение, тем хуже). Поэтому их рейтинг инвертировался умножением на -1. Итоговый индекс каждого города или группы городов определялся суммированием соответствующих значений рейтинга по восьми показателям. Предельно возможное значение индекса демографической и трудовой устойчивости городов (ИДТУГ) — 8, с любым знаком.

Результаты исследования

Полученные данные по демографической и трудовой устойчивости северных городов по административным образованиям показали,

что индекс устойчивого развития снижается от крупных и больших к средним и от средних к малым городам. Наблюдается снижение ИДТУГ и в динамике с 2012 по 2020 год. Также можно отметить, что устойчивость больших городов выше средней (рис. 2).

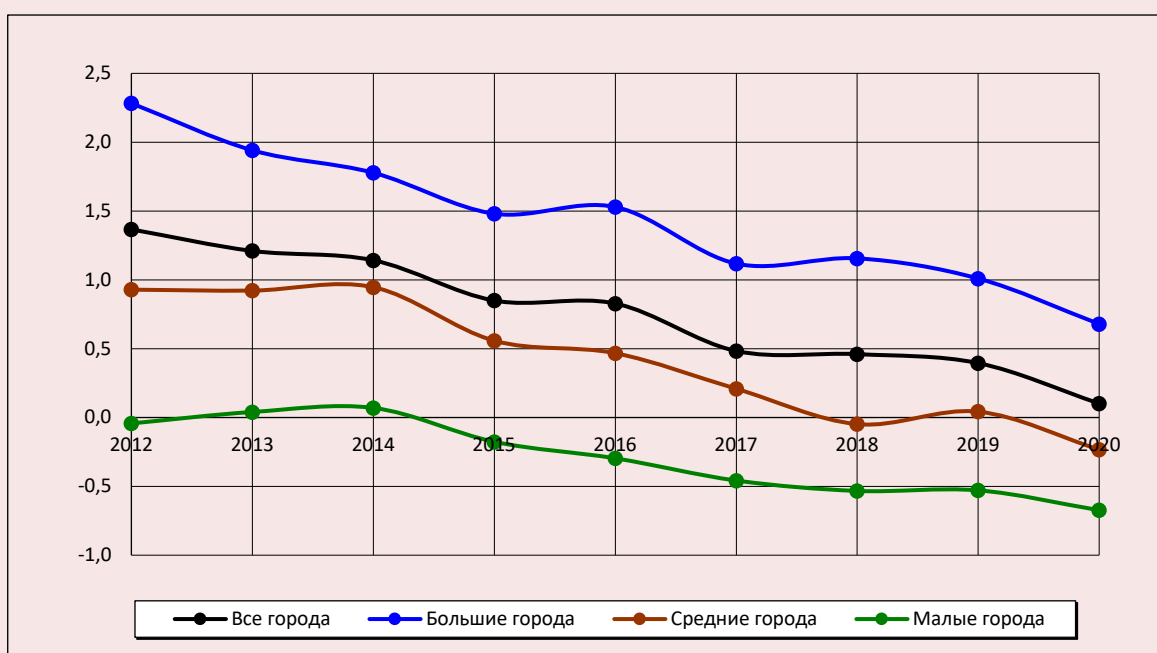
Несмотря на уменьшение ИДТУГ, в целом северные города сохранили положительную устойчивость, в том числе большие и крупные. У малых и средних городов устойчивость периодически меняла знак. С 2012 по 2020 год все группы городов ухудшили свои индексы, особенно большие и крупные города.

Самый низкий индекс городов в разрезе административных единиц (менее -1,0) отмечен в Республике Карелии (-1,89), Мурманской области (-1,63), Архангельской области (-1,46) и Республике Коми (-1,19). Все четыре субъекта расположены на Европейском Севере. Среди регионов, имеющих высокий положительный ИДТУГ, можно отметить Ненецкий АО — 2,56, Ямало-Ненецкий АО — 2,33, Республику Саха (Якутия) — 2,09 и Ханты-Мансийский АО — 1,94. Из четырех лучших регионов только Ненецкий АО улучшил свой ИДТУГ на 0,38. Улучшилось значение и у Сахалинской области, ее ИДТУГ вырос на 0,32. Пальма первенства с 2012 по 2020 год перешла от Ямало-Ненецкого к Ненецкому АО (табл. 2).

В пространстве города-лидеры по демографическим и трудовым показателям устойчивого развития распределены неравномерно. Наибольшая их концентрация наблюдается в Западной Сибири. Аутсайдеры расположены в основном на Европейском Севере, а также в Республике Тыва и на Сахалине. Только в 39 (33,9%) из 115 городов значение рейтинга в 2020 году улучшилось относительно уровня 2012 года, из них 10 находятся в Сахалинской области, 6 — в Якутии, 4 — в Ямало-Ненецком АО (рис. 3).

В каждом северном регионе можно выделить лидера по ИДТУГ (2020): в Мурманской области — Полярные Зори (атомная электростанция), в Республике Карелии — Костомукша, в Архангельской области (без НАО) — Северодвинск, в Ненецком АО — Нарьян-Мар, в Республике Коми — Усинск, в Ханты-Мансийском АО — Лянтор, в Ямало-Ненецком АО — Тарко-Сале, в Республике Тыва — Кызыл,

Рис. 2. Динамика индекса демографической и трудовой устойчивости городов по субъектам российского Севера, 2012–2020 гг.

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Индекс демографической и трудовой устойчивости городов по субъектам российского Севера, 2012–2020 гг.

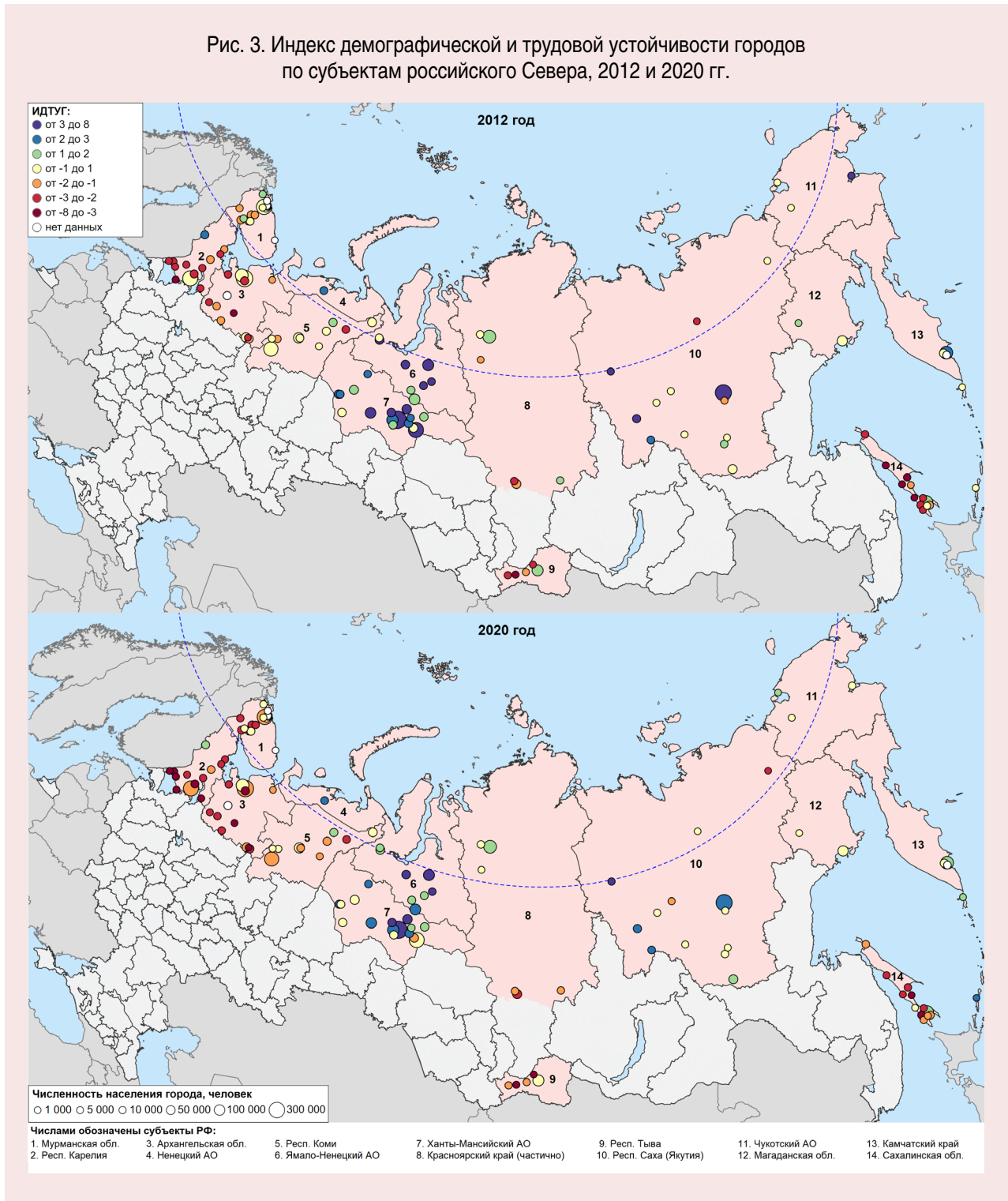
Субъект	Год									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Изменение, 2012–2020
Все города, в т. ч. по людности:	1,37	1,21	1,14	0,85	0,83	0,48	0,46	0,40	0,10	-1,27
большие и крупные	2,28	1,94	1,78	1,48	1,53	1,12	1,16	1,01	0,68	-1,60
средние	0,93	0,92	0,95	0,56	0,47	0,21	-0,05	0,04	-0,23	-1,16
малые	-0,04	0,04	0,07	-0,18	-0,30	-0,46	-0,53	-0,53	-0,67	-0,63
По субъектам РФ:										
Ненецкий АО	2,18	1,89	3,10	2,85	1,98	1,64	1,72	2,51	2,56	0,38
Ямало-Ненецкий АО	3,65	2,76	2,75	2,07	2,91	2,94	3,06	2,99	2,33	-1,32
Республика Саха (Якутия)	2,53	2,49	2,44	2,25	1,87	1,66	2,15	1,90	2,09	-0,44
Ханты-Мансийский АО	3,61	2,74	3,01	2,61	3,05	1,99	2,06	2,03	1,94	-1,67
Красноярский край (частично)	1,43	1,11	0,99	1,21	0,94	0,90	0,90	0,89	0,90	-0,53
Камчатский край	2,17	1,90	1,28	1,48	1,17	1,45	1,24	1,04	0,82	-1,35
Чукотский АО	2,66	2,99	2,65	2,85	2,90	2,08	1,25	3,16	0,38	-2,28
Магаданская обл.	0,78	0,85	0,57	0,17	1,18	0,72	0,29	0,56	0,22	-0,56
Сахалинская область	-0,35	0,00	0,15	0,19	0,35	0,24	0,07	0,25	-0,03	0,32
Республика Тыва	0,51	0,15	-0,51	-0,06	-1,09	-0,62	-0,56	-0,13	-0,39	-0,90
Республика Коми	0,00	0,54	0,40	0,05	-0,17	-0,68	-1,04	-1,20	-1,19	-1,19
Архангельская обл. без НАО	-0,41	-0,66	-0,47	-0,57	-0,75	-1,23	-1,24	-1,27	-1,46	-1,05
Мурманская область	-0,51	-0,57	-0,81	-1,08	-0,96	-1,08	-1,09	-1,40	-1,63	-1,12
Республика Карелия	-0,32	-0,44	-0,42	-0,96	-1,08	-1,65	-1,59	-1,40	-1,89	-1,57

Источник: База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/>

в Республике Саха (Якутия) – Удачный (добыча алмазов), в Магаданской области – Магадан, в Чукотском АО – Певек (плавучая атомная станция), в Камчатском крае – Петропавловск-Камчатский, в Сахалинской области – Курильск и в Красноярском крае – Норильск.

Аналогично выделим города-аутсайдеры: в Мурманской области – Оленегорск, в Республике Карелия – Лахденпохья, в Архангельской области – Сольвычегодск, в Республике Коми – Инта, в Ханты-Мансийском АО – Мегион, в Ямало-Ненецком АО – Муравленко,

Рис. 3. Индекс демографической и трудовой устойчивости городов по субъектам российского Севера, 2012 и 2020 гг.

в Республике Тыва – Туран, в Республике Саха (Якутия) – Среднеколымск, в Магаданской области – Сусуман, в Чукотском АО – Билибино, в Камчатском крае – Елизово, в Сахалинской области – Макаров, в Красноярском крае – Лесосибирск.

Наряду с лидерами и аутсайдерами в каждом северном регионе выделим города, вошедшие в первую десятку, и десять городов, замыкающих рейтинг УРГ. Уверенно заняв первую позицию в 2012 году, Ханты-Мансийск к 2016 году опустился на восьмую позицию, а в 2020 году занял 12 место. Остались в первой десятке в 2020 году Когалым, Новый Уренгой, Сургут, Лянтор, Тарко-Сале и Мирный. Из замыкающей десятки только три города не смогли улучшить свое положение: Олонец остался на 110 месте, а Сольвычегодск и Пудож ухудшили свой рейтинг (табл. 3).

Города-лидеры, хотя и расположены в разных регионах (ХМАО, ЯНАО, НАО и Якутия), почти все специализируются на добыче нефти

и газа, а Удачный и Мирный – на добыче алмазов. Заработная плата без учета субъектов малого предпринимательства в 2020 году в городских округах, где расположены эти города, в среднем составила 106 тыс. рублей (от 82 тыс. в Когалыме до 141 тыс. в Надыме) при медианном значении 72 тыс. рублей по всем городам Севера. Возможности трудоустройства в высокодоходных отраслях делают эти города привлекательными для миграции, что влияет также на возрастной состав, рождаемость и другие показатели. В противоположность этому в 10 городах из нижней части рейтинга средняя заработная плата составила всего 49 тыс. рублей (в Туране – 33 тыс.). Если ряд городов Республики Тыва смог компенсировать это хорошими показателями рождаемости, то в Республике Карелии, где расположено большинство городов-аутсайдеров, демографическая ситуация тоже является кризисной: высокая демографическая нагрузка сочетается с низкой рождаемостью и дисбалансом состава населения по полу.

Таблица 3. Лидеры и аутсайдеры рейтинга демографической и трудовой устойчивости городов российского Севера, 2012, 2016 и 2020 гг.

№	2012 г.	2016 г.	2020 г.
1	5,19 – Ханты-Мансийск	5,56 – Новый Уренгой	4,52 – Удачный
2	4,85 – Когалым	4,96 – Когалым	4,28 – Лянтор
3	4,81 – Новый Уренгой	4,79 – Мирный	3,89 – Когалым
4	4,51 – Сургут	4,78 – Сургут	3,72 – Тарко-Сале
5	4,35 – Лянтор	4,58 – Тарко-Сале	3,49 – Надым
6	4,34 – Салехард	4,46 – Удачный	3,23 – Новый Уренгой
7	3,99 – Анадырь	4,30 – Анадырь	3,05 – Сургут
8	3,62 – Губкинский	3,69 – Ханты-Мансийск	2,88 – Мирный
9	3,44 – Тарко-Сале	3,43 – Лянтор	2,76 – Ноябрьск
10	3,41 – Мирный	2,77 – Надым	2,56 – Нарьян-Мар
...			
106	-2,88 – Сольвычегодск	-3,00 – Инта	-3,16 – Туран
107	-2,91 – Пудож	-3,02 – Поронайск	-3,24 – Холмск
108	-2,98 – Беломорск	-3,10 – Кондопога	-3,30 – Макаров
109	-3,46 – Поронайск	-3,21 – Питкяранта	-3,33 – Сортавала
110	-3,49 – Олонец	-3,22 – Беломорск	-3,37 – Олонец
111	-3,56 – Томари	-3,38 – Углегорск	-3,44 – Кондопога
112	-3,73 – Чадан	-3,40 – Пудож	-3,52 – Пудож
113	-3,77 – Углегорск	-3,43 – Чадан	-3,54 – Питкяранта
114	-4,40 – Шенкурск	-3,69 – Александровск-Сахалинский	-3,74 – Сольвычегодск
115	-5,06 – Александровск-Сахалинский	-3,93 – Ак-Довурак	-4,16 – Лахденпохья

Источник: База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/>

Рассмотрим, как на устойчивое развитие городов повлиял тот или иной показатель. В 2012 году высокий ИДТУГ по всем городам обеспечили демографическая нагрузка – 0,677, внутренняя миграция – 0,366, диверсификация рынка труда – 0,198, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) – 0,181, заработная плата – 0,147 и незначительно рождаемость – 0,039. В 2020 году два из шести показателей (рождаемость и ОПЖ) поменяли знак. По всей группе городов величина ИДТУГ значительно уменьшилась. С 2012 по 2020 год только три показателя имели положительный прирост: внешняя миграция – 0,139, заработная плата – 0,190 и диверсификация рынка труда – 0,097. На снижение показателей с 2012 по 2020 год оказали влияние демографическая нагрузка (-0,601), рождаемость (-0,583) и внутренняя миграция (-0,317).

В 2012 году высокий ИДТУГ большим и крупным городам обеспечили демографическая нагрузка, внутренняя миграция и диверсификация рынка труда; средним городам – демографическая нагрузка и внутренняя миграция; малым городам уменьшила отрицательную величину демографическая нагрузка. Большинство остальных показателей либо имели отрицательную величину, либо незначительно изменялись. В 2020 году ИДТУГ большим и крупным городам обеспечили диверсификация рынка труда и заработная плата, средним городам эти два показателя уменьшили отрицательную величину. Изменение показателей с 2012 по 2020 год свидетельствует, что для всех

городов только три показателя имели положительный прирост: заработная плата, диверсификация рынка труда и внешняя миграция, а для больших и крупных городов еще и соотношение полов, для малых – внутренняя миграция (табл. 4).

Заключение

Генеральная линия расселения населения во всем мире связана с миграцией жителей из сел в города, ростом урбанизации и формированием северных городских агломераций – новым трендом XXI века (Фаузер и др., 2021). Наряду с прогрессом и инновациями города создают такие проблемы, как нехватка жилья и скученность проживания, расслоение общества на бедных и богатых, формирование элитных и спальных районов – трущоб, дефицит качественной воды, высокая концентрация вредных веществ в воздушном пространстве и ряд других.

Во второй половине XX века мировое сообщество обратило внимание на проблему устойчивого развития, постепенно перейдя от общих вопросов к изучению устойчивого развития городского пространства. ООН рассматривает проблему устойчивого развития шире, в первых документах она включала все населенные пункты, а по мере накопления опыта и практики перешла исключительно к городам. В то же время в документах ООН-Хабитат отмечается, что устойчивое развитие городов не может быть успешным без развития прилегающих сельских территорий, поскольку последние обеспечивают города продовольствием и рабочей силой.

Таблица 4. Индексы демографических и трудовых показателей устойчивого развития городов российского Севера, 2012 и 2020 гг.

Показатель	2012 г.			2020 г.			Изменение, 2012–2020 гг.		
	большие	средние	малые	большие	средние	малые	большие	средние	малые
Общий индекс	2,283	0,929	-0,043	0,679	-0,233	-0,673	-1,603	-1,162	-0,630
1.1. Рождаемость	0,012	-0,060	0,119	-0,564	-0,787	-0,409	-0,576	-0,727	-0,528
1.2. Продолжительность жизни	0,342	0,015	-0,058	0,110	-0,032	-0,158	-0,232	-0,046	-0,100
2.1. Внутренняя миграция	0,685	0,501	-0,216	0,123	0,131	-0,083	-0,563	-0,370	0,133
2.2. Внешняя миграция	-0,010	-0,437	-0,332	0,046	-0,038	-0,062	0,056	0,399	0,271
3.1. Соотношение полов	-0,173	-0,007	0,057	-0,155	-0,037	0,015	0,017	-0,030	-0,042
3.2. Демографическая нагрузка	0,777	0,676	0,468	0,213	0,017	-0,153	-0,564	-0,659	-0,621
4.1. Заработная плата	0,210	0,109	0,030	0,404	0,268	0,224	0,195	0,158	0,194
4.2. Диверсификация рынка труда	0,439	0,132	-0,110	0,504	0,245	-0,047	0,065	0,113	0,063

Источник: База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/>

В Европейских хартиях по устойчивому развитию городов, на проводимых конференциях поднимаются разные проблемы: от вопросов местного самоуправления и неделимости территорий до «Манифеста новой урбанистики», от «Лиссабонского плана действий» до «Мангеймского послания» — ответ на «Зеленый курс» ЕС. В настоящее время международных форумов и экспериментальных площадок по проблемам устойчивого развития городов не один десяток, созданы они и в России.

Из-за ограниченности муниципальной статистики в статье рассмотрены восемь показателей, составляющих основу расчета ИДТУГ. Повысить ИДТУГ можно посредством улучшения соотношения возрастных групп, роста рождаемости и увеличения финансирования программы переселения лиц пенсионного возраста и людей, имеющих хронические заболевания; повышения уровня и качества медицинского обслуживания, создания безопасных условий труда, уменьшения числа рабочих мест с вредными и опасными условиями труда, что положительно скажется на ожидаемой продолжительности жизни населения. Регулирование внешних миграционных потоков по возрасту и образованию мигрантов, привлечение квалифицированных специалистов

положительно скажутся на демографической и трудовой устойчивости.

В XXI веке новым шагом в повышении устойчивости городов станет переход на «умные города», призванные решать такие проблемы, как «безопасность, социальная защищенность, экологическое благополучие, экономическая справедливость» (Попов, Семячков, 2020). Развитие «умных городов» предполагает широкое использование информационно-коммуникационных технологий, аккумуляцию новейших достижений в области цифровых технологий, эффективное использование ресурсов. Широкое внедрение новых технологий и инноваций в управление городами может способствовать их устойчивому развитию.

Представленные теоретические подходы к изучению устойчивого развития городов позволили посмотреть на исследуемую проблему комплексно, перейти от теоретических положений к рейтинговой оценке устойчивого развития северных городов, выявить сильные/слабые стороны демографической динамики и трудовой сферы.

В практическом плане статья может быть полезной органам исполнительной власти для оценки демографической и трудовой устойчивости городского пространства и городов на вверенных им территориях.

Литература

- Арустамов Э.А. (2017). Рейтинги и критерии оценки экологического состояния городов и регионов России // *Науковедение*. Т. 9. № 4.
- Бобылев Н.Г., Гадаль С., Коновалова М.О. [и др.] (2020). Ранжирование регионов Арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. № 3 (69). С. 17–40. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.002
- Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. (2014). Индикаторы устойчивого развития для городов // *Экономика региона*. № 3. С. 101–110.
- Борисова Н.Г., Григорьев М.Ф., Драгилева Л.Ю. [и др.] (2015). *Факторы устойчивого развития регионов России: монография*. Кн. 21 / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС. 164 с.
- Вершинина И.А. (2019). *Современные теории города: социологический анализ*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 240 с.
- Гильен М. (2022). *2030: Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее*. М.: Альпина Паблишер. 394 с.
- Гутман С.С., Басова А.А. (2017). Индикаторы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и измерения // *Арктика: экология и экономика*. № 4. С. 32–48. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-32-48
- Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России (2018) / колл. авторов; отв. ред. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ. 215 с.

- Долгих Е.И., Ерлич В.А., Кузнецова П.О. (2019). Факторы, определяющие потенциал устойчивого развития российских городов: инструменты внешней оценки и новые вызовы // Устойчивое развитие городов: колл. монография / под. ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 37–62.
- Печчеи А. (1985). Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой. Москва: Прогресс. 313 с.
- Попов Е.В., Семячков К.А. (2020). Умные города: монография. Москва: Юрайт. 346 с.
- Сергунин А.А., Акулов Д.А., Бобылев Н.Г., С. Гадаль (2021). К вопросу об индикаторах достижения целей устойчивого развития ООН арктическими городами России // Устойчивое развитие: экологические, экономические и социальные аспекты: сб. науч. статей по результатам международной конференции, Санкт-Петербург, 12–14 мая 2021 года / под ред. Е.В. Викторовой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С. 187–201.
- Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития (2017): монография / под общ. ред. Р.М. Садыкова. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН. 188 с.
- Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения (2018) / колл. авторов; под науч. ред. Л.А. Рябовой. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН. 169 с.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Устойчивое развитие городов: колл. монография (2019) / под ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 288 с.
- Фаузер В.В., Альжанова Ф.Г. (2022). Роль северности в демографической динамике: Арктика, Север, Казахстан (международные сравнения) // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022: сб. статей VIII Всерос. науч.-практ. конференции (с международным участием) (21–23 сентября 2022 г., Сыктывкар): в 2 ч. Иркутск: Максима. Ч. I. С. 58–67.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. (2018a). Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. № 4. С. 1370–1382. DOI: 10.17059/2018-4-24
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2018b). Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 120–136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2021). Городские агломерации в системе расселения Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В. (2011). Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (17). С. 101–115.
- Bobylev S.N., Chereshnya O.Y., Solov'eva S.V. et al. (2018). Indicators for digitalization of sustainable development goals in PEEX Program. *Geography, Environment, Sustainability*, 11(1), 145–156. DOI: 10.24057/2071-9388-2018-11-1-145-156
- Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. (2010). Active aging roadmap – A collaborative networks contribution to demographic sustain - 200 ability. *IFIP Advances in Information and Communication Technology*. 336, 46–59. DOI: 10.1007/978-3-642-15961-9_5
- Roca Z., Roca M. (2014). Demographic sustainability and spatial development in Portugal. *Acta geographica Bosniae et Herzegovinae*, 2, 21–28.
- Roca M., Silva V., Caldinhas S. (2002). *Demographic sustainability and regional development: The case of Alto Minho and Alto Alentejo*. Portugal: Universidad Nova de Lisboa.
- Stern E. (2013). Demographic sustainability and rural development policy. *Journal of Maps*, 9(2), 154–160. DOI: 10.1080/17445647.2013.773566
- Tilly Ch. (1968). The forms of urbanization. In: Parsons T. (Ed.). *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*. New York: Basic Books.

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Fauzer V.V., Smirnov A.V.

International and Russian Approaches to Studying the Sustainable Development of Urban Environment: From Theory to Practice

Abstract. We consider international and Russian approaches to the definition of sustainable development. The report *Our Common Future* was based on a triune concept of the sustainable development – environmental, social and economic. Gradually the emphasis of sustainable development has shifted from the global problems of continents, separate states and regions to studying the sustainable development of urban environment, as currently more than half of the world's population lives in cities. On the one hand, cities determine living standards, the improvement of which is a prerequisite for meeting basic needs for employment, housing, health care, education, and rest; on the other hand, they face problems such as lack of financial resources and jobs, increasing homelessness and poverty, widening the gap between the rich and the poor. We present an analysis of the accepted documents of the UN-Habitat on sustainable human settlements development on the Vancouver Declaration on Human Settlements (1976) to the *World Cities Report 2022: Envisioning the Future of Cities*. We present the European way through the European Charter. The main points and concepts of the sustainable development of big and small cities of Europe are considered from the Aalborg Charter (Denmark, 1994) to the Mannheim Message (Germany, 2020). We analyze northern city ranking, which has been implemented by the Rating agency SGM since 2013. We propose a methodology for assessing the sustainable development of northern cities on eight demographic and labor indicators; conduct a grouping of 115 cities of the Russian North on the types and indicators of the sustainable development, and mark 10 most sustainable cities and 10 – with the worst ranking. The considered theoretical provisions and practical results can be used for comparative studies and planning of territorial development. We suggest the directions for improving the sustainable development of Russia's northern cities.

Key words: UN-Habitat, European Charter, sustainable development of cities, Russian North, demographic and labor sustainability, rating score.

Information about the Authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Andrei V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Статья поступила 05.12.2022.

Методика оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника

Михаил Евгеньевич

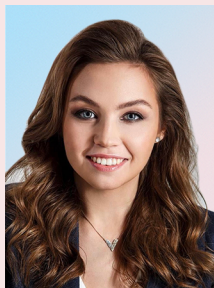
КУЗНЕЦОВ

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: mkuznetsov@stc.expert

ORCID: 0000-0001-5657-8184; ResearcherID: AAL-9836-2020

Мария Игоревна

НИКИШОВА

Восточный центр государственного планирования

Москва, Российская Федерация

e-mail: m.nikishova@vostokgosplan.ru

ORCID: 0000-0002-8089-1899

Аннотация. В быстро изменяющихся условиях текущего технологического уклада требуются новые методические подходы к оценке эффективного управления с применением современных цифровых инструментов (цифровых двойников), позволяющих наращивать качество и эффективность экономических процессов для принятия своевременных и сбалансированных управленческих решений. Цель исследования – разработать методику оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника. Научной новизной предлагаемой методики является использование методов структурной и ситуационной динамики с привлечением статистических методов обработки данных в среде AnyLogic. Разработанная модель представляет собой современный цифровой инструмент, который позволяет конвертировать набор разнообразных данных в своевременное и сбалансированное управлен-

Для цитирования: Кузнецов М.Е., Никишова М.И. (2023). Методика оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 103–121. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.6

For citation: Kuznetsov M.E., Nikishova M.I. (2023). Methodology for assessing scenarios of tourism industry development in Kamchatka krai on the basis of digital twin technology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 103–121. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.6

ческое решение, основанное на понимании текущего состояния отрасли и перспектив ее развития. Теоретическая значимость состоит в научном обосновании концепций цифрового двойника и их применения в имитационном моделировании по отношению к туристической отрасли. Практическая значимость заключается в том, что цифровой двойник позволяет моделировать различные сценарии развития туристической отрасли Камчатского края, тем самым снижая количество рутинных бизнес-процессов и влияние человеческого фактора на качество сервиса. Руководствуясь полученными результатами оценки, авторы выявили оптимальные сценарии развития туристической отрасли Камчатского края, ее узкие места и определили, что внедрение сценарного имитационного моделирования позволит на регулярной основе производить расчет расходов туристов и, следовательно, доходов туристической отрасли, а через мультипликаторы — и доходов регионального бюджета, а также других интегральных показателей для повышения конкурентоспособности туристической отрасли региона. В отличие от традиционной аналитики процессов на основе таблиц и линейной зависимости разработанный цифровой двойник дает возможность наблюдать детальное поведение системы во времени, вести учет предпочтений туристов и пропускной способности точек привлечения туристов, давать рекомендации по размещению новых объектов. Полученные результаты могут быть использованы при формировании предложений по развитию туристической отрасли, а также мониторинга ее состояния и эффективности.

Ключевые слова: туризм, туристическая отрасль, цифровизация, цифровая модель, имитационное моделирование, цифровой двойник, Камчатский край.

Введение

Одним из главных стратегических технологических трендов экономического роста Российской Федерации на сегодняшний день является цифровизация, предусматривающая создание научно-технических, правовых, финансовых и организационных условий, способствующих развитию цифровой экономики в стране¹. Цифровые технологии экспоненциально увеличивают состояние информационного пространства, а значит, и масштаб трансформации экономической деятельности². В связи с этим меняется структура экономической системы, а вместе с ней и ее динамические свойства, так как ключевым элементом процесса цифровой трансформации является переход от аналоговых или физических технологий к цифровым инструментам, основанным на Big Data (Шпак и др., 2020). В 2021 году объем инвестиций в цифровые технологии в мире достиг

4,24 трлн долл.³ Появление цифровых имитационных 3D моделей и цифровых двойников (Digital Twin) выступает одним из результатов развития цифрового производства, Индустрии 4.0 и Интернета вещей (Internet of Things (IoT)) (Шпак и др., 2020).

В концептуальном плане основы цифрового двойника были представлены еще в 2003 году в работах М. Гривса (Grieves, 2005; Grieves, 2016). При этом до 2015 года термин «цифровой двойник» (ЦД), как правило, упоминался в случаях, когда речь шла о двойниках промышленных изделий. Впоследствии вопросами внедрения ЦД занимались Р. Сёдерберг (Söderberg et al., 2017), Ф. Тао (Tao et al., 2018), Р. Болтон (Bolton et al., 2018), А.Э. Саддик (Saddik, 2018) и др. Указанными авторами дано более широкое толкование понятию, согласно которому цифровой двойник — это «...цифровая копия живой или неживой физической сущности. Соединяя физический и виртуальный мир, данные передаются, позволяя виртуальной сущности существовать одновременно с физической сущностью»

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15.03.2021 № 143). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

² Nosova S., Norkina A., Makar S., Fadeicheva G. (2021). Digital transformation as a new paradigm of economic policy. *Procedia Computer Science*, 190(4), 657–665. DOI: 10.1016/j.procs.2021.06.077

³ Цифровая трансформация поднажмет в ближайшие годы. URL: <https://www.comnews.ru/content/218463/2022-01-26/2022-w04/cifrovaya-transformaciya-podnazhmet-blizhayshe-gody>

(Saddik, 2018); «...использование цифровой копии физической системы для оптимизации в реальном времени» (Söderberg et al., 2017); «...реальное отображение всех компонентов в жизненном цикле продукта с использованием физических данных, виртуальных данных и данных взаимодействия между ними» (Tao et al., 2018), «...динамическое виртуальное представление физического объекта или системы в течение всего жизненного цикла с использованием данных в режиме реального времени для понимания, изучения и рассуждения» (Bolton et al., 2018).

Согласно данным⁴, 89% всех IoT-платформ будут применять технологию цифровых двойников к 2025 году, а к 2027 году она станет стандартной функцией IoT-решений. 36% руководителей из разных отраслей отмечают выгоду от применения ЦД, а 53% из них планируют внедрить ЦД к 2028 году. По прогнозу Credence Research, мировой рынок ЦД достигнет 57,38 млрд долл. к 2027 году (в 2018 году он составлял 3,76 млрд долл.; рост более чем в 15 раз) (Прохоров, Лысачев, 2020).

Имитационное моделирование позволяет спрогнозировать, просчитать и принять наиболее эффективные финансовые и инвестиционные решения с учетом множества факторов, оказывающих влияние на экономическое развитие (Молодецкая, 2020; Новыш, Юрча, 2020). В связи с этим методика оценки сценариев развития туристической отрасли на основе технологии цифрового двойника приобретает особую значимость.

В настоящее время Восточным центром государственного планирования (ФАНУ «Востокгосплан»)⁵ под руководством авторов статьи ведется активная работа по созданию цифрового двойника (имитационной модели) применительно к региональному туризму.

⁴ The future of the digital twins industry to 2025 in manufacturing, smart cities, automotive, healthcare and transport. Available at: <https://www.prnewswire.com/newsreleases/the-future-of-the-digital-twins-industry-to-2025-in-manufacturing-smart-cities-automotive-healthcare-andtransport-301028858.html>

⁵ Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (ФАНУ «Востокгосплан»). URL: <https://vostokgosplan.ru/wp/about/>

Пилотным регионом выступает Камчатский край, туристический потенциал которого на сегодняшний день реализован не в полной мере⁶. Согласно экспертным данным, доля туризма в ВРП Камчатского края чрезвычайно мала и составляет всего лишь 2%⁷. Сдерживающими факторами развития туризма на Камчатке являются недостаточная узнаваемость и «медийность» Камчатского края на внутреннем и внешнем рынках; низкий уровень развития материальной базы отрасли и слабый уровень развития транспортной инфраструктуры и объектов сферы услуг; невысокая инвестиционная активность предпринимательских структур; сложная транспортная доступность региона; короткий туристический сезон. На решение указанных проблем нацелены приоритетные направления Стратегии в области цифровой трансформации Камчатского края⁸, фактически служащие отправной точкой будущих перспективных технологических прорывов в туристической отрасли, коррелирующие с национальными проектами «Туризм и индустрия гостеприимства» и «Цифровая экономика»⁹ и соответствующие реализации программы «Индустрия 4.0».

В свою очередь внедрение «цифрового двойника» подразумевает эффективное сценарное планирование развития туризма и смежных отраслей в регионе. ФАНУ «Востокгосплан» выступает в роли оператора статистического монитора и агрегатора открытых статистических данных; данных, получаемых от органов государственной власти всех уров-

⁶ Обобщенный анализ туристической отрасли Камчатского края. Аналитическая справка (отчет), 2021 // Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (ФАНУ «Востокгосплан»). URL: <https://vostokgosplan.ru/wp/about>

⁷ Доля туризма в ВРП Камчатки только 2%. URL: https://kamchatinfo.com/news/economics_and_business/detail/48885/

⁸ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Камчатского края: утв. Постановлением Правительства Камчатского края от 23 декабря 2021 года № 575-П. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/strategiya-final-kamchatskij-kraj-podpisan-20082021.pdf>

⁹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [утв. расп. Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-п]. URL: <http://government.ru/govworks/614/events/>

ней; больших данных, предоставляемых на договорной основе их поставщиками. Перечень показателей, выводимых на статистическом мониторе, и частота обновления данных зависят от сотрудничества с поставщиками больших данных. Получение актуальных статистических данных на регулярной основе и в разнообразных разрезах напрямую влияет на степень подробности моделирования туристической отрасли.

В статье приведены методические аспекты оценки сценариев развития туристической отрасли на основе технологии цифрового двойника. Особенностью предлагаемой имитационной сценарно-прогнозной модели регионального туризма является использование методов структурной и ситуационной динамики с привлечением статистических методов обработки данных в среде AnyLogic.

Цель исследования – моделирование сценариев развития туристической отрасли на основе технологии цифрового двойника на примере Камчатского края.

В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1) разработка и апробация имитационной сценарно-прогнозной модели реализации туристических услуг на примере Камчатского края, основанной на принципах системной динамики;

2) расчет сценариев развития туристической отрасли региона, описание результатов моделирования.

Научной новизной предлагаемой методики оценки является использование методов структурной и ситуационной динамики с привлечением статистических методов обработки данных в среде AnyLogic.

Теоретическая значимость состоит в научном обосновании концепций цифрового двойника и их применении в имитационном моделировании по отношению к туристической отрасли.

Практическая значимость заключается в том, что цифровой двойник позволяет моделировать различные сценарии развития туристической отрасли Камчатского края, тем самым снижается количество рутинных бизнес-процессов и влияние человеческого фактора на качество сервиса.

Материалы и методы

Концепция цифровых двойников (digital twins) предложена относительно недавно, однако значимость и важность данного исследования подтверждается соответствующей базой литературных источников. Базовые постулаты концепции цифровых двойников зародились в инженерной парадигме и применялись в основном в промышленных отраслях, в которых на всех этапах производства продукции прослеживалась четкая связь цифровой модели с реальным объектом (Boschert, Rosen, 2016; Kritzinger et al., 2018; Mittal et al., 2018).

В научном плане основы концепции цифрового двойника были заложены в 2003 году в работах М. Гривса (Grieves, 2005). При этом до 2015 года термин «цифровой двойник», как правило, упоминался в случаях, когда речь шла о двойниках промышленных изделий. В частности, В. Вонг¹⁰ представил концепцию интеллектуального продукта и определили его основные характеристики. К. Хриберник и его соавторы (Hribernik et al., 2006) выдвинули концепцию аватара продукта, согласно которой продукт может иметь виртуальную цифровую копию и способен получать доступ к данным, собранным в течение жизненного цикла продукта, оптимизировать параметры эксплуатации, технического обслуживания, ремонта и др. Впервые термин «цифровой двойник» получил официальное научное значение в исследованиях М. Гривса и Д. Викаерса (Grieves, Vickers, 2017). В период с 2010 по 2014 год концепция ЦД развивалась при пристальном внимании со стороны аэрокосмической индустрии, а термин применялся в сфере проектирования промышленных изделий преимущественно для транспортной отрасли (Shafto et al., 2010; Glaessgen, Stargel, 2012). Впоследствии вопросами внедрения цифровых двойников в различных отраслях экономики занимались Р. Болтон (Bolton, 2018), К. Бошерт (Boschert, Rosen, 2018), П. Коронадо (Coronado et al., 2018), Дж. Ли (Lee et al., 2015), А. Саддик (Saddik, 2018), Р. Сёдерберг (Söderberg, et al., 2017), Ф. Тао (Tao et al., 2018).

¹⁰ Wong W. (2018). What's the difference between a simulation and a digital twin? Available at: <https://www.electronicdesign.com/embeddedrevolution/what-s-difference-between-simulation-and-digital-twin>

С развитием виртуальных моделей в инженерии свойства и поведение виртуального аппарата стали прогнозировать посредством математического моделирования на основе цифровой модели (Belinha et al., 2009; Lawson, Marion, 2008).

Обращаясь к имеющимся по состоянию на сегодняшний день отечественным исследованиям (Азрапкин, 2022; Горелова, 2020; Каталевский, Суслов, 2022; Савостьянов, 2021), легко заметить, что математические модели экономических систем и инструментарий имитационного моделирования используются в основном для прогноза развития экономических процессов во времени и состояния, в котором будет находиться экономика, свойств изучаемой экономической системы при выполнении определенных условий. Однако сложившиеся методы описания состояния и эволюции секторов экономики используют немногочисленный набор показателей, величины которых меняются сравнительно плавно, а список остается неизменным (Оленев, 2008). Проблематичным также является выбор переменных, адекватно отображающих структуру экономической системы, что приводит к невозможности детального описания всех процессов, в связи с чем возникают трудности с типологизацией и математическим описанием типовых экономических процессов.

Несмотря на большой интерес к теме ЦД, следует отметить, что по сути данная технология, как и решения на ее основе, находится на ранней стадии развития, когда профессиональное сообщество еще не выработало общепринятых определений и нормативов, специалисты спорят по многим вопросам: что такое цифровой двойник, какие виды существуют, в каких отраслевых решениях применим этот термин и т. п.

Наше исследование призвано устранить все вышеперечисленные пробелы в данном направлении экономической науки. Необходимо разработать и реализовать программу расчета интересующих характеристик изучаемого экономического процесса (в нашем случае потенциала регионального развития туристической отрасли), идентифицировать модель, то есть определить содержащиеся в ней внешние величины (коэффициенты, параметры, факторы), верифицировать модель, то есть убедиться, что она дает практически приемлемые прогнозы.

В статье представлена авторская имитационная сценарно-прогнозная модель реализации туристических услуг Камчатского края, базирующаяся на принципах системной динамики (Акопов, 2019; Сидоренко, 1998; Forrester, 1958; Meadows et al., 2005). Применены основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

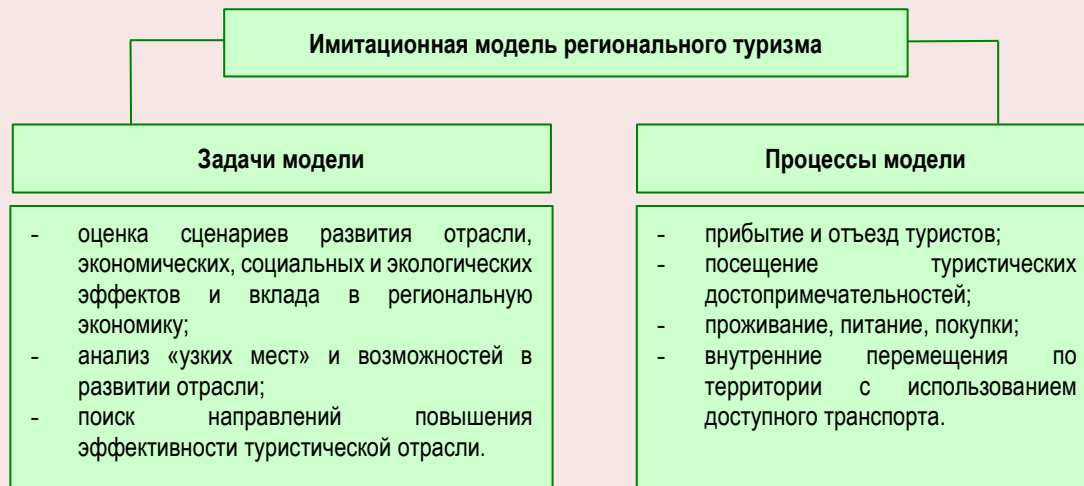
Разработанная модель развития туристической отрасли представляет собой современный цифровой инструмент, который позволяет конвертировать набор разнообразных данных в своевременное и сбалансированное управленческое решение, основанное на понимании текущего состояния отрасли и перспектив ее развития. Главная цель создания цифровой модели туристической отрасли – эффективное сценарное планирование развития туризма и смежных отраслей в регионе. Схематично задачи и моделируемые процессы представлены на *рисунке 1*.

Модель разрабатывается в среде ПО AnyLogic и поставляется в виде jar-файла. Исполняется в составе виртуальной машины Java и требует наличия jar-файлов платформы AnyLogic, локальной СУБД HyperSQL и Web-сервера. Работа пользователя с моделью производится через стандартный браузер. Ввод-вывод данных в текущей версии модели осуществляется через xls файлы (modeldata.xlsx для входных данных и results.xlsx, resultsTData.xlsx для выходных), также возможен экспорт результатов расчета в БД PostgreSQL.

Для ввода данных и настройки сценариев работы имитационной модели, а также вывода и сохранения полученных результатов используются файлы формата MS Excel. Кроме этого, в модели созданы два дополнительных файла MS Excel: «Коннектор» (для обработки, систематизации и приведения в удобный формат выходных данных модели AnyLogic, выгружаемых в файл «results» для дальнейших расчетов) и «Сценарий» (для проведения расчета интегральных социально-экономических показателей по туризму и формирования данных в удобной структуре для дальнейшей наглядной визуализации в BI-системе – Yandex DataLens).

Среди показателей, рассчитываемых в файле «Сценарий», находятся объем валовой добавленной стоимости (ВДС) туристической отрасли; доля ВДС туристической отрасли в плани-

Рис. 1. Задачи и процессы имитационной модели регионального туризма

Источник: составлено авторами.

руемом валовом региональном продукте (ВРП) региона; налоговый доход от функционирования туристической отрасли; дефицит мест размещения; количество рабочих мест, обеспечиваемых туристической отраслью; средние расходы туристов. Показатели рассчитываются на весь период моделирования. В статье представлен подробный расчет каждого показателя.

Расчет ВДС

Используемая методология расчета валовой добавленной стоимости, создаваемой туристической отраслью Камчатского края, соответствует методологии, утвержденной Приказом Росстата № 267¹¹.

ВДС, создаваемая в туристической отрасли, определяется по формуле (1):

$$ВДС_i^t = V_i^t \times Д_ВДС_i^t, \quad (1)$$

где:

$ВДС_i^t$ – валовая добавленная стоимость, созданная в году t при оказании i -го вида туристических услуг;

¹¹ Об утверждении Методики расчета показателей «Валовая добавленная стоимость туристической индустрии» и «Доля валовой добавленной стоимости туристической индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации»: Приказ Росстата от 14 мая 2019 года № 267. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met_vds.pdf

V_i^t – выпуск по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

$Д_ВДС_i^t$ – доля валовой добавленной стоимости в выпуске i -го вида туристических услуг в году t .

Выпуск товаров и услуг в данной методике учитывается по i -му виду оказываемых туристических услуг моделируемыми объектами туристической отрасли Камчатского края. Выпуск по i -му виду оказываемых услуг в году t определяется по формуле (2):

$$V_i^t = O_i^t \times Ст_i^t, \quad (2)$$

где:

O_i^t – количество оказанных услуг i -го вида в году t (в соответствующих единицах измерения);

$Ст_i^t$ – стоимость единицы оказания услуги i -го вида в году t .

Стоимость оказываемых услуг является сценарным параметром. Количество оказываемых услуг определяется в рамках имитационного моделирования при входных сценарных параметрах туристического потока на Камчатском крае и иных инфраструктурных параметров.

Валовая добавленная стоимость определяется как стоимость выпуска товаров и услуг минус стоимость промежуточного потребления. Термин «валовая» указывает на то, что показатель определен до вычета потребления основного капитала¹². Доля ВДС в выпуске по i -му виду оказываемых услуг в году t определяется по формуле (3):

$$Д_ВДС_i^t = 1 - Д_ПП_i^t, \quad (3)$$

где:

$Д_ПП_i^t$ – доля расходов на промежуточное потребление¹³ в выпуске по i -му виду услуг в году t .

В соответствии с п. 37 Методических рекомендаций¹⁴ оценку ВДС в текущих ценах прогнозных лет рекомендуется формировать как разницу между выпуском в текущих основных ценах прогнозных лет и расходами на промежуточное потребление в текущих ценах покупателей с учетом прогнозируемых индексов-дефляторов выпусков и индексов-дефляторов расходов на промежуточное потребление. Тогда долю расходов на промежуточное потребление в выпуске i -го вида продукции в году t следует определять по следующей формуле (4):

$$Д_ПП_i^t = \frac{\sum_{k=1}^n K_{ki}^t \times D_k^t}{ИЦ_i^t}, \quad (4)$$

где:

K_{ki}^t – величина расходов (в рублях) на промежуточное потребление продукции k -го вида

деятельности в расчете на рубль выпуска при оказании i -го вида услуг (коэффициент матрицы прямых затрат);

D_k^t – накопленный относительно базового периода к году t дефлятор на продукцию k -го вида деятельности. Базовым периодом в рамках модели является 2018 год (по году таблиц использования товаров и услуг, в рамках которых рассчитана матрица прямых затрат);

n – количество продукции по видам деятельности, чистые налоги и другие составляющие промежуточного потребления; в рамках модели продукция и услуги сгруппированы по видам экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД-2 (по разделам А-Т); величина налогов за вычетом субсидий не учитывается из-за отсутствия данных, а также в связи с небольшой долей данной составляющей в расходах на промежуточное потребление;

$ИЦ_i^t$ – накопленный относительно базового периода к году t индекс цен на услуги i -го вида; в рамках моделирования совпадает со значением накопленного дефлятора по агрегированной отрасли, оказывающей услугу i -го вида.

Расходы на промежуточное потребление товаров и услуг следует определять по матрице прямых затрат на оказание конкретного вида услуг. При отсутствии таких данных коэффициенты матрицы прямых затрат рассчитываются по данным базовых таблиц «затраты-выпуск» (симметричной таблицы «затраты-выпуск»)¹⁵ или таблиц использования товаров и услуг, публикуемых Росстатом¹⁶. Коэффициенты матрицы прямых затрат определяются по формуле (5):

$$K_{ki} = \frac{ПП_{ki}}{B_i}, \quad (5)$$

где:

$ПП_{ki}$ – величина расходов (в рублях) на промежуточное потребление продукции k -го вида деятельности при оказании услуг i -го вида;

B_i – величина выпуска при оказании услуг i -го вида (в основных ценах).

¹² Приказ Росстата от 14 мая 2019 года № 267.

¹³ Промежуточное потребление – суммарная стоимость товаров и услуг, потребленных в качестве затрат в процессе производства, за исключением основных фондов, потребление которых отражается как потребление основного капитала (Приказ Росстата от 14 мая 2019 года № 267).

¹⁴ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке, корректировке, мониторингу среднесрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 30.11.2009 № 492: Приказ Минэкономразвития России от 30.06.2016 № 423 // Информационный портал Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/normativnye_dokumenty_po_voprosam_analiza_i_prognozirovaniya/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_30062016_n_423_ob_utverzhdenii_metodicheskikh_rekomendaciy_po_razrabotke_korrektirovke_monitoringu_srednesrochnogo_proгноza_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_i_o_priznanii_utrativshim_silu_prikaza_m.html

¹⁵ Таблицы затрат-выпуска РФ за 2016 год / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/comment-tzv-2016.htm>

¹⁶ Таблицы затрат-выпуска РФ за 2017 год / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/comment-tzv-2016.htm>; <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/comment-tri-2017.htm>; Национальные счета России в 2007–2014 годах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 304 с.

ВДС всей туристической отрасли рассчитывается как сумма результатов по всем видам экономической деятельности, собирательной группы «Туризм».

Для оценки вклада туризма в экономическое развитие региона высчитывается доля ВДС туристической отрасли (ВДС туристической отрасли рассчитывается в среде AnyLogic) в плановом ВРП Камчатского края по формуле (6).

$$Д_ВДС_ВРП_t = \frac{ВДС_t}{ВРП_t}, \quad (6)$$

где:

$Д_ВДС_ВРП_t$ – доля валовой добавленной стоимости туристической отрасли по отношению к валовому региональному продукту, рассчитываемая на год t ;

$ВДС_t$ – валовая добавленная стоимость туристической отрасли, созданная в году t ;

$ВРП_t$ – валовой региональный продукт Камчатского края, созданный в году t .

Значения планового ВРП взяты из прогноза социально-экономического развития Камчатского края до 2024¹⁷ и прогноза социально-экономического развития Камчатского края до 2035¹⁸.

Расчет количества рабочих мест

Расчет количества рабочих мест ведется отдельно по гидам и отдельно для других сфер занятости в туризме. Количество требующихся гидов рассчитывается исходя из пропускной способности гида, вероятности использования гида в каждой точке привлечения туристов¹⁹ и количества туристов, посещающих его (количество посетителей каждой точки привлечения туристов), в среде AnyLogic по формуле (7):

$$qG_i^t = \frac{qT_i^t \times pUG_i}{GT}, \quad (7)$$

где:

qG_i^t – количество гидов, необходимых на i -ой точке привлечения в год t ;

qT_i^t – количество туристов, посетивших i -ую точку привлечения в году t ;

pUG_i – вероятность использования туристом гида в i -ой точке привлечения;

GT – пропускная способность одного гида (количество туристов, которых один гид может провести в год).

Показатели вероятности использования туристом гида в i -ой точке привлечения и пропускная способность одного гида в модели являются сценарными и оценивались экспертно.

Для других видов деятельности в сфере туризма количество рабочих мест в базовом году рассчитывается исходя из производительности труда (исчисляемой объемом ВДС, созданным одним работником) и объема созданной ВДС отдельно по сферам деятельности. Показатель производительности труда для базового года определяется по формуле (8):

$$k_L_i^{t_0} = \frac{qL_i^{t_0}}{ВДС_i^{t_0}}, \quad (8)$$

где:

$k_L_i^{t_0}$ – производительность труда по i -му виду оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 ;

$qL_i^{t_0}$ – среднегодовая численность занятых в i -ом виде оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 ;

$ВДС_i^{t_0}$ – валовая добавленная стоимость, созданная в i -ом виде оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 .

Показатели среднегодовой численности занятых в i -ом виде оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 и валовая добавленная стоимость, созданная в i -ом виде оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 , для расчета сценарного показателя трудоемкость по i -му виду оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 брались по данным Росстата.

¹⁷ Прогноз социально-экономического развития Камчатского края до 2024 // Информационный портал Правительства Камчатского края. URL: <https://kamgov.ru/minecon/prognozy>

¹⁸ Распоряжение Правительства Камчатского края от 24.05.2019 № 238-РП // Информационный портал Правительства Камчатского края. URL: <https://www.kamgov.ru/minecon/prognozy?page=1&DocumentFileFrontSearch%5Bname%5D=2035>

¹⁹ Собирательная группировка по видам экономической деятельности «Туризм» на основе ОКВЭД2 / Росстат. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fmet_tur3-okved2.docx&wdOrigin=BROWSELINK

Количество рабочих мест по видам туристических услуг на базовый год определяется по формуле (9):

$$L_i^{t_0} = \text{ВДС}_i^{t_0} \times k \cdot L_i^{t_0}. \quad (9)$$

Количество рабочих мест по видам туристических услуг на прогнозный период определяется по формуле (10):

$$L_i^t = L_i^{t-1} \times \frac{I_{\text{ВДС}_i^t}}{\text{ИПТ}_i^t}, \quad (10)$$

где:

L_i^t – количество рабочих мест по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

L_i^{t-1} – количество рабочих мест по i -му виду оказываемых туристических услуг в году $(t - 1)$;

$I_{\text{ВДС}_i^t}$ – отношение валовой добавленной стоимости по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t к валовой добавленной стоимости по i -му виду оказываемых туристических услуг в году $(t - 1)$;

ИПТ_i^t – индекс производительности труда по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t .

Показатель индекс производительности труда на базовый год является сценарным и вычислялся по формуле (11):

$$\text{ИПТ}_i^{t_0} = \frac{I_{\text{ДС}_i^{t_0}}}{IqL_i^{t_0}}, \quad (11)$$

где:

$\text{ИПТ}_i^{t_0}$ – индекс производительности труда по i -му виду оказываемых туристических услуг в базовом году t_0 ;

$I_{\text{ДС}_i^{t_0}}$ – индекс физического объема валовой добавленной стоимости по i -му виду оказываемых туристических услуг базового года t_0 к году $(t_0 - 1)$;

$IqL_i^{t_0}$ – индекс совокупных затрат труда по i -му виду оказываемых туристических услуг базового года t_0 к году $(t_0 - 1)$.

Прогнозные значения индекса производительности труда оценивались исходя из темпов прироста данного показателя согласно прогнозам социально-экономического развития Камчатского края до 2024 и 2035 гг.

Общее количество рабочих мест, созданных туристической отраслью, является суммой рабочих мест по видам деятельности.

Расчет налоговых отчислений

В модели реализован расчет объема налоговых отчислений в бюджет по трем видам налогов: налог на добавленную стоимость (далее – НДС), налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) и налог на прибыль.

Для расчета налога на прибыль используется коэффициент – доля чистой прибыли (далее – ЧП) на базовый год, который рассчитывается как среднее между показателями долей чистой прибыли на 2016–2018 гг.

Показатели доли ЧП на 2016–2018 гг. рассчитаны как отношение чистой прибыли к выпуску по виду оказываемых услуг в основных ценах по формуле (12):

$$D_{\text{ЧП}_i^t} = \frac{\text{ЧП}_i^t}{\text{Выпуск}_i^t}, \quad (12)$$

где:

$D_{\text{ЧП}_i^t}$ – доля чистой прибыли по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

ЧП_i^t – чистая прибыль по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

Выпуск_i^t – выпуск по i -му виду оказываемых туристических услуг в основных ценах в году t .

Значения чистой прибыли по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t и объемов выпуска по i -му виду оказываемых туристических услуг в основных ценах в году t взяты из симметричной таблицы «затраты-выпуск» и таблиц использования товаров и услуг, публикуемых Росстатом. Значения доли ЧП на прогнозные годы выставлены равными значениям доли ЧП на базовый год.

Объем налога на прибыль вычисляется как произведение доли ЧП на выручку и на налоговую ставку по формуле (13):

$$\text{ННП}_i^t = D_{\text{ЧП}_i^t} \times \text{Выручка}_i^t \times n_t, \quad (13)$$

где:

ННП_i^t – объем собранных налогов на прибыль по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

$D_{\text{ЧП}_i^t}$ – доля чистой прибыли по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

Выручка_i^t – объем выручки по i -му виду оказываемых туристических услуг в году;

n_t – ставка налога на прибыль в году t .

Значения объема выручки по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t являются расчетными в среде AnyLogic. Значения налоговой ставки налога на прибыль заданы равными 20% на весь период моделирования. Размер налоговой ставки является сценарным параметром и может быть изменен в каждом отдельно взятом сценарии.

Общий налог на прибыль является суммой отчислений по видам деятельности.

НДС рассчитывается как произведение выручки на налоговую ставку (14):

$$\text{НДС}_i^t = \text{Выручка}_i^t \times n_t, \quad (14)$$

где:

НДС_i^t — объем собранных налогов на добавленную стоимость по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

Выручка_i^t — объем выручки по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t ;

n_t — ставка налога на добавленную стоимость в году t .

Значения объема выручки по i -му виду оказываемых туристических услуг в году t являются расчетными в среде AnyLogic. Значения налоговой ставки налога на добавленную стоимость заданы равными 20% на весь период моделирования.

НДФЛ рассчитывается как произведение средней заработной платы, количества рабочих мест в туристической отрасли, налоговой ставки и количества месяцев в году (15):

$$\text{НДФЛ}_t = \text{СЗП}_t \times qL_t \times n_t \times 12, \quad (15)$$

где:

НДФЛ_t — объем собранных налогов на доходы физических лиц в году t ;

СЗП_t — средняя заработная плата в туристической отрасли в году t ;

qL_t — количество рабочих мест в туристической отрасли в году t ;

n_t — ставка налога на доходы физических лиц в году t ;

12 — количество месяцев в году.

Значения средней заработной платы являются для модели сценарным параметром и рас-

считаны на основании данных Росстата о средней заработной плате по видам оказываемых туристических услуг. Для прогнозирования значений средней заработной платы использовался показатель «Темп роста номинальной численной среднемесячной заработной платы работников организаций» долгосрочного прогноза социально-экономического развития Камчатского края (по базовому варианту)²⁰. Методика расчета показателя количество рабочих мест в туристической отрасли в году t указана ранее. Значения налоговой ставки налога на доходы физических лиц заданы равными 13% на весь период моделирования.

Расчет дефицита рабочих мест в коллективных средствах размещения

Модель предусматривает расчет дефицита мест в коллективных средствах размещения. Дефицит/избыток мест в КСР рассчитывается по формуле (16):

$$n\text{КСР}_t^{\bar{d}} = \frac{d\text{КСР}_t^m}{30} - s\text{КСР}_t, \quad (16)$$

где:

$n\text{КСР}_t^{\bar{d}}$ — среднее значение суточного дефицита (при положительном значении) / профицита (при отрицательном значении) мест в коллективных средствах размещения в наиболее популярный месяц года t ;

$d\text{КСР}_t^m$ — среднее значение суточного спроса на места в коллективных средствах размещения в наиболее популярный месяц года t ;

$s\text{КСР}_t$ — суточное предложение мест в коллективных средствах размещения в году t .

Расчет показателя среднего значения суточного спроса на места в коллективных средствах размещения в наиболее популярный месяц получен по результатам моделирования в среде AnyLogic. Значения суточного предложения мест в коллективных средствах размещения в году t заполнялись на основании данных Росстата по плановому количеству мест, а также экспертной оценке неформальной части КСР.

²⁰ Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2018 год / Росстат. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/566230844/?*

Также в модель заложен расчет количества недостающих объектов КСР по формуле (17):

$$\text{Доп_КСР}_t = \frac{n\text{КСР}_t^{\bar{d}}}{\text{Ср_М_КСР}}, \quad (17)$$

где:

Доп_КСР_t – количество коллективных средств размещения, покрывающих дефицит мест КСР в году t ;

$n\text{КСР}_t^{\bar{d}}$ – среднее значение суточного дефицита (при положительном значении) / профицита (при отрицательном значении) мест в коллективных средствах размещения в наиболее популярный месяц;

Ср_М_КСР – среднее количество мест КРС в одном объекте КСР.

Значение среднего количества мест КСР в одном объекте КСР является сценарным параметром и задано экспертно.

Расчет средних расходов туристов

Средние расходы одного туриста каждого кластера на поездку рассчитываются как отношение выручки (суммарно по кластеру) к объёму туристического потока (суммарно по кластеру) по формуле (18):

$$\bar{E}_i^t = \frac{E_i^t}{qT_i^t}, \quad (18)$$

где:

\bar{E}_i^t – средние расходы одного туриста i -го кластера за все время пребывания в году t ;

E_i^t – суммарные расходы всех туристов i -го кластера в году t ;

qT_i^t – количество туристов i -го кластера в году t .

Значения показателя количество туристов i -го кластера в году t является сценарным параметром и задавалось экспертно на основании данных, переданных Министерством туризма Камчатского края. Значения показателя суммарные расходы всех туристов i -го кластера в году t рассчитываются в среде AnyLogic.

Полноценный расчет экономических показателей происходит после выгрузки выходных данных модели в отдельной модели в формате MS Excel. Упрощенный расчет экономических показателей позволяет предварительно оценить результаты моделирования и производится на основании суммарной статистики по количеству туристов и их расходам (табл. 1).

Таблица 1. Упрощенный расчет экономических показателей внутри имитационной модели

Показатель	Источник информации или правила расчета	Примечание
Объем туристического потока	Из моделируемых параметров (раздельно для российских и иностранных туристов)	
Валовая добавленная стоимость отрасли (млн руб.)	Количество туристов, посетивших аттракторы и инфраструктуру (размещение, питание, торговля) × avcost × норму добавленной стоимости отрасли	Норма ДС = 0,55
Доля туризма в ВРП региона	ВДС отрасли / ВРП региона	ВРП региона задается по годам по прогнозу социально-экономического развития в таблице general
Количество рабочих мест, создаваемых туристической отраслью	ВДС × затраты труда (трудоемкость)	Затраты труда = 1,12 раб. мест / 1 млн руб.
Отели, кемпинги	Количество туристов, посетивших аттракторы и инфраструктуру grouptypes «Размещение» × avcost × затраты труда (трудоемкость)	
Кафе, рестораны	Количество туристов, посетивших аттракторы и инфраструктуру grouptypes «Питание» × avcost × затраты труда (трудоемкость)	
Услуги гидов	Количество туристов, посетивших аттракторы / производительность гида (100 чел. на гида)	

Окончание таблицы 1

Показатель	Источник информации или правила расчета	Примечание
Интегральный уровень удовлетворенности туристов, %	Доля посещенных туристических объектов (50% более - хф, менее красный, 50–70% желтый, выше зеленый)	
Полностью удовлетворен	> 70% успешных дней	
Частично удовлетворен	50–70% успешных дней	
Неудовлетворен	< 50% успешных дней	
Средние расходы кластеров туристов на поездку, тыс. руб.	Сумма (avcost объектов × кол-во посещений этих объектов туристами кластера) / величину тур. потока кластера	
Налоги, тыс. руб.	Методика расчета по каждому налогу приведена ниже	
НДС	Количество туристов, посетивших аттракторы и инфраструктуру (размещение, питание, торговля) × avcost × 0,2	
Налог на прибыль	Количество туристов, посетивших аттракторы и инфраструктуру (размещение, питание, торговля) × avcost × норму Чистой прибыли	Норма чистой прибыли = 0,289
НДФЛ	СЗП по отрасли × Количество рабочих мест, создаваемых туристической отраслью × 0,13	СЗП по годам задается в таблице general
Источник: составлено авторами.		

Результаты и обсуждение

В ходе расчетов основных показателей формируются таблицы с данными, которые загружаются в базу данных PostgreSQL, для последующей визуализации в BI-системе – Yandex DataLens, где формируется набор чартов, отображающих результаты моделирования по каждому сценарию: количество туристов по кластерам; количество туристов по месяцам, в рамках выбранного года; количество посетителей точек привлечения в год, по типам точек привлечения (тыс. чел.), с возможностью погружения на уровень отдельных точек привлечения; количество посетителей точек привлечения в год, по типам точек привлечения, с возможностью погружения на уровень отдельных точек привлечения; выручка точек привлечения в год, по типам точек привлечения, с возможностью погружения на уровень отдельных точек привлечения; количество посетителей точек привлечения по месяцам в выбранный год, по типам точек привлечения, с возможностью погружения на уровень отдельных точек привлечения; выручка точек привлечения по месяцам в выбранный год, по типам точек привлечения; доля НДС тури-

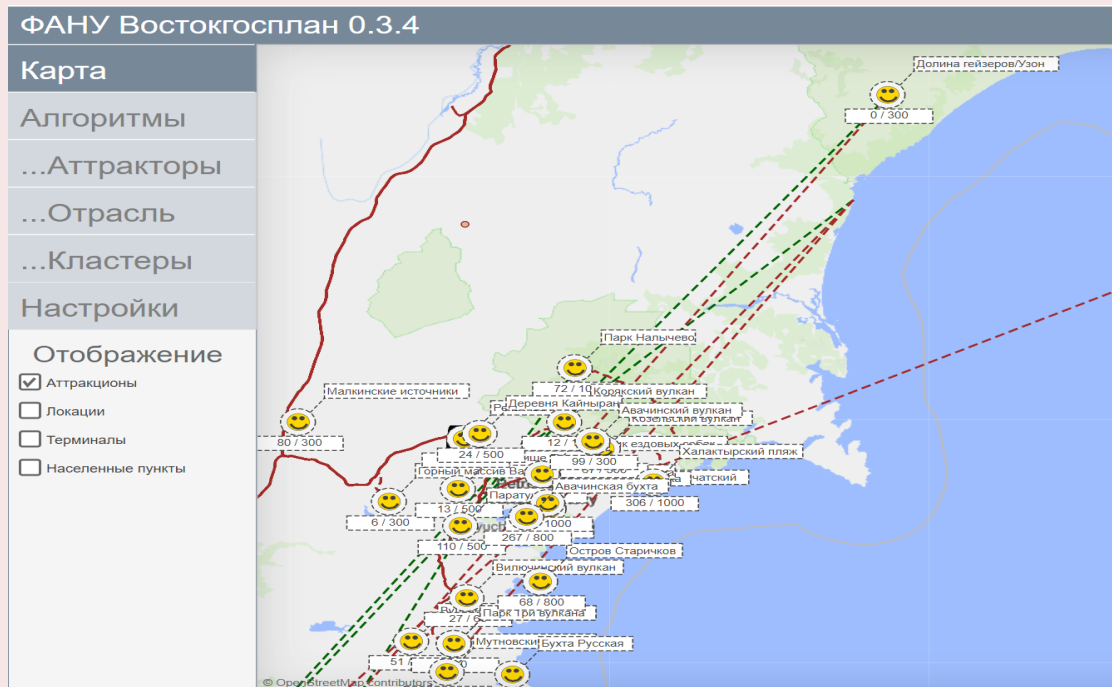
стической отрасли в ВРП; объем НДС туристической отрасли; налоговые отчисления от туристической отрасли; рабочие места в туристической отрасли; средний расход на поездку одного туриста, по кластерам; уровень удовлетворенности туристов; количество перевезенных разными типами транспорта туристов; выручка от перевозок разными типами транспорта; дефицит мест в КСР.

Данные чарты выводятся на единый дашборд (стенд), с возможностью мгновенного переключения между сценариями и визуального сравнения результатов расчета по любым двум сценариям. На каждом чарте дашборда предоставлена возможность экспорта визуализированных данных, в том числе в формате MS Excel. Перечень информации, отображаемой на витрине, не является окончательным и может быть расширен при условии дальнейшего развития модели.

Основной экран модели в режиме выполнения представлен на *рисунке 2*.

В режиме моделирования пользователь может также выбрать кликом мышки один из туристических аттракторов для просмотра детальной информации по нему (*рис. 3*).

Рис. 2. Основной экран модели в режиме выполнения

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Статистика по объекту

Примечание: В левой части данного экрана – интегральные показатели за все время расчета, в правой – прогноз заполняемости на ежедневной основе. Фиолетовая линия отражает максимальное число одновременно принимаемых туристов и сезоны, в течение которых объект открыт для посещения.

Источник: составлено авторами.

В статье представлены лишь основные выводы по итогам моделирования. Со всеми описанными выше чартами и детальными данными итогов моделирования каждого сценария из названных сценариев можно ознакомиться в дашборде VI-системы Yandex DataLens с возможностью экспорта данных.

В модели предусмотрены следующие сценарии имитационного моделирования развития туристической отрасли Камчатского края.

Консервативный сценарий (С1) предусматривает продолжение тенденции роста туристического потока среднегодовыми темпами, идентичными наблюдавшимся с 2014 по 2019 год, — на 5% в год, начиная с 2021 года, где объём туристического потока составляет 210 тыс. чел. в год. В этом сценарии все объекты модели сохраняли свои характеристики на протяжении всего периода моделирования. Не открывались новые точки привлечения туристов, не развивалась инфраструктура, не создавались новые маршруты. Единственным переменным параметром в ходе моделирования является объём туристического потока.

Базовый сценарий (С2) предусматривает рост туристического потока на уровне 12% в год на весь период моделирования.

Оптимистический сценарий (С3) предусматривает активный рост туристического потока с 2021 по 2027 год на 15% и затем на 25% до конца периода моделирования в связи с введением нескольких новых крупных точек привлечения туристов.

Циклическая пандемия (С4) — предусмотрена общая тенденция к росту туристического потока с падением на 50% каждые 4 года в связи с обострением пандемии и восстановлением до уровня года перед началом пандемии.

Показатели сценариев имитационного моделирования развития туристической отрасли Камчатского края приведены в *таблице 2*.

Сравнительные результаты сценариев имитационного моделирования развития туристической отрасли Камчатского края представлены на *рисунках 4, 5*.

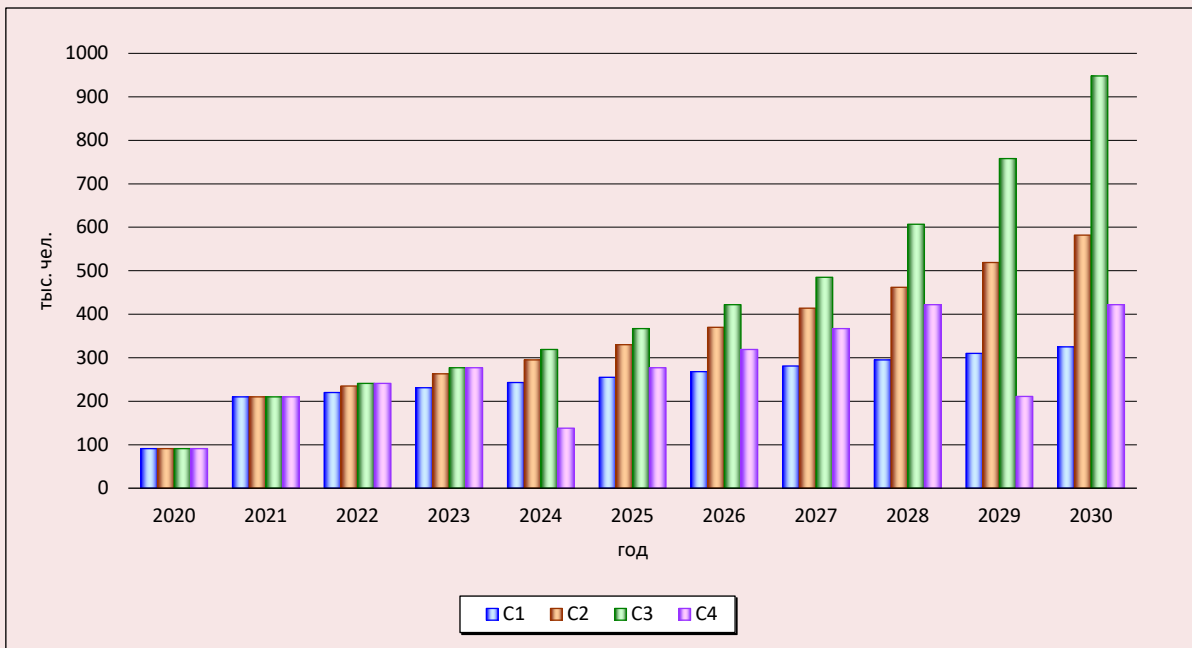
Сравнительные результаты сценариев имитационного моделирования показывают, что при развитии консервативного сценария через 10 лет объём туристического потока в Камчатском крае достигнет пика и медленное развитие отрасли сменится деградацией. Доля ВДС туристической отрасли в ВРП в консервативном сценарии незначительно выросла: с 2,11 до 2,47%. В базовом сценарии доля ВДС туристической отрасли к ВРП превышает значения соответствующего показателя в консервативном сценарии почти в два раза. В абсолютных выражениях ВДС туристической отрасли увеличится с 5,86 млрд руб. в 2021 году до 23,67 млрд руб. в 2030 году. Оптимистический сценарий демонстрирует, что при активном развитии инфраструктуры Камчатский край сможет принимать даже 950 тыс. туристов в год при кратном увеличении экономических показателей туристической отрасли (рост туристического потока с 2021 по 2027 год на 15% и затем на 25% до конца

Таблица 2. Сценарии имитационного моделирования развития туристической отрасли Камчатского края

Сценарий	Туристический поток, чел.										
	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Консервативный сценарий (С1)	91000	210000	220500	231525	243101	255256	268019	281420	295491	310266	325779
Базовый сценарий (С2)	91000	210000	235200	263424	295035	330439	370092	414503	464243	519952	582346
Оптимистический сценарий (С3)	91000	210000	241500	277725	319384	367291	422385	485743	607178	758973	948716
Циклическая пандемия (С4)	91000	210000	241500	277725	138863	277725	319384	367291	422385	211193	422385

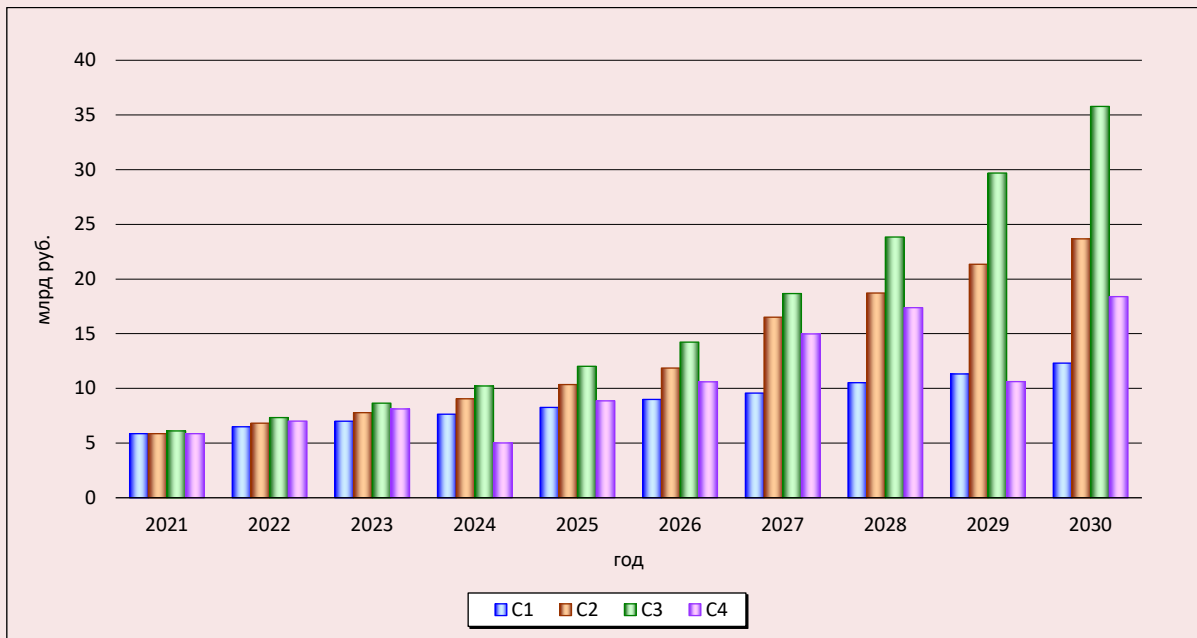
Примечание: Период моделирования во всех сценариях составляет 11 лет – с 2020 года по 2030 год. Стартовый год – 2020 (пандемия); включение 2020 года позволяет точнее учесть возможные сценарии в рамках циклической пандемии (С4).
Источник: расчёты авторов.

Рис. 4. Объем туристического потока в зависимости от сценария развития, 2020–2030 гг., тыс. чел.

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Объем ВДС туристической отрасли, 2020–2030 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами.

периода моделирования). При этом необходимо последовательное развитие инфраструктуры для обеспечения комфортного пребывания туристов и снижения негативной нагрузки на ландшафт. В абсолютном выражении показатель объема ВДС туристической отрасли вырастет почти в 6 раз и составит 35 млрд руб. При циклической пандемии предусмотрена общая тенденция к росту туристического потока с падением на 50% каждые 4 года в связи с обострением пандемии и восстановлением до уровня года перед началом пандемии. В периоды после восстановления годовые темпы прироста составляют 12%.

При рассмотрении результатов моделирования различных сценариев развития туристической отрасли на примере Камчатского края выявлена острая необходимость в развитии инфраструктуры и точек привлечения туристов в Камчатский край. К наиболее острым проблемам при увеличении туристического потока относятся недостаток мест КСР и низкая пропускная способность большинства точек привлечения туристов.

Заключение

В ходе исследования была разработана и апробирована методика оценки сценариев развития туристической отрасли на основе технологии цифрового двойника, разработанная ФАНУ «Востокгосплан». Авторами предложена модель развития туристической отрасли, представляющая собой современный цифровой инструмент, который позволяет конвертировать набор разнообразных данных в своевременное и сбалансированное управленческое решение, основанное на понимании текущего состояния туристической отрасли и перспектив ее развития. В проекте по цифровизации туристической отрасли пилотным регионом выбран Камчатский край.

Научную новизну предлагаемой методики оценки составляет использование методов структурной и ситуационной динамики с привлечением статистических методов обработки данных в среде AnyLogic. В отличие от традиционной аналитики процессов на основе таблиц и линейной зависимости разработанный цифровой двойник дает возможность наблюдать детальное поведение системы во времени,

вести учет предпочтений туристов и пропускной способности точек, давать рекомендации по размещению новых объектов. После проведения необходимых экспериментов и получения выходных данных были найдены оптимальные сценарии развития туристической отрасли, выявлены узкие места и определено, что внедрение сценарного имитационного моделирования позволит на регулярной основе производить расчет расходов туристов и, следовательно, доходов туристической отрасли, а через мультипликаторы — и доходов регионального бюджета, а также других интегральных показателей для повышения конкурентоспособности туристической отрасли Камчатского края.

Предложенная методика формирования сценариев развития туристической отрасли на основе технологии цифрового двойника приобретает в современных условиях особую значимость. Автором обозначен теоретический пробел в научных знаниях, позволяющий обосновать потребность в предпринятых разработках имитационной сценарно-прогнозной модели реализации туруслуг. Практическая значимость заключается в том, что цифровой двойник позволяет смоделировать различные сценарии развития туристической отрасли Камчатского края, тем самым снижается количество рутинных бизнес-процессов и влияние человеческого фактора на качество сервиса. Источниками эффектов в данном случае выступают показатели привлеченных инвестиций в коммерческую инфраструктуру, финансовые результаты коммерческих проектов на территории; осуществленные инвестиции в базовую и обеспечивающую инфраструктуру региона без привязки к конкретным проектам; натуральные показатели, свидетельствующие о развитии туристского и социально-экономического потенциала территории. В совокупности с суммой бюджетного и социальных эффектов, а также качественных показателей посещаемости территории предложенная методика позволит подкрепить аргументы в пользу необходимости развития туристической инфраструктуры и создания новых туристских дестинаций в регионе в рамках Стратегии развития туризма в Российской Федерации.

Литература

- Азрапкин А.И. (2022). Использование имитационного моделирования для оценивания социально-экономической привлекательности // Информационные системы и технологии. № 2 (130). С. 83–91.
- Акопов А.С. (2019). Компьютерное моделирование. М.: Юрайт. 389 с.
- Горелова Г.В. (2020). Постановка задачи имитационного моделирования процессов принятия решений в сложных организационно-технических системах // Известия ЮФУ. Технические науки. № 1 (211). С. 134–144.
- Каталевский Д.Ю., Сулов С.А. (2022). Имитационное моделирование в управлении сложными проектами // Проблемы теории и практики управления. № 2. С. 101–115.
- Молодецкая С.Ф. (2020). Формирование методик поддержки принятия решений в условиях неопределенности // Вопросы управления. № 4 (65). С. 102–114.
- Новыш Б.В., Юрча И.А. (2020). Имитационная модель оценки экономического потенциала регионов // Экономика. Управление. Инновации. Т. 7. № 1. С. 88–94.
- Оленев Н.Н. (2008). Динамическая балансовая модель региональной экономики // Материалы IV международной научной конференции «Инновационное развитие и экономический рост». М.: РУДН. С. 282–292.
- Прохоров А., Лысачев М. (2020). Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: АльянсПринт. 401 с.
- Савостьянов Д.А. (2021). Применение системной динамики для анализа социальных и экономических выгод инфраструктурных проектов // Вестник СамГУПС. № 1 (51). С. 36–46.
- Сидоренко В.Н. (1998). Системная динамика. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС. 200 с.
- Шпак П.С., Сычева Е.Г., Меринская Е.Е. (2020). Концепция цифровых двойников как современная тенденция цифровой экономики // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 1. С. 57–68.
- Belinha J., Jorge R., Dinis L. (2009). Analysis of 3D solids using the natural neighbour radial point interpolation method. *Computer Modeling in Engineering & Sciences*, 44(1), 1–34. DOI: 10.3970/cmesc.2009.044.001
- Bolton R.N. et al. (2018). Customer experience challenges: Bringing together digital, physical and social realms. *Journal of Service Management*. 29(5), 776–808.
- Boschert S., Rosen R. (2016). Digital Twin – the simulation aspect. In: Hehenberger P., Bradley D. (Eds.). *Mechatronic Futures*.
- Coronado P.D.U., Lynn R., Louhichi W., Parto M., Wescoat E., Kurfess T. (2018). Part data integration in the Shop Floor Digital Twin: Mobile and cloud technologies to enable a manufacturing execution system. *Journal of Manufacturing Systems*, 48, 25–33.
- Forrester J.W. (1958). Industrial dynamics: A major breakthrough for decision makers. *Harvard Business Review*, 36(4), 37–66.
- Glaessgen E., Stargel D. (2012). The Digital Twin Paradigm for future NASA and U.S. Air Force vehicles. In: *AIAA/ASME/ASCE/AHS/ASC Structures, Structural Dynamics and Materials*. American Institute of Aeronautics and Astronautics.
- Grieves M. (2005). Product lifecycle management: The new paradigm for enterprises. *Int. J. Product Development*, 2(1/2), 71–84.
- Grieves M. (2016). *Origins of the Digital Twin Concept. Working Paper*. DOI: 10.13140/RG.2.2.26367.61609
- Grieves M., Vickers J. (2017). Digital twin: Mitigating unpredictable, undesirable emergent behavior in complex systems. In: Kahlen F.J., Flumerfelt S., Alves A. (Eds.). *Transdisciplinary Perspectives on Complex Systems*. Cham: Springer.
- Hribernik K.A., Rabe L., Thoben K.D., Schumacher J. (2006). The product avatar as a product-instance-centric information management concept. *Int. J. Prod. Lifecycle Manag.*, 1(4), 367.
- Lawson D., Marion G. (2008). *An Introduction to Mathematical Modelling*. Bioinformatics and Statistics Scotland Given. DOI: 10.5860/choice.32-5134
- Lee J., Bagheri B., Kao H.A. (2015). A cyber-physical systems architecture for industry 4.0-based manufacturing systems. *Manufacturing Letters*, 3, 18–23.
- Kritzinger W., Karner M., Traar G., Henjes J., Sihn W. (2018). Digital Twin in manufacturing: A categorical literature review and classification. *IFAC-Papers OnLine*, 51(11), 1016–1022.

- Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (2005). *Limits to Growth: The 30-Year Update*. London: Earthscan.
- Mittal S., Khan M.A., Romero D., Wuest T. (2019). Smart manufacturing: Characteristics, technologies and enabling factors. *Proc. of the Institution of Mechanical Engineers, Part B: Journal of Engineering Manufacture*, 233(5), 1342–1361. DOI: 10.1177/0954405417736547
- Shafto M., Conroy M., Doyle R. et al. (2010). Modeling, simulation, information technology and processing roadmap. *Technology Area*, 11. Available at: https://www.nasa.gov/pdf/501321main_TA11-MSITP-DRAFT-Nov2010-A1.pdf
- Saddik A. (2018) Digital twins: The convergence of multimedia technologies. *IEEE MultiMedia*, 25(2), 87–92. DOI: 10.1109/MMUL.2018.023121167
- Söderberg R. et al. (2017). Toward a Digital Twin for real-time geometry assurance in individualized production. *CIRP Annals*, 66(1), 137–140.
- Tao F. et al. (2018). Digital twin-driven product design framework. *International Journal of Production Research*, 57(1), 1–19. DOI: 10.1080/00207543.2018.1443229

Сведения об авторах

Михаил Евгеньевич Кузнецов – кандидат экономических наук, доцент, директор Центра системных трансформаций, МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: mkuznetsov@stc.expert)

Мария Игоревна Никишова – кандидат экономических наук, руководитель направления «Цифровая трансформация и пространственное развитие», Восточный центр государственного планирования (119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 19; e-mail: m.nikishova@vostokgosplan.ru)

Kuznetsov M.E., Nikishova M.I.

Methodology for Assessing Scenarios of Tourism Industry Development in Kamchatka Krai on the Basis of Digital Twin Technology

Abstract. In the rapidly changing conditions of the current technological paradigm new methodological approaches are required to assess effective management using modern digital tools (digital twins) that help to increase the quality and efficiency of economic processes to make timely and balanced management decisions. The purpose of the study is to develop a methodology for assessing scenarios for the development of the tourism industry in Kamchatka Krai on the basis of digital twin technology. Scientific novelty of the proposed methodology is the use of structural and situational dynamics methods with the involvement of data processing statistical methods in AnyLogic environment. The developed model is a modern digital tool that helps to convert a set of diverse data into a timely and balanced management decision based on an understanding of the current state of the industry and the prospects for its development. The theoretical significance lies in the scientific justification of the digital twin concepts and their application in simulation modeling in relation to the tourism industry. The practical significance is that the digital twin allows simulating different scenarios of Kamchatka Krai tourism industry development, thereby reducing the number of routine business processes and the influence of human factor on the quality of service. Using the assessment results, we have identified optimal scenarios for the development of the tourism industry in Kamchatka Krai, its bottlenecks, and determined that the introduction of scenario simulation modeling will regularly calculate the basis the tourist expenses and, consequently, the tourist industry income, and through multipliers – the regional budget income, and other integral indicators to improve the competitiveness of the tourism industry in the region. In contrast to the traditional analytics of processes based on tables and linear dependence, the developed digital twin makes it possible to observe the detailed behavior of the system in time, to keep track of tourist preferences and the capacity of tourist

attraction points, to give recommendations on the placement of new objects. The obtained results can be used in the formation of proposals for the development of the tourism industry, and the monitoring of its condition and efficiency.

Key words: tourism, tourism industry, digitalization, digital model, simulation modeling, digital twin, Kamchatka Krai.

Information about the Authors

Mikhail E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Center for Systemic Transformation, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mkuznetsov@stc.expert)

Mariya I. Nikishova – Candidate of Sciences (Economics), Head of Digital Transformation and Spatial Development direction, Eastern State Planning Center (19, New Arbat Street, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: m.nikishova@vostokgosplan.ru)

Статья поступила 10.10.2022.

DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7

УДК 339.92, ББК 65.30

© Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К.

Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 5164088@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

**Михаил Константинович
МАЛЫШЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: mmk1995@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1311-1888

Аннотация. С момента начала обострения ситуации на Украине коллективный Запад ввел беспрецедентное количество санкций против российской экономики. Ограничения в международных торговых операциях, а в некоторых случаях их полная остановка, вынудили крупный отечественный бизнес искать «дружественные» рынки сбыта, разрабатывать новые логистические маршруты. И если по итогам 1-го полугодия 2022 года нефтегазовая отрасль показала существенный рост, то некоторые российские корпорации металлургии и угольной отрасли оказались под сильным ударом. Несмотря на благоприятные условия в первые месяцы 2022 года, финансовые результаты второго квартала ожидаются намного более скромными. На падение доходов металлургии и угольной отрасли с весны 2022 года повлияли рост транспортных расходов в результате

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2023). Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 122–138. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2023). Comparative analysis of trends in the development of finance of large corporations in the metallurgical and coal industries in Russia in the context of global challenges. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 122–138. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7

разворота на Восток, недостаточная пропускная способность БАМа и Транссиба, реализация продукции с большим дисконтом азиатским потребителям, снижение доходов от экспорта в связи с укреплением курса рубля. Все эти факторы отрицательно скажутся на объеме налогооблагаемой базы и доходах региональных бюджетов. При написании статьи использовались методы вертикального и горизонтального анализа данных, методы сравнения и прогнозирования, метод экспертных оценок. Информационной базой исследования выступили отечественная и зарубежная литература по вопросам развития металлургической и угольной отраслей; финансовая отчетность и оперативные результаты крупнейших российских корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь»), цветной металлургии (ПАО «Норникель») и угольной отрасли (АО «УК «Кузбассразрезуголь»); данные Федеральной налоговой службы по Вологодской и Кемеровской областям, а также Красноярскому краю; информация сайта Forbes.ru; данные информационно-новостных порталов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, черная металлургия, цветная металлургия, угольная отрасль, глобальные вызовы, антироссийские санкции, социально-экономическое развитие территорий.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение в проблематику

Устойчивое социально-экономическое развитие субъектов РФ невозможно без роста и стабильности доходной базы региональных бюджетов. В свою очередь ключевыми налогами в формировании доходов регионов выступают налог на прибыль и НДС от крупных корпораций. И если отчисления по налогу на доходы физических лиц от крупного промышленного бизнеса растут в связи с периодической индексацией руководства компаний, то величина налога на прибыль крайне непостоянная. Отметим, что на нее влияют такие факторы, как объем, цена и валюта реализации продукции, уровень себестоимости в выручке, коммерческие и управленческие расходы, налоговые льготы и режимы. Кроме того, все строки финансовых результатов компаний зависят от наличия либо отсутствия санкций.

Стоит сказать, что с 24 февраля на протяжении всего 2022 года страны Евросоюза и США, а также их сателлиты, вводили в отношении России различные экономические ограничения и запреты. Санкции коснулись практически всех сфер экономики: прекращение международной торговли; уход с рынка иностранных компаний; арест золотовалютных резервов; ограничения в сфере инвестиций и прочее. Если с ноября 2021 по февраль 2022

года средний курс доллара составлял 73–77 рублей, то к 11 марта цена на валюту США выросла до 120,38 рубля. Однако, как бы ни хотел коллективный Запад доллар по 200 рублей¹, уже к 9 апреля стоимость доллара снизилась до 74,85 рубля (-37,8%). Ключевыми причинами укрепления российского рубля стали запрет на вывоз валюты из страны более 10 тысяч долларов; торговля газом с недружественными странами в рублях; обязанность экспортерам продавать до 80% валютной выручки (рис. 1).

После апрельского восстановления рубль начал брать новые рекорды. В связи с потерей интереса к доллару и спроса на него, вызванной невозможностью на него что-либо купить, а также увеличением риска хранения данной валюты, обусловленного арестом золотовалютных резервов России², к 30 июня цена на доллар США снизилась до 51,16 рубля, что на 57,5% ниже апрельского максимума. Однако такой сильный рубль не выгоден не только экспортерам и рос-

¹ Доллар по 200: каким может быть курс рубля к концу года. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/460107-operacia-rubl-kak-v-2022-godu-politika-stala-opredelat-kurs-rossijskoj-valuty>

² Минфин заявил о заморозке \$300 млрд золотовалютных резервов из-за санкций. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c>

Рис. 1. Динамика курса доллара США к рублю с ноября 2021 по сентябрь 2022 года

Источник: USD – курс ЦБ РФ (доллар США). URL: <https://invest.yandex.ru/catalog/quote/usd-cbr/>

сийскому бюджету, но и импортозамещающим компаниям, которые опасаются потерять долю рынка в результате появления дешевого товара из зарубежных стран³. По мнению вице-преьера А. Белоусова, оптимальный курс доллара находится в диапазоне 70–80 рублей⁴.

В статье поставлена цель определить перспективы и направления развития крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в современных условиях глобальных вызовов. Исходя из этого необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать динамику финансовых результатов крупных компаний, осуществить оценку производственной эффективности, коммерческой, управленческой и налоговой нагрузки;

2) определить вклад компаний в формирование доходов бюджетной системы путем налоговых отчислений (налог на прибыль, НДС, НДФЛ и налог на имущество);

3) выявить ключевые проблемы эффективного сочетания частных и общественных интересов;

4) проанализировать текущую ситуацию в металлургической и угольной отраслях в новых условиях ограничений и рыночной конъюнктуры;

³ Курс-то ненастоящий! Почему рубль укрепился вопреки санкционной войне. URL: https://www.dp.ru/a/2022/10/14/Prioritet__zabota_o_raci

⁴ Белоусов назвал комфортный для России курс доллара. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2022/62aa59d59a79476e11771ffc>

5) определить перспективы развития крупных компаний в условиях санкций и ограничений.

Объект исследования – крупные частные корпорации: ПАО «Северсталь» (чёрная металлургия, Вологодская область), ПАО «Норникель» (цветная металлургия, Красноярский край) и АО «УК «Кузбассразрезуголь» (угольная отрасль, Кемеровская область).

Обзор литературы по проблематике исследования

Металлургическая отрасль

В исследовании И.А. Буданова отмечена неразрывная связь металлургического производства и формирования социально-экономических условий в стране. Автором выделены основные социальные функции, которые выполняет металлургия: поддержание экологической безопасности на должном уровне; улучшение условий труда работников; участие в развитии местных сообществ. Следствием социальных расходов металлургических компаний становится общественное признание результатов их деятельности, а также изменение уровня их капитализации (Буданов, 2021). П.А. Дегтярев отмечает, что в сложившихся условиях жестких санкционных ограничений, усложнившегося доступа на рынки капитала, интенсивного падения российской валюты многие предприятия промышленного сектора экономики оказались перед сложным выбором приоритетов. Наибольших успехов добились те металлургические компании, которые изна-

чально органично встроили экологические и социальные задачи в общую стратегию развития (Дегтярев, 2022). Ю.Ю. Костюхин посвятил свою работу стратегическому управлению российской металлургией в условиях вызовов и рисков. По мнению автора, санкции против России вызовут необходимость в большей концентрации на внутреннем рынке стали, а также государственной поддержки, связанной с предоставлением различного рода налоговых и иных льгот (Костюхин, 2022).

В статье О.А. Романовой и Д.В. Сиротина обоснована значимость и выделены факторы жизнестойкости металлургии в условиях новой реальности. Отмечена возрастающая роль структурной политики в базовых отраслях экономики, в частности в металлургии, с акцентом на интеллектуализацию и сервисизацию производства (Романова, Сиротин, 2022). По словам ведущего аналитика брокерской компании «Кит Финанс» Д.В. Баженова, черная металлургия является отраслью, наиболее пострадавшей от санкционного давления в результате событий на Украине. Падение спроса и цены на сталь, укрепление российского рубля, снижение производства, рост расходов на логистические цепочки и потеря рынков сбыта приведут к сокращению выручки и отсутствию чистой прибыли. Ожидается отрицательный свободный денежный поток и рост долговой нагрузки, которые не позволят российским металлургам платить дивиденды в ближайшем будущем. Это, в свою очередь, приведёт к отрицательной переоценке металлургических компаний из-за нисходящей динамики котировок (Баженов, 2022).

На протяжении многих лет исследователями Вологодского научного центра РАН было опубликовано множество статей и монографий, затрагивающих взаимодействие государства с крупными корпорациями металлургической отрасли, определяющих роль в формировании доходов бюджетной системы, уровень социальной ответственности, особенности распределительной политики и налоговой нагрузки, дающих характеристику экспортно-импортной деятельности (Ильин, Поварова, 2019; Ильин и др., 2021; Малышев, 2021; Печенская-Полищук, Малышев, 2021а; Печенская-Полищук, Малышев, 2021б; Печенская-Полищук, Малышев, 2022).

Угольная отрасль

В экономической литературе существует значительное количество публикаций об угольной отрасли России. Например, Н.В. Васильева анализирует современное состояние угольной промышленности России на предмет уровня добычи, экспорта и изменений цен. Отмечаются лидирующие позиции РФ в производстве и экспорте угля. Особое внимание уделено мировой тенденции к сокращению объемов добычи угля из-за экологических мотивов, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на потребительском спросе (Васильева, 2020). О.И. Хохрина изучает вопросы, затрагивающие трансформацию устоявшейся модели развития ведущего угледобывающего центра России – Кузбасса – под влиянием внешних и внутренних рисков. Она выделяет пять ключевых факторов влияния: декарбонизация мировой экономики; падение цен на уголь; пандемия COVID-19; длительное сокращение потребления угля в России; формирование новых центров угледобычи на востоке России. Отмечено, что в результате снижения мирового спроса на углеводороды объем добычи угля в Кузбассе упадет на 70–100 млн тонн в год, что спровоцирует глубокий социально-экономический кризис в регионе (Хохрина, 2020). Учеными Воронежского государственного аграрного университета предпринята попытка проанализировать состояние и тенденции развития угольной промышленности РФ в условиях перехода глобальной экономики к углеродной нейтральности. При этом инструментом достижения цели будет выступать углеродный налог, что напрямую затронет экспорт российских углеводородов (нефти, газа и угля). России переориентироваться на новые рынки в Азии не так просто, нужны серьезные вложения в инфраструктуру, в частности увеличение пропускной способности Трансиба и БАМа (Сальникова, Гринева, 2022).

Обзор англоязычных источников по проблематике исследования

В зарубежной экономической литературе уже появилось немалое количество исследований, связанных с событиями в Украине и санкциями против России. Так, К. Mahlstein с помощью CGE моделирования проанализировал краткосрочные и среднесрочные экономиче-

ские последствия торгового эмбарго, введенного союзными странами в отношении России. В качестве торговых санкций рассматриваются ограничения в импорте, экспорте и в торговых издержках между Россией и странами, не являющимися союзниками. По мнению исследователя, экономика РФ понесет значительные потери, превышающие 14% реального ВВП. Кроме того, отмечается, что Россия понесла бы значительно большие потери, если бы принимала контрсанкции, а не смирялась с тем, что стала объектом санкций (Mahlstein et al., 2022). Р. Beauregard отметил недалёковидность и «вдохновенность сильными эмоциями» (they were empowered by intense emotions) трансатлантических политиков⁵ при принятии экономических санкций в отношении России. По мнению автора, научное сообщество ЕС и США понимало негативные последствия от внедрения различных ограничений. Западные эксперты-экономисты прогнозировали серьезные издержки для нескольких европейских стран и были удивлены, когда санкции в итоге были приняты. Подстрекание со стороны США стран ЕС ввести санкции вызвало напряженность между данными политическими «союзниками» (Beauregard, 2022). В статье S.H. Allen отмечено, что в ответ на проведение специальной военной операции широкий круг стран ввел ряд санкций, направленных против Президента РФ и его сторонников. Однако, по мнению автора, будущий успех санкций в сдерживании России весьма сомнителен, несмотря на то, что они являются целенаправленными. Кроме того, ограничительные меры могут повлиять на цены во всем мире (Allen, 2022).

Отдельно отметим публикацию китайских ученых, которые анализировали деловую активность Российской Федерации в ночное время на основе наблюдения за ночным освещением. Исследователи обнаружили корреляцию экономических санкций с региональными различиями. По мере усиления санкций освещение Москвы, Санкт-Петербурга и столиц провинций, а также промышленных городов стало ярче, чем в остальной части страны. Однако под влиянием санкций освещение горнодобывающих районов России было более тусклым. Наконец, в районах, близких к китайской гра-

нице, зафиксировано относительно больше экономической деятельности. Огни Благовещенска были ярче по сравнению с остальной частью страны (Li, Li, 2022). D. Siegel утверждает, что американские санкции были разработаны для того, чтобы изменить российскую внешнюю политику, используя политический конфликт между олигархами и государственной элитой. Однако после почти восьми лет санкций российские элиты кажутся более сплоченными, чем когда-либо. Автор считает, что российские олигархи иногда могут демонстрировать сплочённость, особенно когда их богатству угрожают внешние, а не внутренние источники (Siegel, 2022). В коллективной публикации исследователей Женевы и Вашингтона отмечено, что в рамках санкционного режима Соединенные Штаты объявили о введении импортных пошлин на 570 товарных групп из России. Европейский союз может последовать этому примеру и ввести в отношении России санкции, которые по масштабу и охвату будут отражать санкции США. Используя модель частичного равновесия, исследователи оценили ущерб для экономики России в 996 млн долл. в год. При этом потери для ЕС составят около 150 млн долл. в год. Таким образом, в соответствии с духом международной координации и согласования ЕС может рассмотреть возможность корректировки пакета тарифных санкций, а не просто принятия пакета США (Latipov et al., 2022).

Методы исследования

В ходе работы использовались методы динамического (горизонтального) и удельно-вещного (вертикального) анализа данных. Кроме того, были применены методы сравнения, сопоставления, прогнозирования, метод экспертных оценок.

Информационной базой исследования выступили отечественная литература по вопросам развития металлургической и угольной отраслей и зарубежные публикации, характеризующие влияние санкционных ограничений на экономику России и стран Европы. Помимо этого, в работе использовалась финансовая отчетность и оперативные результаты крупнейших российских корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь»), цветной металлургии (ПАО «Норникель») и угольной отрасли (АО «УК «Кузбассразрезуголь»), данные Федераль-

⁵ Политиков ЕС и США.

ной налоговой службы по Вологодской и Кемеровской областям, а также Красноярскому краю, информация сайта Forbes.ru, данные информационно-новостных порталов (Коммерсант, РБК, Яндекс Инвестиции, журнал «Тинькофф», Интерфакс, РИА Новости).

Результаты исследования

Роль российской металлургии в структуре ВВП невелика – около 5%, но очень важна, поскольку от металлургии зависят три базовые отрасли экономики: промышленность, строительство и топливно-энергетический комплекс, которые в совокупности дают 58% ВВП⁶.

Угольная промышленность вносит весомый вклад в экономику Российской Федерации, в том числе от неё зависит энергетическая безопасность страны. Несмотря на то, что ее доля в структуре ВВП составляет 1%, она обеспечивает более 150 тыс. рабочих мест, от развития угледобычи зависит судьба около 140 крупных поселений (моногородов). От положения дел в рассматриваемом секторе ТЭК зависит выпуск четверти объема электроэнергии и около 70% – стальных изделий. Также уголь является ценным экспортным товаром, на него приходится

3–4% всех доходов от экспортной деятельности, возлагаются большие надежды на эффект от развития отрасли⁷.

Переходя непосредственно к анализу финансовых результатов корпораций, обозначенных в объекте исследования, отметим, что за 2012–2021 гг. опережающий рост выручки над себестоимостью привел к сокращению ее доли на 20,5 п. п. у ПАО «Северсталь» и на 30,2 п. п. у АО «УК «Кузбассразрезуголь». В целом сокращение себестоимости зафиксировано и у «Норникеля», однако приостановка в 2021 году добычи на рудниках «Октябрьский» и «Таймырский» из-за подтопления привела к снижению выручки и росту затрат на ликвидацию последствий. В связи с этим удельный вес затрат в себестоимости в выручке стал равен 44,9%, что на 11,5 п. п., выше, чем в 2020 году. Всего за 10 лет себестоимость ПАО «Северсталь» составила 2,62 трлн руб., или 70,3% от выручки, удельный вес затрат ПАО «Норникель» и АО «УК «Кузбассразрезуголь» в выручке – 37,8 и 52,8%. Такая разница обусловлена более высокой стоимостью продукции, выпускаемой ПАО «Норникель» (табл. 1).

Таблица 1. Производственная эффективность крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)			ПАО «Норникель» (Красноярский край)			АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)		
	Выручка	Себестоимость	Доля	Выручка	Себестоимость	Доля	Выручка	Себестоимость	Доля
	Млрд руб.		%	Млрд руб.		%	Млрд руб.		%
2012	224	182	81,5	289	112	38,7	67	44	65,7
2013	213	174	81,8	273	119	43,5	52	41	78,4
2014	234	171	73,3	346	127	36,7	58	43	73,9
2015	279	187	67,0	401	124	31,1	73	48	65,7
2016	305	210	68,9	423	171	40,4	69	50	72,2
2017	360	261	72,7	456	187	41,1	86	56	65,7
2018	433	297	68,7	609	237	38,8	137	62	45,3
2019	458	349	76,3	878	292	33,2	151	69	45,6
2020	451	318	70,4	924	309	33,4	127	66	51,6
2021	770	470	61,0	856	384	44,9	264	93	35,5
Всего за 2012–2021	3725	2620	70,3	5454	2062	37,8	1085	573	52,8
2021 к 2012	3,45 раза	2,58 раза	-20,5 п. п.	2,97 раза	3,44 раза	+6,2 п. п.	3,96 раза	2,14 раза	-30,2 п. п.

Источник: составлено авторами по данным финансовой отчетности корпораций.

⁶ Металлургия стала базой для трех промышленных отраслей, дающих в сумме 58% ВВП. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3947600>

⁷ Перспективы развития угольной промышленности в России: экспортный потенциал, финансовое положение, социально-экономические эффекты. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/fd6/fd69a69529035a5127eb498dfcc7d565.pdf>

В первом полугодии 2022 года средняя цена реализации чугуна ПАО «Северсталь» сократилась на 41%, слябы упали в цене в 2,4 раза, стоимость горячекатаного и сортового проката снизилась на 13 и 17% соответственно относительно 1-го квартала⁸ (табл. 2).

Говоря об изменениях цен на цветные металлы в 1-ом полугодии 2022 года, следует отметить рост стоимости никеля на 47%, при этом цена меди выросла лишь на 9%. Стоимость благородных металлов, таких как платина и палладий, снизилась на 12 и 17% соответственно относительно аналогичного периода 2021 года⁹ (табл. 3).

За последние 10 лет доля управленческих расходов ПАО «Северсталь» и АО «УК «Кузбассразрезуголь» сократилась на 2,6 и 5,6 п. п. соответственно, у ПАО «Норникель» – выросла всего на 0,3 п. п. При этом наилучшая управленческая эффективность у стальной компании, о чем говорит доля управленческих затрат на уров-

не 3,5% от общей выручки. У двух других компаний совокупная управленческая нагрузка составила 5,5 и 6,4% соответственно от выручки.

Коммерческие расходы ПАО «Северсталь» выросли в 3,6 раза, а их доля в выручке увеличилась на 0,2 п. п., у ПАО «Норникель» они повысились на 28%, а доля сократилась на 3,3 п. п., у АО «УК «Кузбассразрезуголь» рост коммерческих расходов составил 26,6 раза, а коммерческая нагрузка выросла на 23,1 п. п. относительно выручки. Наилучшей коммерческой эффективностью обладает ПАО «Норникель» – суммарные коммерческие расходы предприятия за 10 лет составили 1,9% от общей выручки компании, что также связано с более высокой добавленной стоимостью продукции и меньшими затратами на транспортировку и упаковку вследствие меньших производственных объемов. Коммерческие затраты у стальной и угольной компаний за период составили 6 и 22,3% соответственно.

Таблица 2. Динамика цен реализации продукции ПАО «Северсталь» в первом и втором кварталах 2022 года

Продукция	1 квартал 2022 г.	2 квартал 2022 г.	Изменение, раз
	тыс. руб. за 1 тонну		
Чугун	41,9	24,7	0,59
Слябы	45,2	19,1	0,42
Горячекатаный прокат	67,3	58,5	0,87
Сортовой прокат	58,8	48,9	0,83

Источник: рассчитано авторами по данным journal.tinkoff.ru

Таблица 3. Динамика цен реализации продукции ПАО «Норникель» в первом полугодии 2021 и 2022 гг.

Тяжелые металлы	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение, раз
	тыс. долл. за унцию		
Никель	17,6	25,9	1,47
Медь	8,9	9,7	1,09
Благородные металлы	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение, раз
	тыс. долл. за унцию		
Палладий	2,5	2,2	0,88
Платина	1,2	1	0,83

Источник: рассчитано авторами по данным journal.tinkoff.ru

⁸ Полугодовые операционные результаты «Северстали». URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/review-chmf-1h2022/>

⁹ Кто заплатил дивиденды. Обзор результатов «Норникеля». URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/review-gmkn-2h2022/>

На протяжении 2019 и 2020 гг. ОАО «РЖД» неоднократно докладывало, что угольные компании не укладываются в параметры, сформированные при разработке I этапа расширения Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей. Изначально предполагалось, что вывоз угля из Кузбасса на Восточный полигон к 2020 году составит только 39 млн тонн, а фактически в 2020 году он достиг 55 млн тонн. Перевозки же с месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока составят только 33 млн тонн вместо 65 млн тонн. В результате из-за дисбаланса грузопотоков ОАО «РЖД» потеряло около 7,3 млрд рублей.

Отметим, что рост коммерческой и управленческой нагрузки крупных частных компаний негативно влияет как на государство, так

и на сами компании по причине сокращения налогооблагаемой базы и чистой прибыли (табл. 4).

Прибыль до налогообложения ПАО «Северсталь» выросла в 19 раз, а сам налог на прибыль – в 15,7 раза. За 10 лет его объем составил 87 млрд рублей, т. е. 8,9% от суммарной налоговой базы компании. Текущая ставка налога сократилась на 2,4 п. п. – с 14% в 2012 году до 11,5% в 2021 году. Суммарный объем налога на прибыль ПАО «Норникель» составил 0,5 трлн руб., что эквивалентно 20,9% от общей прибыли до налогообложения. Ставка налога сократилась на 8,8 п. п. – с 28,1 до 19,4%. Доля налога АО «УК «Кузбассразрезуголь» в общей выручке составила 24,4% и за период выросла на 4,3 п. п. (табл. 5).

Таблица 4. Коммерческая и управленческая нагрузка крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)				ПАО «Норникель» (Красноярский край)				АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)			
	Комм. расх.	Доля	Упр. расх.	Доля	Комм. расх.	Доля	Упр. расх.	Доля	Комм. расх.	Доля	Упр. расх.	Доля
	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%
2012	13,9	6,2	11,8	5,3	16,6	5,8	15,7	5,4	2,7	4,0	6,1	9,2
2013	14,2	6,7	9,4	4,4	11,2	4,1	19,9	7,3	2,1	3,9	6,1	11,7
2014	13,8	5,9	8,8	3,8	8,5	2,5	17,4	5,0	3,6	6,2	5,3	9,1
2015	16,8	6,0	9,4	3,4	8,8	2,2	22,6	5,6	2,9	4,0	5,97	8,1
2016	15,6	5,1	11,4	3,7	9,0	2,1	25,8	6,1	2,7	4,0	6,6	9,5
2017	17,3	4,8	11,7	3,3	5,1	1,1	30,7	6,7	3,6	4,1	7,01	8,2
2018	21,6	5,0	12,8	3,0	6,7	1,1	37,9	6,2	32,3	23,6	7,6	5,6
2019	29,7	6,5	15,6	3,4	7,8	0,9	41,3	4,7	67,1	44,3	7,4	4,9
2020	31,7	7,0	18,4	4,1	8,1	0,9	41,8	4,5	59,9	47,0	8,2	6,5
2021	49,6	6,4	20,4	2,7	21,2	2,5	48,96	5,7	71,5	27,1	9,5	3,6
Всего за 2012–2021	224,2	6,0	129,8	3,5	103,1	1,9	302	5,5	248,5	22,9	69,8	6,4
2021 к 2012	3,56 раза	+0,2 п. п.	1,74 раза	-2,6 п. п.	1,28 раза	-3,3 п. п.	3,12 раза	+0,3 п. п.	26,61 раза	+23,1 п. п.	1,56 раза	-5,6 п. п.

Источник: составлено авторами по данным финансовой отчетности корпораций.

Таблица 5. Поступления налога на прибыль в федеральный бюджет и НДС от крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)			ПАО «Норникель» (Красноярский край)			АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)		
	Прибыль до налогообложения	Текущий налог на прибыль	Текущая ставка налога на прибыль	Прибыль до налогообложения	Текущий налог на прибыль	Текущая ставка налога на прибыль	Прибыль до налогообложения	Текущий налог на прибыль	Текущая ставка налога на прибыль
	Млрд руб.		%	Млрд руб.		%	Млрд руб.		%
2012	16,3	2,3	14,0	99,3	27,9	28,1	12,7	2,3	17,8
2013	9,2	0,0	0,0	97,7	19,8	20,3	-1,8	0,0	0,0
2014	-37,7	0,0	0,0	64,2	24,4	38,0	-13,3	0,0	0,0
2015	44,3	0,0	0,0	171,6	24,9	14,5	5,0	0,8	16,7
2016	106,5	6,8	6,4	166,7	43,5	26,1	3,6	0,2	6,1
2017	146,0	6,5	4,5	173,0	37,6	21,7	12,3	1,0	8,3
2018	138,4	14,1	10,2	211,9	46,0	21,7	30,9	4,4	14,1
2019	119,7	14,5	12,1	625,4	110,7	17,7	0,5	0,9	185,7
2020	122,4	7,1	5,8	382,9	87,8	22,9	-8,5	2,2	-25,8
2021	310,8	35,8	11,5	386,0	74,7	19,4	72,1	15,9	22,1
Всего за 2012–2021	976	87	8,9	2379	497	20,9	113	28	24,4
2021 к 2012	19,02 раза	15,72 раза	-2,4 п. п.	3,89 раза	2,67 раза	-8,8 п. п.	5,68 раза	7,04 раза	+4,3 п. п.

Источник: составлено авторами по данным финансовой отчетности корпораций.

При анализе данных Федеральной налоговой службы отмечен рост поступлений налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет Вологодской области в 47,5 раза – с 0,69 до 32,5 млрд рублей. Это увеличило вклад черной металлургии на 21,5 п. п. в бюджетные доходы и на 49,5 п. п. в общие поступления налога на прибыль. Налог на прибыль от ПАО «Норникель» в бюджет Красноярского края сократился на 76% – с 21,4 до 5,1 млрд рублей. При этом вклад в формирование доходов бюджета снизился на 10,8 п. п., а общих поступлений по налогу на прибыль – на 38,3 п. п. Производство по добыче угля в Кемеровской области увеличило отчисления налога на прибыль в 4,8 раза – с 9,6 до 46,3 млрд рублей, доля в общих доходах выросла на 11,6 п. п., в общем налоге на прибыль – на 7 п. п. (табл. 6).

Из анализа расчётов корпораций с федеральным бюджетом видно, что за 10 лет общий возврат НДС в пользу черной металлургии Вологодской области составил 18 млрд рублей, в пользу цветной металлургии Красноярского края – 155 млрд рублей. Угольная промышлен-

ность Кемеровской области вносила платежи НДС в бюджетную систему в общей сумме на 6 млрд рублей. Поступления налога на прибыль в федеральный бюджет от ПАО «Северсталь» превышали расходы по возмещению НДС на 17 млрд рублей. Возврат НДС в пользу «Норникеля» на 108 млрд рублей превышал сумму уплаченного в федеральный бюджет налога на прибыль. Налог на прибыль от угледобычи составил 33 млрд рублей (табл. 7).

В период 2012–2021 гг. был характерен рост поступлений по НДС в 2,23 раза от черной металлургии Вологодской области, в 2,15 раза – от цветной металлургии Красноярского края и на 81% – от угледобычи Кемеровской области. Такое изменение говорит о росте заработной платы в этих отраслях. Однако причиной, по которой темпы роста НДС в металлургии в 2,65–2,75 раза больше, чем в сфере добычи угля, является успешная модернизация угледобывающих предприятий, которая ведет к постоянному снижению их потребности в трудовых ресурсах. Высвобождаемые работники вынуждены искать работу в гораздо менее благопо-

Таблица 6. Поступления налога на прибыль от крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли в бюджеты регионов базирования за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)			ПАО «Норникель» (Красноярский край)			АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)		
	Налог на прибыль в бюджет региона	Доля в общих доходах бюджета	Доля в общем налоге на прибыль	Налог на прибыль в бюджет региона	Доля в общих доходах бюджета	Доля в общем налоге на прибыль	Налог на прибыль в бюджет региона	Доля в общих доходах бюджета	Доля в общем налоге на прибыль
	Млрд руб.	%	%	Млрд руб.	%	%	Млрд руб.	%	%
2012	0,69	1,3	6,3	21,4	12,1	40,7	9,6	7,9	39,1
2013	0,77	1,4	12,8	15,4	8,8	36,2	2,2	2,0	14,8
2014	0,61	1,1	8,0	26,4	13,8	53,1	3,6	2,8	18,5
2015	0,36	0,6	5,5	30,9	14,6	46,5	7,7	5,8	33,4
2016	2,6	3,9	22,6	24,2	10,8	33,1	8,3	6,1	32,5
2017	5,5	7,6	35,4	25,9	10,6	32,9	26,8	16,0	53,3
2018	13,4	15,0	54,0	0,35	0,1	0,4	33,5	16,4	50,1
2019	12,9	12,3	49,1	1,9	0,6	1,4	21,0	10,8	42,1
2020	8,3	7,2	44,1	2,9	0,9	2,4	7,1	3,5	23,4
2021	32,5	22,8	55,8	5,1	1,3	2,3	46,3	19,5	46,0
Всего за 2012–2021	78	9,5	41,7	155	7,5	6,0	166	10,2	41,0
2021 к 2012	47,44 раза	+21,5 п. п.	+49,5 п. п.	0,24 раза	-10,8 п. п.	-38,3 п. п.	4,82 раза	+11,6 п. п.	+7,0 п. п.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной налоговой службы.

Таблица 7. Поступления налога на прибыль в федеральный бюджет и НДС от крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)			ПАО «Норникель» (Красноярский край)			АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)		
	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма	Налог на прибыль в федеральный бюджет	НДС	Сумма
	Млрд руб.			Млрд руб.			Млрд руб.		
2012	0,89	-0,59	0,3	6,1	-16,6	-10,5	1,7	-0,5	1,2
2013	0,57	-2,93	-2,4	9,0	-28,1	-19,1	0,3	-6,2	-5,9
2014	1,6	1,5	3,2	3,9	-26,4	-22,5	0,4	-5,4	-4,9
2015	1,6	5,8	7,4	4,5	-31,6	-27,1	0,7	-2,4	-1,7
2016	1,8	3,5	5,3	0,5	-27,5	-27,0	1,2	-3,8	-2,6
2017	5,9	0,5	6,4	1,8	-26,4	-24,7	5,8	10,9	16,7
2018	4,4	1,2	5,6	5,0	-32,5	-27,6	7,1	10,0	17,1
2019	3,9	-3,8	0,0	6,2	-8,4	-2,3	3,9	-1,9	2,0
2020	2,6	-11,1	-8,5	5,9	42,5	48,4	1,5	-10,2	-8,7
2021	11,0	-11,9	-0,9	4,1	-0,3	3,8	10,5	15,8	26,3
Всего за 2012–2021	34	-18	17	47	-155	-108	33	6	39
2021 к 2012	12,39 раза	20,24 раза	х	0,67 раза	0,02 раза	х	6,09 раза	х	21,72 раза

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной налоговой службы.

лучных отраслях, что создает дополнительные проблемы как населению, так и региональным властям (Ивантер и др., 2018). Рост поступлений НДС привел к увеличению вклада отраслей в совокупном НДС каждого из регионов на 1,2–2,3 п. п. Налог на имущество сократился на 31% от ПАО «Северсталь», а доля в общем налоге на имущество по региону упала на 7,8 п. п. Налог на имущество от цветной металлургии и угледобычи вырос на 32 и 22% соответственно, однако его удельный вес снизился на 2,1 и 2,6 п. п. (табл. 8).

Безусловно, санкции повлияли и на налоговые платежи данных корпораций в бюджетную систему страны. За 1-е полугодие 2022 года поступления налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджетную систему составили 14,5 млрд руб., что на 18% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Налог прибыль от цветной металлургии Красноярского края сократился на 20% – с 6,6 до 5,3 млрд руб., что главным образом вызвано увеличением прочих расходов ПАО «Норникель» в 4 раза, ростом управленческих расходов и процентов к уплате на 60 и 88% соответственно.

Рост налога на прибыль от угледобычи Кемеровской области в 13,7 раза связан с интенсивным увеличением поставок угля в Индию и Китай. Поставки в Индию угольного антрацита выросли в 1300 раз и достигли 419 тысяч тонн. Рост экспорта коксующегося угля составил 1400 раз и достиг 572 тысяч тонн. Стоит сказать, что Россия поставляет Индии уголь с дисконтом до 50%, поскольку запрет на торговлю с Евросоюзом вынудил перенаправить 36,6% угледобычи (63 из 172 млн тонн угля). Поставки угля из России в Китай за 10 месяцев 2022 года составили 53 млн тонн, что примерно равняется 23% общего импорта КНР. Согласно данным Главного таможенного управления КНР, ввоз угля из России в Китай в 2022 году вырос на 57% по сравнению с 2021 годом. В августе Пекин закупил угля из РФ на 1,4 млрд долл., что вдвое больше, чем в аналогичном периоде 2021 года.

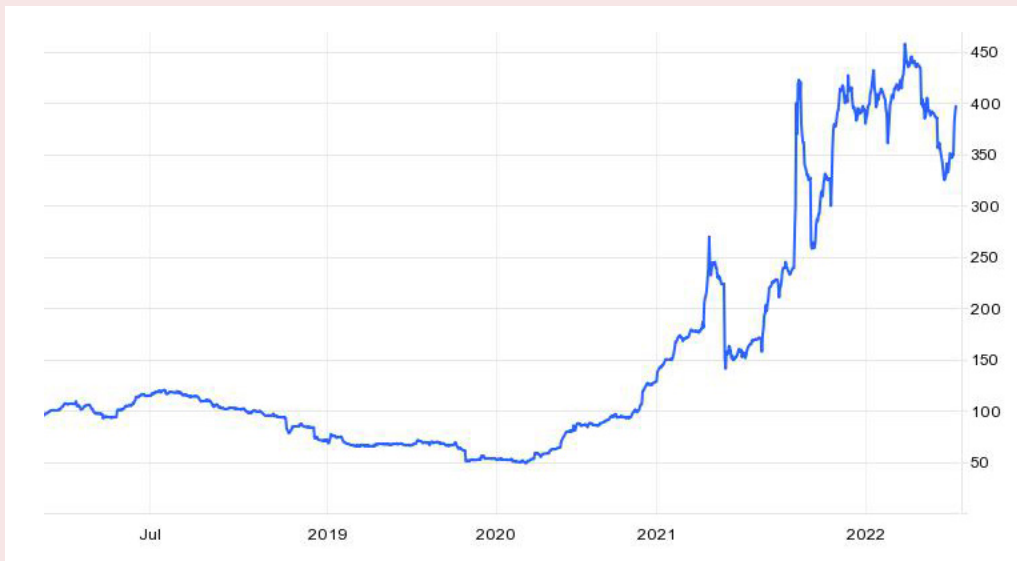
Помимо интенсивного увеличения поставок угля в крупнейшие азиатские страны, рост налога на прибыль неразрывно связан с увеличением цен на данное сырьё. Так, за 11 месяцев 2022 года цена на уголь выросла в 2,5 раза – с 157 до 397 долл. за 1 тонну (рис. 2).

Таблица 8. Поступления НДС и налога на имущество от крупных корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли в бюджеты регионов базирования за 2012–2021 гг.

Период	ПАО «Северсталь» (Вологодская область)				ПАО «Норникель» (Красноярский край)				АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)			
	НДС	Доля	Налог на имущ.	Доля	НДС	Доля	Налог на имущ.	Доля	НДС	Доля	Налог на имущ.	Доля
	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%
2012	1,7	10,3	1,1	14,3	3,8	7,8	2,1	13,1	6,5	17,6	3,5	40,6
2013	1,7	10,2	1,3	13,0	4,4	8,1	2,3	11,6	6,7	17,8	4,3	43,0
2014	1,8	10,4	1,0	10,2	4,6	8,2	2,4	12,8	6,6	15,6	3,5	39,7
2015	2,2	12,8	1,3	10,9	5,2	9,2	2,6	11,8	6,9	17,7	4,6	44,5
2016	2,5	13,4	1,2	9,5	5,4	8,8	2,5	10,6	7,4	18,8	3,1	36,4
2017	2,8	14,0	1,2	8,7	6,6	10,3	3,5	13,9	8,6	19,9	3,5	38,6
2018	3,0	13,9	1,1	7,0	6,4	9,1	3,9	13,7	10,9	21,5	5,0	40,6
2019	3,0	12,6	0,8	5,3	7,0	9,1	3,5	13,4	10,6	19,4	3,7	36,1
2020	3,2	11,9	0,6	5,8	7,0	8,4	2,6	10,9	9,7	17,7	3,9	38,4
2021	3,7	12,6	0,7	6,5	8,3	9,0	2,7	11,1	11,8	19,2	4,3	38,0
Всего за 2012–2021	25	12,3	10	8,7	59	8,9	28	12,3	86	18,7	40	39,6
2021 к 2012	2,23 раза	+2,3 п. п.	0,69 раза	-7,8 п. п.	2,15 раза	+1,2 п. п.	1,32 раза	-2,1 п. п.	1,81 раза	+1,5 п. п.	1,22 раза	-2,6 п. п.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной налоговой службы.

Рис. 2. Динамика средних цен на уголь за 1 тонну с июля 2018 по декабрь 2022 года, долл.

Источник: Уголь – Фьючерсный контракт – Цены. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/coal>

Рост поступлений НДС от черной металлургии Вологодской области составил 12%, от цветной металлургии Красноярского края – 61% и от добычи угля Кемеровской области – 45%. Такие изменения связаны с периодической индексацией фонда оплаты труда, а также увеличением численности персонала. Например, в 2021 году количество сотрудников в российском производственном сегменте «Норильского никеля» выросло на 2,3% относительно 2020 года. Кроме того, по утверждению корпоративного управления ПАО «Норникель», численность персонала проектных офисов к 2023 году должна составить 2,9 тыс. человек, что в 2,3 раза больше, чем в 2019 году¹⁰.

Остановка экспорта стальной продукции в страны ЕС от ПАО «Северсталь» привела к сокращению возмещаемого из федерального бюджета НДС в 31,3 раза. Если за первые 6 месяцев 2021 года возврат НДС сталелитейной компании составил 9,4 млрд рублей, то по итогам 1-го полугодия 2022 года его объем был всего 317 млн рублей. Платежи НДС в бюджет от

«Норникеля» в объеме 5,8 млрд руб. сменились на возврат в пользу компании в размере 6,1 млрд рублей. Поступления НДС от угольной отрасли Кемеровской области выросли в 40,6 раза.

Говоря о динамике НДС, отметим, что на территории Вологодской области отсутствуют какие-либо угольные шахты и разрезы, а деятельность ПАО «Северсталь», несмотря на вхождение в нее компании «Воркутауголь» до декабря 2021 года¹¹, связана преимущественно с производством стали и ферросплавов, поэтому величина НДС в 1-ом полугодии 2022 года от компании составила всего 13 млн руб., что в 3,6 раза больше, чем в предыдущем периоде. Поступления НДС от цветной металлургии Красноярского края выросли в 3,3 раза – с 12,6 до 40,9 млрд рублей. Рост данного налога от угледобычи Кемеровской области составил 5,1 раза – с 3,5 до 17,8 млрд рублей. Увеличения поступлений НДС от металлургии удалось добиться благодаря применению 3,5 рентного коэффициента¹². Такие меры были введены в

¹⁰ Годовой отчет ПАО «Норникель» за 2021 год. Стратегический отчет. Расширение инвестиционного цикла. URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/53b/k7mqjhb1n9o0y8eieu0adzgn3b98z8xg/NN_AR_2021_Book_RUS_26.09.22.pdf

¹¹ «Северсталь» сбрасывает уголь. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5103528>

¹² Госдума повысила в 3,5 раза НДС на металлы и минеральные удобрения. URL: <https://www.interfax.ru/business/729337>

Таблица 9. Сравнительный анализ налоговых поступлений от корпораций черной, цветной металлургии и угольной отрасли в бюджетную систему за 1-е полугодие 2021 и 2022 гг.

Корпорация (регион)	Налог на прибыль			НДФЛ		
	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение
	Млрд руб.			Млрд руб.		
ПАО «Северсталь» (Вологодская область)	17,7	14,5	0,82	1,7	1,9	1,12
ПАО «Норникель» (Красноярский край)	6,6	5,3	0,80	4,6	7,4	1,61
АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)	6,9	94,6	13,71	5,3	7,7	1,45
Корпорация (регион)	НДС			НДПИ		
	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение	1-е полугодие 2021 г.	1-е полугодие 2022 г.	Изменение
	Млрд руб.			Млрд руб.		
ПАО «Северсталь» (Вологодская область)	-9,4	-0,317	0,03	0,0036	0,013	3,61
ПАО «Норникель» (Красноярский край)	5,8	-6,1	х	12,6	40,9	3,25
АО «УК «Кузбассразрезуголь» (Кемеровская область)	1,3	52,8	40,62	3,5	17,8	5,09

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной налоговой службы.

связи с желанием правительства изъять часть сверхдоходов металлургов, полученных благодаря росту цен на металлы на мировом рынке (табл. 9).

В сентябре 2022 года Минфин России решил ослабить нагрузку на сталелитейный сектор, который потерял маржинальный европейский рынок и пытается найти новые направления экспорта. Цена отсечения при взимании акциза на сталь будет увеличена до 30 тыс. руб. за тонну вместо 300 долл. задним числом с 1 августа. Кроме того, ведомство также планирует временное увеличение НДПИ только на уголь с 1 января по 31 марта 2023 года: ставки для антрацита, коксующегося угля и энергетического угля вырастут на 380 руб. за тонну. Это позволит привлечь в бюджет дополнительно 30 млрд руб. в год¹³.

Запреты на поставку угля из России в страны Европы привели к росту потребления более дорогого австралийского угля. Кроме того, стоит заметить, что в последние годы ЕС активно боролся с угольными шахтами, считая их нерентабельными и неэкологичными. Например, в Германии в 2019 году была торжествен-

¹³ На уголь еще навалют. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5581349>

но закрыта последняя шахта, и теперь, вместо того чтобы кормить своих горняков, ЕС кормит австралийских. В ответ на запрет импорта российского угля в ЕС Россия перенаправила освободившиеся объемы на азиатский рынок, в первую очередь в Китай и Индию. Однако одной из главных проблем разворота на Восток является недостаточно развитая транспортная инфраструктура центральной и восточной Сибири¹⁴.

В завершение исследования определим ключевые перспективы развития металлургической и угольной отраслей России в современных условиях. Для развития металлургической и угольной отраслей крайне важно эффективное взаимодействие между органами власти и корпорациями, которое можно обеспечить путем реализации следующих мер.

1. Повышение привлекательности и надежности специальных административных районов¹⁵, а также активизация стимулирования

¹⁴ Разворот на 180. Запад решил дать России шанс разбогатеть. URL: <https://ria.ru/20220827/ugol-1812396247.html>

¹⁵ Специальный административный район (САР) – это территория с гибким режимом налогового и валютного регулирования для компаний, принявших решение о переводе из иностранной юрисдикции в российскую.

перехода глобальных российских компаний в российскую юрисдикцию позволит привлечь в российскую экономику капиталы и инвестиции, сформировать благоприятные финансовые и административные условия для развития бизнеса, прекратить отток капитала из России.

Существующие условия, которые предлагают российские САР, достаточно интересные: конфиденциальное владение и управление компаниями, возможность применения норм иностранного права, возможность выражения номинальной стоимости акций международной компании в иностранной валюте¹⁶.

Кроме того, в САР действуют следующие налоговые льготы: дивиденды, полученные международной холдинговой компанией, облагаются налогом на прибыль по нулевой ставке; дивиденды, которые международная холдинговая компания выплатила иностранным лицам, облагаются налогом на прибыль по ставке 5%¹⁷. Министр экономического развития РФ Максим Решетников отметил, что за 5 месяцев 2022 года в САР зарегистрировалось 26 компаний. Часто они являются главными структурами крупных холдингов, и их редомициляция в РФ – это стабильность управления российским бизнесом, сохранение рабочих мест и продолжение инвестиционных проектов¹⁸.

2. Предоставление проверяющим ведомствам возможности привлекать к административной (уголовной) ответственности представителей частных компаний в случае их отказа или сопротивления при попытке проверить состояние промышленно опасных объектов.

¹⁶ Преимущества для резидентов специальных административных районов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/preimushchestva_dlya_rezidentov_sar/

¹⁷ Налоговые льготы для резидентов специальных административных районов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303607/dbf5d9a352f7ee61b5842d7cf24d753d8458d463/

¹⁸ Максим Решетников сообщил о регистрации 26 новых компаний в САР РФ за 5 месяцев 2022 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_soobshchil_o_registracii_26_novyh_kompaniy_v_specialnyh_administrativnyh_rayonah_rf_za_5_mesyacev_2022_goda.html

Приведем в пример ситуацию с «Норникелем», где Ростехнадзор с 2016 года не имел доступа к резервуару, из которого в дальнейшем разлилось топливо. По решению администрации Норильско-Таймырской энергетической компании цистерна была выведена в ремонт, и в этом случае Ростехнадзор не имел возможности проверять объект. Согласно ежегодным отчетам НТЭК о производственном контроле, данный резервуар продолжал находиться в ремонте¹⁹. Также в 2020 году на одном из дочерних предприятий ПАО «Норникель» во время внеплановой проверки было выявлено 139 нарушений обязательных требований²⁰.

3. Развитие импортозамещения и внутреннего спроса на продукцию данных компаний, что поддержит экспортно ориентированный бизнес в условиях запрета на торговлю с недружественными странами, а также сильного курса рубля.

Для этого необходим масштабный план постепенного развития более наукоемкой промышленности в стране, а также разработка мер государственной поддержки, способствующих переходу российской металлургии на производство продукции с более высокой добавленной стоимостью. Важно отметить, что за последние восемь лет средняя стоимость импортируемой тонны цветных металлов была значительно выше, чем экспортируемой (Печенская-Полищук, Малышев, 2022). Таким образом, разработав и внедрив новые технологии и оборудование, можно повысить уровень доходов металлургических компаний, что благоприятно скажется как на бизнесе, так и на государстве.

Особое внимание хотелось бы обратить на освободившиеся объемы стальной продукции и дальнейшую загрузку отечественных сталеплавильных производств за счет внутреннего спроса. В ситуации, когда закрыт европейский рынок, государству и корпорациям черной

¹⁹ Ростехнадзор пять лет не проверял аварийный резервуар «Норникеля». URL: <https://www.rbc.ru/business/05/06/2020/5eda7c429a7947585eac5b7e>

²⁰ Обзор WWF России «Спорные ситуации, аварии и инциденты на предприятиях горнорудного комплекса России в 2020 году ПАО «ГМК «Норильский никель». URL: <https://wwf.ru/upload/iblock/511/NORNIKEL-2020.pdf>

металлургии стоит задуматься о развитии железнодорожной инфраструктуры на азиатском направлении, поскольку сейчас пропускная способность БАМа и Транссиба недостаточно высока. Учитывая, что 1 км рельсовой колеи весит 130 тонн, для строительства 1000 км двухсторонней железной дороги потребуется 260 тыс. тонн рельс. При этом строительство новых веток и расширение сети азиатско-российских железных дорог приведет к новым совместным проектам, росту товарооборота и развитию туризма. Также повысить загрузку

русской сталелитейной промышленности позволит производство дополнительных единиц грузовых вагонов, главным образом для угольной отрасли.

Помимо увеличения продукции под потребности РЖД следует расширять внутреннее производство металлоемкой продукции в целом, в том числе судов, станков, автомобилей, дорожной и строительной техники и т. п. Особенно актуально это для ПАО «Северсталь», которое больше специализируется на листовом прокате.

Литература

- Баженов Д.В. (2022). Влияние санкций на дивиденды российских металлургических компаний // *Инновации и инвестиции*. № 7. С. 150–154.
- Буданов И.А. (2021). Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 5. С. 85–99. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.5
- Васильева Н.В. (2020). Угольная промышленность России – локомотив развития экономики страны // *Образование и право*. № 5. С. 99–104.
- Дегтярев П.А. (2022). Тенденции устойчивого развития отечественных компаний металлургической отрасли // *JER*. № 1. С. 88–99.
- Ивантер В.В., Клепач А.Н., Кувалин Д.Б., Широков А.А., Янков К.В. (2018). Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса // *ЭКО*. № 11 (533). С. 31–46.
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия: монография. Вологда: ВолНИЦ РАН. 180 с.
- Ильин В.А., Поварова А.И. (2019). Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ВолНИЦ РАН. 204 с.
- Костюхин Ю.Ю. (2022). Стратегическое управление российской металлургией в условиях вызовов и рисков // *Управленческие науки*. № 2. С. 21–32.
- Малышев М.К. (2021). Последствия от внедрения института консолидированных групп налогоплательщиков в сегменте черной металлургии // *Экономическая безопасность*. Т. 4. № 1. DOI: 10.18334/escsec.4.1.111172
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021а). Ключевые факторы формирования налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии // *Регионология*. № 1 (114). С. 10–36.
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021б). Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 3. С. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2022). Финансово-экономические аспекты экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 4. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7
- Романова О.А., Сиротин Д.В. (2022). Стратегический вектор развития металлургии России в условиях новой реальности // *Известия УГГУ*. № 3 (67). С. 133–145.
- Сальникова Е.Б., Гринева М.Н. (2022). Угольная промышленность России в условиях ориентации на углеродно-нейтральную экономику // *Universum: экономика и юриспруденция*. № 1 (88). С. 16–19.
- Хохрина О.И. (2020). Кузбасс-2035: Территория как драйвер роста экономики // *Мир экономики и управления*. № 4. С. 61–77.

- Allen S.H. (2022). The uncertain impact of sanctions on Russia. *Nat Hum Behav* 6, 761–762. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01378-8>
- Beauregard P. (2022). International emotional resonance: Explaining transatlantic economic sanctions against Russia. *Cooperation and Conflict*, 57(1), 25–42. Available at: <https://doi.org/10.1177/00108367211027609>
- Latipov O., Lau C., Mahlstein K. et al. (2022). The economic effects of potential EU tariff sanctions on Russia – a sectoral approach. *Intereconomics*, 57, 294–305. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10272-022-1074-1>
- Li Z., Li T. (2022). Economic sanctions and regional differences: Evidence from sanctions on Russia. *Sustainability*, 14(10), 6112.
- Mahlstein K. et al. (2022). Estimating the economic effects of sanctions on Russia: An allied trade embargo. *The World Economy*, 45(11), 3344–3383.
- Siegel D. (2022). From oligarchs to oligarchy: The failure of U.S. sanctions on Russia and its implications for theories of informal politics. *World Affairs*, 185(2), 249–284.

Сведения об авторах

Мария Александровна Печенская-Полищук – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 5164088@bk.ru)

Михаил Константинович Малышев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K.

Comparative Analysis of Trends in the Development of Finance of Large Corporations in the Metallurgical and Coal Industries in Russia in the Context of Global Challenges

Abstract. Since the beginning of the escalation of the Ukrainian situation, the Collective West has imposed an unprecedented number of sanctions against the Russian economy. Restrictions in international trade operations and, in some cases, their full termination have forced large domestic businesses to look for “friendly” markets and develop new logistics routes. And if at the end of the first half of 2022, the oil and gas industry has shown significant growth, some Russian corporations of metallurgy and coal industry were under a jeopardy. Despite favorable conditions in the first months of 2022, the financial results of the second quarter are expected to be much more modest. The fall in revenues of metallurgy and the coal industry from spring 2022 was influenced by higher transportation costs as a result of the turn to the East, insufficient capacity of the Baikal-Amur Mainline and Trans-Siberian Railway, sales of products at a large discount to Asian consumers, and lower export revenues due to the strengthening of the ruble. All these factors will have a negative impact on the volume of the taxable base and revenues of regional budgets. The article was written using methods of vertical and horizontal data analysis, methods of comparison and forecasting, and the method of expert evaluations. The information base of the study was the domestic and foreign literature on the development of metallurgical and coal industries; financial statements and operating results of the largest Russian corporations of ferrous metallurgy (PJSC Severstal), nonferrous metallurgy (PJSC Nor Nickel) and coal industry (JSC CC Kuzbassrazrezugol); data of the Federal Tax Service in the Vologda and Kemerovo Oblasts, and Krasnoyarsk Krai; information of Forbes.ru; data of information and news portals.

Key words: sustainable development, ferrous metallurgy, nonferrous metallurgy, coal industry, global challenges, anti-Russian sanctions, socio-economic development of territories.

Information about the Authors

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Mikhail K. Malyshev – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Статья поступила 01.11.2022.

Детерминанты продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ

**Юлия Владимировна
ДУБРОВСКАЯ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация
e-mail: uliadubrov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3205-9264

Аннотация. Одним из главных препятствий для развития национальной экономики является низкая продолжительность жизни населения. Решение этой проблемы осложняется колоссальной дифференциацией показателя продолжительности жизни между различными субъектами Российской Федерации. Поэтому оценка факторов повышения продолжительности жизни населения в гетерогенных регионах страны, а также разработка методического инструментария применения территориальной дефрагментации в части политики совершенствования региональных систем здравоохранения выступают важнейшими задачами государственного управления. Их решению и посвящено исследование. На основе детального анализа релевантной литературы в работе сформирована статистическая база показателей, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни в субъектах России, за 10 лет; с помощью метода «иерархический алгоритм» осуществлена кластеризация субъектов РФ по специфике формирования условий для долгой и здоровой жизни населения на восемь групп; путем эконометрического моделирования оценены и выявлены особенности влияния отдельных показателей на ожидаемую продолжительность жизни в разных группах субъектов РФ; на основе результатов моделирования сформулированы направления дальнейших исследований и приоритеты государственной региональной политики в области здравоохранения. В процессе анализа региональных систем здравоохранения использовались общенаучные и специальные методы, в числе которых статистический, картографический, типологический, эконометрический, кластерный. Обработка статистических данных и эконометрическое моделирование проводились при помощи статистических пакетов SPSS Statistics и Gretl. Научная новизна исследования заключается в кластеризации субъектов РФ по

Для цитирования: Дубровская Ю.В. (2023). Детерминанты продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 139–163. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.8

For citation: Dubrovskaya J.V. (2023). Determinants of life expectancy in heterogeneous constituent entities of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 139–163. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.8

специфике формирования условий для увеличения продолжительности жизни населения, что имеет фундаментальное значение для повышения эффективности территориального управления и планирования в области здравоохранения. Практическое значение работы определяется задачами региональной политики России и ее субъектов в сфере повышения продолжительности жизни населения. Результаты исследования могут быть полезны государственным региональным органам управления и местным органам власти для формирования комплекса мероприятий по повышению продолжительности жизни населения.

Ключевые слова: региональная система здравоохранения, гетерогенные регионы, продолжительность жизни, стратегическое планирование, кластеризация.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10134 (<https://rscf.ru/project/21-78-10134/>).

Введение

Продолжительность жизни является важнейшим критерием эффективности государственного управления и залогом поступательного развития территориальных общественных систем. Именно поэтому одной из приоритетных национальных целей Правительства Российской Федерации является «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году и до 80 лет к 2030 году»¹. Объективно подвергая сомнению достижимость данного целевого показателя к 2024 году, отметим, что на момент его планирования мир еще не знал о предстоящей пандемии, актуализировавшей вопрос приоритетности инвестирования бюджетных средств в сферу здравоохранения. Так, последствия недофинансирования медицинской инфраструктуры в ряде стран привели к избыточной смертности, отставанию в области разработки вакцин и, в конечном итоге, замедлению экономического роста и усилению неравномерности развития.

В связи с пандемией коронавируса государственные расходы на здравоохранение в России в 2020 году выросли до 4,6% в структуре ВВП². Несмотря на это, согласно результатам сравнительного анализа моделей финансирования здравоохранения по 31 зарубежной стране, проведенного Счетной палатой РФ за 2018–2020 гг., «в Российской Федерации расходы на

здравоохранение, в том числе государственные расходы, находятся на самом низком уровне среди всех рассматриваемых стран, доля внебюджетных расходов является самой высокой среди всех рассматриваемых стран»³. Аналогичный по смыслу вывод о том, что «в абсолютном большинстве стран с близким к Российской Федерации уровнем экономического развития государства выделяют больше, чем в России, средств на здравоохранение», был сделан Е.Г. Потапчик (Потапчик, 2020). Недостаточные инвестиции в здоровье населения обуславливают низкие значения основного показателя качества системы здравоохранения – ожидаемой продолжительности жизни населения. В то время как в развитых странах люди живут до 80 лет, средняя ожидаемая продолжительность жизни в России составляет менее 72 лет.

Вместе с тем приведенные агрегированные макроданные не отражают в полной мере все сложности функционирования системы здравоохранения в России, важнейшей из которых является колоссальная дифференциация субъектов страны по продолжительности жизни населения (от 66 до 81 года). Так, по данным Росстата за 2020 год, ожидаемая продолжительность жизни при рождении (по всей выборке населения) наиболее высока в регионах Северо-Кавказского федерального округа (например, Республика Ингушетия – 81,5 года; Респуб-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204.

² Официальный сайт Российского информационного агентства. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13207941> (дата обращения 10.08.2022).

³ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности функционирования системы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации»: утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 30 марта 2021 года. 58 с. С. 10.

лика Дагестан – 76,5; Карачаево-Черкесская Республика – 75 лет и т. д.), наиболее низкая – в регионах Дальневосточного федерального округа (например, Чукотский автономный округ – 66 лет; Амурская область – 67 лет; Еврейская автономная область – 67,5 года и т. д.)⁴. При этом такие высокие различия наблюдаются по многим группам показателей территориального развития. Значительная пространственная неоднородность не только осложняет проведение единой государственной политики в сфере здравоохранения, но требует учета региональных особенностей в планах, прогнозах и программах территориального развития и стратегирования. Исходя из вышеизложенного, объективно можно заключить, что оценка факторов повышения продолжительности жизни населения в гетерогенных регионах страны, а также разработка методического инструментария применения территориальной дефрагментации в части политики совершенствования региональных систем здравоохранения являются важнейшими задачами государственного управления. Их решению и посвящено наше исследование.

Соглашаясь с тем, что «характерной особенностью современного этапа развития экономической науки является ее математизация, которая проявляется в замене изучаемого экономического процесса адекватной экономической моделью и последующем исследовании свойств этой модели либо апатическими методами, либо на основе проведения вычислительных экспериментов» (Занг, 1999, с. 6), отметим, что решение сформулированных нами ранее исследовательских задач, имеющих высокое прикладное значение для стратегирования развития региональных систем здравоохранения, объективно требует формирования и обработки значительного массива региональных статистических данных; выбора функциональной формы модели и оценки коэффициентов с помощью математических и эконометрических инструментов и программ; соответствующей интерпретации результатов с целью формирования научно обоснованных направлений повышения ожидаемой продолжительности жизни.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 78–80.

Статья содержит четыре основных раздела. В первом разделе «Теоретические аспекты исследуемой проблематики и основные гипотезы» рассматриваются релевантные научные работы. При этом с целью формулирования гипотез исследования производится детальный анализ статистических показателей, характеризующих качество региональных систем здравоохранения. Во втором разделе работы «Методика исследования» содержится методический инструментарий определения регионально дифференцированных детерминант ожидаемой продолжительности жизни на основе авторской кластеризации субъектов РФ. Особое внимание уделено обоснованию выбора и анализу статистических показателей для кластеризации и моделирования, а также формализации выдвинутых гипотез. Третий раздел «Результаты» включает полученные в процессе апробации методики, результаты и интерпретацию оцениваемых коэффициентов. В четвертом разделе «Обсуждения» обосновывается согласованность полученных автором положений, оценок и результатов выводам, представленным в исследованиях других ученых, а также отмечаются объективные недостатки и ограничения модели. В заключении в сжатой форме выделены важнейшие результаты, сформулирована научная новизна и практическая значимость исследования.

Теоретические аспекты исследуемой проблематики и основные гипотезы

Хорошее здоровье населения является важнейшим условием устойчивого развития любой территории. В связи с этим не вызывает сомнения, что продолжительность жизни населения – это не только показатель качества жизни, но и объективный критерий оценки успешности проводимых политических, социальных и экономических реформ. Высокая роль финансовых вложений в сферу здравоохранения, оказывающих прямое позитивное воздействие на производительность труда, доказана многими учеными⁵ (Зубаревич, 2009; Демидова и др., 2021).

⁵ Бирюкова С.С. [и др.] (2018). Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 64 с.

Несмотря на осознание критической важности системы здравоохранения со стороны ученых и государства, «понятие эффективности в здравоохранении продолжает носить многоплановый характер, оставаясь при этом относительной величиной» (Архипова, Двойников, 2018, с. 26). Причина, по нашему мнению, заключается в том, что система здравоохранения является многофункциональной и многоуровневой системой, испытывающей постоянное влияние внутренних и внешних факторов. Ее объективная сложность порождает возникновение разноплановых направлений исследований, среди которых условно можно выделить следующие группы: во-первых, изучение деятельности медицинских организаций с целью «независимой оценки качества медицинской помощи и результативности деятельности медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь» (Михайлова и др., 2016); во-вторых, исследование региональных систем

здравоохранения, целью которых является «измерение деятельности системы здравоохранения в России в региональном разрезе» (Кислицына, Чубарова, 2021); в-третьих, исследование здравоохранения как ведущей отрасли социальной инфраструктуры национальной экономики, оказывающей влияние на экономическое и общественное развитие страны (Татаркин и др., 2015).

Мы сосредоточим внимание на актуализированной ранее проблематике неоднородности показателей регионального развития в России, включая такой важнейший показатель, как ожидаемая продолжительность жизни населения. Величина продолжительности жизни, как и уровень смертности, относятся в научной литературе к социальным показателям результативности (эффективности) системы здравоохранения (Орлов, Соколова, 2010; Туаева, Сугарова, 2013), отражающим «степень достижения общественно значимых целей, связанных с предоставлением медицинских услуг»⁶.

Таблица 1. Примеры социальных показателей результативности системы здравоохранения

№	Авторы	Страна, период анализа	Статистические показатели
1	A. Bhargava и др. (Bhargava et al., 2001)	Развивающиеся страны, 1965–1990	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
2	D.E. Bloom, P.N. Malaney (Bloom, Malaney, 1998)	Россия, 1989–1994	
3	R. Barro (Barro, 2013)	100 стран мира, 1960–1990	
4	Y. Wang, C. Ni (Wang, Ni, 2015)	Китай, 1987–2007	
5	D. Barthold (Barthold, 2014)	27 стран ОЭСР, 1991–2007	Ожидаемая продолжительность жизни мужчин/женщин
6	S. Asiskovitch (Asiskovitch, 2010)	27 стран ОЭСР, 1990–2005	
7	Л.И. Власюк, П.В. Строев (Власюк, Строев, 2017)	Россия, 2002–2015	1. Численность зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
8	E. Jaba, C.B. Balan, I.-B. Robu (Jaba et al., 2014)	175 стран мира, 1995–2010	1. Ожидаемая продолжительность жизни 2. Младенческая (в возрасте до 1 года) смертность
9	K.A. Muldoon (Muldoon, 2011)	136 стран мира, 2001–2008	1. Младенческая смертность 2. Детская смертность 3. Материнская смертность
10	E. Brainerd, D.M. Cutler (Brainerd, Cutler, 2005)	24 страны, 1989–2002	Показатели смертности
11	J.C. Anyanwu, A.E.O. Erhijakpor (Anyanwu, Erhijakpor, 2009)	47 стран Африки, 1999–2004	1. Младенческая смертность 2. Детская смертность

Источник: составлено автором на основе анализа литературных источников.

⁶ Кучеренко В.З., Флек В.О., Путин М.Е. [и др.] (2004). Оценка эффективности деятельности медицинских организаций: учеб.-метод. пособие / под ред. А.И. Вялкова; М-во здравоохранения Рос. Федерации; Моск. мед. акад. им. И.М. Сеченова. М.: ГЭОТАР-Мед. 105 с. С. 10.

Как правило, именно социальные показатели являются целевыми индикаторами в различных программах и стратегиях странового и регионального развития, что объясняет их выбор в качестве эндогенных переменных при моделировании (Колосницына и др., 2019). Обзор использования социальных показателей результативности системы здравоохранения в научной литературе приведен в *таблице 1*.

Анализ научных трудов позволил выявить две основные группы факторов повышения продолжительности жизни: экономические показатели эффективности системы здравоохранения и медицинские показатели ее качества (Калашников, 2011; Панасюк, Дасаева, 2014; Татаркин и др., 2015; Кривенко и др., 2019; Улумбекова и др., 2019). Остановимся более подробно на содержании и структуре данных показателей.

Экономические показатели эффективности территориальных систем здравоохранения традиционно характеризуют зависимость результатов от затраченных ресурсов (Jaba et al., 2014) и включают в себя в общем виде такие показатели, как доля расходов на здравоохранение в ВВП (ВРП), инвестиции в здравоохранение, частные расходы на здравоохранение и прочие.

Так, Н.В. Акиндинова, А.В. Чернявский, А.А. Чепель (Акиндинова и др., 2018) подчёркивают важность определения расходов на здравоохранение как части «производительных» бюджетных расходов, т. к. они влияют на производительность труда. В данном контексте важно отметить, что уровень здоровья, определяющий возможность человека в полной мере использовать свой человеческий капитал, может служить как ограничителем экономического роста, так и приносить экономические выгоды не только на уровне отдельных граждан, но и на уровне государства. В.А. Столбов отмечает, что «здравоохранение, наряду со своей главной задачей оздоровления людей, способствует

росту эффективности производства» (Столбов, 2016). В работе (Калашников, 2011) предлагается методика расчета масштабов упущенной выгоды в производстве ВРП в результате преждевременной смертности населения. Исследование И.А. Ерзылевой (Ерзылева, 2020) посвящено «анализу основных тенденций и проблем, формирующих современное состояние здоровья населения России, и проведению оценки влияния данного фактора на социально-экономическое развитие государства». Автор отмечает, что Россия обладает большей численностью человеческих ресурсов, но они не способны проявить и реализовать свой трудовой и интеллектуальный потенциал вследствие невысокой продолжительности жизни и низкого уровня развития сферы здравоохранения. М.А. Канева оценивает влияния уровня «здоровья на региональный рост в рамках подхода, учитывающего затраты на здравоохранение для поддержания качества человеческого капитала» (Канева, 2019). Полученные результаты свидетельствуют о том, что «увеличение государственных затрат на здравоохранение как доли в ВРП на 1% связано с повышением темпов прироста ВРП на душу на 1,34%». При этом особый интерес представляют результаты, согласно которым частные расходы на здравоохранение, отражающие потребление платных медицинских услуг, оказывают отрицательное влияние на экономический рост.

Таким образом, в большей части исследований подчеркивается необходимость повышения государственных расходов на здравоохранение, что позволит улучшить качество жизни людей и увеличить продолжительность их жизни. Это, в свою очередь, приведет к росту количества рабочей силы и повышению производительности труда, положительно влияющих на совокупный выпуск. Обзор использования экономических показателей эффективности систем здравоохранения в научной литературе приведен в *таблице 2*.

Таблица 2. Примеры экономических показателей эффективности системы здравоохранения

№	Авторы	Страна, период анализа	Статистические показатели
1	О.А. Демидова, Е.В. Каяшева, А.В. Демьяненко (Демидова и др., 2021)	Россия, 2005–2017	Доля расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт в ВРП
2	Л.И. Власюк, П.В. Строев (Власюк, Строев, 2017)	Россия, 2002–2015	Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение
3	Г.Э. Улумбекова, А.Б. Гинойн, Е.А. Чабан (Улумбекова и др., 2016)	Россия, 2011–2014	Подушевые государственные расходы на здравоохранение
4	Г.Э. Улумбекова и др. (Улумбекова и др., 2019)	Россия, 2011–2016	
5	Е. Brainerd, D.M. Cutler (Brainerd, Cutler, 2005)	24 страны, 1989–2002	
6	Е.М. Андреев, В.М. Школьников (Андреев, Школьников, 2018)	Россия, 2010	Финансирование по программе государственных гарантий предоставления бесплатной медицинской помощи гражданам России в разрезе субъектов РФ
7	М.А. Канева (Канева, 2019)	Россия, 2005–2013	1. Государственные затраты на здравоохранение 2. Частные затраты на здравоохранение 3. Общие затраты на здравоохранение
8	Н.С. Горчакова (Горчакова, 2020)	Россия, 1995–2017	Доля расходов на здравоохранение в ВВП
9	S. Gupta, M. Verhoeven, E.R. Tiongson (Gupta et al., 2003)	76 стран, 1990–1999	1. Государственные затраты на здравоохранение 2. Частные затраты на здравоохранение
10	А.В. Комарова, Е.В. Крицына (Комарова, Крицына, 2012)	Россия, 1974–2009	Инвестиции в систему здравоохранения

Источник: составлено автором на основе анализа литературных источников.

Медицинские показатели качества территориальных систем здравоохранения используются при оценке доступности медицинской помощи, выражающейся в обеспеченности населения врачами / средним медицинским персоналом, обеспеченности населения больничными койками и пр. Считается, что эти показатели на протяжении столетий формировали сложившиеся в настоящее время уровни продолжительности жизни в различных странах мира (Ерахтина, 2019).

Важность исследования медицинских показателей качества систем здравоохранения применительно к регионам национальной экономики получает дополнительную актуальность в связи с проведением в России начиная с 2010 года реформы здравоохранения, которая «заключалась в оптимизации расходов за счет закрытия неэффективных больниц и расширения использования высокотехнологичных медучреждений» (Гришина, Карпова, 2020, с. 172). Согласно расчетам специалистов Центра экономических и политических реформ, в период с 2000 по 2015 год количество больниц в России уменьшилось в два раза — с 10,7 до 5,4 тыс.

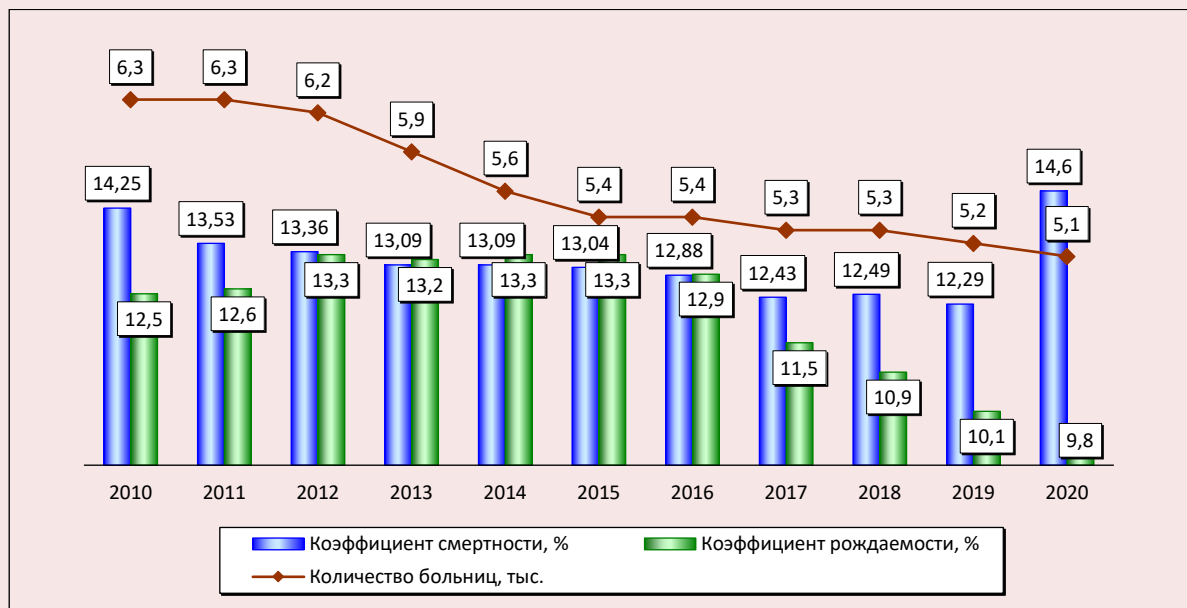
Число поликлиник за тот же период снизилось на 12,7% — до 18,6 тыс. учреждений. Специалистами был сделан вывод о том, что в случае сохранения таких темпов закрытия больниц (примерно 353 ежегодно) к 2021–2022 гг. количество медучреждений в стране достигнет трех тысяч, то есть уровня Российской империи в 1913 году⁷. На *рисунке 1* представлена динамика сокращения числа медицинских учреждений и изменения уровня смертности/рождаемости в 2010–2020 гг. в России.

В результате оптимизации произошло закономерное сокращение расходов в сферу здравоохранения. Т. Голикова охарактеризовала результаты реформы следующим образом: «Во многих регионах оптимизация была проведена неудачно»⁸.

⁷ Официальный сайт Центра экономических и политических реформ. URL: <https://serg.ru/> (дата обращения 07.06.2022).

⁸ Губенко А.В. (2019). Голикова признала неудачной оптимизацию здравоохранения в регионах // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/11/2019/5dbecba99a79470b57a29e69> (дата обращения 14.05.2021).

Рис. 1. Динамика сокращения числа медицинских учреждений и изменения уровня смертности/рождаемости с 2010 по 2020 год

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 65–68.

Развернувшаяся в 2020 году пандемия COVID-19 показала, что при возросшей заболеваемости в стране образовалась нехватка койко-мест для лечения пациентов. Так, согласно анализу Е.В. Репринцевой в период с 2012 по 2018 год обеспеченность койко-местами в стационарах сократилась на 15%. «Если в 2005 году насчитывалось около 9,5 тыс. больниц с общим числом коек более 1,5 млн ед., то к 2018 году данные показатели снизились до 5,3 тыс. больниц и 1,2 млн коек соответственно» (Репринцева, 2020, с. 282).

На рисунке 2 представлена динамика показателя «Мощность (число посещений в смену) амбулаторно-поликлинических организаций» за период 2004–2020 гг. Точкой отмечено значение прироста средней мощности одного медучреждения за исследуемый период.

Согласно рисунку 2, по всем федеральным округам наблюдается прирост средней мощности одного медучреждения за исследуемый период, при том что количество медицинских организаций уменьшалось. Это может говорить как о строительстве новых просторных медицинских учреждений с большими площадями, так и об их простом укрупнении, когда на

одного врача увеличивается нагрузка в виде повышения количества посещений. Наибольшие темпы прироста демонстрируют регионы СКФО (Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Ставропольский край – 249, 294 и 143% соответственно).

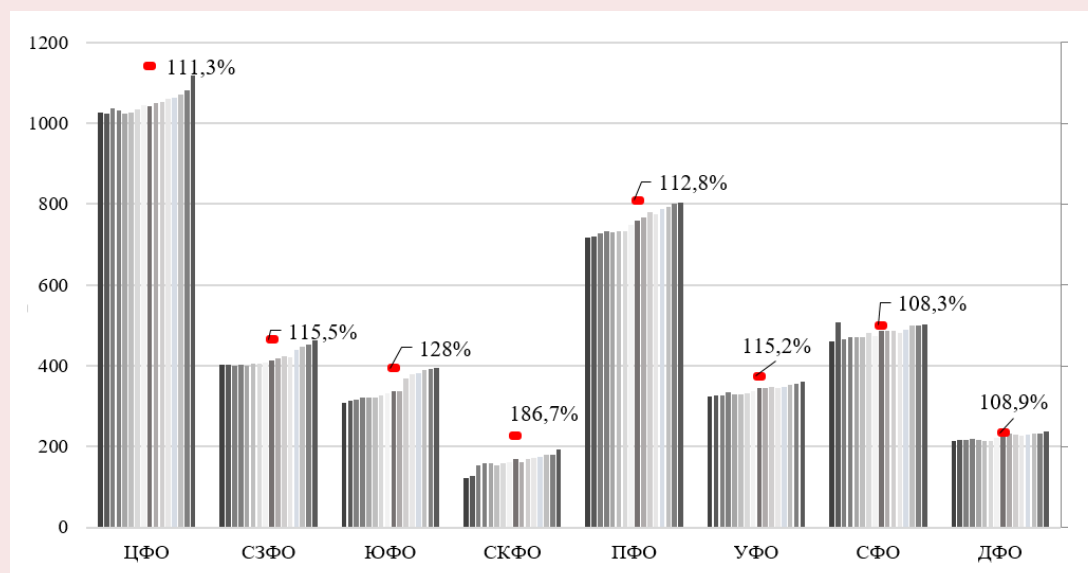
Исходя из проанализированных нами данных, демонстрирующих повышение смертности при снижении числа больничных мест и количества врачей, можно удостовериться в корректности выводов Е.В. Репринцевой о том, что «модернизация здравоохранения привела к сокращению числа стационарных больничных учреждений при одновременном укрупнении больничной сети. Это привело к снижению доступности стационарной медицинской помощи для населения страны, особенно сельского, и в дальнейшем ситуация может усугубляться» (Репринцева, 2020, с. 283). Сложившаяся ситуация требует научно обоснованных корректировок в системе управленческих решений, принимаемых компетентными органами власти и управления.

В свете вышеизложенного дискуссионным моментом является выбор статистических показателей для количественного измерения

эффективности системы здравоохранения. В таблице 3 приведены результаты систематизации изученных нами релевантных эмпириче-

ских работ, в которых авторы использовали статистические данные, отражающие доступность медицинской помощи.

Рис. 2. Динамика мощности амбулаторно-поликлинических организаций с 2004 по 2020 год

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 366–367.

Таблица 3. Примеры медицинских показателей качества системы здравоохранения

№	Авторы	Страна, период анализа	Статистические показатели
1	Л.А. Туаева, И.В. Сугарова (Туаева, Сугарова, 2013)	Россия, 2000–2012	1. Обеспеченность населения врачами 2. Обеспеченность средним медицинским персоналом 3. Обеспеченность больничными койками
2	А.Ш. Ахмедуев (Ахмедуев, 2019)	12 стран мира, 2013–2014	
3	Н.В. Кривенко, В.М. Иванов, Л.А. Кривенцова (Кривенко и др., 2019)	Свердловская область, 2013–2017	Отдельные виды медицинской помощи (амбулаторно-поликлиническая помощь, помощь в дневном стационаре, помощь в круглосуточном стационаре)
4	В.И. Стародубов и др. (Стародубов и др., 2013)	Россия, 2010	1. Обеспеченность населения медицинским персоналом 2. Эффективность расходов в зависимости от числа больничных коек 3. Эффективность расходов в зависимости от занятости койки 4. Эффективность расходов деятельности стационаров в зависимости от уровня госпитализации
5	J.C. Апуанwu, A.E.O. Erhijakpor (Апуанwu, Erhijakpor, 2009)	47 стран Африки, 1999–2004	Число врачей/медсестер
6	W.J.A. van Den Heuvel, M. Olaroiu (van Den Heuvel, Olaroiu, 2017)	31 страна Европы, 2013	1. Число больничных коек 2. Количество врачей 3. Количество медсестер
7	Д.Л. Скипин и др. (Скипин, 2022)	Россия, 1995–2017	1. Обеспеченность больничными койками 2. Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений 3. Численность населения на одного врача
8	А.К. Жукова и др. (Жукова и др., 2016)	Россия, 2014	1. Численность на одну больничную койку 2. Численность на одного врача

Источник: составлено автором на основе анализа литературных источников.

Кроме медицинских и экономических, ученые выделяют следующие факторы, значимо влияющие на социальные показатели результативности систем здравоохранения: образованность (Rosenzweig, Schultz, 1982; Desai, Alva, 1998; Thomas et al., 1990; Currie, Moretti, 2003; Anyanwu, Erhijakor, 2009), распространенность ВИЧ-инфекции (Gupta et al., 2003), уровень урбанизации и демографические особенности населения (Roberts, 2003; Anyanwu, Erhijakor, 2009; Жукова и др., 2016; Улумбекова и др., 2016), расходы государства на социальную защиту (Heuvel, Olaroiu, 2017), показатели нездорового образа жизни (потребление алкоголя, курение, переизбыток) (Brainerd, Cutler, 2005; Heuvel, Olaroiu, 2017; Жукова и др., 2016; Улумбекова и др., 2016; Коссова и др., 2017; Колосницына и др., 2019, Улумбекова и др., 2019), уровень коррупции правительства (Muldoon et al., 2011), денежные доходы населения и валовый продукт на душу населения (Swift, 2011; Жукова и др., 2016; Улумбекова и др., 2016; Улумбекова и др., 2019; Скипин и др., 2022), стресс-факторы (суициды, аборт) (Чекменева, Балина, 2019; Балина и др., 2021), уровень бедности (Улумбекова и др., 2016), экологические факторы (Muldoon et al., 2011; Жукова и др., 2016; Балина и др., 2021).

Исходя из пространственных особенностей национальной экономики, характеризующейся высокой асимметрией развития субъектов России, в процессе анализа научной литературы нами был выявлен ряд упущенных из внимания исследователей методических аспектов, объективно требующих совершенствования.

Во-первых, при оценке качества здравоохранения учеными зачастую используются интегральные индексы, на основе которых в дальнейшем составляются рейтинги эффективности систем здравоохранения (Кривенко и др., 2019; Кислицына, Чубарова, 2021; Улумбекова, Гиносян, 2021). Вместе с тем, учитывая множество объективных ограничений применения интегральных индексов (Masset, 2011), а также то, что их качество и точность в решающей степени зависят как от полноты имеющихся данных, так и от методических подходов к их составлению (Santeramo, 2015), согласимся с тем, что «идеальные интегральные индексы — это ско-

рее исключение, нежели правило» (Павлова и др., 2018, с. 234).

Во-вторых, при построении моделей на панельных данных с целью оценки системы здравоохранения ученые, как правило, включают в выборку всю совокупность территорий, по которым были собраны статданные (Muldoon et al., 2011; Коссова и др., 2017; Улумбекова и др., 2016; Улумбекова и др., 2019). Вместе с тем предварительная кластеризация гетерогенных территорий является важным этапом исследования систем здравоохранения, т. к. позволяет получить в итоге более объективные оценки моделирования для отдельных групп регионов, что критически важно для разрабатываемых направлений по улучшению организации здравоохранения. Данный тезис подтверждается в исследовании E. Jaba, C.V. Balan, I.-V. Robu (Jaba et al., 2014), в котором авторы провели предварительную группировку 175 стран мира по признакам «уровень дохода» и «географическое положение». Результаты построенных учеными моделей на панельных данных за 15 лет показали различные оценки для разных групп стран, что дает уникальную возможность использовать предварительную территориальную дефрагментацию при разработке направлений совершенствования систем здравоохранения. Также отметим исследования, в которых дефрагментация политики совершенствования территориальных систем здравоохранения производится не на основе кластеризации объектов из генеральной совокупности (стран/территорий), а с помощью учета особенностей анализируемых показателей, например декомпозиция различий ожидаемой продолжительности жизни по гендерному признаку (Asiskovitch, 2010; Barthold et al., 2014; Андреев, Школьников, 2018; Жукова и др., 2016), декомпозиция различий смертности у бедной и богатой частей населения (Gupta et al., 2003).

Среди отечественных исследований в данном контексте выделим, во-первых, работу (Скипин и др., 2022), в которой представлены результаты кластеризации субъектов РФ по темпам прироста ожидаемой продолжительности жизни, выявившей региональную специфику. Во-вторых, важной представляется публикация (Зайцева и др., 2019), где при

исследовании региональных систем здравоохранения была произведена предварительная группировка субъектов РФ, позволившая сделать вывод о том, что «социально-экономические детерминанты имеют региональную дифференциацию по уровню своего потенцирующего или сдерживающего воздействия на ОПЖ» (Зайцева и др., 2019, с. 25). Вместе с тем полученные в работе четыре группы субъектов РФ не являются однородными по структуре, что значительно снижает, по нашему мнению, эффективность разрабатываемых на данной основе направлений совершенствования региональных систем здравоохранения. В-третьих, интересной представляется работа (Колосницына и др., 2019), в которой проводится группировка анализируемых стран на три кластера по величине ожидаемой продолжительности жизни и строятся матрицы корреляции переменных, характеризующих здоровье населения.

Таким образом, подводя итог критическому обзору научных работ, отметим, что объективной необходимостью при исследовании региональных систем здравоохранения является предварительная научно обоснованная кластеризация территорий, обуславливающая возможность формирования уникальных направлений развития систем здравоохранения на основе идентификации регионально дифференцированных детерминант ожидаемой продолжительности жизни населения, что и явилось *целью нашего исследования*.

Постановка цели сопровождается формулированием научных гипотез. В связи с этим отметим, что в большинстве проанализированных нами работ была выявлена положительная статистически значимая зависимость социальных показателей результативности систем здравоохранения (в частности ожидаемой продолжительности жизни) от медицинских и экономических показателей, характеризующих доступностью медицинской помощи и расходами на здравоохранение. Таким образом, можно с высокой долей вероятности предположить, что количество лет ожидаемой продолжительности жизни выступает следствием уровня финансирования медицинских учреждений и отрасли здравоохранения в регионе в целом.

Вместе с тем, учитывая, с одной стороны, что «продолжительность жизни является многофакторной величиной, зависящей в том числе от природных, климатических условий, экологической обстановки...» (Кривенко и др., 2019, с. 2227), а с другой – различия в результатах и эффектах, полученных при построении одинаковых моделей оценки детерминант систем здравоохранения для разных стран и регионов (Jaba et al., 2014), считаем, что учет территориальных особенностей при проведении проверки гипотезы о дифференцированном влиянии показателей общего состояния развития экономики региона на показатели социальной результативности системы здравоохранения субъектов РФ является критически важным.

Данные выводы, а также построенная нами классификация показателей качества систем здравоохранения позволили сформулировать ряд гипотез, апробация которых производилась применительно к регионам национальной экономики.

Гипотеза 1. Влияние экономических показателей эффективности региональной системы здравоохранения на ожидаемую продолжительность жизни положительное.

Гипотеза 2. Влияние медицинских показателей качества региональной системы здравоохранения на ожидаемую продолжительность жизни положительное.

Гипотеза 3. Характер влияния показателей общего состояния развития экономики региона на ожидаемую продолжительность жизни обусловлен территориальными особенностями.

Методика исследования

Для достижения поставленной цели в работе предлагается использовать авторский методический инструментарий оценки детерминант продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ, включающий пять этапов.

На первом этапе собирается база статистических данных по субъектам РФ за доступный период времени в целях проведения дальнейшего кластерного анализа по признаку формирования в регионах условий для долгой и здоровой жизни населения. Критерии кластеризации были сформированы с учетом исследования

ВОЗ⁹, согласно которому к ключевым факторам продолжительности жизни относятся образ жизни граждан, состояние их здоровья, уровень организации медицинской помощи, климат, экологические особенности и генетика. Кроме того, мы руководствовались примерами научно обоснованных методик проведения группировки территорий по специфике формирования продолжительности жизни, в результате апробации которых учеными были получены компактные кластеры, поддающиеся экономической интерпретации (Колосницына и др., 2019; Чеменова, Балина, 2019; Балина и др., 2021).

Итоговая база данных для кластеризации показателей включает четыре блока: социальный, экономический, психологический и природно-экологический. Принимая во внимание важность обеспечения адекватности и прозрачности интерпретации результатов кластерного анализа путем минимизации количества показателей для кластеризации¹⁰, а также учитывая доступность имеющейся информации по регионам России, по аналогии с работой Т.А. Балиной и соавторов (Балина и др., 2021) мы отобрали шесть показателей в разрезе сформированных блоков: ожидаемая продолжительность жизни при рождении; численность студентов; младенческая смертность (социальный блок); реальные денежные доходы населения (экономический блок); число самоубийств (психологический блок); обеспеченность населения чистой питьевой водой (природно-экологический блок).

На втором этапе производится обработка и нормировка собранных данных. Для ряда показателей (в нашем случае показателей смертности и самоубийств) считаются обратные величины. Для показателей, характеризующих денежные отношения, производится корректировка на годовой индекс потребительских цен.

На третьем этапе осуществляется кластеризация субъектов РФ по признаку формирования в регионах условий для долгой и здоровой

жизни населения с целью обеспечения однородности распределения исследуемых региональных данных. Группировка регионов выполняется на основе методологии кластерного анализа в программном пакете SPSS Statistics (Statistical Package for the Social Sciences). Поскольку заранее не известно общее количество кластеров, то в качестве метода кластеризации используется иерархический алгоритм. Метрикой служит евклидово расстояние, для того чтобы учитывать в равной степени отличия субъектов РФ по выбранным статистическим признакам. Разделение кластеров производится на основе метода Варда, который для оценки расстояний между кластерами предполагает использование дисперсионного анализа. При этом минимизируется сумма квадратов для любых двух (гипотетических) кластеров, которые могут быть сформированы на каждом шаге.

На четвертом этапе осуществляется моделирование дифференцированного влияния выбранных факторов продолжительности жизни (детерминант) в сформированных группах регионов. Моделирование производилось в Gretl, кросс-платформенном программном пакете для эконометрического анализа, написанном на языке Си.

Для каждой группы регионов, выбранных для эконометрического анализа, формируются панельные данные за 10 лет (с 2010 по 2019 год). Пропущенные данные, имеющие место за один год, восстанавливаются путем пролонгирования. Регионы, имеющие пропуски по данным более чем за два года, исключаются из анализа. Далее строятся регрессионные модели. В качестве эндогенной переменной выбран показатель «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Экзогенные переменные были поделены на две группы. К первой отнесены переменные интереса – экономические показатели эффективности системы здравоохранения и медицинские показатели ее качества. С помощью переменных интереса тестируются выдвинутые гипотезы 1 и 2, проверяющие предположения о значимом положительном влиянии мер органов власти по увеличению государственных расходов на здравоохранение и повышению доступности медицинского обслуживания на продолжительность жизни населения.

⁹ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/> (дата обращения 07.06.2022).

¹⁰ Торопчина Г.Н., Двоерядкина Н.Н., Вохминцева Г.П. (2006). Элементы кластерного анализа: учеб. пособие. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 42 с.

Ко второй группе были отнесены индикаторы, также оказывающие, согласно ранее проанализированному нами научным исследованиям, значимое влияние на продолжительность жизни населения, но в отличие от переменных первой группы по большей части зависящие от территориальных особенностей, нежели государственного регулирования. Данные переменные отнесены к контрольным, необходимым для нивелирования смещения оценок коэффициентов при исследуемой переменной модели. Кроме этого, в нашем исследовании с помощью контрольных переменных тестируется гипотеза 3, проверяющая предположение о том, что характер влияния показателей общего состояния развития экономики региона на ожидаемую продолжительность жизни обусловлен территориальными особенностями. Остановимся более подробно на обосновании выбора контрольных переменных.

Как было показано в предыдущем разделе, перечень экзогенных переменных, используемых учеными при моделировании ожидаемой продолжительности жизни, помимо экономических показателей эффективности системы здравоохранения и медицинских показателей ее качества достаточно широкий. При выборе набора переменных мы руководствовались в первую очередь результатами релевантных исследований, выявивших важнейшие факторы изменения продолжительности жизни: образованность населения, доходы населения, нетрадиционные факторы риска заболеваемости¹¹, экологические факторы. Они достаточно полно отражают качество и уровень жизни населения с позиции трех базовых аспектов: социально-экономического (образованность и доходы населения¹²), социально-психологи-

ческого (стресс-факторы, выраженные через количество самоубийств¹³) и природно-экологического (обеспеченность чистым воздухом и питьевой водой) (Колосницына и др., 2019; Балина и др., 2021).

Кроме теоретических предпосылок при формировании базы данных мы учитывали фактическое наличие аналогичных показателей в официальной региональной статистике Росстата за анализируемый период времени. В *таблице 4* представлена информация о нормировании переменных для моделирования, методике их расчета и единицах измерения.

Для определения лучшей спецификации модели были проведены статистические тесты, при этом оценивались три типа моделей: модели с фиксированными эффектами, со случайными эффектами, объединенный (pooled) метод наименьших квадратов (МНК). Лучшая модель выбиралась на основании информационных критериев Акаике и Шварца, а также результатов статистических тестов: F-тест, тест Бройша – Пагана и тест Хаусмана. По результатам F-теста осуществляется выбор между МНК и моделями с фиксированными эффектами; с помощью теста Бройша – Пагана между МНК и моделями со случайными эффектами. Тест Хаусмана позволяет сделать корректный выбор между моделями с фиксированными и случайными эффектами.

На пятом этапе на основе полученных эконометрических оценок результаты интерпретируются, формулируются сложности в области функционирования системы здравоохранения и разрабатываются приоритетные управленческие решения в разрезе групп регионов.

¹¹ К данным факторам исследователи традиционно относят вредные привычки, снижающие стресс (употребление алкоголя, курение, переедание и пр.).

¹² Фактор «доходы населения» учитывался через реальные доходы населения (в среднем на человека), а не через показатель подушевого ВРП, достаточно часто используемый в релевантных исследованиях. Такой выбор объясняется результатами исследования кривой Престона на примере российских региональных данных, опровергнувшими зависимость ожидаемой продолжительности жизни от экономического положения региона (Андреев, Школьников, 2018).

¹³ Применение в модели показателя «число самоубийств» вместо сбора отдельных показателей, индицирующих распространенность вредных привычек среди населения, основано на результатах исследования, доказавшего существование значимой связи между показателем потребления алкоголя и количеством суицидов (Лебедева-Несевря, Кирьянов, 2012). Таким образом, считаем, что выбранная для моделирования переменная «число самоубийств» объективно может выступать в роли прокси-переменной стресс-факторов.

Таблица 4. Показатели для моделирования и оценивания условий формирования долгой и здоровой жизни населения в субъектах РФ

Название переменной	Описание переменной	Единица измерения	Методика расчета
Эндогенные переменные			
Life_exp	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	годы	Число предстоящих лет жизни
Экзогенные переменные			
Переменные интереса			
Hea	Расходы на здравоохранение	тыс. рублей	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение, тыс. руб. на 1 человека
Doc	Численность врачей	человек	Численность врачей с высшим медицинским образованием на 10000 человек населения, занятых в лечебно-профилактических организациях
Hos_beds	Число больничных коек	койка	Число больничных коек на 10000 человек населения. Учету подлежат койки, оборудованные необходимым инвентарем и готовые принять пациентов
Контрольные переменные			
Stu	Численность обучающихся по программам высшего образования	человек	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения (на начало учебного года)
Inc	Реальные денежные доходы	тыс. руб.	Денежные годовые доходы (в среднем на душу) по РФ, скорректированные на индекс потребительских цен
Sui	Число самоубийств	человек	Число зарегистрированных умерших по основным классам и отдельным причинам смерти (оперативные данные) (самоубийство) на 100 000 человек населения
Wat	Обеспеченность населения чистой питьевой водой	человек	Обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, на 1000 чел.
Neu_Pol	Очистка воздуха	%	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.			

Результаты

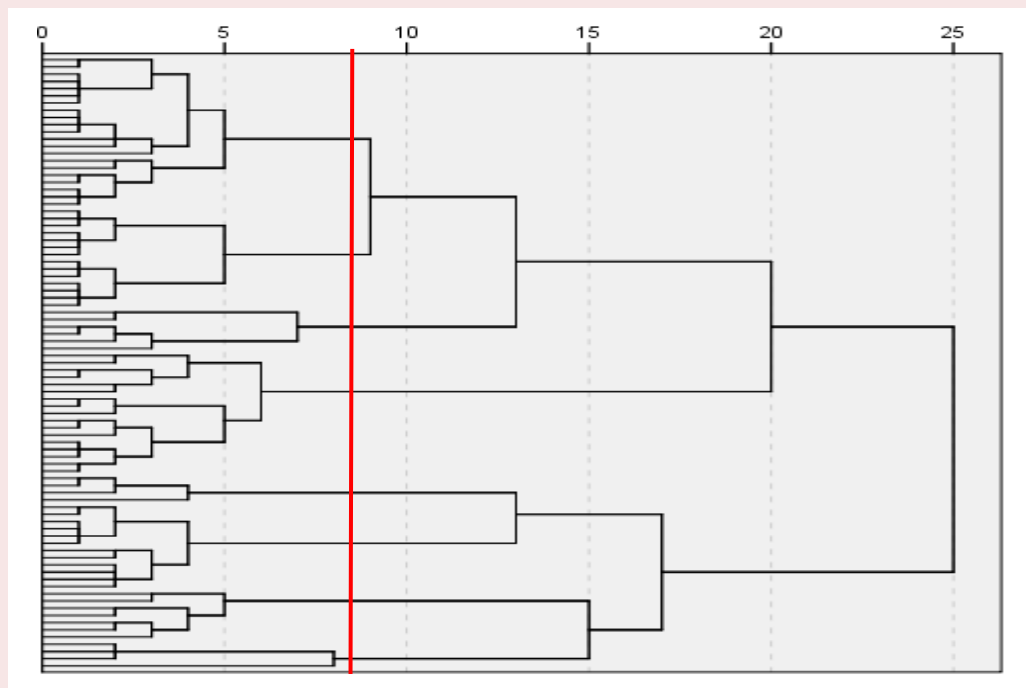
Согласно описанной методике исследования, для формирования системы управленческих решений в работе была произведена кластеризация регионов по специфике формирования условий для повышения продолжительности жизни населения. Кластеризация проводилась по данным 2018 года, что обусловлено необходимостью сведения к минимуму проблемы несбалансированной выборки, возникшей в результате того, что используемые показатели в совокупности имеются только за указанный период. На *рисунке 3* представлена дендрограмма для 85 исследуемых субъектов РФ.

Экспертным методом по графику объединения в качестве порогового расстояния¹⁴ мы выбрали расстояние, равное 8,5. Каждому кластеру присвоены условные названия, отражающие их количественные характеристики в части специфики формирования условий для долгой и здоровой жизни (*табл. 5*).

Красным цветом в таблице 5 выделены экстремально высокие показатели в сравнении со среднестрановыми, зеленым – наоборот,

¹⁴ Пороговое расстояние – расстояние, при превышении которого будут объединяться далеко стоящие друг от друга объекты (в нашем случае – субъекты РФ).

Рис. 3. Дерево классификации регионов

Источник: составлено автором.

значения показателей, по которым группа регионов лидирует по сравнению со средними значениями по всей выборке субъектов РФ. Отметим, что первая кластерная группа является единственной из восьми, достигшей планируемых национальным проектом «Здравоохранение» значений по целевому показателю «уровень младенческой смертности»¹⁵. А седьмая кластерная группа единственная, кто достиг целевого показателя по продолжительности жизни.

На рисунке 4 представлена картографическая визуализация кластерных групп по признаку формирования в регионах условий для повышения продолжительности жизни населения.

Остановимся подробнее на полученных характеристиках регионов. Первая группа регионов («Богатые и счастливые») характеризуется

¹⁵ Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 3 сентября 2018 г. № 10).

высокими значениями по всем показателям, выбранным для кластеризации. Особенно в данной группе выделяются города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Группа субъектов РФ, объединенных под названием «Преодолевающие психоэмоциональные преграды», характеризуется высокими показателями самоубийств, что вместе с низкими по отношению к среднестрановым показателями реальных доходов и продолжительности жизни в целом создает образ регионов, где имеется ряд проблем при формировании условий для долгой и здоровой жизни населения.

Для субъектов, включенных в группу «Преодолевающие природно-экологические преграды», характерен низкий по сравнению со среднестрановым значением показатель обеспеченности чистой питьевой водой. Это, наряду с низкими значениями продолжительности жизни, обуславливает необходимость проведения дополнительного анализа уровня антропогенной нагрузки в данных территориях.

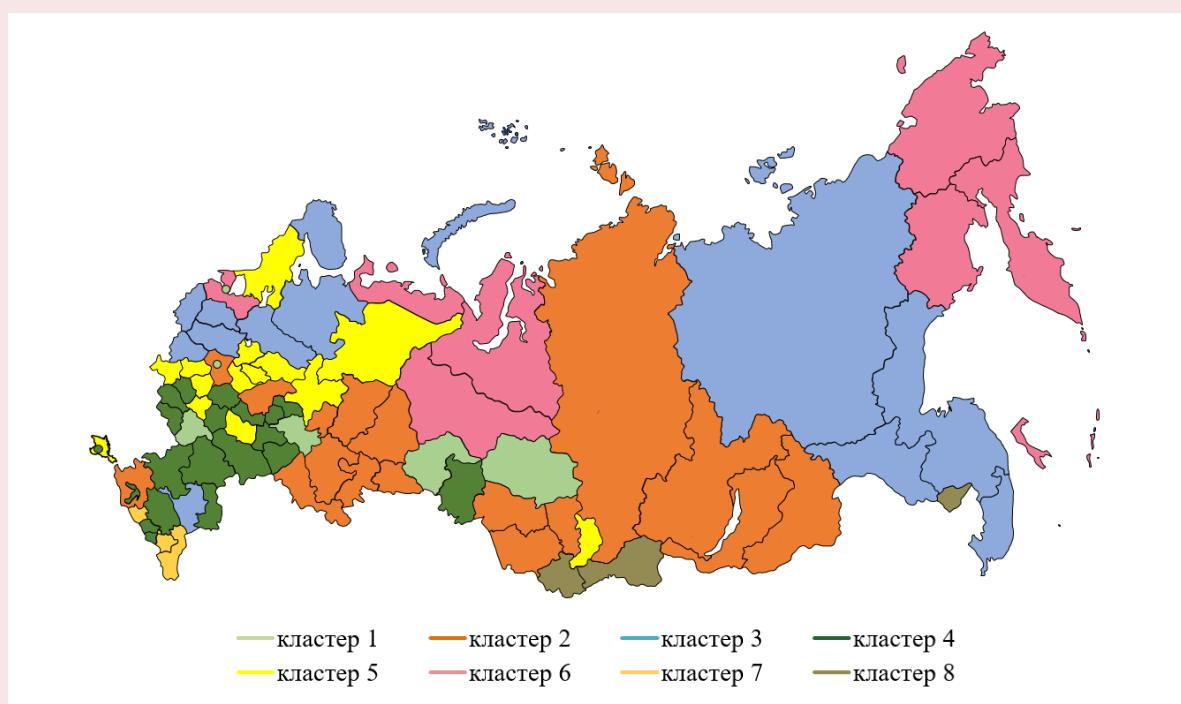
Таблица 5. Количественные характеристики полученных кластеров

№	Состав кластера	Минимальное и максимальное значение показателя*			
		Life_exp	Inc	Sui	Wat
1.	«Богатые и счастливые»				
	Воронежская область, Республика Татарстан, Томенская область, Томская область	72–78	34–68	9,5–17,1	93–100
	г. Москва, г. Санкт-Петербург**	76–78	43–67	2,7–6,1	100
2.	«Преодолевающие психозональные преграды»				
	Области: Московская, Челябинская, Оренбургская, Курганская, Свердловская, Иркутская Кемеровская, Новосибирская, Нижегородская; края: Краснодарский, Пермский, Алтайский, Красноярский, Забайкальский; республики: Башкортостан, Удмуртская, Бурятия	69–74	19–42	8,2–38,2	69–99
3.	«Преодолевающие природно-экологические преграды»				
	Области: Смоленская, Тверская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Амурская; края: Приморский, Хабаровский; республики: Калмыкия, Саха	69–74	16–42	1,1–32,6	47–96
4.	«Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития»				
	Области: Белгородская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Калининградская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Омская; г. Севастополь; Ставропольский край; республики: Адыгея, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия, Марий Эл, Мордовия, Чувашская	72–76	18–29	1–17	78–100
5.	«Регионы проблемного социально-экономического развития»				
	Области: Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Липецкая, Тульская, Ярославская, Кировская, Пензенская; республики: Карелия, Коми, Крым, Хакасия	71–73	21–32	8,6–27,9	77–99
6.	«Ресурсные, малонаселенные»				
	АО: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский; Камчатский край; Области: Магаданская, Сахалинская, Ленинградская	70–74	30–77	6–32	75–99
7.	«Бедные, но счастливые»				
	Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика	75–82	16–25	0,2–8,4	61–95
8.	«Социально-напряженные»				
	Республика Алтай, Республика Тыва, Еврейская автономная область	69–71	15–24	13–42	94–100
	Среднее значение по стране	72,2	29,2	15	89,3

* Life_exp – ОПЖ, лет; Inc – реальные доходы, тыс. руб./чел.; Sui – количество самубийств на 100000 чел. населения; Wat – обеспеченность чистой водой, %.

** Москва и Санкт-Петербург относятся к 1 группе, но показатели по ним выведены отдельно в связи с высоким расхождением с остальными регионами группы. Источник: рассчитано автором.

Рис. 4. Картографическая визуализация кластерных групп по специфике формирования условий повышения продолжительности жизни населения

Источник: составлено автором.

Далее рассмотрим достаточно схожие по анализируемым показателям группы «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и «Регионы проблемного социально-экономического развития»: низкие доходы, средний уровень продолжительности жизни, средняя обеспеченность природными (вода) и человеческими (студенты) ресурсами. В дальнейшем при моделировании указанные две группы будут объединены.

Группа регионов «Ресурсные, малонаселенные» однозначно имеет ярко выраженные особенности с точки зрения высокого уровня обеспеченности природными ресурсами. Кроме того, за исключением Ленинградской области, плотность населения в данных регионах значительно ниже среднестрановой. Группа регионов «Бедные, но счастливые» включает четыре республики Северного Кавказа, объединенные по признаку высокой продолжительности жизни, низких значений самоубийств и низких доходов.

В последнюю группу регионов («Социально-напряженные») вошли три традиционно де-

прессивных субъекта РФ с низкой продолжительностью жизни населения, высокими значениями самоубийств и низкими доходами.

Кластеризация субъектов РФ по специфике формирования условий для повышения продолжительности жизни населения позволяет обеспечить однородность распределения исследуемых региональных данных. Согласно описанной в работе методике исследования мы провели оценку влияния показателей, характеризующих региональные особенности, на продолжительность жизни применительно к трем группам: «Преодолевающие психоэмоциональные преграды», «Преодолевающие природно-экологические преграды» и объединенная группа «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и «Регионы проблемного социально-экономического развития». Остальные выделенные в ходе кластеризации группы объединяют 21 регион-аутлаер и требуют дополнительного исследования в связи со спецификой их функционирования.

В таблицах 6–8 приведены наилучшие модели согласно результатам статистических тестов для каждой из трех анализируемых кластерных групп соответственно. Во всех трех моделях на основе результатов F-теста, теста Бройша-Пагана и теста Хаусмана были выбраны модели с фиксированными эффектами.

Проинтерпретируем полученные результаты. В таблице 6 представлена детализированная оценка выбранной модели (модели с фиксированными эффектами) для группы регионов «Преодолевающие психоэмоциональные преграды».

Комментируя полученные при контрольных регрессорах коэффициенты, отметим, что на 1% уровне значимы расходы на здравоохранение (обратная связь), параметры среднедушевого дохода (прямая связь), количество студентов (обратная связь) и количество суицидов (обратная связь). Таким образом, в группе регионов «Преодолевающие психоэмоциональные преграды» особого внимания со стороны уполномоченных органов власти требуют меры, на-

правленные на снижение факторов стресса. В первую очередь это работа в области профилактики и предотвращения суицидов. Интересным результатом модели, требующим дополнительных научных изысканий, является отрицательное устойчивое и высокозначимое влияние расходов на здравоохранение на продолжительность жизни.

Далее рассмотрим результаты оценок эконометрического моделирования для объединенной группы «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и «Регионы проблемного социально-экономического развития» (табл. 7).

Комментируя полученные при контрольных регрессорах коэффициенты, отметим, что на 1% уровне значимы параметры среднедушевого дохода (прямая связь), количества студентов (обратная связь) и количества суицидов (обратная связь). Прямое положительное влияние на продолжительность жизни оказывает численность врачей. При этом число больничных коек и расходы на здравоохранение оказывают

Таблица 6. Детализированная оценка выбранной модели (модели с фиксированными эффектами) для группы регионов «Преодолевающие психоэмоциональные преграды»

Название переменной	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	70,182	1.499	46.810	0.000***
Переменные интереса				
Hos_beds	0.001	0.010	0.138	0.890
Doc	0.007	0.019	0.377	0.707
Hea	-0.069	0.018	-3.752	0.000***
Контрольные переменные				
Stu	-0.007	0.001	-5.664	0.000***
Sui	-0,053	0,009	-5,736	0,000***
Inc	0.000	0.000	5.632	0.000***
Wat	0.002	0.001	1.591	0.114
Neu_Pol	-0.008	0.005	-1.607	0.110
Описание модели				
Количество наблюдений			170	
Коэффициент детерминации			0,9645	
Скорректированный коэффициент детерминации			0,9290	
Критерии оценки модели				
F-тест	F = 49,917, p-значение = 0,000			
Тест Бройша – Пагана (Breusch – Pagan)	$\chi^2 = 288,295$, p-значение = 0,000			
Тест Хаусмана (Hausman)	$\chi^2 = 25,764$, p-значение = 0,002			
Критерий Акаике	177,749			
Критерий Шварца	256,145			
<i>Примечание: символами *, **, *** отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно.</i>				
<i>Источник: рассчитано автором.</i>				

Таблица 7. Детализированная оценка выбранной модели
 (модели с фиксированными эффектами) для объединенной группы регионов

Название переменной	Коэффициент	ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	69,806	1,066	65,460	0,000***
Переменные интереса				
Doc	0,038	0,011	3,265	0,001***
Hos_beds	-0,015	0,005	-2,877	0,004***
Hea	-0,047	0,015	-3,289	0,001***
Контрольные переменные				
Inc	0,000	0,000	11,380	0,000***
Sui	-0,040	0,007	-6,175	0,000***
Stu	-0,004	0,000	-4,784	0,000***
Wat	-0,000	0,000	-0,266	0,791
Neu_Pol	-0,003	0,003	-1,103	0,271
Описание модели				
Количество наблюдений	330 ¹			
Коэффициент детерминации	0,9545			
Скорректированный коэффициент детерминации	0,9166			
Критерии оценки модели				
F-тест	F = 47,409, p-значение = 0,000			
Тест Бройша – Пагана (Breusch – Pagan)	$\chi^2 = 632,463$, p-значение = 0,000			
Тест Хаусмана (Hausman)	$\chi^2 = 45,241$, p-значение = 0,000			
Критерий Акаике	399,9976			
Критерий Шварца	555,7604			
<i>Примечание: символами *, **, *** отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно.</i>				
<i>Источник: рассчитано автором.</i>				

обратное влияние на 1% уровне значимости. Это может косвенно свидетельствовать о неэффективности расходования бюджетных средств. Кроме того, определенных изменений, возможно, требует структура суммарных затрат на здравоохранение. Данную идею можно встретить в работе (Колосницына и др., 2019), где обращается внимание на важность научного обоснования пропорций расходов на здравоохранение «между расходами на первичную или высокотехнологичную помощь, на зарплату персонала или на расширение занятости» (Колосницына и др., 2019, с. 125). В целом для подтверждения (опровержения) нашего предположения необходимы дополнительные исследования.

Далее рассмотрим результаты оценок эконометрического моделирования для группы регионов «Преодолевающие природно-экологические преграды» (табл. 8).

Комментируя полученные при контрольных регрессорах коэффициенты, отметим, что на 1% уровне значимы параметры среднедушевого дохода (прямая связь), на 5% уровне значимы оба параметра, характеризующие состояние окружающей среды (обеспеченность населения питьевой водой и доля обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ). Данные выводы также требуют дополнительных исследований с точки зрения оценки состояния окружающей среды данной группы регионов. При этом переменные интереса не оказывают влияния на эндогенную переменную.

Полученные в ходе моделирования оценки отдельных показателей на ожидаемую продолжительность жизни в разных группах субъектов РФ и наметить направления дальнейших исследований.

¹⁶ С целью составления полной панели были удалены регионы с пропусками в данных (Республика Крым и город Севастополь).

Таблица 8. Детализированная оценка выбранной модели (модели с фиксированными эффектами) для группы регионов «Преодолевающие природно-экологические преграды»

Название переменной	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	63,261	2,114	29,930	0,000***
Переменные интереса				
Hea	-0,015	0,025	-0,575	0,567
Doc	0,010	0,023	0,437	0,663
Hos_beds	-0,009	0,012	-0,799	0,426
Контрольные переменные				
Stu	-0,003	0,002	-1,341	0,183
Inc	0,000	0,000	6,312	0,000***
Sui	-0,020	0,013	-1,510	0,134
Wat	0,003	0,001	2,490	0,015**
Neu_Pol	0,017	0,008	2,155	0,034**
Описание модели				
Количество наблюдений	120			
Коэффициент детерминации	0,9460			
Скорректированный коэффициент детерминации	0,9072			
Критерии оценки модели				
F-тест	F = 44,893, p-значение = 0,000			
Тест Бройша – Пагана (Breusch – Pagan)	$\chi^2 = 186,711$, p-значение = 0,000			
Тест Хаусмана (Hausman)	$\chi^2 = 41,287$, p-значение = 0,000			
Критерий Акаике	202,116			
Критерий Шварца	257,866			
<i>Примечание: символами *, **, *** отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно.</i>				
Источник: рассчитано автором.				

Обсуждение

Кратко обсудим полученные результаты в разрезе сформулированных в работе исследовательских гипотез.

Во-первых, гипотеза 1, заключающаяся в том, что влияние экономических показателей эффективности региональной системы здравоохранения на ожидаемую продолжительность жизни положительное, не нашла своего эмпирического подтверждения. Так, согласно полученным оценкам моделей, расходы на здравоохранение оказывают статистически значимое обратное влияние на продолжительность жизни населения в группах «Преодолевающие психоэмоциональные преграды», «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и «Регионы проблемного социально-экономического развития». Соглашаясь с тем, что «взаимосвязь между расходами на здравоохранение и показателями здоровья (в частности продолжительностью жизни) достаточно сложная и исследования часто дают неоднозначные результаты» (Колосницyna и др., 2019, с. 128), отметим, что в разрез с устояв-

шимся в научной среде мнением о положительной связи данных параметров в ряде работ по российским данным были получены обратные или незначимые зависимости. Так, полученная в работе (Андреев, Школьников, 2018) значимая обратная зависимость объясняется тем, что более высокие затраты на здравоохранение объективно характерны для территорий с низкими показателями здоровья населения и высокими показателями смертности. В работе (Brainerd, Cutler, 2005) отсутствие значимой зависимости между увеличением государственных расходов на здравоохранение и снижением смертности побуждает ученых обращаться к исследованию нетрадиционных факторов риска заболеваемости (например, алкоголь, курение и прочие). В дополнение отметим также то, что полученная в нашем исследовании значимая обратная зависимость между государственными расходами на здравоохранение и продолжительностью жизни может косвенно свидетельствовать о неэффективности использования бюджетных средств на здравоохранение, в частности неоптимальности их структуры и направлений

расходования (Акиндинова и др., 2018). Таким образом, проверка данного предположения, идущего вразрез с работами, детерминирующими расходы на здравоохранение в повышении социальных показателей результативности систем здравоохранения (Калашников, 2011; Панасюк, Дасаева, 2014; Татаркин и др., 2015; Улумбекова и др., 2019; Чубарова, 2020), требует более глубокого исследования.

Во-вторых, гипотеза 2, заключающаяся в том, что влияние медицинских показателей качества региональной системы здравоохранения на ожидаемую продолжительность жизни положительное, была частично подтверждена. Как и в работах (Muldoon et al., 2011; Heuvel, Olaroiu, 2017; Жукова и др., 2016), нами были получены статистически значимые зависимости положительного влияния численности врачей на продолжительность жизни населения по наибольшим по составу группам «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и «Регионы проблемного социально-экономического развития». Вместе с тем по показателю «число больничных коек» по этим же группам регионов была получена статистически значимая обратная зависимость. Мы нашли аналогичные результаты в работе (Heuvel, Olaroiu, 2017), авторы которой объясняют полученную отрицательную связь первоочередностью профилактических мер и социальных расходов государства вместо увеличения количества больничных койко-мест, а также в работе (Скипин и др., 2022), где данный результат объясняется первоочередностью качества оказания медицинских услуг, а не количеством больничных коек.

В-третьих, гипотеза 3, заключающаяся в том, что характер влияния показателей общего состояния развития экономики региона на ожидаемую продолжительность жизни обусловлен территориальными особенностями, полностью подтвердилась в ходе эмпирической проверки. Так, за исключением параметра среднедушевого дохода, оказавшегося статистически значимым для всех анализируемых групп регионов, характер влияния остальных контрольных переменных на различные группы регионов отличается. Например, для групп «Преодолевающие психоэмоциональные преграды», «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития» и

«Регионы проблемного социально-экономического развития» статистически значимой оказалась прокси-переменная стресс-факторов «количество суицидов» (обратная связь). Таким образом, особого внимания со стороны уполномоченных органов власти требуют меры, направленные на снижение факторов стресса населения. В первую очередь это работа в сфере профилактики развития депрессивных состояний и суицидального поведения, популяризация здорового образа жизни и информирование о возможности распространения социально значимых заболеваний.

Влияние показателя «количество студентов», выбранного нами в качестве фактора «образованность», оказалось статистически значимым для всех групп регионов, кроме «Преодолевающие природно-экологические преграды». При этом влияние на продолжительность жизни, в отличие от результатов предшествующих исследований, изучающих связь образованности с уровнем здоровья населения, — обратное. Данные результаты можно объяснить тем, что выбранный нами показатель не является в строгом смысле показателем образованности населения, отсутствующим в статистике за исследуемый период. В связи с этим для объективной интерпретации влияния количества студентов на продолжительность жизни населения необходимы более детальные исследования, учитывающие актуальную для национальной экономики проблему межрегиональной мобильности студентов и выпускников университетов, актуализированную в работах (Габдрахманов, 2019; Наумов и др., 2019). Говоря о показателях экологии, отметим, что согласно полученным результатам выбранные экзогенные переменные значимо влияют на продолжительность жизни населения только регионов группы «Преодолевающие природно-экологические преграды», что согласуется с результатами исследования (Muldoon et al., 2011).

Наряду с обоснованием согласованности полученных нами оценок с результатами, представленными в исследованиях других ученых, обозначим объективные ограничения построенной модели. К основным ограничениям отнесем, во-первых, традиционную для отечественных региональных исследований проблему — ограниченность статданных как по набору показателей, так и по доступному периоду

анализа. Более полные данные значительно улучшили бы понимание исследуемых взаимосвязей. Во-вторых, в модели не были учтены кратко-, средне- и долгосрочные эффекты от увеличения расходов на здравоохранение, а также изменения направлений расходования средств по годам. В-третьих, нами не была произведена декомпозиция различий ожидаемой продолжительности жизни по гендерному или возрастному признаку, что также могло бы обеспечить получение интересных выводов. В-четвертых, в модели не выделены расходы на профилактику заболеваемости, высокое влияние которых на ожидаемую продолжительность жизни доказано в ряде работ. Нахождение прокси-переменной для данного типа расходов могло бы добавить новую детерминанту в перечень факторов повышения продолжительности жизни населения.

Таким образом, преодоление выделенных ограничений модели является, с нашей точки зрения, интересным направлением дальнейших исследований.

Заключение

В работе предложен комплексный инструментальный совершенствования системы здравоохранения в региональном развитии и управлении на основе кластеризации регионов по специфике формирования условий увеличения продолжительности жизни населения. Выделим основные научные результаты исследования.

1. *Изучены существующие теоретико-методологические подходы и методы исследования системы здравоохранения как основы обеспечения и повышения продолжительности жизни населения.* Проведенный обзор научных работ позволил выявить ряд упущенных исследователями методических аспектов, объективно требующих совершенствования, в т. ч. игнорирование важности предварительной кластеризации гетерогенных территорий при моделировании социальной результативности системы здравоохранения.

2. *Произведена кластеризация регионов России по специфике формирования условий для увеличения продолжительности жизни населения.* База данных для кластеризации региональных показателей включила следующие блоки: социальный, экономический, психологический, природно-экологический. С помощью метода Варда были получены компактные и

хорошо разделенные кластеры, которые в достаточной мере поддаются экономической интерпретации и представляют важный задел для дальнейшего моделирования.

3. *Сформулированы гипотезы исследования и подготовлена статистическая база данных, оказывающих влияние на продолжительность жизни населения субъектов России, за 10 лет.* В основу выбора показателей для формализации гипотез были положены результаты анализа литературных источников с поправкой на доступность имеющейся статинформации по регионам России.

4. *Путем эконометрического моделирования оценены выдвинутые гипотезы и проинтерпретированы полученные результаты.* Оценивались три типа моделей (модели с фиксированными эффектами, со случайными эффектами, объединенный (pooled) МНК) применительно к группам «Оптимистические регионы проблемного социально-экономического развития», «Преодолевающие психоэмоциональные преграды» и «Преодолевающие природно-экологические преграды». Полученные оценки помогли выявить особенности влияния отдельных показателей на ожидаемую продолжительность жизни населения в разных группах субъектов РФ и наметить направления дальнейших исследований.

Таким образом, научной новизной настоящего исследования является кластеризация субъектов РФ по специфике формирования условий для увеличения продолжительности жизни населения, что имеет фундаментальное значение для повышения эффективности территориального управления и планирования в сфере здравоохранения. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть полезны органам регионального управления и местного самоуправления для формирования комплекса мероприятий по повышению ожидаемой продолжительности жизни населения.

Полученные выводы добавляют новые эмпирические свидетельства в систему научных работ, посвященных выявлению детерминант продолжительности жизни населения на региональном уровне национальной экономики, таким образом, поддерживают дискуссию о приоритизации задачи охраны здоровья и продления долголетия в современной России.

Литература

- Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. (2018). Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. № 12. С. 5–27.
- Андреев Е.М., Школьников В.М. (2018). Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 6–24.
- Архипова С.В., Двойников С.И. (2018). Методологические аспекты оценки эффективности в здравоохранении // Менеджер здравоохранения. № 10. С. 23–30.
- Ахмедуев А.Ш. (2019). Проблемы развития и императивы реформирования здравоохранения в России и регионах // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 15. № 8 (377). С. 1529–1546.
- Балина Т.А., Горбанёв В.А., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю. (2021). Географический подход к изучению символического капитала страны с позиции ожидаемой продолжительности жизни населения // Вестник Удмуртского университета. Т. 31. Вып. 2. Серия: Биология. Науки о Земле. С. 198–208.
- Власюк Л.И., Строев П.В. (2017). Методика определения уровня развития человеческого капитала и его дифференциация в регионах России // Экономика. Налоги. Право. Т. 10. № 4. С. 86–95.
- Габдрахманов Н.К. (2019). Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 1. С. 7–17.
- Горчакова Н.С. (2020). Роль экономики здоровья в формировании человеческого потенциала // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 20. № 2. С. 134–140.
- Гришина В.В., Карпова Г.Г. (2020). Оптимизация системы здравоохранения в РФ: причины и последствия // Сборник трудов конференции «Университетская наука: взгляд в будущее». С. 172–175.
- Демидова О.А., Каяшева Е.В., Демьяненко А.В. (2021). Государственные расходы на здравоохранение и экономический рост в России: региональный аспект // Пространственная экономика. Т. 17. № 1. С. 97–122.
- Ерахтина А.Д. (2019). Инвестиции в здравоохранение, продолжительность жизни и экономический рост // ЭКО. № 6 (540). С. 8–25.
- Ерзылева И.А. (2020). Здоровье населения – двигатель экономического роста страны // Russian Economic Bulletin. Т. 3. № 3. С. 231–235.
- Жукова А.К., Силаев А.М., Силаева М.В. (2016). Анализ ожидаемой продолжительности жизни с учетом пространственной зависимости по регионам России // Пространственная экономика. № 4–5. С. 112–128.
- Зайцева Н.В., Онищенко Г.Г., Попова А.Ю. [и др.] (2019). Социально-экономические детерминанты и потенциал роста ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации с учетом региональной дифференциации // Анализ риска здоровью. № 4. С. 14–29.
- Занг В.-Б. (1999). Синергетическая экономика: Время и перемены в нелинейной экономической теории / пер. с англ. Н.В. Островской; под ред. В.В. Лебедева, В.Н. Разжевайкина. М.: Мир. 335 с.
- Зубаревич Н.В. (2009). Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1–2. С. 160–174.
- Калашников К.Н. (2011). Здравоохранение и экономика региона // Проблемы развития территории. № 1 (53). С. 61–66.
- Канева М.А. (2019). Влияние капитала здоровья населения на экономический рост регионов РФ // Регион: экономика и социология. № 1 (101). С. 47–70.
- Кислицына О.А., Чубарова Т.В. (2021). Оценка системы здравоохранения в России: опыт построения регионального рейтинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 3. С. 35–71.
- Колосницына М.Г., Коссова Т.В., Шелунцова М.А. (2019). Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. № 6 (1). С. 124–150.
- Комарова А.В., Крицына Е.А. (2012). О вкладе человеческого капитала в рост ВРП регионов России // Вестник НГУ. Т. 12. № 3. С. 5–14.
- Коссова Т.В., Коссова Е.В., Шелунцова М.А. (2017). Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. № 1. С. 58–83.

- Кривенко Н.В., Иванов В.М., Кривенцова Л.А. (2019). Оценка результативности здравоохранения как один из факторов устойчивого социально-экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 15. № 12 (381). С. 2223–2241.
- Лебедева-Несевря Н.А., Кирьянов Д.А. (2012). Самоубийства и злоупотребление алкоголем: анализ взаимосвязи на материалах исследования в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 4. С. 107–110.
- Михайлова Ю.В., Иванов И.В., Шикина И.Б. [и др.] (2016). Методологические аспекты проведения независимой оценки медицинских организаций субъектов РФ, оказывающих медицинскую помощь прикрепленному населению в амбулаторных условиях // Социальные аспекты здоровья населения. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-provedeniya-nezavisimoy-otsenki-meditsinskih-organizatsiy-subektov-rf-okazyvayuschih-meditsinskuyu> (дата обращения 14.01.2023).
- Наумов И.В., Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В. (2020). Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи // Экономика региона. Т. 16. № 3. С. 896–910.
- Орлов Е.М., Соколова О.Н. (2010). Категория эффективности в системе здравоохранения // Фундаментальные исследования. № 4. С. 70–75.
- Павлова И.А., Гуменников И.В., Монастырский Е.А., Шарма Д. (2018). Что стоит за интегральными индексами благополучия? // Вестник науки Сибири. № 4 (31). С. 230–254.
- Панасюк М.В., Дасаева Р.Д. (2014). Проблемы совершенствования экономики здравоохранения регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. № 2. С. 61–67.
- Потапчик Е.Г. (2020). Сколько средств государство должно выделять на здравоохранение? Дает ли международный опыт однозначный ответ? // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 66. № 4. С. 1–10.
- Репринцева Е.В. (2020). Анализ показателей больничной сети системы здравоохранения РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. № 2. С. 281–283.
- Скипин Д.Л., Юхтанова Ю.А., Крыжановский О.А., Токмакова Е.Г. (2022). Ожидаемая продолжительность жизни в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 156–171.
- Стародубов В.И., Сон И.М., Леонов С.А. [и др.] (2013). Результаты оценки некоторых показателей эффективности деятельности медицинских организаций в 2010 году // Социальные аспекты здоровья населения. № 1 (29).
- Столбов А.В. (2016). Современная культура и региональный человеческий капитал: теоретические основы инновационного сотрудничества // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. № 1. С. 498–506.
- Татаркин А.И., Кривенко Н.В., Кузнецова Н.Л. (2015). Диалектика рационального управления изменениями в региональных социальных системах // Экономика региона. № 2 (42). С. 125–136.
- Туаева Л.А., Сугарова И.В. (2013). Эффективность расходования средств на систему здравоохранения // Terra Economicus. Т. 11. № 3-3. С. 94–97.
- Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Чабан Е.А. (2016). Количественный анализ факторов, влияющих на состояние здоровья населения в Российской Федерации // Медицинское образование и профессиональное развитие. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyu-analiz-faktorov-vliyayuschih-na-sostoyanie-zdorovie-naseleniya-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения 13.01.2023).
- Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б. (2021). Рейтинг эффективности систем здравоохранения регионов РФ в 2019 г. // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВОУЗ. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejting-effektivnosti-sistem-zdravoohraneniya-regionov-rf-v-2019-g> (дата обращения 19.01.2023).
- Улумбекова Г.Э., Прохоренко Н.Ф., Гинойн А.Б., Калашникова А.В. (2019). Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 2. С. 19–30.
- Чекменева Л.Ю., Балина Т.А. (2019). Ожидаемая продолжительность жизни населения в России и мире // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». № 3 (27). С. 5–13.
- Чубарова Т.В. (2020). Доходы и потребление медицинских услуг: опыт анализа с позиции теории опекаемых благ // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (47). С. 190–196.

- Anyanwu J.C., Erhijakpor A.E.O. (2009). Health expenditures and health outcomes in Africa. *African Development Review*, 21(2), 400–433.
- Asiskovitch S. (2010). Gender and health outcomes: The impact of healthcare systems and their financing on life expectancies of women and men. *Social Science & Medicine*, 70(6), 886–895.
- Barro R. (2013). Health and economic growth. *Annals of Economics and Finance*, 14, 329–366.
- Barthold D., Nandi A., Mendoza Rodriguez J.M., Heymann J. (2014). Analyzing whether countries are equally efficient at improving longevity for men and women. *American Journal of Public Health*, 104(11), 2163–2169.
- Bhargava A., Jamison D.T., Lau L., Murray C.J.L. (2001). Modeling the effects of health on economic growth. *Journal of Health Economics*, 20(3), 423–440.
- Bloom D.E., Malaney P.N. (1998). Macroeconomic consequences of the Russian mortality crisis. *World Development*, 26(11), 2073–2085.
- Brainerd E., Cutler D.M. (2005). Autopsy on an empire: Understanding mortality in Russia and the Former Soviet Union. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 107–130.
- Currie J., Moretti E. (2003). Mother's education and the intergenerational transmission of human capital: Evidence from college openings. *The Quarterly Journal of Economics*, 118(4), 1495–1532.
- Desai S., Alva S. (1998). Maternal education and child health: Is there a strong causal relationship? *Demography*, 35(1), 71–81.
- Gupta S., Verhoeven M., Tiongson E.R. (2003). Public spending on health care and the poor. *Health Economics*, 12(8), 685–696.
- Jaba E., Balan C.B., Robu I.-B. (2014). The relationship between life expectancy at birth and health expenditures estimated by a cross-country and time-series analysis. *Procedia Economics and Finance*, 15, 108–114.
- Masset E. (2011). A review of hunger indices and methods to monitor country commitment to fighting hunger. *Food Policy*, 36, 102–108.
- Muldoon K.A., Galway L.P., Nakajima M. et al. (2011). Health system determinants of infant, child and maternal mortality: A cross-sectional study of UN member countries. *Globalization and Health*, 7(1). Available at: https://www.researchgate.net/publication/51739233_Health_System_Determinants_of_Infant_Child_and_Maternal_Mortality_A_Cross-Sectional_Study_of_UN_Member_Countries (accessed: January 19, 2023).
- Roberts J. (2003). *Poverty Reduction Outcomes in Education and Health Public Expenditure and Aid. Working Paper 210*. London: Overseas Development Institute. Available at: <http://https://www.files.ethz.ch/isn/96850/wp210.pdf> (accessed: January 19, 2023).
- Rosenzweig M.R., Schultz T.P. (1982). Child mortality and fertility in Colombia: Individual and community effects. *Health Policy and Education*, 2(3-4), 305–348.
- Santeramo F.G. (2015). On the composite indicators for food security: Decisions matter! *Food Reviews International*, 31(1), 63–73.
- Swift R. (2011). The relationship between health and GDP in OECD countries in the very long run. *Health Economics*, 20(3), 306–322.
- Thomas D., Strauss J., Henriques M. (1990). Child survival, height for age and household characteristics in Brazil. *Journal of Development Economics*, 33(2), 197–234.
- Van Den Heuvel W.J.A., Olaroiu M. (2017). How important are health care expenditures for life expectancy? A comparative European analysis. *Journal of the American Medical Directors Association*, 18(3), 9–12.
- Wang Y., Ni C. (2015). The role of the composition of the human capital on the economic growth: With the special effect among provinces in China. *Modern Economy*, 6, 770–781.

Сведения об авторе

Юлия Владимировна Дубровская — кандидат экономических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29; e-mail: uliadubrov@mail.ru)

Dubrovskaya J.V.

Determinants of Life Expectancy in Heterogeneous Constituent Entities of the Russian Federation

Abstract. Low life expectancy is one of the main factors hindering national economic development. Finding a solution to this problem is complicated by enormous differentiation of life expectancy among constituent entities of the Russian Federation. Therefore, assessing the factors increasing life expectancy in heterogeneous regions of the country and developing methodological tools for the application of territorial defragmentation in terms of policy to improve regional health systems are major tasks for public administration. The research aims to find a solution to these problems. On the basis of a detailed analysis of the relevant literature we form a statistical base of indicators influencing life expectancy in RF constituent entities for 10 years; with the help of “hierarchical clustering” we arrange RF constituent entities into eight groups according to the specifics of forming conditions for a long and healthy life; through econometric modeling we assess and identify the impact of individual indicators on life expectancy in different groups of RF constituent entities; on the basis of the modeling results we formulate areas of further research and priorities of the state regional policy in the field of health care. We use general scientific and special methods, including statistical, cartographic, typological, econometric, and cluster methods during the analysis of regional health systems. Statistical data processing and econometric modeling are carried out using statistical packages SPSS Statistics and Gretl. Scientific novelty of the study consists in the clustering of RF constituent entities according to the specifics of forming conditions for increasing life expectancy, which has fundamental importance for improving the effectiveness of territorial management and planning in the field of health care. Practical significance of the work is determined by the tasks of regional policy of Russia and its constituent entities in the sphere of increasing the life expectancy. The results of the study can be useful to the state regional authorities and local authorities for the formation of a set of measures to improve life expectancy.

Key words: regional health care system, heterogeneous regions, life expectancy, strategic planning, clustering.

Information about the Author

Julia V. Dubrovskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolskii Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: uliadubrov@mail.ru)

Статья поступила 30.09.2022.

Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: belek-galina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

Аннотация. Неравенство является ключевым вызовом социально-экономического развития для мира в целом и отдельных стран. В России проблема неравенства стоит особенно остро, поскольку масштабы и глубина различий в доходах населения значительно превышают «условные уровни» нормального неравенства. В связи с этим важно не допустить развития негативных социально-политических процессов и ухудшения общественных настроений. В статье поставлена цель определить особенности восприятия населением России сложившегося в стране неравенства и его проявлений. На данных Росстата и Организации экономического сотрудничества и развития показано, что неравенство в России имеет большие масштабы и сохраняется на протяжении всего пореформенного периода развития страны без выраженной ориентации на сокращение глубины поляризации крайних доходных групп. На данных межстранового репрезентативного исследования по программе ISSP, проведенного в 2019 году, рассмотрено восприятие неравенства населением России и ряда зарубежных государств, а именно субъективная оценка глубины неравенства, его справедливости, роли государства в сокращении различий в доходах, особенностей системы перераспределения (роли налогов), доступности услуг здравоохранения и образования, степени конфликта (неприятности) между бедными и богатыми. Показано, что восприятие неравенства гражданами России отличается от восприятия жителей других стран более выраженной критической оценкой глубины, несправедливости, социального конфликта

Для цитирования: Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9

For citation: Belekova G.V. (2023). The scale of inequality and the specifics of its perception in modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9

и неэффективности действий государства по сокращению различий в доходах. Определено, что население не проявляет толерантности к немонетарным измерениям неравенства, считая несправедливой возможность богатых людей приобретать медицинские и образовательные услуги высокого качества. Выявлено отсутствие существенных различий в восприятии неравенства в разных социально-демографических и социально-экономических группах населения. Обращается внимание на то, что субъективное восприятие неравенства в большей степени лежит в плоскости представлений о справедливом общественном устройстве, нежели однозначно определяется уровнем доходов.

Ключевые слова: неравенство, монетарное неравенство, субъективная оценка, справедливость, запрос на перераспределение, коэффициент Джини.

Введение

Социально-экономическое неравенство является характерной чертой любого современного общества, значимой и общественно важной проблемой. Единогласно признается «факт принципиальной неустранимости и широкой социальной распространенности данного явления» (Горшков, 2014, с. 21).

Российские эксперты и государственные служащие на протяжении нескольких десятилетий подчеркивают, что «бедность и неравенство – это главные „болевы точки“ современного (постсоветского) российского общества» (Ильин, Морев, 2021, с. 12). Как отмечает академик РАН М.К. Горшков, в России «проблема социальной несправедливости и неравенства занимает первые места в рейтинге общественных противоречий. За 25 лет реформ она проникла во все поры общества и стала характеризовать отношения практически во всех слоях населения. В особенности это касается распределительных отношений»¹. По данным официальной статистики, «число россиян, живущих за чертой бедности, фактически не меняется на протяжении последних 8 лет» (Ильин, Морев, 2021, с. 13), как и избыточные масштабы дифференциации, характеризующие коэффициентами фондов и Джини, которые остаются практически неизменными последнее десятилетие (Россошанский, Белехова, 2020, с. 38). Альтернативные международные исследования показывают, что в России за последние 30 лет

(1989–2016 гг.) совокупные доходы 50% населения с наименьшими доходами снизились на 20%, тогда как совокупные доходы 10% населения с наибольшими доходами увеличились почти вдвое (на 171%), а уровень доходов 1% наиболее состоятельных граждан вырос на 429%, т. е. практически в 4,5 раза (Novokmet et al., 2017, pp. 78–79).

Результаты многочисленных зарубежных исследований и аналитических докладов свидетельствуют, что в большинстве стран с развитой и развивающейся экономикой доходное и имущественное неравенство увеличивается с 1980-х гг., хотя и весьма неравномерно (Alvaredo et al., 2017; Piketty, Saez, 2014; Nolan, Valenzuela, 2019). В частности, относительно низкий рост неравенства и концентрации богатства фиксируется в континентальной Европе и Китае, тогда как в США, Великобритании и Индии он более стремительный². Значительные различия прослеживаются в уровне неравенства по регионам: в Европе доход 10% самых богатых людей составляет 36% дохода всего населения, в Восточной Азии – 43%, в Латинской Америке – 55%, а в государствах БВСА (Ближний Восток и Северная Африка) он достигает 58%³. Поэтому

¹ Горшков М.К. Несправедливость и бедность ощущаются одинаково остро (интервью газете «Культура» 08.06.2017). URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/162230-mikhail-gorshkov-my-znaem-obshchestvo-v-kotorom-zhivem/> (дата обращения 29.08.2022).

² Bergbauer S., Giovannini A., Hernborg N. (2022). Economic inequality and public trust in the European Central Bank. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/articles/2022/html/ecb.ebart202203_02~f9d2d059f0.en.html (дата обращения 29.08.2022); Доклад о неравенстве в мире 2022. URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/Summary_WorldInequalityReport2022_Russian.pdf (дата обращения 29.08.2022).

³ Доклад о неравенстве в мире 2022. URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2021/12/Summary_WorldInequalityReport2022_Russian.pdf (дата обращения 29.08.2022).

проблематика неравенства красной нитью проходит через все 17 целей устойчивого развития на период 2030 года⁴, разработанных ООН и одобренных 193 странами мира. Эти цели касаются не только сокращения неравенства внутри стран и между ними, но и снижения дифференциации населения в доступе к жизненно важным благам (здравоохранению, образованию, экологии, инфраструктуре), обеспечения всем гражданам равных возможностей.

Неравенство – явление многоаспектное, объединяющее разные характеристики (неравенство доходов, имущества, возможностей, богатства и проч.), разные уровни (неравенство в верхней, средней и нижней части доходного распределения), разные измерения (объективные и субъективные показатели неравенства), различные последствия для человека, общественной и хозяйственной жизни страны. Признавая невозможность полностью освободиться от монетарных и немонетарных неравенств, важно понимать его масштабы и легитимность, а также то, каким образом оно воспринимается обществом. Последний аспект на фоне относительно стабильных показателей неравенства и продолжительного периода экономических и внешнеполитических потрясений 2010-х – начала 2020-х гг. приобретает особое значение. Субъективная оценка позволяет получить оперативное представление о том, каким образом население оценивает глубину и справедливость различий между богатыми и бедными, насколько велика неприязнь между полярными доходными группами, насколько успешно государство (правительство) справляется с задачей сокращения дифференциации населения.

В связи с этим цель нашего исследования состоит в изучении особенностей восприятия населением России сложившегося в стране неравенства и его проявлений. Для достижения цели поставлены и реализованы следующие задачи: рассмотрены теоретико-методологические аспекты изучения субъективного восприя-

тия неравенства; представлена оценка текущей ситуации в области неравенства населения, т. е. проанализированы динамика, масштабы и межрегиональная дифференциация фактического уровня монетарного неравенства в России в 2010–2021 гг.; выявлены особенности субъективного восприятия монетарного неравенства в России, в том числе в сравнении с зарубежными странами, а также в группах населения с разными социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками.

Проблематика неравенства: краткий обзор

В самом общем виде неравенство следует рассматривать как «специфическую форму социальной дифференциации, которая предопределяет различия жизненных условий индивидов ..., их неодинаковый доступ к экономическим, социальным, политическим, информационным и иным ресурсам, ... разные возможности удовлетворения ... потребностей и интересов» (Горшков, 2014, с. 20). Существует множество факторов, обуславливающих возникновение неравенства, но главной причиной и следствием этого процесса становится неравномерное и несправедливое распределение ресурсов. Поэтому «чрезмерное» неравенство чревато разнообразными проблемами: «экономическими, поскольку формирует мощное давление в пользу перераспределения, подрывая тем самым экономический рост; социальными, поскольку влечет ухудшение социально-психологического состояния населения и разрушает социальную сплоченность общества; политическими, поскольку может генерировать социальную напряжённость, угрожать демократическим основам и способствовать формированию запроса на изменение общественного договора с государством» (Гимпельсон, Монусова, 2014, с. 217; Мареева, 2018, с. 104).

В зарубежной и отечественной науке ведется активное обсуждение масштабов, факторов и последствий монетарных и немонетарных неравенств. Экономисты, социологи и политологи преимущественно опираются на объективные статистические показатели и методы математического моделирования, что позволяет им оценивать степень остроты распреде-

⁴ Повестка дня в области устойчивого развития / ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения 29.08.2022).

ления ресурсов между крайними доходными группами, прогнозировать последствия наблюдаемой дифференциации, выявлять факторы и причины усиления различий (Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; Аникин, Тихонова, 2016; Овчарова и др., 2016; Капелюшников, 2017; Россошанский, 2019; Салмина, 2021; Черныш, 2021; Novokmet et al., 2017).

Отдельный пласт исследований посвящен вопросам субъективного восприятия неравенств населением (Салмина, 2007; Гимпельсон, Монусова, 2014; Овчарова и др., 2014; Мареева, 2021; Мареева и др., 2022). Среди работ на стыке экономики и социологии следует отметить труды В.Е. Гимпельсона и С.В. Мареевой с соавторами, которые проводят многолетний мониторинг субъективного восприятия неравенства в российском обществе, опираясь на международные и национальные опросы (Гимпельсон, Монусова, 2014; Мареева и др., 2022). Они отслеживают динамику восприятия неравенства, выявляют основания дифференциации мнений, особое внимание уделяя фактору социальной мобильности. В одной из последних работ авторы заключают, что восприятие монетарных и немонетарных неравенств, а также запрос на их сокращение «формируются в большей степени исходя из нормативных представлений о „должном” устройстве общества и оценки его соответствия наблюдаемой реальности, чем из особенностей индивидуальной ситуации, в том числе ожидаемой или фактической мобильности» (Мареева и др., 2022, с. 41).

Большинство авторов сходятся в том, что представления населения об уровне реального неравенства и своем положении в доходной иерархии не всегда совпадают со статистически измеренными показателями (Гимпельсон, Чернина, 2020, с. 34; Мареева и др., 2022, с. 43; Knell, Stix, 2020). Однако доказано существование связи между «представлениями населения об относительном благосостоянии и удовлетворенностью жизнью» (Clark, d'Ambrosio, 2015), социальным доверием (Barone, Mocetti, 2016; Hu, 2017), протестной активностью (Díaz, 2017; Schoene, Allaway, 2019). Согласно проведенным исследованиям, восприятие

доходного неравенства как высокого проявляется в заметных различиях в удовлетворенности жизнью между группами населения с разным уровнем дохода, а само неравенство в удовлетворенности жизнью оказывает значительное негативное влияние на социальное доверие (Graafland, Lous, 2019). Более высокие уровни неравенства в доходах и богатстве коррелируют с более низким уровнем межличностного доверия и доверия к политическим институтам, с ослабленной поддержкой институционального устройства в целом⁵ (Kriesckhaus et al., 2014; Gould, Hijzen, 2016). Как показано в (Goubin, Hooghe, 2020), взаимосвязь между восприятием неравенства на макроуровне и доверием населения к государственным институтам также зависит от социально-экономического положения людей.

Учитывая вышесказанное, мы вполне правомерно можем согласиться с утверждением некоторых исследователей о том, что восприятие людьми неравенства более существенно «для предсказания поведения индивидов, чем реальные показатели неравенства» (Гимпельсон, Чернина, 2020, с. 31; Gimpelson, Treisman, 2018; Kuhn, 2015). «В современной России массовые реакции на социальное неравенство исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, приобретая характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, в том числе распределением собственности и доходов» (Горшков, 2020, с. 238). Поэтому, по мнению некоторых российских ученых, запрос от населения «на сокращение неравенства связан в первую очередь с субъективной оценкой неравенства, а не его фактической глубиной» (Мареева и др., 2022, с. 43; Gimpelson, Treisman, 2018). Поскольку для российской социокультурной модели ключевой идейной основой выступает концепция справедливости (Российское общество ..., 2017, с. 108, 143–144;

⁵ Bergbauer S., Giovannini A., Hernborg N. (2022). Economic inequality and public trust in the European Central Bank. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/articles/2022/html/ecb.ebart202203_02~f9d2d059f0.en.html (дата обращения 29.08.2022).

Мареева, 2015, с. 110–111; Лапин и др., 2020, с. 8), то на первый план выходят «нормативные представления россиян о принципах справедливого общества, связанных с теми или иными неравенствами» (Мареева и др., 2022, с. 55). Согласно опросам Института социологии ФНИСЦ РАН, с одной стороны, только около трети россиян в качестве обязательного элемента справедливого общества называют небольшие различия в доходах, лишь 10% относят к таким элементам малую долю богатых, что говорит о «толерантности населения к доходным неравенствам как таковым, если они возникают в условиях равных возможностей — равного доступа к медицине, рынку труда и образованию» (Мареева и др., 2022, с. 55–56). С другой стороны, именно дифференциация по доходам и доступу к социальным услугам оказывается для россиян наиболее болезненной: так, оценивая свое положение в многомерном социальном пространстве, они часто отмечают, что лично страдают от неравенства доходов (47% в 2013 году, 69% в 2018 году, 67% в 2020 году), неравенства в доступе к медицинской помощи (38, 51 и 46% соответственно) и хорошим рабочим местам (28, 38 и 38% соответственно), неравенства жилищных условий (28, 36 и 32% соответственно) и неравенства в возможностях для детей из разных слоев общества (21, 19 и 26% соответственно)⁶.

Приведенные данные «свидетельствуют о том, что сложившаяся в российском обществе ситуация не отвечает нормативным принципам справедливости в представлениях населения и не обеспечивает требуемое равенство возможностей» (Мареева и др., 2022, с. 55). «Восприятие существующего в обществе неравенства и паттернов распределения прав собственности как несправедливых может способствовать делегитимизации в глазах населения всего институционального устройства общества, оппортунистическому поведению по отношению к „несправедливой“ системе установленных в обществе правил» (Мареева, 2015, с. 110). Подобная ситуация актуализирует

запрос на изучение особенностей субъективного восприятия неравенства в современной России, на протяжении нескольких лет находящейся в условиях неопределенности из-за последствий решений во внешней политике. При этом важно не только проанализировать мнение населения о неравенстве с точки зрения масштаба, степени справедливости и роли государства, но и оценить дифференциацию восприятия неравенства в разных социальных (социально-экономических и социально-демографических) группах.

Дизайн исследования и информационная база

Неравенство как социально-экономический феномен многогранно и проявляется не только в дифференциации доходов и/или богатства, но и в немонетарных аспектах в виде неравных возможностей в доступе населения к социально значимым благам и ресурсам. В данном исследовании, говоря о неравенстве, мы имеем в виду в первую очередь его доходное (монетарное) измерение, касающееся различий в уровне получаемых доходов. При этом мы расширяем анализ за счет рассмотрения немонетарных проявлений неравенства, связанных с возможностями обеспечения более высокого уровня и качества жизни, а именно оплаты более качественных образовательных и медицинских услуг.

В ходе работы в соответствии с поставленными задачами и имеющимся эмпирическим материалом использован комплекс общих и специальных методов научного познания. В частности, для систематизации теоретико-методологических аспектов изучения субъективного восприятия неравенства применены общенаучные методы — обобщение, сравнение, анализ и синтез научной литературы и открытых источников. Для реализации аналитических задач по выявлению тенденций фактического уровня неравенства и особенностей его субъективного восприятия населением использованы методы статистического и социологического анализа (динамический анализ, расчет и анализ показателей дифференциации, дескриптивный анализ, анализ многомерного частотного распределения с помощью комбинационных таблиц).

⁶ Источники данных: (Мареева, 2015, с. 115; Мареева, 2018, с. 105; Мареева и др., 2022, с. 54).

В российской и международной практике для измерения фактического уровня неравенства населения применяется набор различных показателей, основу которого составляют показатели дифференциации и концентрации доходов (коэффициенты фондов и Джини, индекс Тейла, коэффициент Аткинсона и др.) и показатели распределения доходов (децильный коэффициент дифференциации, квинтильный коэффициент, коэффициент Пальма и др.). Зачастую анализ дополняется объемными индикаторами (уровень среднедушевых/медианных доходов, уровень бедности и проч.) и расчетом показателей межрегиональной дифференциации (размах вариации, коэффициент разрыва полярных значений, коэффициент вариации, дисперсия, коэффициент осцилляции и проч.). В нашей работе оценка фактического уровня монетарного неравенства населения проведена по таким статистическим показателям, как среднедушевой денежный доход, децильный коэффициент фондов, коэффициент Джини.

Оценка субъективного восприятия неравенства выполнена в соответствии с международной методикой The International Social Survey Programme (ISSP) по модулю «Social Inequality» («Социальное неравенство»)⁷. Она включает следующие индикаторы: глубина и справедливость неравенства, роль государства в сокращении различий в доходах, особенности системы перераспределения (роль налогов), доступность услуг здравоохранения и образования, степень конфликта (неприязни) между бедными и богатыми. Измерение восприятия населения построено на нормативных вопросах, позволяющих оценить степень согласия респондентов с утверждениями о разнице в доходах, о справедливости различий и т. д. Полученные данные не являются прямой оценкой положения респондента в доходной иерархии, однако их можно использовать в качестве косвенного показателя фактического распределения доходов и богатства в обществе.

⁷ The International Social Survey Programme. URL: <https://issp.org/>

Эмпирической базой исследования выступают официальные статистические данные Росстата и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также результаты социологического опроса 2019 года в странах, участвовавших в Международной программе социальных обследований (ISSP-2019) с модулем «Социальное неравенство». Доступная база данных включает 35127 индивидуальных наблюдений из 22 стран⁸. Для сравнительного анализа с Россией (1567 наблюдений) выбраны 16 государств, наиболее различающихся по уровню экономического развития, особенностям институционального устройства и степени фактического неравенства (по коэффициенту Джини): Болгария, Великобритания, Германия, Дания, Израиль, Италия, Литва, Новая Зеландия, Словения, Финляндия, Хорватия, Чехия, Чили, Швейцария, Южная Африка, Япония⁹. В качестве объясняющих переменных используется ряд социально-демографических и экономических характеристик индивидов, доступных в ISSP: пол, возраст, семейное положение (состояние в браке), наличие детей, занятость на рынке труда, уровень образования, самооценка социального статуса, территория проживания.

Основные выводы в статье сделаны по состоянию на 2019 год – год проведения международного социологического исследования ISSP. В соответствии с этим, а также с учетом доступности информации в базах Росстата и ОЭСР анализ объективных индикаторов неравенства охватывает период 2010–2019/2020 гг.

⁸ Доступ для зарегистрированных пользователей: Единый архив экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2363&T=m; International Social Survey Programme: Social Inequality V - ISSP 2019 // GESIS Data Archive for the Social Sciences. URL: https://search.gesis.org/research_data/ZA7600

⁹ «Англосаксонские страны, отличающиеся либеральным режимом регулирования (Великобритания, Новая Зеландия), страны континентальной Европы с относительно высокой степенью координации (Германия, Швейцария, Финляндия, Дания), страны Латинской Америки со средним доходом (Чили), развитые страны Восточной Азии и Африки (Япония, ЮАР), постсоциалистические страны Восточной Европы (Болгария, Литва, Словения, Чехия)» (Гимпельсон, Монусова, 2014, с. 224).

Оценка фактического уровня монетарного неравенства населения

Одним из индикаторов неравенства, широко применяемым для международных сопоставлений, является индекс (коэффициент) Джини. Он «характеризует дифференциацию денежных доходов населения, измеряя степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения» (Горшков, 2014, с. 23). В отличие от других индикаторов (децильного коэффициента фондов, коэффициента Пальма, индекса Тейла и проч.) коэффициент Джини «более чувствителен к изменениям в средней части распределения» (Салмина, 2021, с. 82; Gastwirth, 2017). Подчеркнем, что сравнение стран по индексу Джини «довольно условно, поскольку размер страны, ВВП и численность населения значительно влияют на уровень неравенства» (Росошанский, 2019, с. 113), однако оно позволяет получить общее представление о масштабах неравенства по странам мира.

Согласно данным ОЭСР (табл. 1), среди рассматриваемых государств наибольший уровень неравенства населения по коэффициенту Джини ежегодно отмечается в России (выше 0,4). В остальных странах уровень показателя заметно ниже; при этом во многих из них дифференциация населения по доходам незначительно усиливается. Несмотря на позитивное изменение показателя в России в целом за рассматриваемый период, его уровень в последние годы относительно стабилен и превышает «условную отметку» избыточного неравенства в 0,400¹⁰.

В разрезе российских территорий ожидаемо высокая степень доходной дифференциации населения отмечается в более развитых субъектах, а именно в экспортно-ресурсных регионах и регионах с развитой промышленной и торгово-транспортной деятельностью (Тюменская, Сахалинская, Свердловская области, Чукотский автономный округ, Краснодарский край), а также в крупнейших агломерациях (г. Москва, г. Санкт-Петербург; табл. 2).

Таблица 1. Коэффициент Джини по странам мира*

Страна	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Россия	0,421	0,415	0,412	0,412	0,411	0,414	0,412
Болгария	0,329	0,369	0,377	0,402	0,395	0,408	0,402
Великобритания	0,351	0,356	0,360	0,351	0,357	0,366	0,366
Литва	0,329	0,380	0,372	0,378	0,374	0,361	0,357
Израиль	0,371	0,360	0,346	0,344	0,348	0,342	н.д.
Япония	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,334	н.д.
Италия	0,327	0,326	0,333	0,327	0,334	0,330	н.д.
Новая Зеландия	0,335	0,341	0,325	0,333	0,335	0,330	0,326
Швейцария	0,298	0,297	0,296	0,302	0,299	0,311	0,316
Германия	н.д.	0,289	0,293	0,294	0,289	0,289	н.д.
Финляндия	0,264	0,257	0,260	0,259	0,266	0,269	н.д.
Дания	н.д.	0,256	0,263	0,261	0,264	0,263	н.д.
Словения	0,245	0,251	0,250	0,244	0,243	0,249	0,246
Чехия	0,260	0,257	0,258	0,253	0,249	0,249	0,248
Хорватия	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Чили	н.д.	н.д.	0,454	н.д.	0,460	н.д.	н.д.
Южная Африка	н.д.	н.д.	0,626	н.д.	0,618	н.д.	н.д.

* Ранжировано по 2018 году.
Составлено по: Income inequality. URL: <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>

¹⁰ Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. DOI: 10.1596/978-1-4648-0958-3

Таблица 2. Коэффициент Джини по регионам России

Регион*	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Ранг**
Еврейская автономная область	0,378	0,369	0,355	0,347	0,349	0,34	0,327	1
Республика Ингушетия	0,359	0,368	0,358	0,356	0,342	0,334	0,328	2
Костромская область	0,365	0,358	0,35	0,353	0,338	0,338	0,329	3
Республика Хакасия	0,378	0,356	0,346	0,354	0,354	0,34	0,329	3
Владимирская область	0,366	0,36	0,355	0,349	0,344	0,34	0,332	5
Кировская область	0,366	0,366	0,349	0,343	0,34	0,34	0,332	5
Карачаево-Черкесская Республика	0,368	0,373	0,365	0,356	0,348	0,344	0,332	5
Республика Крым			0,309	0,34	0,348	0,336	0,333	8
Новгородская область	0,403	0,389	0,378	0,36	0,349	0,343	0,334	9
Челябинская область	0,4	0,382	0,368	0,352	0,355	0,348	0,334	9
...
Вологодская область	0,373	0,365	0,361	0,35	0,354	0,356	0,357	43
...
Свердловская область	0,432	0,422	0,41	0,405	0,403	0,405	0,394	73
Республика Башкортостан	0,427	0,424	0,412	0,416	0,411	0,408	0,394	73
Забайкальский край	0,401	0,398	0,395	0,397	0,406	0,406	0,397	75
Краснодарский край	0,415	0,421	0,414	0,404	0,405	0,403	0,401	76
г. Санкт-Петербург	0,446	0,432	0,408	0,406	0,405	0,406	0,402	77
Сахалинская область	0,415	0,408	0,408	0,412	0,418	0,419	0,402	77
Республика Адыгея	0,385	0,396	0,383	0,396	0,403	0,405	0,404	79
Чукотский автономный округ	0,406	0,419	0,413	0,4	0,405	0,408	0,407	80
г. Москва	0,505	0,454	0,432	0,417	0,417	0,418	0,413	81
Тюменская область	0,446	0,437	0,431	0,426	0,432	0,431	0,426	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	0,421	0,415	0,412	0,411	0,414	0,412	0,406	-
Коэффициент вариации, %	6,410	5,443	6,413	5,627	5,983	6,411	6,355	-
Коэффициент осцилляции	0,377	0,271	0,345	0,242	0,252	0,262	0,273	-

* Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодская область.
** Ранжировано по данным на 2020 год.
Составлено по: Регионы России: стат. сб. / Росстат.

Несколько ниже величина показателя в проблемных с точки зрения социально-экономического развития регионах. Однако у основной части субъектов России значения коэффициента Джини весьма близки, что подтверждают рассчитанные коэффициенты вариации и осцилляции. Другими словами, российские регионы по показателю Джини достаточно однородны и различия между ними не усиливаются.

Аналогичные закономерности фиксируются по другому индикатору неравенства – децильному коэффициенту фондов, характеризующему различия в доходах 10% наиболее богатого и 10% наиболее бедного населения (табл. 3).

В целом по России за исследуемый период он сократился с 16,6 до 14,9 раза, что, однако, всё ещё выше «условной отметки» нормального неравенства (6–8 раз) (Лапин и др., 2020, с. 11–12). Несмотря на существенный разрыв значений коэффициента между полярными регионами (порядка 2,5 раза в 2010–2015 гг., около двух раз в 2016–2020 гг.), рассчитанный коэффициент вариации (ниже 30%) свидетельствует об однородности совокупности, а снижение коэффициента осцилляции говорит о том, что значение коэффициента фондов все большего количества регионов приближается к среднему и происходит конвергенция регионального развития.

Таблица 3. Коэффициент фондов по регионам России

Регион*	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Ранг**
Костромская область	11,1	10,6	10	10,2	9,2	9,2	8,6	1
Еврейская автономная область	12,1	11,4	10,3	9,8	9,9	9,3	8,6	1
Республика Ингушетия	10,6	11,3	10,5	10,5	9,4	8,9	8,6	1
Республика Хакасия	12,2	10,5	9,7	10,3	10,3	9,3	8,7	4
Владимирская область	11,1	10,8	10,4	10	9,6	9,3	8,8	5
Карачаево-Черкесская Республика	11,4	11,7	11,1	10,4	9,8	9,6	8,8	5
Кировская область	11,2	11,2	9,9	9,5	9,3	9,3	8,8	5
Республика Крым			7,5	9,4	9,8	9,1	8,9	8
Новгородская область	14,6	13,2	12,1	10,8	9,9	9,5	8,9	8
Челябинская область	14,3	12,5	11,4	10,1	10,3	9,9	8,9	8
...
Вологодская область	11,7	11,1	10,8	10,0	10,3	10,4	10,5	42
...
Республика Башкортостан	17,4	16,9	15,6	16,0	15,5	15,0	13,7	73
Свердловская область	18	16,7	15,3	14,8	14,6	14,8	13,7	73
Республика Саха (Якутия)	14,4	14,0	13,7	14,0	14,9	14,8	14,0	75
Краснодарский край	15,9	16,6	15,8	14,7	14,8	14,6	14,3	76
г. Санкт-Петербург	20,0	18,0	15,1	14,8	14,8	14,9	14,4	77
Сахалинская область	15,8	15,1	15,1	15,5	16,3	16,3	14,5	78
Республика Адыгея	12,8	13,8	12,6	13,8	14,6	14,8	14,6	79
Чукотский автономный округ	14,8	16,3	15,7	14,2	14,8	15,1	15,0	80
г. Москва	28,3	21,2	18,1	16,1	16,2	16,2	15,6	81
Тюменская область	20	18,7	17,8	17,2	17,9	17,9	17,2	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	16,6	15,8	15,5	15,4	15,8	15,6	14,9	–
Коэффициент вариации, %	20,37	16,14	17,24	15,23	16,39	17,43	17,02	–
Коэффициент осцилляции	1,298	0,859	0,890	0,682	0,733	0,772	0,776	–

* Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодская область.
** Ранжировано по данным на 2020 год.
Составлено по: Регионы России: стат. сб. / Росстат.

Согласно устоявшемуся мнению, «Россия отличается высоким уровнем регионального неравенства: достаток жителей самого богатого субъекта РФ может в разы превышать аналогичный показатель в беднейшем из них» (Горшков, 2016, с. 698). Как отмечено выше, динамика относительных индикаторов неравенства демонстрирует стремление к выравниванию регионов. Что же касается изменения объемных показателей, характеризующих уровень доходов (например, среднедушевых денежных доходов, табл. 4), то по ним нельзя однозначно судить о положительной динамике в сни-

жении уровня межрегиональной поляризации. Несмотря на сокращение разрыва между полярными регионами за рассматриваемый период с 3,6 до 2,7 раза, значения коэффициентов вариации и осцилляции колеблются несущественно, сближения регионов не наблюдается. В лидерах стабильно остаются развитые субъекты с богатой экспортно-ресурсной, производственной и финансовой базой, тогда как в числе аутсайдеров – дотационные субъекты Северо-Кавказского и Южного федеральных округов с низким уровнем социально-экономического развития.

Таблица 4. Среднедушевые денежные доходы населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам)*, руб. в месяц

Регион**	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Ранг***	Изм-е, 2020 г. к 2010 г., %****
г. Москва	31389,6	42098,8	45166,8	48348,0	52401,6	55214,8	1	-8,0
Чукотский автономный округ	21499,7	40398,5	46600,1	46685,0	47966,6	53746,5	2	43,2
Магаданская область	19504,9	34545,1	37940,7	42630,5	46624,0	51192,8	3	34,0
Сахалинская область	21461,7	37743,8	41527,8	45082,4	49089,0	50724,8	4	14,6
Тюменская область	23842,5	37044,2	39867,0	42204,2	44507,6	46212,0	5	1,6
г. Санкт-Петербург	23678,1	34788,8	38316,8	40753,7	43432,7	45527,0	6	5,5
Московская область	20860,7	34946,5	37815,2	40291,1	42968,7	43121,9	7	9,3
Республика Татарстан	21926,8	36380,7	37202,3	38673,5	41304,1	41248,5	8	11,9
Свердловская область	22102,4	34922,7	35806,8	38289,8	41046,5	40030,4	9	-10,0
Мурманская область	18936,5	30337,8	32811,0	34971,6	37370,4	39755,1	10	5,6
...
Вологодская область	13916,4	24564,6	25453,8	27099,2	29043,5	29768,5	46	15,0
...
Кабардино-Балкарская Республика	13621,0	20414,1	21730,5	22335,5	23364,2	24216,5	73	1,2
Ставропольский край	12880,9	22216,9	23215,4	23844,9	24823,3	24209,4	74	1,1
Республика Крым	0,0	17866,0	21496,5	22014,2	23648,3	24169,6	75	18,3
Республика Марий Эл	12399,8	20860,6	21739,0	22023,1	23611,4	24069,1	76	11,3
Курганская область	15217,3	21602,2	22184,8	21697,8	22999,5	23927,1	77	-15,5
Республика Тыва	10906,3	16979,3	16672,2	17304,8	18877,6	21464,4	78	-0,8
Республика Алтай	12996,3	16215,1	17356,2	18930,6	20012,5	21436,4	79	-7,4
Республика Калмыкия	8813,2	16706,4	17767,6	18397,6	19404,0	21006,1	80	32,8
Карачаево-Черкесская Республика	11825,9	18245,0	18573,1	19066,8	20322,2	20948,6	81	-5,1
Республика Ингушетия	11699,6	17726,4	18929,9	19524,1	19704,3	20156,2	82	1,6
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	18958	30254	31897	33266	35338	36073	–	–
Коэффициент вариации, %	21,0	20,0	20,8	22,0	22,1	22,6	–	–
Коэффициент осцилляции	1,39	0,98	1,08	1,08	1,09	1,11	–	–

* Перевод в сопоставимые цены осуществлен по стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Данный метод используется для сравнения регионов между собой и соответствующий год.

** Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодская область.

*** Ранжировано по данным на 2020 год.

**** Рассчитано по показателям, выраженным в сопоставимых ценах 2020 года, перевод в которые осуществлен по индексу потребительских цен. Данный метод используется для оценки изменения стоимостных показателей за ряд лет в рамках одного региона с учетом уровня инфляции.

Рассчитано по: Регионы России: стат. сб. / Росстат.

Таким образом, неравенство в России имеет большие масштабы и сохраняется на протяжении всего пореформенного периода развития страны без выраженной ориентации на сокращение глубины поляризации крайних доходных групп населения. Стоит отметить, что нами проанализированы официальные статистические данные, основанные на выборочных опросах населения. По мнению некоторых исследователей (Салмина, 2021; Novokmet et al., 2017), оценки Росстата занижают масштабы неравенства, в то время как применение эконометрических методов и дооценка доходов по богатству с учетом налоговых данных или данных о расходах позволяют получить более точные сведения о неравенстве. Однако в конечном итоге используемые методы оценки не влияют на вывод о наличии в России высокого уровня по сравнению со многими развитыми и развивающимися зарубежными странами.

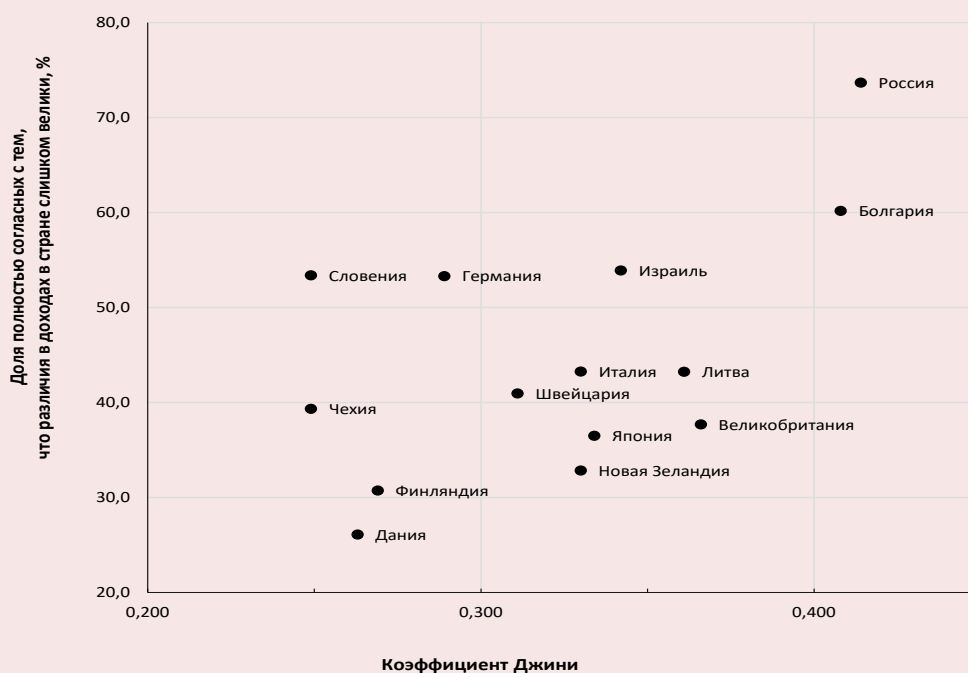
Оценка субъективного восприятия неравенства населением

Предваряя анализ субъективного восприятия неравенства в России, посмотрим, как соотносятся представления населения о глубине

различий в доходах между бедными и богатыми в странах с разным уровнем наблюдаемого неравенства (по коэффициенту Джини). На *рис. 1* страны размещены в пространстве двух осей: фактического уровня неравенства (по оси X) и доли населения, абсолютно согласного с тем, что различия в доходах велики (по оси Y) (Гимпельсон, Монусова, 2014, с. 219). Как видно из графика, распределение не имеет четко выраженного тренда. Среди стран с высоким неравенством есть как те, где большая часть населения оценивает его как избыточно большое (Россия, Болгария, Израиль), так и те, где население не столь категорично (Великобритания, Новая Зеландия, Литва). Таким же образом в группе государств с низким уровнем фактического неравенства его восприятие неоднородно.

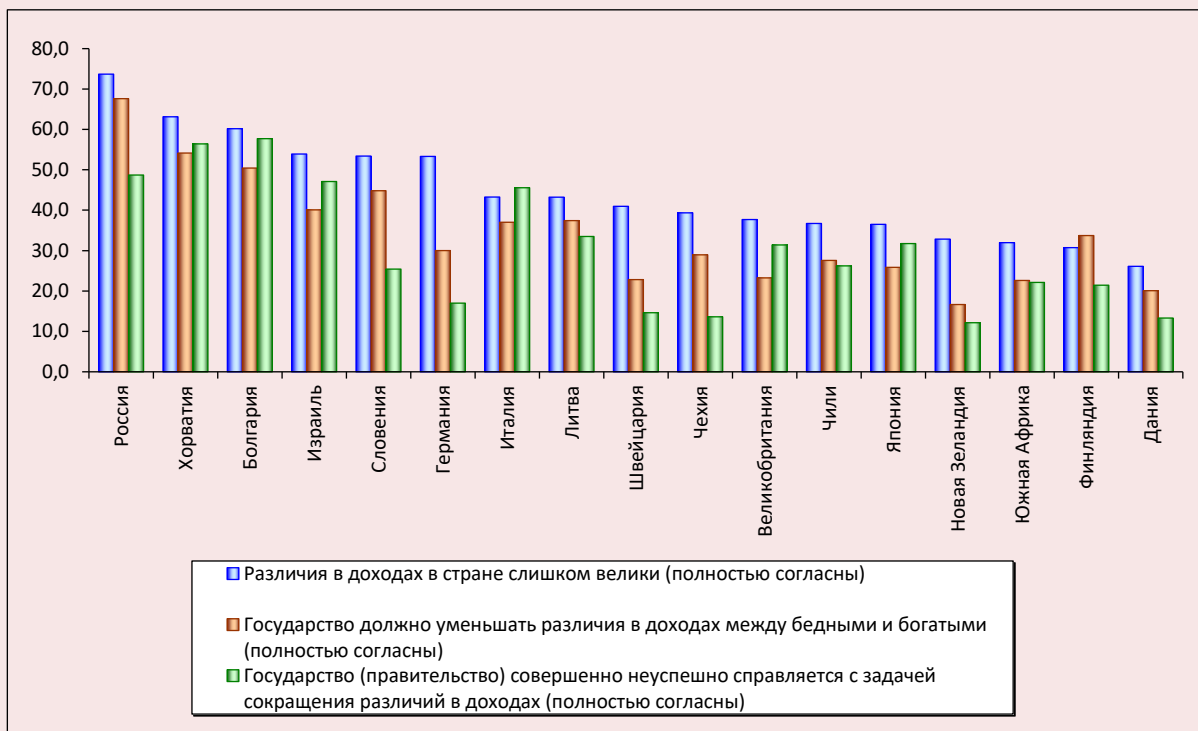
Подобный вывод вполне ожидаем, поскольку «есть целый ряд веских причин (как экономических, так и социально-этических), по которым прямолинейная связь далеко не гарантирована» (Гимпельсон, Монусова, 2014, с. 221). Восприятие неравенства отталкивается не столько от имеющегося у разных групп населения уровня доходов, сколько от тех возмож-

Рис. 1. Восприятие глубины неравенства и уровень фактического неравенства в странах мира, 2018 год

Составлено по: Income inequality. URL: <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>; ISSP-2019.

Рис. 2. Восприятие различий в доходах и роли государства в их сокращении в странах мира, % от числа опрошенных

Составлено по: ISSP-2019.

ностей, которыми обладают люди в стране, от уровня справедливости общественного устройства, степени доступности жизнеформирующих благ высокого качества и проч.

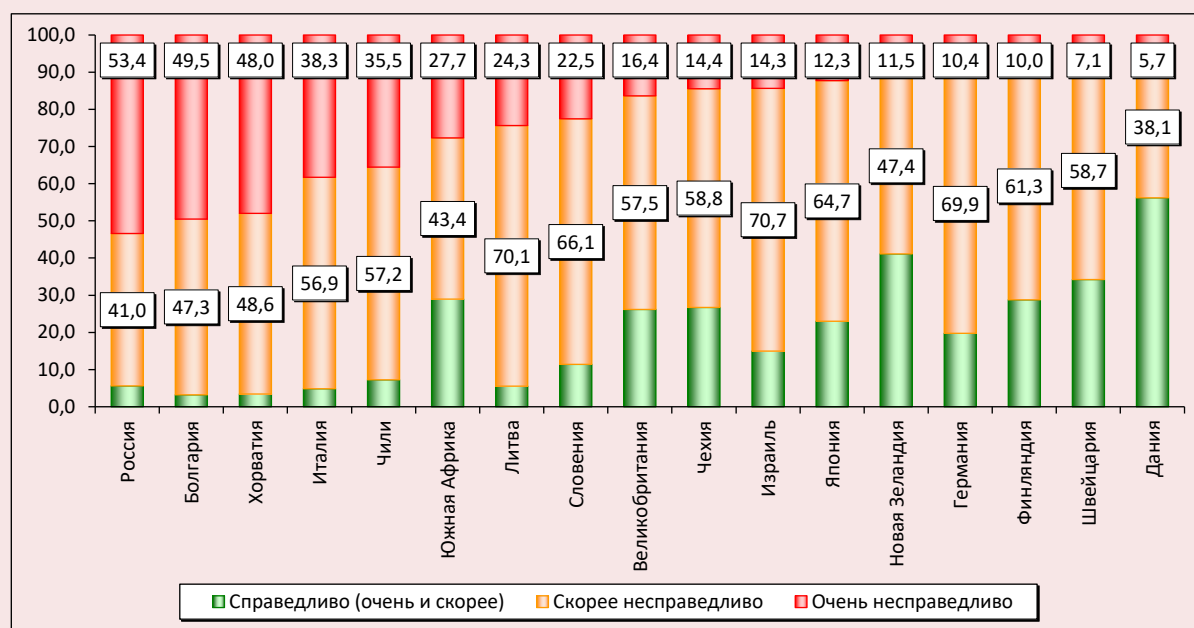
Данные международного опроса ISSP-2019 показывают, что население России по таким аспектам восприятия, как масштаб (глубина) неравенства и роль государства в решении проблемы сокращения различий в доходах, демонстрирует наиболее критические оценки (рис. 2). Почти три четверти россиян (73%) полностью согласны с тем, что различия в доходах между богатыми и бедными в стране слишком велики. Схожие оценки фиксируются в Хорватии (63%) и Болгарии (60%), тогда как в других государствах доля населения, настроенного так категорично, намного ниже (Германия, Словения, Израиль — 53%, Чили — 37%, Дания — 26%).

Также большинство россиян (68%) абсолютно убеждены, что именно государство должно быть ведущим актором в борьбе с неравенством и прилагать усилия для его сокращения. В дру-

гих странах эту позицию разделяет намного меньшая доля населения, хотя по общей сумме ответов (абсолютно согласны и скорее согласны) жители рассматриваемых стран солидарны в своем запросе к государству на сокращение доходных неравенств. Весьма критична оценка россиянами реальных действий государства — почти половина (48%) считает, что государство безуспешно справляется с этой задачей. Ещё большая доля недовольных деятельностью государства по сокращению неравенства отмечается в Хорватии (56%) и Болгарии (58%).

Население России воспринимает сложившееся в обществе неравенство доходов не только как значительное, но и как несправедливое — доля скорее и полностью согласных с этим составляет 94% (рис. 3). Весьма примечательно, что жители большинства других рассматриваемых стран (за исключением Дании, Швейцарии, Финляндии, Новой Зеландии и Южной Африки) солидарны с россиянами в данном вопросе. Можно предположить, что

Рис. 3. Представления населения о справедливости существующего распределения доходов по странам мира, % от числа опрошенных

Составлено по: ISSP-2019.

запрос на справедливое общественное устройство, справедливое распределение возможностей доступа к различным благам независимо от уровня доходов чрезвычайно актуален в общественном сознании населения многих стран мира.

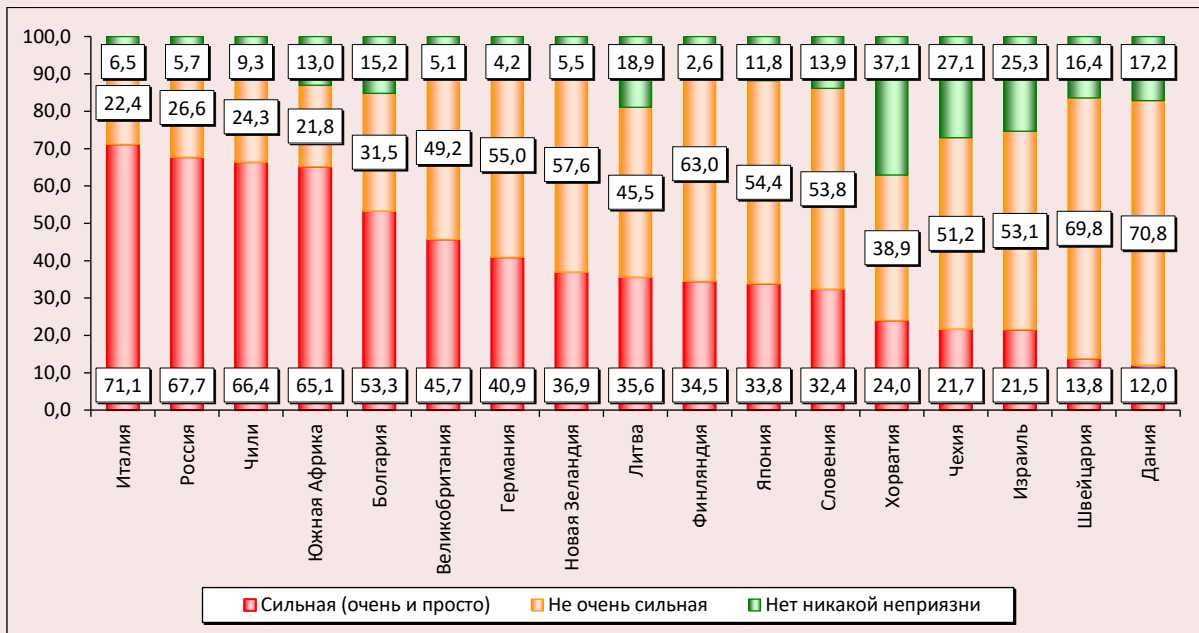
Как тревожный социальный сигнал для России следует рассматривать данные о восприятии конфликта между бедными и богатыми (рис. 4). Почти 70% россиян весьма остро оценивают этот конфликт и считают, что между полярными группами существуют не просто различия в интересах, а достаточно сильная неприязнь. Подобная ситуация характерна также для Италии, Чили и Южной Африки, тогда как в других государствах социальная напряженность между бедными и богатыми выражена не столь значительно.

Одним из инструментов государственной политики по снижению доходного неравенства является система налогообложения. Несмотря на весьма лояльное отношение населения многих стран к различиям в доходах и действиям государства по их сокращению, значительная доля граждан разделяет мнение о том, что бо-

гатые люди должны выплачивать в качестве налогов гораздо большую долю от своих доходов, нежели бедное население (табл. 5). Следует отметить, что данная закономерность проявляется независимо от того, действует ли в стране прогрессивная шкала налогов. В России подавляющее большинство также поддерживает прогрессивную шкалу, причем многие россияне оценивают нынешние налоги для богатых как слишком низкие (почти 70%) и выступают за значительную разницу в уровне выплачиваемых от дохода процентов (61%).

Важным немонетарным проявлением неравенства выступает возможность доступа к качественным социальным услугам, прежде всего к услугам образования и здравоохранения, поскольку они напрямую связаны с человеческим капиталом, формируют основу для социальной мобильности, определяют возможности достижения высокого уровня и качества жизни. Весьма лояльной выглядит позиция граждан Великобритании, Японии, Южной Африки и Новой Зеландии. В то же время население России, как и многих других стран, не демонстрирует высокой толерантности к возможностям

Рис. 4. Оценка степени неприязни между бедными и богатыми в странах мира, % от числа опрошенных

Составлено по: ISSP-2019.

Таблица 5. Мнение населения о системе налогообложения, % от числа опрошенных*

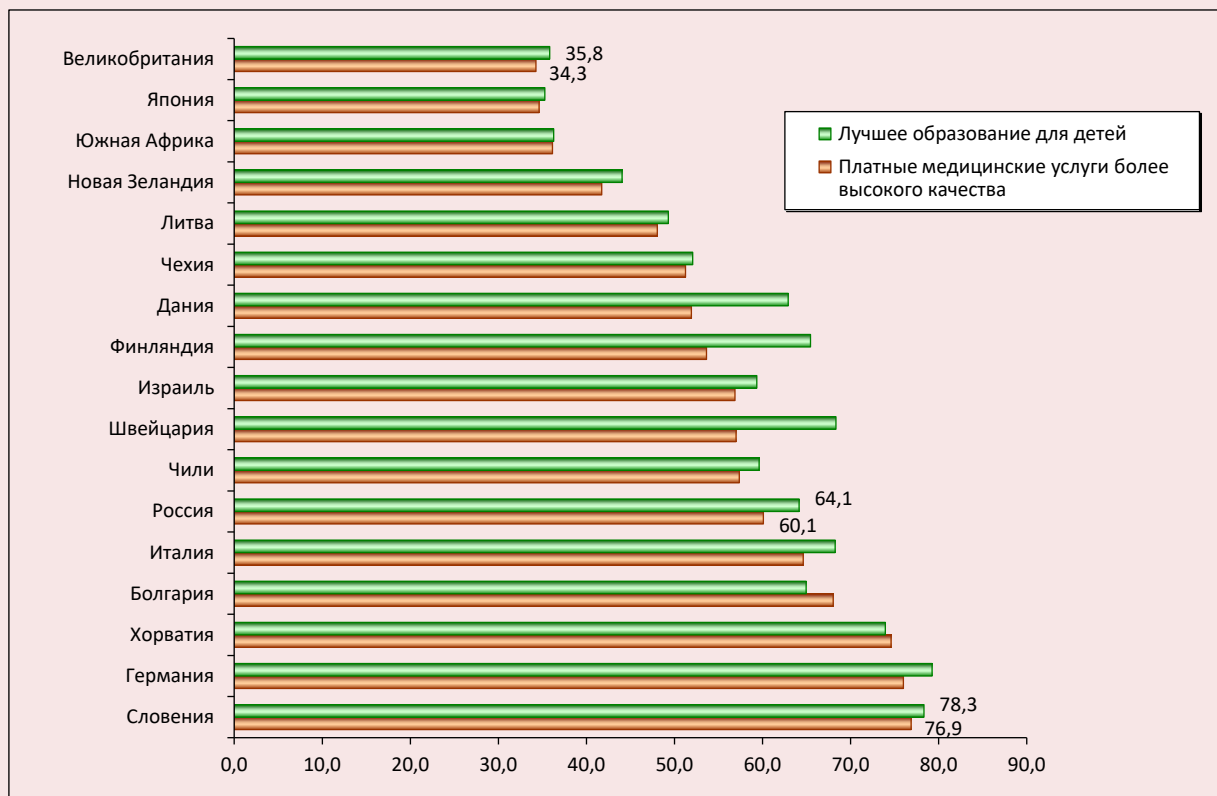
Страна**	Размер процента от дохода, который должны выплачивать люди с высокими доходами в качестве налогов			Оценка нынешних налогов для людей с высокими доходами	
	Большой (значительно и несколько)	Такой же процент, как и люди с низким доходом	Меньший (значительно и несколько)	Низкие налоги	Низкие + слишком низкие
Япония	90,2	8,5	1,3	41,9	57,1
Россия	84,6	12,9	2,5	36,7	69,9
<i>Германия</i>	<i>83,5</i>	<i>15,8</i>	<i>0,7</i>	<i>43,5</i>	<i>53,5</i>
Болгария	83,3	11,6	5,2	41,8	53,9
<i>Италия</i>	<i>82,6</i>	<i>16,1</i>	<i>1,4</i>	<i>13,4</i>	<i>18,2</i>
<i>Швейцария</i>	<i>82,1</i>	<i>16,6</i>	<i>1,2</i>	<i>44,7</i>	<i>57,0</i>
<i>Финляндия</i>	<i>82,1</i>	<i>16,5</i>	<i>1,4</i>	<i>34,9</i>	<i>46,4</i>
Словения	81,7	16,5	1,8	50,4	60,6
<i>Великобритания</i>	<i>77,6</i>	<i>20,8</i>	<i>1,6</i>	<i>32,7</i>	<i>40,0</i>
Хорватия	74,6	23,4	2,1	44,3	61,6
Литва	73,6	21,7	4,7	45,5	63,9
<i>Израиль</i>	<i>71,5</i>	<i>24,5</i>	<i>4,0</i>	<i>28,4</i>	<i>30,4</i>
<i>Новая Зеландия</i>	<i>70,9</i>	<i>27,8</i>	<i>1,4</i>	<i>29,6</i>	<i>36,9</i>
Чили	69,9	24,0	6,1	39,7	53,6
<i>Дания</i>	<i>64,4</i>	<i>33,0</i>	<i>2,7</i>	<i>31,5</i>	<i>35,3</i>
<i>Южная Африка</i>	<i>58,6</i>	<i>34,8</i>	<i>6,6</i>	<i>8,9</i>	<i>11,1</i>
Чехия	55,7	40,1	4,2	35,3	42,6

* Ранжировано по доле считающих, что богатые должны выплачивать больший процент.

** Курсивом выделены страны с прогрессивной шкалой налогообложения физических лиц.

Составлено по: ISSP-2019.

Рис. 5. Оценка справедливости различий в получении социальных благ между бедными и богатыми (варианты «скорее несправедливо» + «совершенно несправедливо») в странах мира, % от числа опрошенных

Составлено по: ISSP-2019.

богатых людей приобретать медицинские и образовательные услуги лучшего качества – более 60% считают такие проявления дифференциации несправедливыми (рис. 5). Такая позиция более характерна для людей старшего возраста (64% по медицинским услугам и 70% по образованию против 58–62% в других возрастных группах), временно безработных (65% по медицинским услугам и 68% по образованию против 58 и 62% среди трудоустроенных) и лиц, проживающих в сельской местности.

Анализ восприятия неравенства в разрезе групп населения дает интересные результаты. Согласно исследованиям ведущих специалистов в сфере социологии, в современном российском обществе сформировалось «... как минимум 10–12 социальных страт, каждая ... со своими ценностями и интересами, доходными и имущественными характеристиками,

образом и стилем жизни, ... со своим жизненным целеполаганием, ... своими принципами морали, своими принципами политических норм ...»¹¹ При этом оценка существующего в России неравенства доходов как излишне глубокого и несправедливого, так же как и оценка остроты конфликта между полярными группами и безуспешности действий государства в преодолении существующих различий в доходах характерна для всех без исключения социально-демографических и социально-экономических групп населения (табл. 6). Мнения россиян различаются только по степени выраженности. Чуть более критичны оценки рабо-

¹¹ Горшков М.К. Несправедливость и бедность ощущаются одинаково остро (интервью газете «Культура» 08.06.2017). URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/162230-mikhail-gorshkov-my-znaem-obshchestvo-v-kotorom-zhivem/> (дата обращения 29.08.2022).

Таблица 6. Восприятие неравенства в группах с различными демографическими и социально-экономическими характеристиками в России, % от числа опрошенных*

Характеристика	Доля согласных с утверждением (полностью согласны + скорее согласны)			
	Различия в доходах в стране слишком велики	Существующее распределение доходов в России несправедливо	Неприязнь между бедными и богатыми велика	Государство (правительство) неуспешно (совершенно + скорее) справляется с задачей сокращения различий в доходах
<i>Пол</i>				
Мужчины	91,5	92,4	68,4	83,8
Женщины	91,7	96,0	67,1	80,8
<i>Возраст</i>				
До 30 лет	89,3	91,0	67,9	73,4
От 30 до 55(60) лет	92,1	94,4	67,3	83,2
Старше 55(60) лет	92,4	96,6	68,2	86,1
<i>Семейный статус</i>				
Женат (замужем)	93,3	95,0	66,2	83,3
Живем порознь	83,3	100,0	66,7	33,3
Разведен (-а)	90,1	95,8	72,2	85,1
Вдовец (вдова)	89,7	98,8	65,5	87,6
Холост (не замужем), никогда не был (-а) в браке	89,8	90,4	69,7	76,4
<i>Наличие детей</i>				
Нет детей	92,6	94,2	69,5	83,6
Есть дети	90,0	94,7	64,6	79,6
<i>Работа</i>				
Есть оплачиваемая работа в настоящее время	92,3	94,3	69,8	82,8
Работал(а) на оплачиваемой работе ранее, но сейчас не работаю	90,6	95,0	65,3	83,5
Никогда не работал на оплачиваемой работе	91,5	89,9	58,0	67,1
<i>Образование</i>				
Общее среднее или ниже	90,4	92,7	62,8	81,4
Среднее специальное, незаконченное высшее	90,5	95,4	67,9	82,4
Высшее	94,9	94,6	71,6	82,6
Второе высшее, научная степень	91,5	91,5	73,9	81,3
<i>Социальный статус (самооценка)</i>				
Самый низший слой	95,1	98,0	81,4	86,4
Рабочие	92,3	95,7	67,4	82,3
Верхняя часть слоя рабочих/ нижняя часть среднего слоя	91,3	94,1	77,8	84,2
Средний слой	90,6	92,8	62,3	80,8
Верхняя часть среднего слоя	89,3	92,9	67,9	74,1
Высший слой	100,0	75,0	100,0	75,0
<i>Территория проживания</i>				
Город и пригород	92,0	94,1	66,5	81,4
Небольшой город, пгт	89,5	94,3	72,8	83,1
Деревня и меньше	93,0	95,2	64,9	82,8
Составлено по: ISSP-2019.				

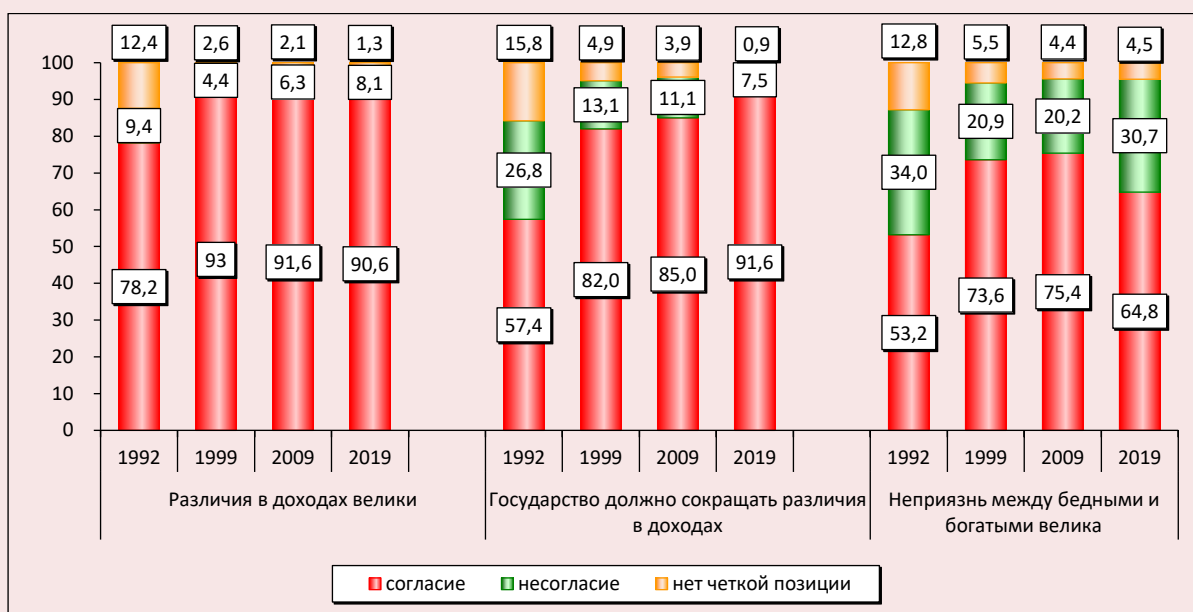
тающего и временно безработного населения в отличие от никогда не работавших граждан. Наиболее благополучные группы (люди с высоким уровнем образования и относящие себя к высшему слою) острее воспринимают разрыв в доходах и социальную напряженность между бедными и богатыми. Примечательно, что, несмотря на доступность в городах более качественных социальных услуг и разнообразной культурной и социальной жизни, оценки проживающих в городской и сельской местностях идентичны.

Более того, сравнение результатов нескольких волн ISSP, проведенное С.В. Мареевой, Е.Д. Слободенюк и В.А. Аникиным (рис. 6), показало, что «восприятие неравенства и интенсивность запроса на перераспределение в России остаются схожими с ситуацией двадцатилетней давности» (Мареева и др., 2022, с. 45). Другими словами, несмотря на разнообразные инициативы и программы по усилению социальных обязательств государства и расширению социальной поддержки отдельных групп населения, на реализацию мероприятий по консолидации российского общества за счет тради-

ционных духовно-нравственных ценностей и ценностей социального государства и даже на изменение социально-экономического контекста в пореформенной России, не произошло радикальной трансформации субъективного восприятия населением проблемы монетарных и немонетарных неравенств.

В таком контексте вполне понятно, что преобладающая часть россиян (67%) не согласна с утверждением о том, что значительная разница в доходах необходима для процветания страны. Эту позицию в большей степени разделяют те респонденты, кто считает существующие различия в доходах высокими (69%) и несправедливыми (69%), нежели те, для кого эти различия невелики (48%) и не столь несправедливы (45%). Еще более критично россияне относятся к утверждению, что неравенство существует из-за своей выгоды для богатых и власть держащих (82% согласных). Причем население, оценивающее распределение доходов как несправедливое, практически однозначно в своем мнении (84% согласных против 50% среди тех, кто считает распределение справедливым).

Рис. 6. Динамика восприятия доходного неравенства в общественном сознании россиян, 1992–2019 гг., %

Источник: (Мареева и др., 2022, с. 45).

Таблица 7. Основания успеха в группах с разной степенью оценки глубины и справедливости неравенства в России, % от числа опрошенных*

Насколько важно для того, чтобы преуспеть в жизни		Различия в доходах между богатыми и бедными велики			Справедливость распределения доходов	
		Согласны (полностью + скорее)	И согласны, и не согласны	Не согласны (полностью + скорее)	Справедливо (очень + скорее)	Несправедливо (очень + скорее)
происходить из богатой семьи	важно (чрезвычайно + очень)	37,8	19,1	31,3	20,2	37,9
	довольно важно	25,2	29,8	15,0	22,6	25,1
	не важно (не очень + совершенно)	37,0	51,1	53,8	57,1	37,1
хорошее образование	важно (чрезвычайно + очень)	67,1	57,4	67,1	63,2	66,6
	довольно важно	21,1	36,2	17,6	20,7	21,8
	не важно (не очень + совершенно)	11,8	6,4	15,3	16,1	11,6
упорный труд	важно (чрезвычайно + очень)	72,1	66,0	72,9	73,3	71,4
	довольно важно	17,7	29,8	20,0	19,8	18,5
	не важно (не очень + совершенно)	10,2	4,3	7,1	7,0	10,1
нужные знакомства	важно (чрезвычайно + очень)	62,3	42,6	61,2	47,1	61,9
	довольно важно	25,9	25,5	12,9	29,9	25,3
	не важно (не очень + совершенно)	11,7	31,9	25,9	23,0	12,8

* Заливкой выделены различия.
Составлено по: ISSP-2019.

Обращение к вопросу об основаниях успешности в жизни показало, что хорошее образование и упорный труд рассматриваются как необходимые составляющие успеха независимо от восприятия глубины и справедливости неравенства (табл. 7). Определенная дифференциация мнений прослеживается по таким параметрам, как происхождение из богатой семьи и необходимые связи — население, более категоричное в восприятии неравенства, считает их весьма важными для того, чтобы преуспеть в жизни.

Таким образом, восприятие неравенства населением России отличается от восприятия жителей других стран более выраженной критической оценкой глубины, несправедливости, социального конфликта и действий государства по сокращению различий. При этом не наблюдается существенных различий в восприятии неравенства в разных социально-демографических и социально-экономических группах населения, ни одна из групп не выделяется большей толерантностью или критичностью.

Обсуждение

Неравенство в монетарных и немонетарных измерениях представляет собой серьезный вызов для государства, поскольку население рассматривает фактические масштабы и глубину дифференциации как результат работы правительства. В связи с этим в ситуации, когда государство не может обеспечить относительно равномерное распределение ресурсов, справедливый доступ к жизненно важным услугам и последовательную реализацию провозглашаемых задач в области уровня и качества жизни населения, закономерно снижается доверие к государственным институтам, возрастает вероятность обострения протестной активности в обществе. В России первая часть данного уравнения уже складывается, в частности отмечается «пробуксовывание реализации публично заявленных целей национального развития» (Ильин, Морев, 2022, с. 11), «многолетняя нерешенность вопросов ... более справедливого распределения национального благосостояния» (Ильин, Морев, 2020, с. 16, 29).

Это приводит к «усталости людей от очередных позитивных целей социально-экономического развития, которые уже не в первый раз не выполняются» (Ильин, Морев, 2020, с. 10) и «создает риски для легитимности действующей власти всех уровней (включая Президента РФ) в оценках общественного мнения» (Ильин, Морев, 2022, с. 11). Согласно результатам общероссийских социологических исследований, формируется «медленная, но достаточно устойчивая динамика роста числа россиян, негативно отзывающихся о деятельности президента» – по опросам ВЦИОМ «по сравнению с III президентским сроком (2012–2017 гг.) уровень одобрения В. Путина в целом по стране к 2019–2020 гг. снизился с 77 до 60–64%» (Ильин, Морев, 2020, с. 27–28).

При стечении определенных обстоятельств связанные с неравенством социальные риски, заключающиеся в том, что неравенство «... создает климат конфронтационности, ... усугубляет поляризацию общества, порождает апатию и пассивность определенных слоев населения, а носителей радикальных умонастроений подталкивает к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму» (Горшков, 2014, с. 29), могут перейти из категории потенциальных в реальные. Поэтому, учитывая, что влияние неравенства на межличностное и институциональное доверие оказывается слабее при наличии сильной политики благосостояния и перераспределения (Kumlin, Haugsgjerd, 2017), необходимо обеспечить эффективную и сильную государственную политику в области смягчения социально-экономических и политических последствий неравенства и повышения уровня и качества жизни населения в контексте построения в России социального государства.

Заключение

Проблема неравенства всегда являлась злободневной для российского общества с точки зрения не только объективной глубины различий, но и ее восприятия населением. Перестройка социально-экономического и общественно-политического устройства России за последние три десятилетия лишь отчасти способствовала сокращению масштабов монетарных и немонетарных неравенств и некоторым образом трансформировала их содержание (снизилась бедность, увеличились доходы и средний класс, изменились модели потребления).

Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов, сопоставимых с представленными в ранее опубликованных отечественных и зарубежных работах результатами. В свою очередь оно вносит вклад в понимание межстрановых и межгрупповых особенностей восприятия населением монетарного неравенства и его немонетарных проявлений, что составляет его научную новизну.

Выполненная оценка текущей ситуации по монетарному неравенству населения России за 2010–2021 гг. свидетельствует о сохранении его чрезмерного уровня. В частности, величина коэффициента Джини стабильно превышает отметку в 0,400 и ожидаемо выше в регионах с торгово-транспортной и экспортно-ресурсной специализацией (Тюменская, Сахалинская, Свердловская области, Чукотский автономный округ, Краснодарский край), в крупнейших агломерациях (г. Москва, г. Санкт-Петербург). Децильный коэффициент фондов колеблется около отметки в 15 раз, однако более чем в половине субъектов не превышает отметку в 12 раз. Среднедушевые доходы населения во многих регионах демонстрируют позитивную динамику, сокращается разрыв между полярными регионами (с 3,6 до 2,9 раза), при этом в большинстве субъектов величина показателя остается ниже среднероссийского уровня, особенно в дотационных территориях Северо-Кавказского, Южного и Сибирского федеральных округов. Рассчитанные показатели межрегиональной дифференциации (коэффициенты вариации и осцилляции) свидетельствуют о высокой гомогенности регионов России по проанализированным показателям монетарного неравенства.

По результатам анализа субъективного восприятия определено, что большинство россиян считает неравенство доходов излишне высоким и несправедливым, достаточно остро оценивает конфликт (степень неприязни) между богатыми и бедными. Население России не проявляет толерантности к немонетарным измерениям неравенства, считая несправедливой возможность богатых людей приобретать медицинские и образовательные услуги более высокого качества. По этим аспектам на фоне других стран Россия занимает лидирующие позиции. Основную ответственность за сокращение различий в доходах

россияне возлагают на государство, однако оценивают его деятельность в этом направлении как безуспешную. По сравнению с гражданами других стран оценки россиян наиболее категоричны. Субъективные представления о масштабах и справедливости неравенства, роли государства в его сокращении разделяются всем населением и практически идентичны для групп с разными социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками.

Статья вносит вклад в развитие прикладной науки, в ней наглядно демонстрируются возможности многолетних социологических исследований (мониторингов) по ключевым общественным проблемам жизни населения, позволяющих выявлять отличительные черты конкретного периода функционирования государства и свойственные для этого периода

жизненные практики, настроения и субъективные восприятия населения.

Выявленные тренды межстранового и межгруппового восприятия проблемы неравенства позволят органам власти, социальным учреждениям и некоммерческому сектору корректировать свою деятельность в сфере сокращения дифференциации и повышения уровня и качества жизни населения.

Планируется, что дальнейшие исследования будут сосредоточены на изучении степени влияния различных факторов на формирование межрегиональной дифференциации неравенства населения страны, на разработке классификации российских регионов по уровню монетарного и немонетарного неравенств для выделения гомогенных групп регионов и обоснования направлений и инструментов по сглаживанию неравенства в этих группах.

Литература

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2016). Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. № 1. С. 78–144.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2014). Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. (2020). Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 46. № 2. С. 30–56. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-2
- Горшков М.К. (2014). Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. № 7 (363). С. 20–31.
- Горшков М.К. (2016). Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 16. № 4. С. 693–718.
- Горшков М.К. (2020). Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 3. С. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068
- Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2021). Тенденции общественного мнения об эффективности государственного управления. Президентские циклы 2000–2021 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Капелюшников Р.И. (2017). Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.
- Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17. DOI: 10.31857/S013216250008378-8
- Мареева С.В. (2015). Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Т. 7. № 2. С. 109–119. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119
- Мареева С.В. (2018). Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. Т. 9. № 3. С. 101–120. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527

- Мареева С.В. (2021). Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол? // Социологические исследования. № 1. С. 38–50. DOI: 10.31857/5013216250012166-5
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. (2022). Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 39–60. DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982
- Овчарова Л.Н., Бурдяк А.Я., Пишняк А.И. [и др.] (2014). Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / под рук. Л.Н. Овчаровой. М.: Фонд «Либеральная миссия». 108 с.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 31. № 3. С. 170–185.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем. 177 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая (2017) / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. 424 с.
- Россошанский А.И. (2019). Социально-экономическое неравенство населения в контексте развития социального государства современной России // Вестник НГИЭИ. № 7 (98). С. 108–117.
- Россошанский А.И., Белехова Г.В. (2020). Монетарное неравенство и инфляция: официальная статистика и оценки россиян // Наука Красноярья. Т. 9. № 4. С. 31–60. DOI: 10.12731/2070-7568-2020-4-31-60
- Салмина А.А. (2007). Запрос россиян на сокращение неравенства и факторы его формирования в сравнении с другими европейскими странами // Власть. № 2. С. 27–37.
- Салмина А.А. (2021). Высокое ли экономическое неравенство в России? Вопросы измерения, показатели и их оценки // Мир России. Т. 30. № 3. С. 78–99. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-78-99
- Стиглиц Д. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 511 с.
- Черныш М.Ф. (2021). Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. Т. 30. № 3. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28
- Alvaredo F., Chancel L., Piketty T. et al. (2017). Global inequality dynamics: New findings from WID.world". *American Economic Review*, 107(5), 404–409. DOI: 10.1257/aer.p20171095
- Barone G., Mocetti S. (2016). Inequality and trust: New evidence from panel data. *Economic Inquiry*, 54(2), 794–809. DOI: 10.1111/ecin.12309
- Clark A.E., d'Ambrosio C. (2015). Attitudes to income inequality: Experimental and survey evidence. *Handbook of Income Distribution*, 2, 1147–1208. DOI: 10.1016/B978-0-444-59428-0.00014-X
- Díaz F.A. (2017). Inequality, social protests and civil war. *Oasis*, 26, 25–39. DOI:10.18601/16577558.n26.03
- Gastwirth J. (2017). Is the Gini index of inequality overly sensitive to changes in the middle of the income distribution? *Statistics and Public Policy*, 4(1), 1–11. DOI: 10.1080/2330443X.2017.1360813
- Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 30(1), 27–54. DOI: 10.1111/eepo.12103
- Goubin S., Hooghe M. (2020). The effect of inequality on the relation between socioeconomic stratification and political trust in Europe. *Social Justice Research*, 33, 219–247. DOI:10.1007/s11211-020-00350-z
- Gould E.D., Hijzen A. (2016). Growing apart, losing trust? The impact of inequality on social capital. *IMF Working Papers*, 16/176. DOI: 10.5089/9781475529487.001
- Graafland J., Lous B. (2019). Income inequality, life satisfaction inequality and trust: A cross country panel analysis. *Journal of Happiness Studies*, 20, 1717–1737. DOI: 10.1007/s10902-018-0021-0
- Hu A. (2017). On the relationship between subjective inequality and generalized trust. *Research in Social Stratification and Mobility*, 49, 11–19. DOI: 10.1016/j.rssm.2017.03.003
- Knell M., Stix H. (2020). Perceptions of inequality. *European Journal of Political Economy*, 65. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101927
- Kriekhaus J., Son B., Bellinger N., Wells J. (2014). Economic inequality and democratic support. *The Journal of Politics*, 76(1), 139–151. DOI: 10.1017/s0022381613001229
- Kuhn A. (2015). The individual perception of wage inequality: A measurement framework and some empirical evidence. *IZA Discussion Paper No. 9579*.
- Kumlin S., Haugsgjerd A. (2017). The welfare state and political trust: bringing performance back. In: Zmerli S., van der Meer T.W.G. (Eds.). *Handbook on Political Trust*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

- Nolan B., Valenzuela L. (2019). Inequality and its discontents. *Oxford Review of Economic Policy*, 35(3), 396–430. DOI: 10.1093/oxrep/grz016
- Novokmet P., Piketty T., Zucman G. (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. *NBER Working Paper No. 23712*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w23712
- Piketty T., Saez E. (2014). Inequality in the long run. *Science*, 344(6186), 838–843. DOI: 10.1126/наука.1251936
- Schoene M., Allaway I. (2019). Income inequality and European protest activity. *Michigan Sociological Review*, 33, 76–97.

Сведения об авторе

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

The Scale of Inequality and the Specifics of Its Perception in Modern Russia

Abstract. Inequality is a key socio-economic development challenge for the world as a whole and for individual countries. In Russia, the problem of inequality is particularly acute, since the scale and depth of differences in the population's income greatly exceed the "conditional levels" of normal inequality. In this regard, it is important to prevent the development of negative socio-political processes and the deterioration of public sentiments. The article's purpose is to determine the peculiarities of the Russian population's perception of the existing inequality and its manifestations in the country. Using the data from Rosstat and the Organization for Economic Cooperation and Development, we prove that inequality in Russia is large in scale and persists throughout the post-reform period of the country's development without a clear focus on reducing the depth of polarization of the extreme income groups. We use the data of a cross-country representative study under the program ISSP, conducted in 2019, to examine the perception of inequality by the population of Russia and some foreign countries, specifically the subjective assessment of the depth of inequality, its fairness, the role of the state in reducing income disparities, the features of the redistribution system (role of taxes), accessibility of health and education services, the degree of conflict (dislike) between the poor and the rich. We show that the perception of inequality by Russians differs from the perception of other countries' residents with a more expressed critical assessment of the depth, injustice, social conflict and ineffectiveness of government actions to reduce income disparities. We find that the population does not show tolerance to non-monetary dimensions of inequality, considering unfair the opportunity of rich people to purchase high quality medical and educational services. We reveal that there are no significant differences in the perception of inequality in different socio-demographic and socio-economic groups of the population. Attention is drawn to the fact that the subjective perception of inequality lies to a greater extent in the field of ideas about a fair social order than it is unambiguously determined by the level of income.

Key words: inequality, income inequality, subjective evaluation, social justice, public demand for redistribution, Gini coefficient.

Information about the Author

Galina V. Belekhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Статья поступила 09.09.2022.

DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10

УДК 316.34/35, ББК 60.54

© Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.

Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения

**Валентин Павлович
БАБИНЦЕВ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-0112-6145; ResearcherID: ABD-1868-2020

**Галина Николаевна
ГАЙДУКОВА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

e-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-9174; ResearcherID: N-5679-2016

**Жанна Александровна
ШАПОВАЛ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

e-mail: shapoval@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-8069-9274; ResearcherID: ABC-8698-2020

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. (2023). Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 186–207. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10

For citation: Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. (2023). Consolidation of a regional community in a glocal social reality: Socio-cultural barriers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 186–207. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10

Аннотация. Статья посвящена проблеме социокультурных ограничений консолидации регионального сообщества в условиях нарастания тенденций глокализации и повышения роли регионов в общественном развитии. По мнению авторов, консолидация в нестабильной социальной реальности может осуществляться лишь как регулируемый нелинейный процесс, ориентированный на установление прочных межличностных и межгрупповых коммуникаций, взаимного доверия и лояльности. Целью исследования является анализ социокультурных ограничителей консолидации регионального сообщества, связанных со спецификой ценностно-нормативных комплексов и установок составляющих его акторов. Осуществлена диагностика диспозиций населения в отношении проблемы реновации социокультурных констант на основе социологического исследования, проведенного авторами статьи в Белгородской области в 2021 году, включавшего массовый анкетный опрос населения ($n = 500$), экспертное интервью ($n = 30$), 3 фокус-группы. Отмечается, что социальная консолидация может базироваться на различных основаниях, однако наиболее прочным среди них является социокультурный консенсус, выраженный в интеграции на основе общих ценностей, социальных норм, образцов поведения и установок — социокультурных констант, представляющих своего рода ориентиры консолидационного процесса. Проанализирована специфика компонентов ценностно-нормативного консенсуса и сформулирован вывод о том, что его потенциал в качестве аттрактора процесса консолидации может быть реализован преимущественно на микросоциальном уровне (прежде всего семьи и семейно-родственного окружения), что существенно ограничивает возможности интеграции регионального сообщества. Результаты социологической диагностики, наряду с непрочностью ценностно-нормативного консенсуса, к числу ограничителей социальной консолидации регионального сообщества позволили отнести также несформированность региональной идентичности и недостаточную нацеленность органов власти, институтов гражданского общества на создание благоприятных организационно-технологических условий для социальной конъюнкции. Подчеркивается, что реализация любой консолидационной стратегии на региональном уровне с необходимостью должна учитывать эти ограничения и предусматривать меры, направленные на их минимизацию.

Ключевые слова: социальная консолидация, региональное сообщество, регион, глокализация, социальная солидарность, социокультурные константы.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150 (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>).

Введение

Проблема консолидации сообществ различного уровня самоорганизации заметно актуализировалась в последние годы. О ее значимости применительно к стране в целом не раз говорил Президент РФ (согласно исследованиям О.В. Захаровой, она постоянно присутствует в его конъюнктивном дискурсе в 2000–2015 годах) (Захарова, 2016). Анализу противоречий процессов консолидации/деконсолидации населения России посвящено довольно большое число научных работ. Значительно реже проблематика консолидации исследуется применительно к регионам, в качестве которых выступают субъекты Российской Федерации. Еще реже

она рефлексировалась представителями региональных элит. О необходимости консолидации как направления реальной политики пытались заявлять некоторые региональные руководители. Так, глава Республики Саха (Якутия) объявил 2019 год годом Консолидации для объединения общества при достижении задач развития региона. Но наиболее последовательно данная идея нашла воплощение в Белгородской области, где постановлением Правительства была утверждена стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы». Однако реализация стратегии была завершена Постановлением Правительства

Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области „Об утверждении стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы» от 24 ноября 2011 года № 435-пп», основанием для чего было заявлено исполнение ее мероприятий всеми участниками в установленные сроки.

Привлекательность идеи консолидации для региональных элит и значительной части населения (проведенное 2022 году лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета в области исследование (n = 6800) показало: однозначно утвердительно о необходимости консолидации заявили 22,6% респондентов; еще 35,8% выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет»)¹ заключается в том, что она приносит существенный элемент стабильности в развитие субъектов РФ, крайне необходимый в обществе, которое И. Пригожин и И. Стенгерс определили как ситуацию «неравновесного турбулентного хаоса» (Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 225). В свою очередь социальная стабильность, позитивно воздействуя на общественное сознание, не только формирует благоприятную среду для развития экономики и социальной сферы, но является необходимым условием регионального воспроизводства, в том числе и в чисто «физической» форме – роста численности населения. Российский исследователь И.А. Гундаров более двадцати лет назад сформулировал зависимость воспроизводства населения от уровня социальной стабильности как закон «духовно-демографической детерминации» (Гундаров, 2001, с. 66).

Однако проблема региональной консолидации имеет не только внутреннее, но и внешнее глокальное (глобальное и одновременно локальное) измерение. Оно связано с противоречивостью процесса глобализации, которая, унифицируя и интегрируя социальную реальность, автоматически не «обнуляет» возможностей локальных (прежде всего региональных)

сообществ. Многие из них имеют возможность сохранить свою уникальность и остаться значимыми «игроками» в рамках глобальной системы.

С одной стороны, это выражается в повышении уровня их активности, заключающейся в стремлении развивать межрегиональные и трансрегиональные связи, проявляя собственную субъектность. Проблема субъектности чаще всего анализируется применительно к личности или социальной группе. В частности, довольно широко известна концепция субъектности молодежи (Ковалева, Луков, 1999, с. 147). Субъектность при этом понимается исследователями как способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности (Ковалева, Луков, с. 146). В рассматриваемом контексте субъектность региона может интерпретироваться как его способность самостоятельно определять стратегию и тактику развития, конструировать и осуществлять модели своего будущего.

Безусловно, попытки делать это будут иметь внешние ограничения, обусловленные административно-политической зависимостью регионов от федерального центра, которая в нестабильной среде только усиливается. Но одновременно стремление федеральных властей переложить значительную долю ответственности за решение задач социально-экономического развития на субъекты РФ будет способствовать расширению степеней свободы последних. И региональные элиты в своем стремлении расширить степени свободы станут тем чаще и увереннее апеллировать к репрезентируемому ими сообществу, чем более интегрированным оно является. С другой стороны, глокальность означает повышение уровня уязвимости субъектов РФ многочисленным опасностям и угрозам, что в полной мере продемонстрировали пандемия коронавируса, санкционное давление и специальная военная операция. Консолидация в этих экстремальных ситуациях все чаще определяется как условие обеспечения безопасности, превращающейся в один из ведущих интересов жителей регионов.

Феномен глокальности имеет отчетливо выраженный культурный аспект, поскольку именно специфическая культура формирует неповторимый образ любого региона и в значи-

¹ Социологическое исследование «Комплексный мониторинг консолидации общества в регионе» проведено в Белгородской области в сентябре – октябре 2022 года сотрудниками лаборатории развития гражданского общества НИУ «БелГУ» методом массового анкетного опроса населения старше 18 лет (N = 6800).

тельной мере определяет его потенциал. Не случайно один из исследователей процесса глокализации Х. Хондкер писал: «Глокализация имеет смысл в том случае, когда состоит по меньшей мере из одного компонента, который обращается к местной культуре» (Khondker, 2004, p. 12). И именно в сфере культуры, в основе которой лежат ценности и нормы, формируется конструктивный потенциал консолидационного процесса в регионах. По меньшей мере, так воспринимают ситуацию многие жители, объясняя невозможность его осуществления отсутствием объединяющих ценностей. В ходе упомянутого выше исследования на эту причину указали 37,1% респондентов, еще 32,8% сослались на наличие сильных различий между поколениями. Но если в социокультурной сфере формируется значительная часть оснований для консолидационного процесса, то в ней же проявляется значительная часть его ограничителей. В сущности, каждый ограничитель может рассматриваться в качестве превращенной формы того или иного консолидирующего фактора.

Целью исследования является анализ этих ограничителей, связанных со спецификой ценностно-нормативных комплексов и установок акторов консолидационного процесса в российских регионах.

Обзор литературы

В современном отечественном общественном знании исследуются преимущественно отдельные аспекты (политические, социально-экономические, этнокультурные) социальной консолидации и солидарности как ее базового условия, а также их динамические, процессные характеристики. К числу наиболее современных исследований проблем консолидации российского общества можно отнести работы таких авторов, как Ю.А. Александрова (Александрова, 2017), С.С. Аносов (Аносов, 2021), М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (Горшков, Тихонова, 2013), М.В. Ильичева, А.В. Иванов (Ильичева, Иванов, 2022), О.А. Кармадонов, Г.Д. Ковригина (Кармадонов, Ковригина, 2017), А.С. Капто (Капто, 2015), И.В. Попова (Попова, 2018) и др.

Проблематика консолидации на региональном уровне, в отдельных субъектах Российской Федерации также представлена в ряде работ отечественных авторов. Так, например,

О.Б. Молодов в своих публикациях анализирует консолидационные процессы на примере Вологодской области (Молодов, 2016); В.А. Чигрин и В.В. Узунов рассматривают особенности консолидационного потенциала регионов Юга России, в том числе Республики Крым (Чигрин, Узунов, 2022); А.Ю. Шадже и Е.С. Куква исследуют проблемы социальной интеграции, социального капитала, доверия и сплоченности регионального сообщества на примере Республики Адыгея и Краснодарского края (Шадже, Куква, 2020).

В контексте темы статьи следует подчеркнуть, что в отечественных публикациях последних лет много внимания уделяется, в частности, вопросам общенациональной, региональной и местной идентичности как фактора социальной консолидации (Демичев, 2019; Гуденкова, Савицкая, 2021; Дьякова, 2021).

Значимость ценностных аспектов социальной консолидации исследуется в работах А.Б. Гофмана (Гофман, 2013), А.С. Капто (Капто, 2015), И.М. Кузнецова (Кузнецов, 2021), Л.В. Рожковой и Н.Д. Васильевой (Рожкова, Васильева), П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе (Селезнев, Сургуладзе, 2021), А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина, Е.Н. Соколовой (Харичев и др., 2022). Так, по мнению Л.В. Рожковой и Н.Д. Васильевой, социальная консолидация «обеспечивается единством интересов и потребностей, целей и ценностей, является процессом социокультурно и ценностно обусловленным» (Рожкова, Васильева, 2014, с. 128). Важным условием формирования универсальной общегражданской солидарности, по мнению А.Б. Гофмана, выступает наличие набора общепринятых и разделяемых индивидами ценностей, воплощенных «в общих национальных традициях, обычаях, нравах, исторических событиях и людях, сохраняющихся в коллективной памяти, в общих праздниках, ритуалах, целях, идеалах» (Гофман, 2013, с. 160). П.С. Селезнев и В.Ш. Сургуладзе отмечают, что необходим поиск консенсуса между процессом глобализации на основе информационных технологий и задачей сохранения социально ориентированного национального государства «таким образом, чтобы их использование не подрывало социокультурную сферу суверенных государств, способствовало консолидации и устойчивости социума на базе разделяе-

мых большинством ценностей и коллективной идентичности» (Селезнев, Сургуладзе, 2021).

В свою очередь различные аспекты глокализации, как характеристики современной социальной реальности и одного из следствий глобализационных процессов исследуются в довольно большом количестве публикаций отечественных (Артамонова, Володенков, 2021; Дегтярев, 2020; Савчук, Очеретяный, 2021; Schelkunov et. al., 2021) и зарубежных (Díaz-Pérez et. al., 2021; Lee et. al., 2021; Ritzer, 2003; Rosen, 2021; Roudometof, 2021; Tsai, 2021) ученых. Считается, что этот гибридный термин, образованный от слов «глобализация» и «локализация», был введен в социологический дискурс Р. Робертсоном, по мнению которого он предполагает одновременное присутствие, сочетание взаимосвязанных, взаимодополняющих и порой конфликтующих универсалистских и партикуляристских тенденций общественного развития (Robertson, 1992).

Несмотря на множество существующих сегодня трактовок данного понятия, большинство исследователей отмечают, что глокальность предполагает стирание прежних пространственных границ социумов, укрепление внешних связей, главным образом за счет современных информационно-коммуникационных технологий, и увеличение степени влияния глобальных проблем на повседневную жизнь местных сообществ (см., например: Игнатъев, 2020; Труфанова, Хан, 2022).

Исследователи глокальных процессов делают акцент на их социокультурной составляющей, отмечая противоречивые последствия глобализации в форме культурно-этнической дифференциации, нарастания этноцентризма, стремлении отдельных социумов, стран, регионов, народов к обособлению, сохранению самобытности, традиций, своей культурно-исторической идентичности. Так, еще Р. Робертсон писал, что «глокализация есть вызов культур современной унифицирующей глобализации» (Robertson, 1992). С. Хантингтон также подчеркивал тенденцию актуализации именно культурно-национальных проблем мировой интеграции (Хантингтон, 2007), которые «часто становятся камнем преткновения на пути глобализации и превращают её в глокализацию» (Понизовкина, 2021). Социокультурные аспекты глокализации рассматриваются и в целом

ряде отечественных публикаций последних лет (Колесников, 2016; Овсянникова, 2018; Думнова, 2022; Труфанова, Хан, 2022).

Вместе с тем пока не предпринималось попыток проанализировать ограничители консолидационного процесса в российских регионах, связанные со спецификой ценностно-нормативных комплексов и установок его акторов, в условиях глокальной социальной реальности.

Методы исследования

Выводы статьи опираются на результаты эмпирического социологического исследования «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ», проведенного авторами в марте – июне 2021 года в Белгородской области. Цель исследования заключалась в выявлении уровня готовности и способности различных групп регионального сообщества к участию в процессе реновации социокультурных констант и их последующей интериоризации.

Исследование включало:

– Массовый анкетный опрос населения Белгородской области в возрасте 18 лет и старше, проведенный в марте 2021 года; выборочная совокупность составила 500 респондентов; выборка районированная, квотная, многоступенчатая. В ней каждое последующая единица отбора является гнездом единиц более низкого уровня. Доля респондентов по каждой единице отбора соответствует доле данной группы в генеральной совокупности (население Белгородской области). В качестве квотных признаков выступали место жительства (областной центр / село, деревня, хутор / город областного подчинения); пол, возраст (группы 18–24 лет, 25–39 лет, 40–59 лет, 60 лет и старше). Статистическая погрешность планировалась не более +/-2%. Анкета включала 18 закрытых и полузакрытых вопросов.

– Экспертный опрос, проведенный в апреле 2021 года в заочной форме с помощью электронной почты и Google-форм на основе анкеты, включающей 21 вопрос в открытой, полузакрытой, закрытой форме. Выборочная совокупность составила 30 экспертов. Критериями отбора экспертов стали стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии; наличие научных публикаций по проблемам социокультурного развития.

– Фокус-групповое интервьюирование 3 групп респондентов, проведенное в мае – июне 2021 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете по заранее разработанному сценарию, включающему 11 основных и 18 уточняющих вопросов. В число участников фокус-групп вошли: 1) молодежь; 2) работники бюджетных учреждений, относящихся к социокультурной сфере; 3) работники масс-медиа. Общее количество участников – 32 человека, 18 женщин и 14 мужчин, возрастной диапазон – 18–68 лет.

Подчеркнем, что исследование проводилось в довольно специфическом регионе РФ, пограничном с Украиной. Уже в силу данного обстоятельства его результаты нельзя безоговорочно экстраполировать на другие субъекты. Кроме того, оно осуществлялось до начала специальной военной операции, существенно повлиявшей на консолидационные настроения в обществе. В новых условиях не только наиболее значимым фактором консолидации стал фактор безопасности, но усилился интерес к объединяющим жителей ценностям и общим интересам.

Результаты и обсуждение

В соответствии с теоретической моделью исследования консолидация рассматривалась как форма проявления социальной конъюнкции, теория которой была разработана российским исследователем О.А. Кармадоновым. Согласно его концепции, именно диалектическое взаимодействие социальной конъюнкции и дизъюнкции наиболее адекватно характеризует развитие современного общества. И если первая представляет собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» (Кармадонов, 2015, с. 11), то вторая – процесс «расстройства, несогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» (Кармадонов, 2015, с. 11). Автор особенно подчеркивает, что социальная консолидация – это взаимодействия, в ходе которых осуществляется социализация индивида и интeриоризация основных социальных норм, ценностей и практик (Кармадонов, 2017, с. 12).

Таким образом, консолидация рассматривается нами как системный процесс (в интерпретации О.А. Кармадонова – поток), главным аттрактором в котором выступают просоциальные ценности. Отметим, что, рассматривая проблему региональной консолидации, мы «по умолчанию» наделяем данное понятие просоциальной (социетальной) коннотацией, учитывая при этом, что консолидационный процесс может быть и деструктивным по своей направленности. Консолидироваться могут, в частности, криминальные и террористические группировки. В «бассейн» аттрактора входят сочетающиеся с ними социальные нормы и образцы поведения. В своей целостности они составляют ядро любой из субкультур, представляющих собой «ценностные локальные миры», противостоящие базовой – «большой», «взрослой», «материнской» – культуре («социалистической», «либеральной», «христианской» и т. п.); индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; субсистему стилей и стилового поведения; групповые формы культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства (в том числе и масскультового)»².

Культура в целом и региональная субкультура в данном случае выступают регуляторами конъюнктивного (консолидационного) процесса. При этом роль социокультурных регуляторов весьма велика, что, в частности, подчеркивают Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и А.С. Лобутов, разрабатывая концепцию саморегуляции молодежи: «Социокультурными регуляторами жизненных позиций выступают элементы социокультурного механизма, к которым в разрабатываемой авторами концепции отнесены: традиционная культура, определяющая историческую обусловленность процесса саморегуляции, и молодёжная субкультура, характеризующая её социально-групповые особенности; архетипы коллективного бессознательного, лежащие в основе смыслообразования; ментальные и современные черты национального характера, закреплённые в социальных практиках

² Римская О.Н. (2011). Феноменология субкультурных религий: дис. ... канд. филос. наук. Тула. 172 с. С. 45.

посредством габитусов; установки, стереотипы и ценности, образующие структуру диспозиций, регулирующих социальное поведение» (Зубок и др., 2021, с. 86). Мы полагаем, что аналогичный механизм определяет саморегуляцию любого сообщества.

Следовательно, консолидацию вполне можно рассматривать как регулируемый и одновременно саморегулируемый процесс субкультурных модификаций, потенциальным субъектом и одновременно объектом которого выступает региональное сообщество. Суть этих модификаций заключается в последовательном формировании у составляющих его групп установки на взаимопонимание и диалог, готовности совместно решать проблемы, затрагивающие общие интересы, несмотря на наличие между ними социальных различий. Консолидация в данном случае понимается в довольно ограниченном смысле как сведение к минимуму конфронтации и взаимного отчуждения и выстраивание основанных на взаимной лояльности межличностных и межгрупповых отношений. Предложенная трактовка восходит к коммуникативной теории солидарности Ю. Хабермаса (Хабермас, 2000) и предполагает ограниченное понимание консолидации, связанное с отказом от ее холистской интерпретации в духе процесса, направленного на установление отношений «всеобщей гармонии», что вряд ли осуществимо в высокодифференцированном социуме. Солидарность как цель консолидации в данном контексте рассматривается в качестве системы отношений, основанных на принципе взаимной лояльности, которая, согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом „обоснованный” призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» (Парсонс, 1998, с. 26).

Однако, чтобы большинство жителей региона изменили свое отношение к контрагентам с преимущественно отчужденного (отстраненного) или даже враждебного на «коммунитарно-лояльное», в сознании населения должно реально сложиться, «объективироваться» представление о принадлежности к единому сообществу (показательно, что Т. Парсонс связывал лояльность с общественным интересом).

Данное представление обычно воспроизводится в виде региональной (коллективной) идентичности, которая и служит наиболее надежным основанием консолидации. На зависимость перспектив консолидации от фактора идентичности указывают, в частности, авторы статьи «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)» (Харичев и др., 2022). Безусловно, любой вид коллективной идентичности, как показал еще Э. Эриксон (Эриксон, 1996), формируется под влиянием многих факторов, но решающую роль в их структуре играют «общие для членов группы знания, нормы, ценности, символические стратегии» (Харичев и др., 2022, с. 110). С их помощью идентичность поддерживается, и через нее, и посредством ее они способны определять консолидирующие практики.

Естественно, что деформация социокультурных факторов-регуляторов искажает процесс коллективной (в нашем случае) региональной идентификации, что в значительной степени подтвердили результаты наших исследований.

Прежде всего, они показали, что в настоящее время региональная идентичность все более превращается в симулякр, несмотря на попытки властей и некоторых гражданских институтов осуществлять меры, направленные на ее формирование. В ходе упомянутого выше массового анкетного опроса населения Белгородской области, проведенного нами в марте 2021 года (N = 500), только 3,2% респондентов указали, что считают себя представителями региона; 50,2% ощущают себя прежде всего россиянами, 20,6% – жителями своего города или района, 10,6% – представителями своего народа (рис. 1).

Более того, у участников фокус-групп ответ на вопрос о наличии регионального сообщества вызвал затруднения, что, впрочем, было довольно ожидаемым в силу его сложности даже для исследователей. Феномен территориального сообщества, как известно, весьма неоднозначно трактуется в литературе. Так, часть исследователей считает необходимым признаком его существования наличие общих ценностей. По мнению И.А. Халий, сообщество – это «группа людей, объединенных общими ин-

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кем Вы себя ощущаете прежде всего?»*, % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, полузакрытый вопрос.

* Варианты ответа «низшие слои населения», «человеком», «нормальным человеком» предложены самими респондентами (полузакрытый вопрос).

тересами, ценностями и целями, действующая на протяжении длительного периода времени и добивающаяся определенных результатов»³. Другие авторы указывают и иные основания. Н.Л. Мосиенко, в частности, определяет территориальное сообщество как социально-территориальную общность, которая характеризуется высокой степенью «территориальной самоидентификации жителей, интенсивными внутренними взаимодействиями, осознанностью общих территориальных интересов, наличием элементов самоорганизации и самоуправления» (Мосиенко, 2010).

Для многих белгородцев сама постановка вопроса о наличии регионального сообщества оказалась довольно неожиданной, тем не менее они в абсолютном большинстве подтвердили факт его существования, выделяя два главных основания для этого. Во-первых, общность тер-

ритории проживания. Типичным можно считать следующее высказывание: «Региональное сообщество — это сообщество людей, которых объединяют территориальные условия проживания, которые между собой взаимодействуют в рамках решения различных задач» (Ирина, 45 лет, работник сферы образования). Во-вторых, явления и процессы, которые можно обобщить понятием «культурно-историческая традиция». Характерными в этом случае были такие суждения: «Людей сплачивает история их области, края, республики, ценности, которые в нее закладываются. Белгород имеет очень сильную историческую культуру, которая помогает формировать региональное сообщество» (Алина, 31 год, представитель СМИ); «Сильные этнокультурные отличия от остальных регионов Центральной России (кроме соседних), обусловленные значительным влиянием украинского этнического элемента, да и в целом гуманитарных и экономических связей с Украиной (прежде всего ориентацией на Харьков как ближайший крупный центр)» (Василий, 37 лет, работник сферы образования); «Особенный говор „белгородское колоритное

³ Халий И.А. (2008). Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Москва. 50 с. С. 8.

глухое „Г”, знаковые места (Прохоровское поле, Холковский мужской монастырь), „Святая Белогорье” — наличие храмов практически в каждой сельской территории, не говоря уже о городах» (Инесса, 42 года, работник сферы культуры).

Однако попытки выявить консолидирующие факторы в современных процессах обычно приводили к предельно общим рассуждениям, часто довольно путанным и противоречивым.

Майя, 42 года, работник сферы образования: *«Все люди взаимодействуют как по месту работы, так и по месту проживания, и, несмотря на то, что „личная” цель, к которой каждый стремится, может быть разной, но есть и общая цель — создать достойные условия для жизни подрастающего поколения, повысить качество своей жизни. ... есть коренные жители (несколько поколений проживало на данной территории) и есть приехавшие на постоянное место жительства люди. Независимо от места работы или места проживания они все находятся в постоянном взаимодействии и стремятся к достижению определенных целей в зависимости от своей принадлежности к тому или иному социальному институту».*

Александр, 68 лет, работник сферы здравоохранения: *«Да, о таком сообществе можно говорить, оно существует в нашем регионе. Без этого сообщества мы бы не смогли создать те условия существования, которые сейчас есть, не могли бы достигнуть имеющихся на сегодняшний день экономических показателей».*

Таким образом, эмпирическое исследование выявило довольно существенное противоречие. Суть его в том, что качественный метод анализа позволяет диагностировать наличие у жителей области довольно устойчивого представления о существовании регионального сообщества, но принадлежность к нему не определяет их коллективную идентичность. Вектор идентификации абсолютного большинства респондентов был в период проведения исследования ориентирован либо на макросоциальные (страна в целом), либо на микросоциальные общности. Регион проигрывал и тем, и другим.

Очевидно, можно находить самые разнообразные причины сложившейся ситуации. Но мы полагаем, что главная из них обусловлена слабостью социокультурных регуляторов процесса идентификации, концентрированно

представленных в доминирующем в массовом сознании ценностно-нормативном комплексе, то есть в наличии общих ценностей, готовности следовать единым для всех социальным нормам, убежденности в существовании некоторых эталонных образцов поведения. Эта слабость в основе своей детерминирована общей ситуацией в российском обществе, которую С.А. Кравченко определил как «нормальную аномию», то есть положение дел, когда превращенные формы материальных практик воспринимаются в качестве естественных и допустимых, а освященный традициями порядок — как противоречащий рациональному. В качестве аргументов в пользу концепции «нормальной аномии» он использует следующие: 1) аномия — имманентное явление для становящегося сложного общества; 2) поведение людей в ситуации риска не регулируется стабильными нормами; 3) в одном социальном пространстве живут люди, моральные представления которых относятся к разному социальному времени; 4) нормальная аномия стимулирована складыванием виртуальной реальности; 5) в своих жизненных стратегиях люди все чаще полагаются не на собственные усилия, а на «счастливый шанс»; 6) парадоксально сочетаются самого разного рода знания и незнания; 7) смешение реальных и виртуальных миров порождает сосуществование реальных и инсценированных рисков; 8) дисперсия традиционных норм семейно-брачных отношений; 9) для анализа нормальной аномии требуется новый валидный инструментарий; 10) общая гуманизация общества является единственной стратегией нормализации социума (Кравченко, 2014, с. 3–10).

Аномия характеризуется утратой коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое жалость, милость, справедливость, уважение, взаимопомощь, сострадание; недействительностью социальных институтов; зондажем как главной формой отношения российской власти с обществом; утратой человеком контроля над социальными процессами; неспособностью человека к планированию и достижению долговременных целей жизненных стратегий (Терещенко, 2019, с. 220).

В связи с этим особую важность приобретает тенденция девальвации коллективистских ценностей, представляющих важный фактор

укрепления межличностных и межгрупповых взаимосвязей. Так, В.Н. Кузнецов пишет: «Ценностный консенсус – важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т. д. между субъектами социальных отношений» (Кузнецов, 2003, с. 37).

Безусловно, проблема эволюции ценностей в современной России исключительно сложна. Тем более анализ ее осуществляется на основе различных методик, предполагающих не совпадающие и дискуссионные варианты их систематизации. Однако вывод о девальвации

коллективистских ценностей, фактически, является аксиоматичным⁴ (см., например: Горшков, 2016; Грищенко, 2018; Маркова, 2017; Российское общество..., 2022; Семёнов, 2017). Он нашел подтверждение и в ходе нашего исследования 2021 года⁵. Среди предложенного набора только ценность семьи была безоговорочно признана значимой большинством респондентов (78,2%). Все остальные получили менее половины выборов: справедливость (30,2%), патриотизм (24,4%), доброта (22,80%), доверие к людям (22,2%). При этом наименее значимыми для жителей Белгородской области оказались ценности интернационализма (5,4%), коллективизма (11,8%) и солидарности (17,2%; *рис. 2*).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие традиционные ценности представляются Вам наиболее значимыми? (укажите не более трех вариантов ответа)», % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, полузакрытый вопрос.

⁴ Лебский А.В. (2015). Ценности коллективизма в условиях социальной индивидуализации: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь. 159 с.

⁵ Предложенный в ходе опроса набор традиционных ценностей, разумеется, не был исчерпывающим, однако он определялся на основе анализа работ ряда авторов (Рассади́на Т.А. (2005). Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян: дис. ... д-ра социол. наук. Москва. 386 с.; Мчедлова, 2020; Ценностные ориентации..., 2017) и своего опыта проведения исследований, начиная с 1993 года. Как показало дальнейшее развитие событий, большинство (7) из отнесенных нами ценностей вошли в перечень традиционных, определенный Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей».

Полученное распределение ответов объясняется, по нашему мнению, тем, что в общественном сознании доминирующее положение занимают индивидуально-прагматические установки. Показательно в связи с этим распределение ответов на вопрос о том, что является для белгородцев главным в жизни. К числу таких приоритетов были отнесены семейное счастье (73,8%); здоровье (64,2%), богатство и материальное благополучие (33,6%), собственная безопасность и безопасность своих близких (32,4%). Данные предпочтения свидетельствуют о преобладании в массовом сознании индивидуально-прагматических диспозиций, которые хотя и не лишены социетального содержания, если и предполагают интеграцию и лояльность, то, как правило, в рамках короткой социальной дистанции (рис. 3).

Между тем значительная часть населения все же испытывает более или менее отчетливо выраженную потребность в наличии некоторых прочных оснований (мы определяем их как социокультурные константы), которые ориентировали бы региональное сообщество на интеграцию. Показательно, что к наиболее востребованным в современном мире ценностям респонденты отнесли не только семью и семейное благополучие (65,4%), но и справедли-

вость (24,4%), духовность (22,6%), патриотизм (21,8%) и доброту (18,2%), хотя доля выборов во всех данных случаях была заметно меньше, чем в отношении ценности семьи и семейного счастья (рис. 4).

Причины сохранения запроса на некоторые коллективистские ценности в потребительском, индивидуально-прагматически ориентированном обществе мы объясняем стремлением людей хотя бы частично компенсировать издержки состояния неопределенности, нестабильности, сохранить веру в некие императивы человеческой жизни. Нельзя не согласиться с В.А. Сауткиной, которая отмечает: «Во время переходных состояний, в условиях неопределенности и рисков в обществе усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе. Накопленный человечеством опыт совместных действий, анализ и интерпретация их последствий показывает, что наличие или отсутствие в обществе запроса на солидарность ярче всего проявляется в период кризиса, когда под давлением самых разнообразных вызовов, не просто ухудшающих положение граждан, но составляющих реальную угрозу их существования, появляется необходимость солидарного поведения. В этих условиях все больше людей осознают необходимость поступиться своими интере-

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для Вас сегодня является главным в жизни? (укажите не более трех вариантов ответа)», % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, полузакрытый вопрос.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из перечисленных ценностей наиболее востребованы в настоящее время? (укажите не более трех вариантов ответа)», % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, ползукарытый вопрос.

сами и примкнуть к той группе людей, которые именно в действиях, основанных на принципах солидарности, видят единственный способ решения своих насущных проблем» (Сауткина, 2019, с. 71).

Тем не менее семья, как фактически единственная коллективистская ценность (мы исходим из того, что семья — это все же малая социальная группа, объединяющая людей на основе родства, брака и совместного хозяйства), признанная большинством населения, консолидирует их лишь в пределах короткой социальной дистанции. Более того, она может оппонировать попыткам консолидировать региональное сообщество на более широкой основе в тех случаях, когда семейно-клановые интересы конфликтуют с интересами больших социальных групп. К тому же коллективистская ориентация семьи далеко не всегда носит просоциальный характер. Семейно-родственная группа вполне может интегрироваться на кризисной основе.

Наряду с ценностями элементом ценностно-нормативного комплекса как регулятора общественных отношений являются социальные нормы. Очерчивая пределы допустимого поведения, они придают атрибут определенно-

сти социальным действиям и взаимодействиям, формируя предпосылки для установления отношений доверия, представляющего собой «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» (Фукуяма, 2004, с. 52). В основе доверия, без которого консолидация немыслима, лежит именно определенность. Показательно, что П. Штомпка, полагал: доверие — это «ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» (Sztompka, 1999, p. 25).

Сложность оценки состояния нормативного компонента ценностно-нормативного комплекса заключается в его неоднородности. К числу социальных норм относятся правовые, нравственные и конвенциональные, опирающиеся преимущественно на обычаи (при этом нельзя не учитывать наличие в массе населения неоднозначных интерпретаций нравственности; но, поскольку наши исследования проводились в регионе, где абсолютное большинство населения православные христиане, мы «по умолчанию» рассматривали в качестве таких нравственных норм максимы христианской

морали). Они оказывают различное влияние на перспективы консолидации. К тому же жители региона по-разному воспринимают эти нормативные предписания.

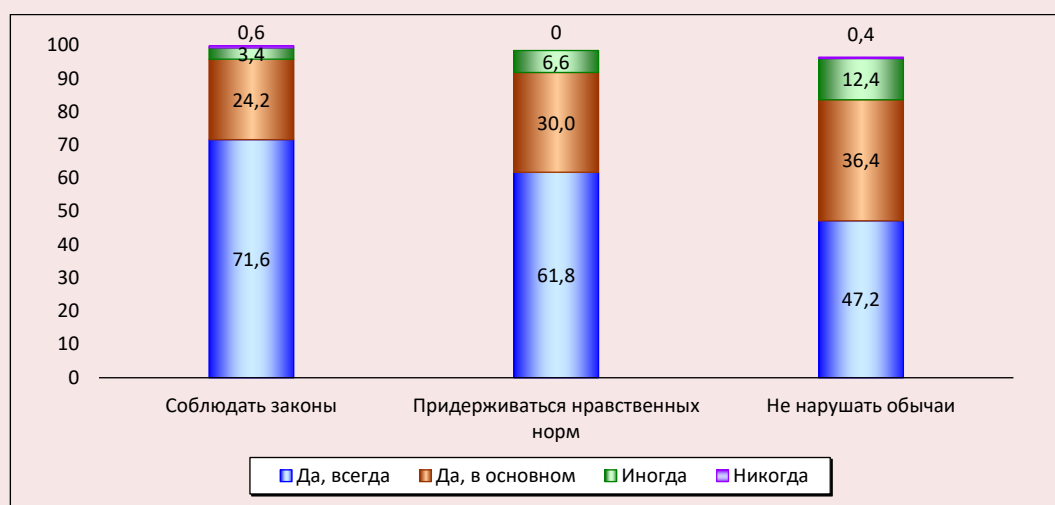
В частности, исследование показало: воспринимая социальную реальность преимущественно рационально-прагматически, в своей повседневной жизни респонденты в подавляющем большинстве стараются соблюдать законы, в меньшей степени – придерживаться нравственных норм и не нарушать обычаи. Так, 71,6% респондентов всегда соблюдают законы, 61,8% – придерживаются нравственных норм и только 47,2% стараются не нарушать обычаи. Таким образом, за исключением конвенциональных норм правовые и нравственные нормы, если судить по полученным данным, интериоризированы большинством граждан и служат регуляторами их поведения (рис. 5).

Однако различные виды социальных норм далеко не в одинаковой мере способствуют формированию ценностно-нормативного консенсуса в региональном сообществе, выступая в качестве одного из компонентов данного аттрактора консолидации. В частности, функция правовых норм сводится к установлению формальных правил, регламентирующих взаимоотношения граждан и их групп посредством пози-

тивного обязывания, запрещения и дозволения. Реализация ее безотносительна к практике консолидации; эти нормы не учитывают такой возможности и не обязывают ее осуществлять. Исключение составляют разве что случаи, когда правовые нормы прямо запрещают создание антиобщественных (экстремистских, криминальных) объединений. Но во всех других ситуациях следование в своих повседневных практиках правовым нормам практически в равной степени может выражаться либо в готовности к консолидации с согражданами, либо в индифферентном отношении к ней.

В значительно большей степени достижение ценностно-нормативного консенсуса и превращению его в значимый аттрактор консолидации способствует интериоризация нравственных норм, которые формулируют безусловные императивы поведения личности. Разумеется, эти императивы далеко не всегда ориентированы на солидарность как форму организации жизни. Так, еще М. Вебер, характеризуя протестантскую этику, подчеркивал ее индивидуалистический, рационально-прагматический характер, воплощенный в том числе в «философии скупости». «Идеал ее – кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «В повседневной жизни Вы стараетесь ...?», % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, полужакрытый вопрос.

своего капитала как самоцель»⁶ (Вебер, 1990, с. 73). Правда, православная традиция, если и не ориентирует непосредственно на солидарность, предполагает утверждение близких к ней феноменов (человеколюбие, дарение, справедливость).

Однако нельзя не заметить, что, во-первых, согласно полученным данным, нравственных норм придерживается заметно меньшая доля респондентов; во-вторых, заявления человека о следовании нравственным нормам еще не означают его готовность консолидироваться с окружающими, то есть стремиться понять их позицию, согласовать интересы, сотрудничать в решении общих проблем. Консенсус достигается не на основе деклараций, но в ходе практических действий. При этом решающее значение чаще всего приобретают достигнутые участниками договоренности. Поэтому соблюдение конвенциальных норм в современном обществе становится действительным основанием ценностно-нормативного консенсуса, превращая его в аттрактор консолидационного процесса.

Но именно эти нормы реже всего принимаются в расчет респондентами. К тому же кон-

венции, как правило, заключаются и соблюдаются в пределах короткой социальной дистанции, редуцируя пространство консолидации и ограничивая число ее акторов.

Редукции способствует и специфика эталонных образцов поведения. В современных условиях они утрачивают атрибут универсальности, локализуясь преимущественно в рамках ближнего по отношению к субъекту окружения. Основная масса населения ориентируется в своей повседневной жизни на близких и родственников. Персонажи художественной литературы и исторические личности, чьи поведенческие модели обычно рассматривались в качестве всеобщих образцов для подражания, служат таковыми лишь для 23,4% респондентов. В то же время треть опрошенных (32,6%) отметили, что не имеют таких образцов и никому не подражают, а каждый десятый затруднился ответить на поставленный вопрос. Меньше всего при выборе своей модели поведения в повседневной жизни население Белгородской области обращает внимание на нарративы о звездах шоу-бизнеса и спорта, распространяемые в социальных сетях (8,4%) и телепередачах (9,6%; рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Откуда Вы обычно берете образцы для своего поведения (укажите не более трех вариантов ответа)?», % от числа опрошенных

Источник: результаты массового анкетного опроса населения Белгородской области, март 2021 года, 500 респондентов, полузакрытый вопрос.

⁶ Несмотря на то, что некоторые современные исследователи ставят под сомнение обоснованность веберовской позиции (Капелюшников, 2018), по нашему мнению, их критика представляется не вполне обоснованной. Впрочем, разбор приведенных оппонентами М. Вебера аргументов требует самостоятельного анализа.

Таким образом, специфика всех компонентов ценностно-нормативного комплекса, характеризующего сознание жителей региона, позволяет утверждать, что его потенциал в качестве аттрактора-регулятора процесса консолидации может быть реализован преимущественно на микросоциальном уровне, что существенно ограничивает возможности интеграции регионального сообщества.

Расширить их можно было бы за счет усиления установки на консолидацию органов государственного и муниципального управления, институтов гражданского общества, выступающих в качестве основных «игроков» социального пространства субъекта РФ, которая представляет собой их нацеленность на создание условий для социальной конъюнкции, противодействие дизъюнктивным тенденциям.

Такая ориентация действительно имела место в Белгородской области. Но проявилась она главным образом в установке на возрождение (реновацию) традиций, рассматриваемых в качестве социокультурных констант, которые способны выступить основаниями для регионального консенсуса.

Понятие «реновация» пока еще редко используется в социально-гуманитарных науках в тех случаях, когда речь идет об отношении к ценностям, и, что вполне естественно, является дискуссионным. В нормативно-правовых документах и в научной литературе обычно применяются термины «сохранение» и «укрепление». Именно они содержатся в Указе Президента РФ № 189 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Однако, как нам представляется, положения указа однозначно не сводятся к констатации необходимости воспроизводить (воссоздавать) традиционные ценностные паттерны. Эта деятельность должна учитывать их интеграцию в современный социокультурный процесс, предполагающую их интерпретацию в системе близких населению (особенно молодежи) понятий с учетом актуальных социальных процессов. Так, например, интерпретация содержания ценности не может не учитывать разнообразие современных форм семейно-брачных отношений. Показательно, что указ содержит позицию, согласно которой

позитивный сценарий государственной политики предполагает «поиск ответов на новые вызовы исходя из традиционных ценностных ориентиров». Весьма примечательны мнения участников проведенных нами фокус-групп, которые утверждали, что в настоящее время не принесет ожидаемых результатов установка на простое воспроизведение традиционных ценностей, если не придавать им хотя бы новую форму презентации. В их представлениях (безусловно, упрощенных) простое воспроизводство таких ценностей не получит поддержки, потому что *«сейчас найдется мало желающих использовать лучину, лапти»* (Василий, 37 лет, работник сферы образования).

В рассматриваемом контексте нам представляется, что использование понятия «реновация» снимет, по меньшей мере часть смысловых и семантических проблем, поскольку оно определяет диалектический процесс «разнонаправленных и одновременных тенденций – сохранения старого и одновременно его отрицания»⁷. Данное понятие чаще всего применяется для характеристики процессов инфраструктурных обновлений, но вполне может быть использовано для анализа широкого круга социальных, в том числе социокультурных, систем (попытку применить его к ценностям предпринял в свое время Б.П. Торопов (Торопов, 2015), хотя и не дал строгой дефиниции понятия). Главным преимуществом его использования является то, что тем самым подчеркивается одновременно динамизм их развития и повышение «чувствительности» к внешней среде. Таким образом, мы определяем реновацию ценностей как процесс их сохранения и содержательной интерпретации с учетом современных тенденций общественного развития и на основе использования терминологии, адекватной представлениям групп целевого воздействия.

Однако решение задачи их реновации изначально имело существенные ограничения, которые, в силу стандартности мышления представителей региональных элит, скорее всего, будут проявляться и в других субъектах РФ в случае реализации стратегии консолидации.

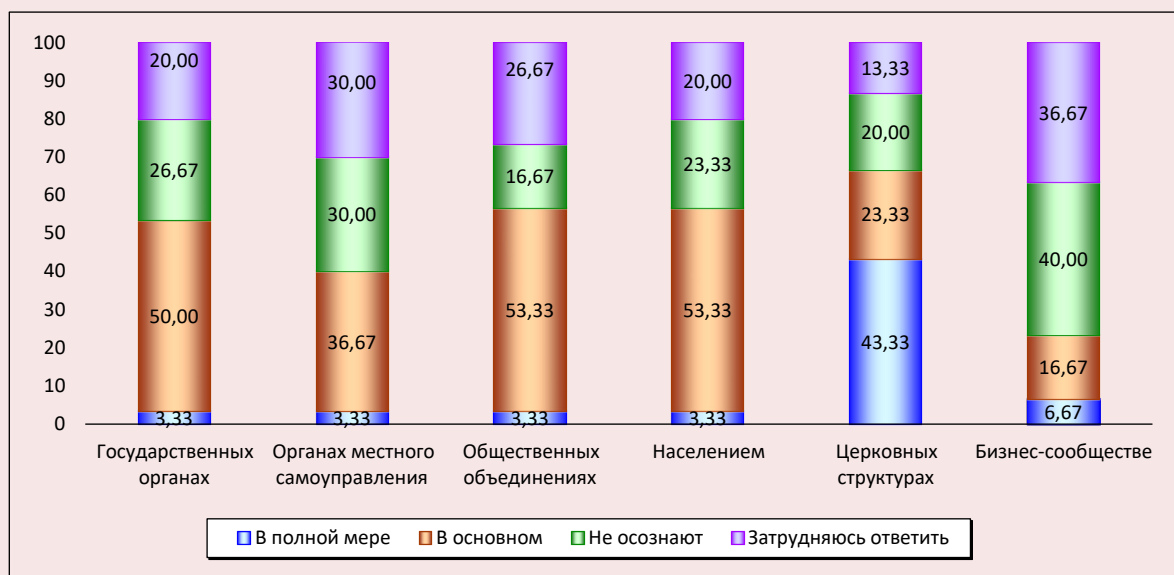
⁷ Захаров В.М. (2016). Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала государственного и муниципального управления в регионе: дис. ... д-ра социол. наук. Орел. 419 с. С. 48.

Первое связано с характерной для многих статусных групп практикой жизненного планирования в пределах короткой социальной дистанции. Следствием этого является сосредоточенность на решении ситуативных задач, сопряженная с отказом формировать долгосрочные программы и проекты, к числу которых и относится консолидация. Конкретным проявлением ситуативного подхода в Белгородской области стало непонимание значимости идеи реновации традиционных ценностно-нормативных комплексов как оснований (аттракторов) социальной конъюнкции. Так, в ходе проведенного нами в 2021 году исследования эксперты довольно сдержанно оценили степень осознания различными акторами регионального пространства необходимости реновации традиционных ценностей, норм и образцов поведения. Согласно мнению двух третей из них в той или иной мере оно присуще представителям церкви, 56,7% – населению, 56,7% – членам общественных объединений, 53,3% – государственным чиновникам, 40% – муниципальным служащим, 40% – представителям бизнес-сообщества (рис. 7).

Столь сдержанная оценка, скорее всего, довольно адекватна ситуации, для которой характерен высокий уровень социальной неопределенности и рисков. О.Н. Яницкий констатирует, что они «в современных условиях нарастают с огромной прогрессией и проникают в каждую сферу общества, во все территории, превращая их в среды жизнеразрушения» (Яницкий, 1999, с. 134). В таких условиях крайне трудно выстраивать долгосрочные планы, особенно если они, как это присуще идее консолидации, имеют масштабный характер.

Именно с масштабностью консолидационного процесса связан его следующий ограничитель. Он выражается в несоразмерности политики консолидации и состояния массового сознания. Инициаторы консолидации предпочитают мыслить в так называемой высокой размерности, апеллируя к ценностям, нормам и образцам поведения, способным интегрировать все региональное сообщество. Между тем большинство населения оперирует ценностями локального характера, наиболее значимой из которых, как уже отмечалось выше, является ценность семьи. С позиции локального

Рис. 7. Распределение ответов экспертов на вопрос «В какой степени, на Ваш взгляд, осознается в Вашем регионе необходимость реновации традиционных ценностей, норм и образцов поведения в ..?», % от числа опрошенных

Источник: экспертный опрос, апрель 2021 года, опрошено 30 экспертов, закрытый вопрос.

мышления масштабная задача реновации коллективистских ценностей представляется весьма сомнительной, на что и указали участники фокус-групп.

Однако половина участников (особенно много среди студентов) высказали сомнение в актуальности постановки задачи реновации традиционных ценностей, норм и образцов поведения, мотивируя свое мнение тем, что *«в этом нет необходимости, потому что смена ценностей может привести к чему-то новому, а возрождение старых традиций к стагнации»* (Татьяна, 40 лет, представитель СМИ); *«возродить не обязательно, но что-то перенять обязательно нужно, потому что нынешние тенденции вызывают опасения»* (Влад, 20 лет, студент).

Оксана, 45 лет, представитель СМИ: *«Я считаю, что это (задача реновации – ред.) не востребовано в современном обществе, потому что Россия сейчас плотно встроена в общемировую культуру и молодежь растет на западных стандартах поведения. Невозможно заставить ее не смотреть на окружающий мир, а ходить в юбках в пол и рожать по пять детей. Опять же если для этого не создано никаких условий... Молодежь сейчас очень эгоистичная, они думают только о себе, о получении личной выгоды. Они более свободны и в массе своей лишены шаблонов старшего поколения. Сложно таким людям привить традиционные ценности»*.

Василий, 37 лет, работник сферы образования: *«Отношение к задаче реновации традиционных ценностей, норм и образцов поведения отрицательное, так как под „традиционными ценностями“ многие сейчас понимают откровенное ретроградство, ксенофобию и порой религиозный экстремизм. Да и кроме того надо понимать, что возрожденные традиционные ценности могут существовать только в возрожденной традиционной экономике и обществе»*.

Елена, 47 лет, представитель СМИ: *«Задача реновации традиционных ценностей, норм и образцов поведения не востребована. Ценности формируются и забываются на протяжении достаточно долгого времени, пытаться искусственно влиять на них слишком непредсказуемо. Невозможно гарантировать результат. Зачем возрождать то, что за ненадобностью было отвергнуто обществом?»*

При этом даже участники, положительно относящиеся к постановке такой задачи, были не уверены в ее разрешимости.

Светлана, 45 лет, работник сферы образования: *«Задача возрождения традиционных ценностей, конечно, востребована, но, на мой взгляд, совершенно неразрешима. Вряд ли возможно возрождение (или искусственное насаждение) традиционных ценностей в современном обществе, ориентированном на индивидуализм, личный успех, материальные ценности»*.

За то, что постановка задачи утверждения в обновленном виде традиционных ценностей, норм и моделей поведения в современных условиях является своевременной и необходимой, но при этом вряд ли осуществимой, высказались 46,7% экспертов.

Существенным ограничителем процесса консолидации регионального сообщества является неспособность его инициаторов (даже при желании решать задачу) технологически корректно организовать его как следствие не сформированности у них социально-технологической культуры. Чтобы стать успешной, технология регулирования консолидации должна приобрести системный характер и осуществляться с учетом выделения в нем последовательных этапов. К ним мы относим следующее.

1. Этап формирования региональной идентичности. В рамках публичного дискурса преобладает мнение, что региональная идентичность довольно успешно формируется в ходе социализации детей и молодежи. Однако результаты нашего исследования ставят под сомнение адекватность такой позиции. Основные векторы идентификации ориентированы на другие объекты. Очевидно, что типичному субъекту РФ сегодня мало что удастся предложить молодому человеку с расчетом на его лояльность в отношении регионального общества. На этом этапе нужны разработка и реализация специальной программы формирования и поддержания региональной идентичности, основанной на широком использовании современных технологий.

2. Этап ценностно-нормативной селекции и ориентации. Он предполагает определение ценностей, социальных норм и эталонных моделей поведения, на основе которых можно интегрировать региональное сообщество. На этом

этапе целесообразны разработка и применение технологий субкультурных модификаций, заключающихся в целенаправленном и последовательном формировании системы стимулов, меняющих в заданном направлении поведенческие реакции различных социальных групп.

3. Этап установления отношений доверия. На этом этапе целесообразно применение технологии формирования культуры доверия, основными процедурами которой являются установление нормативной согласованности развития регионального пространства, обеспечение стабильности; достижение прозрачности социальной организации, создание информационно-коммуникационной среды, обеспечивающей жителям ощущение понятности происходящего, реализация принципа подотчетности общественности должностных лиц и институтов.

4. Этап формирования символической солидарности, на котором предлагается использовать технологию формирования системы публичного дискурса по проблемам солидарности и консолидации, опирающейся на сеть диалоговых площадок.

5. Этап деятельной консолидации, ориентированный на использование технологии поддержки гражданских инициатив, направленных на консолидацию регионального сообщества. Она предполагает наличие ясных и общепринятых технологий и каналов донесения информации об инициативе до заинтересованных лиц и групп, формирование инфраструктуры поддержки инициативных групп и общественных организаций, нормативное правовое закрепление механизмов привлечения финансовых и материальных ресурсов для реализации инициатив, наличие реальной заинтересованности власти в гражданской активности, отсутствие давления на инициаторов, обеспечение прозрачности процедуры селекции инициатив, обязательное включение мероприятий по формированию ценностей участия каждого в активной социальной жизни. Итогом применения технологии должна стать институционализация консолидационных практик.

Таким образом, в рамках регионального сообщества может быть выстроена система социальных практик, ориентированная на его просоциальное воспроизводство и участие в качестве активного субъекта общественных процессов.

Наконец, еще одним ограничителем процесса консолидации регионального сообщества является недостаточное внимание к проблеме взаимодействия реализующих его субъектов. Исследование показало: в представлении большинства респондентов она может быть успешной при условии, что осуществляется как саморегулируемый процесс, в котором, по мнению участников фокус-групп, решающая роль принадлежит населению.

Инесса, 42 года, работник сферы культуры: *«Сформулировать задачу должны непосредственно жители региона (через лидеров общественного мнения)».*

Олеся, 26 лет, представитель СМИ: *«Гражданское общество, активисты, с поддержкой государства (региональных органов власти и органов местного самоуправления)».*

Майя, 42 года, работник сферы образования: *«Эту задачу должен сформулировать народ и донести до властей всех уровней ... Наверное, особая роль в этом случае отводится институтам гражданского общества».*

Преобладание такой точки зрения можно рассматривать как свидетельство хотя и медленного, но все же сдвига в ориентациях общественного мнения от патернализма к гражданскому сознанию. Однако на практике регулирование процесса консолидации было практически монополизировано государственными структурами, что существенно снизило привлекательность проекта.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что, решая задачу повышения субъектности регионов РФ, наиболее дальновидные представители некоторых сложившихся в них элит формулируют идею консолидации региональных сообществ. Оппонируя преобладающим в настоящее время тенденциям к десубъективизации социальных групп и институтов, данный тренд носит знаковый характер и свидетельствует о том, что глобализация неуклонно трансформируется в глокализацию и, тем самым, ведет к повышению роли регионов в общественном развитии. Однако процесс консолидации, как правило, осуществляется непоследовательно и в основном с опорой на административные практики, что делает его нестабильным и не всегда результативным.

Данный вывод в полной мере подтвердил опыт реализации в Белгородской области Стратегии формирования регионального солидарного общества. Представляя собой более или менее адекватный ответ на вызовы современной нестабильной реальности, она разрабатывалась и осуществлялась без должного внимания к ограничителям, которые продуцируются условиями развития страны и регионов и существенно влияют на основные аттракторы, действие которых способно превратить консолидацию в системный самоорганизующийся процесс. К числу таких ограничителей от-

носятся несформированность региональной идентичности, непрочность ценностно-нормативного консенсуса, проявляющегося главным образом на уровне микрогрупп (прежде всего семьи и семейно-родственного окружения), недостаточная нацеленность органов власти, институтов гражданского общества на создание благоприятных организационно-технологических условий для социальной конъюнкции.

Реализация любой консолидационной стратегии на региональном уровне должна учитывать эти ограничения и предусматривать меры, направленные на их минимизацию.

Литература

- Александрова Ю.А. (2017). Общественно-политические отношения в современной России: к вопросу об оценке степени консолидации и дезинтеграции // Вестник Поволжского института управления. Т. 17. № 2. С. 11–16.
- Аносов С.С. (2021). Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. № 2. С. 5–20.
- Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. (2021). Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. № 1. С. 87–97.
- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс. 808 с.
- Горшков М.К. (2016). Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики): в 2 т. М.: Новый хронограф. 416 с.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (2013). Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН. 81 с.
- Гофман А.Б. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник – 2012: сб. научн. трудов / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. С. 97–167.
- Грищенко М.А. (2018). Функциональность коллективистских и индивидуалистических ценностей в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2.
- Гуденкова О.И., Савицкая Ю.П. (2021). Особенности региональной идентичности современной студенческой молодежи // Социология. № 6. С. 70–77.
- Гундаров И.А. (2001). Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы. М.: Центр творчества «Беловодье».
- Дегтярев А.Н. (2020). Глокализация – гибридная модель глобализации: институты и каузальность // Проблемы востоковедения. № 4 (90). С. 8–15. DOI: 10.24411/2223-0564-2020-10401
- Демичев И.В. (2019). Региональная идентичность: противоречия этнического и гражданского дискурсов // Российский экономический вестник. Т. 2. № 6. С. 317–322.
- Думнова Э.М. (2022). Основные тенденции трансформации социокультурного пространства в условиях международной миграции // Идеи и идеалы. Т. 14. № 3-1. С. 123–138. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138
- Дьякова В.В. (2021). Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 30–34.
- Захарова О.В. (2016). Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) // Вестник Института социологии. № 17. С. 29–45.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. (2021). Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

- Игнатъев В.И. (2020). Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. № 7. С. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
- Ильичева М.В., Иванов А.В. (2022). Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 129–140.
- Капелюшников Р.И. (2018). Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 25–49.
- Капто А.С. (2015). Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 256–265.
- Кармадонов О.А. (2015). Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.
- Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. (2017). Ресурсы социокультурной консолидации российского общества. Иркутск. 184 с.
- Ковалева А.И., Луков В.А. (1999). Социология молодежи. Теоретические вопросы. М. 350 с.
- Колесников А.С. (2016). Трансгрессия, глокализация и транскulturность в современном мире // Studia Culturae. № 29. С. 131–136.
- Кравченко С.А. (2014). «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. № 8. С. 3–10.
- Кузнецов В.Н. (2003). О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. № 3. С. 7–47.
- Кузнецов И.М. (2021). Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. № 8. С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0
- Маркова Ю.С. (2017). Социокультурные факторы становления и реализации ценностей россиян среднего возраста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 4. С. 200–209.
- Молодов О.Б. (2016). Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. № 2 (82). С. 82–97.
- Мосиенко Н.Л. (2010). Социально-территориальная структура пространства городской агломерации / под ред. Е.Е. Горяченко. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 164 с.
- Мчедлова Е.М. (2020). Исследование традиционных ценностей в регионах // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 9. С. 76–79.
- Овсянникова Т.А. (2018). Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур // Вестник Майкопского государственного технологического университета. № 4. С. 155–160.
- Парсонс Т. (1998). Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.
- Понизовкина И.Ф. (2021). Глокализация: уроки процесса глобализации // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 238–243.
- Попова И.В. (2018). Ослабление консолидационного потенциала социума как фактор системного кризиса социальной солидарности // Социальные и гуманитарные знания. Т. 4. № 4 (16). С. 242–254.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.
- Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. (2014). Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (121). С. 123–129. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.08
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая (2022) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 284 с.
- Савчук В., Очеретяный К. (2021). Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. Т. № 4. С. 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16
- Сауткина В.А. (2019). Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 20. № 2. С. 70–85. DOI: 10.31429/26190567-20-2-70-85
- Селезнев П.С., Сургуладзе В.Ш. (2021). Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации. № 4. С. 131–144.

- Терещенко О.В. (2019). Социальная аномия как следствие духовного кризиса российского общества // Национальное здоровье. № 1. С. 219–222.
- Торопов П.Б. (2015). Реновация ценностей в системе образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 5. С. 81–86.
- Труфанова Е.О., Хан Ш.Д. (2022). Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. № 12. С. 84–94. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-12-84-94
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ : Ермак. 730 с.
- Хабермас Ю. (2000). Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука. 384 с.
- Хантингтон С. (2007). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. (2022). Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. Т. 6. № 3. С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография (2017) / Государственный университет управления [под общ. ред. С.В. Чуева]. М.: Издательский дом ГГУ. 131 с.
- Чигрин В.А., Узунов В.В. (2022). Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. Т. 11. № 1 (53). С. 150–159.
- Шадже А.Ю., Куква Е.С. (2020). Ресурс доверия и сплоченности в интеграции региональных сообществ в условиях пандемии (по результатам социологического исследования) // Гуманитарий Юга России. Вып. 9. № 6. С. 178–190.
- Эрикссон Э. (1996). Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс. 340 с.
- Яницкий О.Н. (1999). Россия как общество всеобщего риска // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Москва: Логос. С. 127–134.
- Díaz-Pérez S., Soler-i-Martí R., Ferrer-Fons M. (2021). From the global myth to local mobilization: Creation and resonance of Greta Thunberg’s frame [Del mito global a la movilización local: Creación y resonancia del marco Greta Thunberg]. *Comunicar*, 29(68), 1–11. DOI: 10.3916/C68-2021-03
- Khondker H.H. (2004). Glocalization as globalization: Evolution of a sociological concept. *Bangladesh e-Journal of Sociology*, 1(2), 12.
- Lee S., Kim H., Choi S. (2021). Corporate glocalization strategy of nongshim in America: The “pendulum theory” of globalized localization. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(4), 205. Available at: <https://doi.org/10.3390/joitmc7040205>
- Ritzer G. (2003). Rethinking globalization: Glocalization/globalization and something/nothing. *Sociological Theory*, 21(3), 193–209. DOI: 10.1111/1467-9558.00185
- Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. SAGE Publications Ltd.
- Rosen R. (2021). The glocalization of the shared society concept in Israel. *Conflict Resolution Quarterly*, 39(2), 161–177. DOI: 10.1002/crq.21324
- Roudometof V. (2021). The new conceptual vocabulary of the social sciences: The ‘globalization debates’ in context. *Globalizations*, 18(5), 771–780. DOI: 10.1080/14747731.2020.1842107
- Schelkunov M.D., Volchkova O.O., Krasnov A.S. (2021). Glocalization as the dominant trend in the development of socio-political being: Conflict models and constructs. *Linguistics and Culture Review*, 5, 460–466. DOI: 10.21744/lingcure.v5ns1.1431
- Sztompka P. (1999). *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsai M.-C. (2021). The global, the local, and the Chinese: Vying cultures in Taiwan. *Chinese Sociological Review*. DOI: 10.1080/21620555.2021.1871729

Сведения об авторах

Валентин Павлович Бабинцев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: babintsev@bsu.edu.ru)

Галина Николаевна Гайдукова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru)

Жанна Александровна Шаповал – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: shapoval@bsu.edu.ru)

Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A.

Consolidation of a Regional Community in a Glocal Social Reality: Socio-Cultural Barriers

Abstract. The article is devoted to the problem of socio-cultural barriers to the consolidation of a regional community in the context of rising glocalization trends and an increasing role of regions in social development. In our opinion, consolidation in an unstable social reality can only occur as a regulated nonlinear process, oriented toward establishing strong interpersonal and intergroup communication, mutual trust and loyalty. The purpose of the research is to analyze socio-cultural barriers to regional community consolidation, associated with the specifics of value-normative complexes and attitudes of its constituent actors. We assess people's dispositions concerning the problem of socio-cultural constants renovation on the basis of a sociological research we conducted in the Belgorod Oblast in 2021. It included a mass questionnaire survey (n = 500), an expert interview (n = 30), three focus groups. It is noted that social consolidation can be based on various grounds, but the most solid among them is socio-cultural consensus expressed in integration based on common values, social norms, behavior patterns and attitudes – socio-cultural constants that represent a kind of reference points for consolidation process. We analyze components of the value-normative consensus and conclude that its potential as an attractor of the consolidation process can be realized mainly at the microsocial level (primarily family and family-related environment), which significantly restricts the integration opportunities of the regional community. According to the results of sociological diagnostics we reveal the following barriers to the social consolidation of a regional community: fragility of the value-normative consensus, lack of full-fledged regional identity, insufficient focus of authorities and civil society institutions on creating favorable organizational and technological conditions for social conjunction. We emphasize that the implementation of any consolidation strategy at the regional level must necessarily take into account these barriers and provide for measures aimed at their minimization.

Key words: social consolidation, regional community, region, glocalization, social solidarity, socio-cultural constants.

Information about the Authors

Valentin P. Babintsev – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, professor of department, Institute of Economics and Management, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: babintsev@bsu.edu.ru)

Galina N. Gaidukova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Institute of Economics and Management, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru)

Zhanna A. Shapoval – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Institute of Economics and Management, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: shapoval@bsu.edu.ru)

Статья поступила 17.11.2022.

Детерминация доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления

Элеонора Юрьевна

МАЙКОВА

Тверской государственный технический университет

Тверь, Российская Федерация

e-mail: maykova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2862-1584; ResearcherID: ABF-4223-2020

Елена Валерьевна

СИМОНОВА

Тверской государственный технический университет

Тверь, Российская Федерация

e-mail: Simonova-E-V@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8465-2003; ResearcherID: ABF-2440-2020

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена ориентацией России на демократизацию социально-политических отношений, а также необходимостью решения возникающих в современном обществе проблем. Изучается система детерминант, обуславливающих уровень, характер и динамику доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления. Показаны результаты социологических исследований, проведенных в Тверской области: 1) социологического мониторинга, осуществленного с целью анализа динамики представлений граждан о местном самоуправлении (2012–2022 гг.); 2) исследования, направленного на анализ доверия населения к органам местного самоуправления (7 октября – 1 ноября 2022 г.). Данные авторских исследований сравниваются с результатами общероссийских опросов. Подход авторов статьи заключается в одновременном анализе доверия к местному самоуправлению как единому целому и к отдельным институтам, его составляющим (главе, администрации и представительному

Для цитирования: Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. (2023). Детерминация доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 208–226. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.11

For citation: Maykova E.Yu., Simonova E.V. (2023). Determinants of the trust of Russian municipalities' residents in local self-government bodies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 208–226. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.11

органу муниципалитета), что, наряду с предложенной авторами группировкой факторов доверия, составляет элемент научной новизны работы. В ходе исследования зафиксированы низкий уровень доверия к органам местного самоуправления (по сравнению, например, с доверием к президенту), волнообразность его динамики, преобладание возрастающего тренда, тенденция к его деперсонификации и формированию институционального типа доверия. Авторами предложена теоретико-методологическая рамка для построения системы детерминант доверия к органам местного самоуправления, выделены группы факторов, на него влияющих. Выявлены слабая связь динамики доверия к органам местного самоуправления с этапами экономического цикла, значимость материального благополучия граждан как фактора доверия, обусловленность доверия граждан к органам местного самоуправления восприятием экономической ситуации. Факторами, в наибольшей степени влияющими на рост уровня доверия к местной власти, выступают позитивная оценка работы органов местного самоуправления, позитивная оценка гражданами собственного опыта взаимодействия с их сотрудниками, высокая или средняя оценка степени влияния рядового гражданина на деятельность органов местного самоуправления. Негативное воздействие на доверие к этому институту оказывают представления о коррумпированности муниципальных органов, несоответствие реальных муниципальных практик, направленных на минимизацию участия граждан в принятии управленческих решений, и ожиданий населения. Авторами предложены пути решения указанных проблем. Теоретическая значимость работы определяется возможностью использовать теоретико-методологическую конструкцию для дальнейших теоретических и эмпирических исследований. Практическая значимость связана с возможностью разработки мер государственной и муниципальной политики, направленной на совершенствование способов повышения доверия населения к органам местной власти.

Ключевые слова: российские муниципальные образования, органы местного самоуправления, уровень доверия населения, динамика доверия, детерминанты доверия, систематизация факторов доверия.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № 075-03-2022-296/3 от 21.09.2022. Научно-исследовательский проект № 122121400063-2 «Доверие населения к органам местного самоуправления в современном российском обществе: институциональные и ценностные основания».

Введение

Процессы, происходящие в современной России, приводят как к углублению ранее существовавших противоречий, так и возникновению новых вызовов и угроз стабильному существованию российского общества. В связи с этим на первый план сегодня выдвигается проблема поиска различного рода инструментов и ресурсов для обеспечения роста социальной сплоченности и консолидации общества, повышения доверия граждан к общественным и государственным институтам, преодоления внутренних кризисов и адекватного ответа на внешние угрозы. В качестве одного из важнейших источников такого рода ресурсов могут рассматриваться местные сообщества. В западной социологии с середины XX века

развивается концепция строительства местных сообществ (community building), интегрирующая научные исследования и муниципальные практики, основанные на развитии потенциала местных сообществ и партнерском взаимодействии их представителей и органов управления муниципалитетами в процессе решения локальных проблем (Phifer, 1990; Dyde at al., 2019; Lloyd, Reynolds, 2020). В русскоязычном сегменте социально-гуманитарного знания также осуществлялся анализ подобных подходов (Лыска, 2013). Раскрытие внутреннего потенциала местных сообществ и вовлечение граждан в социальные практики на местном уровне требует наличия доверия населения к органам местного самоуправления (МСУ).

Следует отметить, что в системе муниципального управления современной России существуют проблемы, которые остаются нерешенными на протяжении всего периода проведения муниципальной реформы. К ним, в частности, относят нестабильность законодательства, регламентирующего функционирование МСУ, недофинансированность муниципальной власти, низкую активность населения и др. (Бухвальд, Ворошилов, 2018; Ворошилов, 2022; Петухов, 2017; Петухов, 2020). Одной из важнейших проблем развития института МСУ ряд исследователей считает принципиальное расхождение между теорией МСУ и реальной практикой муниципального управления, следствием чего является кризис доверия населения к органам МСУ (Петухов, 2017; Петухов, 2020). Однако доверие представляет собой очень важный ресурс функционирования и развития общества. В научной литературе отмечается, что «...доверие является ключевым элементом активистского фрейма и необходимым инструментом его институционализации» (Реутов, Реутова, 2016), представляет собой необходимое условие легитимности власти (в том числе на местном уровне) и обеспечивает возможность успешной разработки и реализации муниципальной политики. В силу указанных выше причин в настоящее время актуализируются исследования, направленные на анализ вопросов, связанных с доверием граждан к органам власти и МСУ. Особый интерес представляет изучение системы детерминант, обуславливающих уровень, характер и динамику доверия населения к органам МСУ, что и является предметом нашего исследования.

Теоретико-методологический обзор

Обращаясь к анализу феномена доверия и его детерминант, отметим, что исследования данной проблематики носят междисциплинарный характер (Доверие и недоверие..., 2013; Давыденко и др., 2018). Не отвергая в целом возможность использовать в рамках междисциплинарного анализа идеи, предлагаемые различными отраслями научного знания, мы придерживаемся понимания природы и функций доверия, характерного для социологической науки.

Современные исследования доверия в социологической науке основаны, как правило,

на сопоставлении и реинтерпретации его классических трактовок (Доверие и недоверие..., 2013; Ромашкина и др., 2018; Möllering, 2001). Классики социологии заложили теоретическую основу для анализа как личного, так и обобщенного доверия. В трудах представителей современной социологической теории доверие становится одним из ключевых научных понятий, тесно связанным с такими важными категориями, как «свобода выбора», «ожидание», «риск», «неопределенность», «моральные ценности», и часто понимается как ориентация на будущие возможные действия других людей и институтов с целью снизить степень неопределенности, непредсказуемости и неконтролируемости будущего, минимизировать опасности, которым подвергаются определенные типы действий (Гидденс, 2011; Доверие и недоверие..., 2013; Фукуяма, 2004; Штомпка, 2012; Möllering, 2001). А. Селигмен ввел понятие генерализованного доверия, предполагающего наделяние членов сообщества в ходе осуществления ими взаимодействия своеобразным символическим кредитом доверия (Селигмен, 2002). Если применить идеи, развиваемые социологами, к анализу доверия жителей муниципалитетов к органам МСУ, то правомерным будет выделение ряда характерных черт, присущих данному типу доверия. Во-первых, доверие к органам МСУ и их представителям имеет обобщенный характер, относится к институциональному типу доверия. Во-вторых, оно базируется на ожиданиях со стороны граждан того, что органы МСУ будут функционировать эффективно, а исполнители функций в них будут действовать профессионально. В-третьих, это генерализованный тип, в рамках которого муниципальные структуры и их представители наделяются символическим кредитом доверия со стороны населения. В-четвертых, за свободой выбора при осуществлении акта доверия следует добровольное вовлечение граждан в коллективную деятельность, направленную на решение местных проблем.

Одной из важнейших проблем, связанных с изучением феномена доверия, является исследование основных факторов (детерминант), определяющих его уровень, характер, механизмы формирования и динамику. Подходы ученых в этом вопросе также разли-

чаются (Глушко, 2016; Гужавина, Силина, 2018; Доверие и недоверие..., 2013; Ильичева, Лапин, 2022; Латов, 2021; Петухов, 2020; Реутов, 2018; Ромашкина и др., 2018; Фукуяма, 2004; Шабунова и др., 2015; Штомпка, 2012; Abramson at al., 2022; Algan at al., 2013; Buell at al., 2020; Mishler, Rose, 2001). Выделяемые авторами работ детерминанты доверия варьируются от личностных характеристик субъекта доверия, психологических механизмов его формирования до специфики протекания исторических процессов на определенных территориях. Попытки систематизировать факторы доверия предпринимаются как зарубежными (например, П. Штомпка), так и российскими (например, И.В. Глушко, Е.В. Реутов) исследователями. Большинство классификаций имеет общий характер, однако ряд переменных может быть адаптирован для анализа доверия к органам МСУ. В методологическом плане для нас особый интерес представляет подход А.Б. Купрейченко, которая, осуществляя анализ институционального доверия, выделяет следующие значимые субъектные детерминанты доверия/недоверия к социальному институту: осведомленность субъекта о его деятельности; наличие опыта взаимодействия с институтом и модальность оценки его результатов; представления субъекта о собственных возможностях влиять на деятельность института и т. д. (Доверие и недоверие..., 2013).

Однако наиболее значимы для нашей работы исследовательские подходы, связанные с изучением детерминант доверия к политическим институтам и органам МСУ (Доверие и недоверие..., 2013; Ильичева, Лапин, 2022; Козырева, Смирнов, 2015; Малкина и др., 2020; Петухов, 2017; Петухов, 2020; Реутов, 2018; Реутов, Реутова, 2016; Abramson at al., 2022; Buell at al., 2020; Mishler, Rose, 2001). Попытка систематизации факторов доверия к политическим институтам предпринята зарубежными исследователями У. Мишлером и Р. Роузом, указавшими на конкуренцию двух теоретических традиций в объяснении происхождения политического доверия — культурных и институциональных теорий. В культурных теориях, отмечают ученые, подчеркивается экзогенный характер доверия к политическим институтам, которое возникает за пределами полити-

ческой сферы в давних и глубоко укоренившихся представлениях о людях, в культурных нормах, транслируемых посредством механизмов ранней социализации. В институциональных теориях, напротив, утверждается тезис об эндогенности политического доверия. В силу того что институциональное доверие предстает как ожидание результативности функционирования института, его полезности для индивида с точки зрения удовлетворения потребностей, оно выступает скорее как следствие, а не как причина институциональной деятельности. Доверие к институтам имеет рациональную основу: оно зависит от оценок гражданами их деятельности (Mishler, Rose, 2001). Следует отметить, что для эмпирической верификации основных положений культурных и институциональных теорий сами исследователи комплексно применяют предлагаемые в их рамках индикаторы. В русскоязычном сегменте социально-гуманитарного знания обстоятельный обзор научных работ, фокусирующих внимание на анализе факторов политического доверия, представлен в исследовании М.Ю. Малкиной, В.Н. Овчинникова, К.А. Холодилина (Малкина и др., 2020).

Что касается детерминант доверия к органам МСУ, то наиболее детальный их анализ предложен в работах Р.В. Петухова, Е.В. Реутова, М.Н. Реутовой (Петухов, 2017; Петухов, 2020; Реутов, Реутова, 2016). При этом фиксируются различия в подходах исследователей. Р.В. Петухов, констатируя наличие дефицита доверия к органам МСУ, выделяет обуславливающие его внешние и внутренние факторы. Номенклатура внешних факторов, с точки зрения ученого, может быть довольно широка. Однако основной акцент исследователь делает на анализе внутренних факторов. Он оперирует целым набором переменных: от степени уверенности граждан в профессионализме/непрофессионализме муниципальных служащих до наличия/отсутствия опыта непосредственного участия в работе органов МСУ. Следует отметить, что подход Р.В. Петухова в основном связан с анализом факторов, лимитирующих доверие граждан к органам МСУ, и использованием дескрипторов недоверия (Петухов, 2017; Петухов, 2020). Е.В. Реутов и М.Н. Реутова оперируют в большей степени дескрипторами доверия,

выделяя среди них социально-экономическую ситуацию в стране и на территории проживания (констатируют связь динамики доверия с этапами экономического цикла), уровень материального благополучия граждан, уверенность в реальной эффективности институционализированных практик защиты индивидуальных и коллективных прав и др.

В целом обзор научных работ, посвященных изучению феномена доверия, показал высокую степень разработанности данной проблематики. Однако фиксируется недостаток специальных исследований, где систематизируются факторы доверия к органам МСУ.

Цель нашей работы — исследование системы детерминант, обуславливающих уровень, характер и динамику доверия населения российских муниципалитетов к органам МСУ. За основу взят комплексный подход, связанный, во-первых, с оценкой влияния на доверие к муниципальной власти факторов разного уровня и типа, во-вторых, с использованием результатов анализа вторичных данных и эмпирических исследований, проведенных с участием авторов статьи. Особое внимание уделено анализу тех личностных характеристик респондентов, их установок, представлений и поведенческих ориентиров, которые могут выступать в качестве факторов, оказывающих влияние на рост уровня доверия к органам МСУ. В работе предпринимается попытка систематизировать факторы доверия граждан к органам МСУ, а также исследовать их воздействие на объект в динамической перспективе. Все указанное выше определяет новизну и значимость работы, проделанной авторами статьи.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Для эмпирического анализа факторов доверия населения к органам МСУ в предлагаемой работе учитываются данные ряда исследований, проведенных в 2012–2022 гг. научным коллективом кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета с участием авторов статьи в одном из типичных регионов Центральной России — Тверской области.

Во-первых, в статье использованы результаты социологического мониторинга, осуществленного с 2012 по 2022 год, направленного

на анализ динамики представлений жителей Тверской области о МСУ и выявление самоуправленческого потенциала населения муниципальных образований (МО). Метод сбора эмпирических данных — анкетирование. Ежегодно в инструментарий включались вопросы, позволяющие измерять уровень доверия населения к органам МСУ. Объектом исследования являлись жители МО различного типа Тверского региона в возрасте от 18 лет и старше. Репрезентативная выборка формировалась по квотам (пол, возраст, тип поселения). Объем выборочной совокупности в разные годы варьировался: 2012 г. — 624 чел.; 2013 г. — 628 чел.; 2014 г. — 633 чел.; 2015 г. — 739 чел.; 2016 г. — 1043 чел.; 2017 г. — 1099 чел.; 2018 г. — 1083 чел.; 2019 г. — 682 чел.; 2020 г. — 942 чел.; 2021 г. — 947 чел.; 2022 г. — 725 чел. (статистическая погрешность — 4%). Обработка результатов осуществлялась с помощью создания электронной базы данных и использования программы Microsoft Excel, а также основных описательных статистик в пакете SPSS 16.0.

Во-вторых, в работе представлены результаты исследования, проводившегося в период с 7 октября по 1 ноября 2022 года в рамках реализации фундаментального научно-исследовательского проекта, направленного на анализ доверия населения к органам МСУ в современной России, его институциональных и ценностных оснований. В целом методика подготовки и проведения исследования, обработки его результатов была аналогична методике, применяемой при проведении мониторинга. Объем выборочной совокупности составил 1047 чел. (статистическая погрешность — 4%).

В-третьих, в статье в качестве сравнительного материала по другим регионам РФ и по России в целом использованы результаты анализа вторичных данных.

Результаты исследования

Уровень, характер и динамика доверия россиян к органам МСУ (2012–2022 гг.). Ответы на вопрос, касающийся доверия к органам МСУ в целом, демонстрируют уровень доверия граждан к МСУ как социально-политическому институту, показывают динамику (*табл. 1*). Опрос, проведенный в октябре 2022 года, позволил дифференцированно измерить уровень доверия к

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Доверяете ли Вы в целом органам местного самоуправления (главе Вашего муниципалитета, местной администрации, местным депутатам)?», 2012–2017 гг., мониторинг*, 2022 г., исследование доверия**, % от числа ответивших

Уровень доверия к органам МСУ	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Окт. 2022
Безусловно доверяют	1,8	5,4	8,7	2,2	6,8	1,8	8,2
Скорее доверяют	16,0	28,5	27,4	23,5	26,2	13,7	36,9
Скорее не доверяют	38,1	36,5	36,2	44,0	42,3	46,7	29,8
Безусловно не доверяют	29,5	17,0	18,4	17,9	16,2	24,2	9,5
Затруднились ответить	14,6	12,6	9,4	12,4	8,5	13,7	15,6

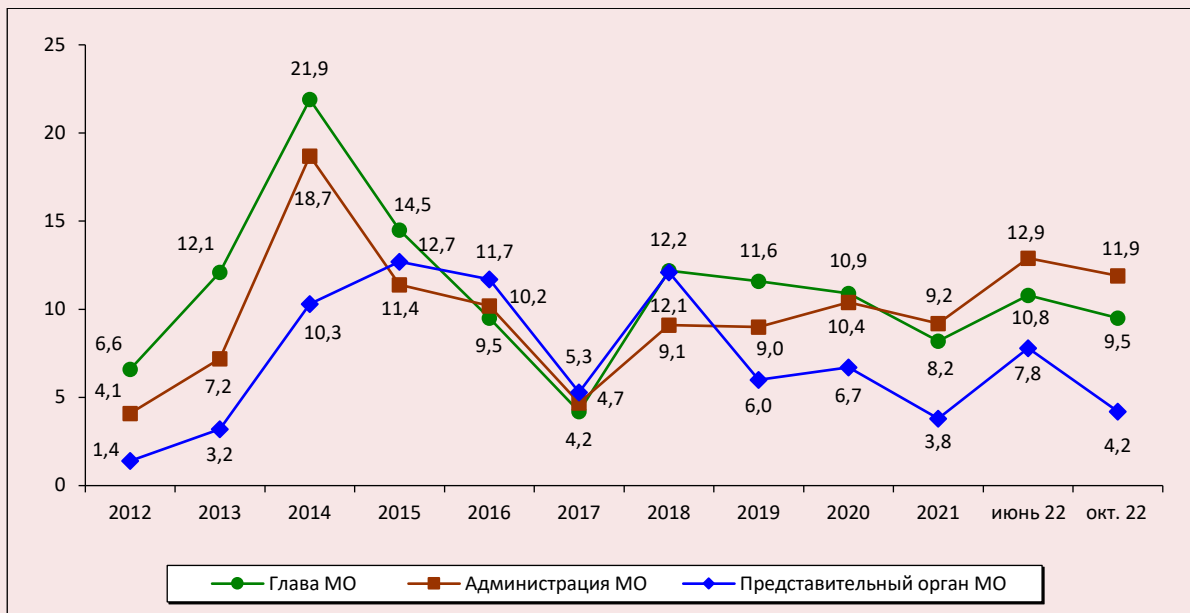
* «Мониторинг» здесь и далее означает, что вопрос фигурировал в анкете социологического мониторинга 2012–2022 гг. и/или данные получены в рамках этого мониторинга.
 ** «Исследование доверия» здесь и далее означает, что вопрос фигурировал в анкете исследования, проведенного в октябре 2022 года и направленного на анализ доверия населения к органам МСУ, и/или данные получены в рамках этого исследования.
 Источник: результаты исследований авторов.

главе муниципалитета («безусловно доверяю» – 8,6%, «скорее доверяю» – 31,3%, «скорее не доверяю» – 25,4%, «безусловно не доверяю» – 10,5%), администрации МО (8,4; 31,0; 24,9; 9,3% соответственно) и представительному органу муниципалитета (6,9; 25,8; 26,3; 9,8% соответственно).

В ходе анализа ответов на вопрос «Каким из перечисленных органов власти и должностных лиц Вы доверяете в большей степени?» был сделан ряд наблюдений, касающихся уровня дове-

рия населения к различным органам МСУ, его соотношения с уровнем доверия к органам региональной и федеральной власти, а также их динамических характеристик (рис. 1) (Майкова, Симонова, 2023). Несмотря на то, что значения показателей доверия, полученные при анализе ответов на данный вопрос, сопоставимы со значениями такого индикатора как «безусловно доверяю» (по шкале Лайкерта), прямое их сравнение является неправомерным, однако эти данные сравнимы на концептуальном уровне.

Рис. 1. Динамика уровня доверия населения Тверской области к органам МСУ*, % от числа ответивших

* Допускался множественный выбор респондентами вариантов ответа, число выборов не ограничивалось.
 Источник: результаты исследований авторов.

Результаты проведенного авторами исследования демонстрируют достаточно низкий уровень доверия граждан к органам МСУ, при этом невысокие его показатели сохраняются на протяжении практически всего периода наблюдений. Подобная тенденция прослеживается на территории всей России. Так, согласно данным всероссийских опросов, проводившихся в 2014–2019 гг. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, уровень доверия к органам МСУ характеризуется более низкими показателями по сравнению с уровнем доверия Президенту РФ, Правительству РФ и главам субъектов РФ, которые варьируются в пределах от 33% (осень 2014 г.) до 25% (лето 2019 г.) (Петухов, 2020). В целом в научной литературе отмечается, что доля респондентов, доверяющих муниципальной власти, чрезвычайно редко составляет 1/3 и более от объема выборочной совокупности. Подобное значение рассматривается исследователями как низкое (Козырева, Смирнов, 2015; Малкина и др., 2020; Петухов, 2017; Петухов, 2020; Реутов, Реутова, 2016; Шабунова и др., 2015). С нашей точки зрения, такие показатели доверия явно недостаточны для уровня публичного управления, который, согласно российской конституционной модели, должен быть наиболее близким к населению, удовлетворять его повседневные нужды, действовать в его интересах и в деятельности которого население наделено правом принимать участие. Это подтверждается, например, результатами социологических замеров уровня доверия, проведенных в Белгородской области, свидетельствующих, что мобилизация населения на коллективные действия на муниципальном уровне тем эффективнее, чем выше доверие к субъекту мобилизации (Реутов, Реутова, 2016). Дефицит доверия к органам МСУ может говорить о кризисе легитимности этого уровня управления и стать если не фактором дестабилизации общества, то, несомненно, барьером для его эффективного развития.

Следует отметить, что доверие населения чаще всего выше к тем структурам, которые идентифицируются с властной вертикалью. В частности, наше исследование показывает, что доверие к институту МСУ в значительной степени персонифицировано. Более высокий уровень доверия жители муниципалитетов демонстрируют, как правило, по отношению к

главе МО. Однако в течение последних двух лет доля граждан, доверяющих администрации МО, становится больше доли жителей муниципалитетов, доверяющих главе МО, в связи с чем можно сделать предположение о формировании тенденции к деперсонификации институционального доверия на местном уровне. Менее всего граждане склонны доверять представителю органа МО. На низкий уровень доверия к политическим институтам, связанным с конкуренцией, указывают и другие исследователи (Козырева, Смирнов, 2015; Латов, 2021; Петухов, 2017; Шабунова и др., 2015).

В целом, если рассматривать динамические характеристики доверия граждан к органам МСУ, то следует указать на определенную волнообразность этой динамики. Снижение уровня доверия к местной власти происходило в 2012, 2017, 2019 и 2021 гг., а рост зафиксирован в 2014, 2018 и 2022 гг. Несомненно, «взлеты» и «падения» уровня доверия к муниципальной власти во многом связаны с процессами, происходящими в стране и оказавшими позитивное или негативное влияние, в том числе, на локальные территории и местные сообщества. Как правило, «взлеты» и «падения» синхронизируются с процессами роста или снижения уровня доверия к Президенту РФ (Майкова, Симонова, 2023).

Результаты нашего исследования показывают, что, несмотря на низкий уровень доверия к органам МСУ в целом и на наличие «взлетов» и «падений» в его динамике, доминирующей является тенденция к его росту. При этом интерес представляет категория граждан, отмечающих в ходе опросов вариант ответа «скорее доверяю». Их доля существенно увеличилась к 2022 году и составила более трети населения.

Разрабатывая систему детерминант, обуславливающих уровень, характер и динамику доверия россиян к органам МСУ, предлагаем выделять следующие группы факторов: 1) национальные традиции и менталитет; 2) социальный контекст и его восприятие населением; 3) современное состояние института МСУ и его восприятие гражданами; 4) личностные особенности субъекта доверия; 5) система взаимодействия в рамках функционирования института МСУ и ее восприятие населением. Проанализируем влияние факторов каждой из выделенных групп на доверие граждан к органам МСУ.

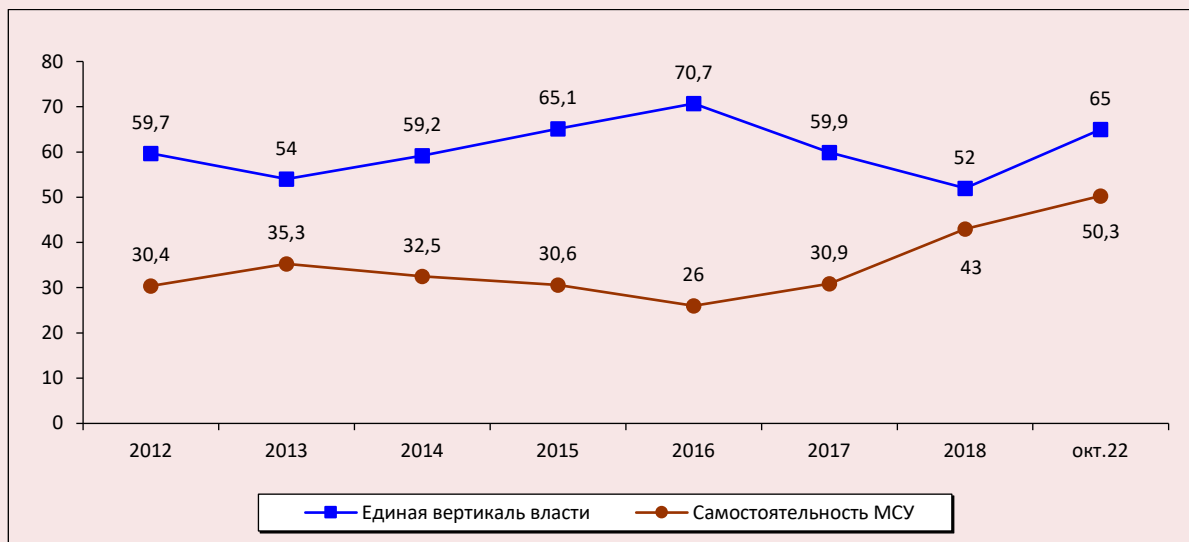
Национальные традиции и менталитет

В научной литературе, посвященной анализу феномена доверия, нередко обращается внимание на его обусловленность традициями, нормами, ценностями, представлениями, установками, которые формировались из поколения в поколение в ходе исторической эволюции общества. Так, Россия, по мнению ряда исследователей, традиционно относится к обществам с низким уровнем доверия (Реутов, 2018; Фукуяма, 2004; Штомпка, 2012; Mishler, Rose, 2001), имеющим долгую государственническую традицию (Горшков и др., 2022).

Данные, полученные в ходе опросов населения Тверской области с 2012 по 2022 год, свидетельствуют об однозначном преобладании государственнической тенденции, которая, то ослабевая, то вновь усиливаясь, доминирует на протяжении всего периода наблюдений. Так, с утверждением о том, что России нужна твердая рука, порядок в обществе, согласны 82,1% жи-

телей региона (2022 г., исследование доверия). Государственническая тенденция фиксируется и при анализе ответов на вопрос о предпочитаемой респондентами модели управления в РФ: от половины до 2/3 граждан традиционно выступают за формирование единой властной вертикали, в которую в качестве одного из уровней управления интегрированы органы МСУ (рис. 2). В ходе исследования был сделан ряд наблюдений касательно доверия граждан к местной власти: во-первых, при высокой ценности для населения сильной государственной власти фиксируется низкий уровень доверия к органам МСУ; во-вторых, как правило, в периоды роста представлений о необходимости интеграции органов МСУ в единую управленческую вертикаль снижается уровень доверия и увеличиваются значения показателя недоверия к местной власти (2012 г.: доверяют МСУ 17,9% от числа респондентов, выступающих за единую вертикаль власти, не доверяют – 66,6%;

Рис. 2. Динамика представлений населения Тверской области о предпочитаемой ими модели управления в РФ*, % от числа ответивших

* С 2012 по 2018 год (мониторинг) задавался один вопрос «Как Вы считаете, каким образом должно быть организовано управление в Российской Федерации?», с вариантами ответа «Власть в городе и районе должна подчиняться губернатору, а губернатор должен подчиняться Президенту и Правительству России (единая вертикаль власти)» и «Государственная власть (федеральная и областная) должна контролировать только самые главные проблемы, а остальные вопросы на местах должны решать органы местного самоуправления». В инструментарии 2022 года (исследование доверия) указанные варианты фигурировали как два отдельных вопроса с вариантами согласия или несогласия с утверждением. Соответственно, это необходимо учитывать при интерпретации результатов.

Источник: результаты исследований авторов.

2013 г.: 39,9% против 50,0; 2014 г.: 35,2% против 57,0; 2015 г.: 22,5% против 63,6; 2016 г.: 34,4% против 57,0; 2017 г.: 17,8% против 71,2)¹.

Самоуправленческая тенденция, не являясь преобладающей, представлена, тем не менее, довольно значительной в количественном отношении социальной группой. Так, от трети до более чем половины россиян выступают за политические свободы и демократию (58,5% — 2022 г., исследование доверия), а также за автономность и независимость органов МСУ в решении местных проблем (от 30,4% в 2012 г. до 50,3% в 2022 г., мониторинг). При этом происходит дальнейшее усиление этой тенденции. Кроме того, в ходе исследования зафиксирована взаимозависимость доверия к органам МСУ и ориентации на политические свободы и демократию: граждане, считающие, что указанные ценности являются обязательным условием существования государства, в большей степени доверяют местной власти (47,2% против 40,0% респондентов, не ориентированных на указанные ценности, 2022 г., исследование доверия)².

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в российской ментальности существует исторически и культурно обусловленная ориентация на сильную государственную власть и, соответственно, установка на доверие к вертикали власти и недоверие чиновникам разных уровней, в качестве которых население зачастую воспринимает и представителей органов МСУ. На доверие россиян прежде всего институтам «вертикали власти» обращали внимание исследователи, опиравшиеся на данные, полученные в ходе общероссийских опросов (Латов, 2021).

Социальный контекст и его восприятие населением

Вторая группа детерминант, выделенных нами, включает всю совокупность текущих социально-экономических, социально-политических и социокультурных условий, в которых происходит функционирование феномена доверия к органам МСУ, и особенности их восприятия населением российских муниципалитетов.

¹ Указаны суммарные доли ответов, с одной стороны, «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», с другой стороны, «безусловно не доверяю» и «скорее не доверяю».

² Указана суммарная доля ответов «безусловно доверяю» и «скорее доверяю».

Воздействие социально-экономических факторов на уровень доверия в обществе и его обратное влияние на экономический рост широко обсуждаются в научной литературе (Глушко, 2016; Гужавина, Силина, 2018; Давыденко и др., 2018; Ильичева, Лапин, 2022; Малкина и др., 2020; Реутов, Реутова, 2016; Реутов, 2018; Фукуяма, 2004; Algan, Cahuc, 2013). Результаты проведенного нами исследования говорят о том, что в большей степени на уровень доверия жителей МО к муниципальной власти влияет не столько сама социально-экономическая ситуация, сколько ее восприятие населением. Сравнение динамики ряда социально-экономических показателей Тверского региона (индекса потребительских цен, реальной начисленной средней заработной платы на одного работника) и значений индикаторов доверия к органам МСУ за период с 2012 по 2022 год свидетельствует о весьма незначительной синхронности этих процессов. Следовательно, отмечается слабая прямая зависимость уровня доверия от экономических факторов (рис. 3).

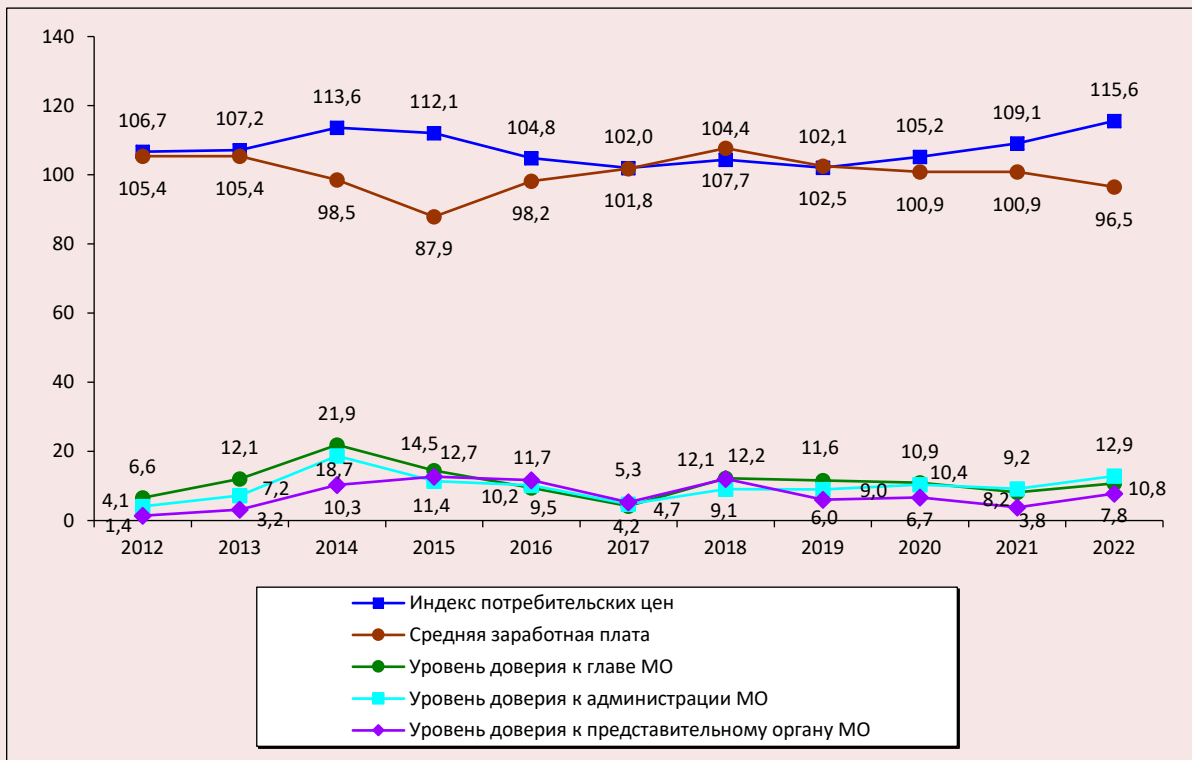
В то же время зависимость уровня доверия россиян к местной власти от характера восприятия ими социально-экономической, политической и культурной ситуации в муниципалитете оказалась довольно существенной. По данным исследования доверия населения Тверской области к органам МСУ (октябрь 2022 г.), около половины респондентов оценили ситуацию в своем МО как благоприятную (4,3% от общей численности выборочной совокупности) или нормальную (44,2%), а примерно треть граждан указали, что ситуация в их муниципалитете кризисная (29,5%) либо даже катастрофическая (5,7%). При этом фиксируется четко выраженная взаимосвязь между характером восприятия ситуации в МО и субъективной оценкой респондентами своего материального положения и своих возможностей удовлетворять потребности: более обеспеченные граждане чаще оценивают ситуацию в муниципалитете как благоприятную или нормальную, и наоборот.

Что касается доверия к местной власти, то респонденты, которые позитивно оценивают социально-экономическую, политическую и культурную ситуацию в своем МО, в значительно большей степени доверяют органам

МСУ, чем категории граждан, имеющих о ней негативное представление (табл. 2). Это наблюдение подтверждается результатами корреляционного анализа с использованием индекса корреляции Спирмена, который показал

наличие умеренной зависимости между доверием к местной власти и позитивной оценкой текущей социально-экономической, политической и культурной ситуации в муниципалитете ($r = 0,341$).

Рис. 3. Соотношение динамики индекса потребительских цен и реальной начисленной средней заработной платы на одного работника (Тверская область), % к предыдущему периоду, и доверия населения Тверской области к органам МСУ, % от числа ответивших

Источники: Социально-экономическое положение Тверской области. База данных // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тверской области. Available at: <https://tverstat.gks.ru/>; результаты исследований авторов.

Таблица 2. Зависимость уровня доверия населения Тверской области к органам МСУ от характера оценки социально-экономической, политической и культурной ситуации в муниципалитете в настоящее время, 2022 г., исследование доверия, % от числа ответивших

Уровень доверия к органам МСУ	Оценка населением социально-экономической, политической и культурной ситуации в муниципалитете в настоящее время				
	Благоприятная	Нормальная	Кризисная	Катастрофическая	Затруднились ответить
Безусловно доверяют	42,2	10,7	3,3	1,7	3,0
Скорее доверяют	37,8	54,4	24,3	3,4	23,7
Скорее не доверяют	8,9	20,3	44,3	40,7	32,0
Безусловно не доверяют	4,4	2,4	14,4	44,1	8,9
Затруднились ответить	6,7	12,2	13,8	10,2	32,5

Источник: результаты исследований авторов.

Исследование продемонстрировало взаимосвязь между характером оценок респондентами различных условий жизни в своем населенном пункте и уровнем их доверия к органам МСУ (мониторинг, 2020–2021 гг.). При этом статистически устойчивой является связь между позитивными оценками различных условий жизни (например, обеспеченности муниципалитетов бытовой инфраструктурой, услугами связи, теплоснабжения, горячего и холодного водоснабжения и др.) и более высоким уровнем доверия к главе, администрации и представительному органу МО, и наоборот. Подобная картина наблюдается в отношении оценок направленности изменений уровня и качества жизни в муниципалитете со стороны граждан (табл. 3). Результаты корреляционного анализа с использованием индекса корреляции Спирмена также показывают наличие связи между доверием главе, администрации и представительному органу МО и позитивной оценкой респондентами направленности изменений уровня и качества жизни в их населенном пункте за последние три года, однако эта зависимость имеет слабый характер ($r < 0,3$). В свою очередь характер представлений респондентов, касающихся динамики условий жизни в МО, обусловлен субъективной оценкой материально-имущественного статуса: обеспеченные граждане чаще говорят о позитивных изменениях, а люди с низкими доходами демонстрируют пессимизм, указывая на ухудшение условий жизнедеятельности в муниципалитете.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод, который подтверждается в работах других авторов: рост или снижение различных социально-экономиче-

ских показателей не оказывает значительного влияния на динамику доверия к органам власти и МСУ (Ильичева, Лапин, 2022; Петухов, 2017), т. к. уровень доверия обуславливается целым комплексом факторов, среди которых важнейшее значение имеют ценностные ориентации россиян, сформировавшиеся к настоящему времени (Глушко, 2016; Ильичева, Лапин, 2022; Козырева, Смирнов, 2015; Фукуяма, 2004). В частности, обращаясь к результатам нашего исследования (октябрь 2022 г., исследование доверия), отметим что такая ценность, как «свобода личности, права человека» (либерально-демократическая, индивидуалистская), занимает одну из ключевых позиций в системе ценностных ориентаций практически всех категорий российских граждан. Так, доли носителей этой ценности варьируются примерно от 40 до 75% от численности той или иной категории респондентов. В целом можно говорить об определенной эклектичности сознания российских граждан, ценностная структура которого представляет собой конфигурацию элементов различных ценностных систем. Что касается доверия к органам МСУ, то респонденты, в той или иной степени им доверяющие, являются носителями преимущественно социалистических ценностей, в то время как среди граждан, демонстрирующих тот или иной уровень недоверия местной власти, получили довольно широкое распространение либерально-демократические ценности (связано это, вероятно, с несоответствием реального состояния дел в современной российской системе МСУ идеально-типическим характеристикам, присущим данному социально-политическому институту).

Таблица 3. Зависимость уровня доверия жителей Тверской области к органам МСУ от характера оценки направленности изменений уровня и качества жизни в населенном пункте за последние три года, 2020–2021 гг., мониторинг, % от числа ответивших

Объект доверия	Оценка респондентами направленности изменений уровня и качества жизни в населенном пункте за последние три года									
	Однозначно улучшилась		Скорее улучшилась		Все осталось по-прежнему, изменений нет		Скорее ухудшилась		Однозначно ухудшилась	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Глава МО	25,0	15,4	13,9	11,5	8,9	7,9	8,3	2,8	4,2	3,1
Администрация МО	21,9	11,5	14,9	11,2	7,6	9,4	7,1	6,8	4,2	3,1
Представительный орган МО	15,6	1,9	9,4	6,1	6,9	4,5	3,0	2,3	0	0

Источник: результаты исследований авторов.

Современное состояние института МСУ и его восприятие гражданами

Третья группа детерминант доверия населения к органам МСУ включает в себя систему показателей, характеризующих структуру и функционал данного социально-политического института на современном этапе развития российского общества, особенности его формирования и результативность его деятельности, а также специфику его восприятия жителями МО.

Отметим, что в 90-е гг. XX века МСУ задумывалось в качестве института низовой демократии, предполагалась его самостоятельность (в пределах своих полномочий), независимость от органов государственной власти, а также широкое вовлечение населения в процессы развития российских территорий. Однако на протяжении практически всего времени своего существования МСУ подвергается реформированию, в результате которого усиливается тенденция его «огосударствления», встраивания в управленческую вертикаль.

В Тверской области протекают процессы, аналогичные общероссийским. Так, на 01.11.2022 регион включал в себя 136 МО³, из них 9 городских округов, в т. ч. 2 закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), 22 муниципальных округа, 9 муниципальных районов, 17 городских и 79 сельских поселений. В период с 2012 по 2022 год общее число муниципалитетов в регионе сократилось, возросло количество округов (городских и муниципальных) и существенно уменьшилось число муниципальных районов (на 75% по сравнению с 2012 годом), городских (на 60,5%) и сельских (на 75,2%) поселений. При этом в течение последних лет все больше снижается количество МО, применяющих процедуры прямых выборов для замещения позиции главы МСУ, и, напротив, растет число муниципалитетов, использующих конкурсную модель избрания глав МО. Прямые выборы сохраняются только при формировании депутатского корпуса представительного органа МО.

Однако проведенные нами опросы населения Тверской области свидетельствуют о несо-

ответствии распространяющихся в регионе реальных муниципальных практик представлениям и ожиданиям граждан в отношении МСУ. Так, большинство жителей муниципалитетов Тверского региона выступает за применение процедур прямых выборов в процессе замещения должности главы МО (с 30,5% в 2012 г. до 59,4% в 2022 г., мониторинг) и за сохранение поселенческого уровня в системе территориальной организации МСУ (вариант «на поселенческом уровне – МСУ, на уровне района – государственное управление»: с 43,5% в 2017 г. до 46,7% в 2022 г., мониторинг; вариант «МСУ на двух уровнях»: с 33,6% в 2017 г. до 36,9% в 2022 г., мониторинг), что дает больше возможностей для активного участия граждан в МСУ. Соответствие/несоответствие реальных муниципальных практик и ожиданий населения в отношении МСУ оказывает влияние на уровень доверия граждан к органам МСУ, и это влияние является довольно устойчивым. В частности, в 2012 году, когда в регионе была распространена практика избрания глав МО на прямых выборах, уровень доверия к главе муниципалитета у тех категорий населения, которые считали наиболее эффективной моделью его избрание всеми жителями муниципалитета, был выше по сравнению с другими группами граждан⁴. В 2022 году в муниципалитетах региона прямые выборы глав МО не применяются, доминирует конкурсная модель, соответственно, замеры уровня доверия населения к главе МСУ демонстрируют наличие более высоких его показателей у тех категорий граждан, которые выступают за реализацию конкурсной модели избрания глав МО⁵.

⁴ Доверяют главе МО: 10,5% от числа респондентов, выступающих за прямые выборы; 8,1% от числа граждан, выступающих за избрание главы МО депутатами из своего состава; 6,1% от числа респондентов, выступающих за назначение главы (губернатором и т. д.); 5,1% от числа граждан, выступающих за избрание главы решением общего собрания жителей, 2012 г., мониторинг.

⁵ Доверяют главе МО: 18,6% от числа респондентов, выступающих за реализацию конкурсной модели избрания главы МО; 16,3% от числа граждан, выступающих за назначение главы (губернатором и т. д.); 9,8% от числа респондентов, выступающих за прямые выборы; 8,4% от числа граждан, выступающих за избрание главы МО депутатами из своего состава, 2022 г., мониторинг.

³ Министерство региональной политики Тверской области. URL: <https://минтер.тверскаяобласть.рф/>

В качестве факторов, оказывающих влияние на уровень, характер и содержание доверия/недоверия россиян к институту МСУ, могут выступать их представления о квалификационном составе муниципальных органов, моделях поведения должностных лиц органов МСУ, а также оценка жителями муниципалитетов результативности деятельности местной власти. Так, для тех категорий населения, которые негативно оценивают уровень квалификации муниципальных служащих, в большей степени, чем для других групп граждан, характерно недоверие к местной власти (в 2017 г. 36,6% против 26,6, мониторинг)⁶. Жители муниципалитетов Тверского региона, указавшие на коррумпированность и семейственность муниципальных служащих в качестве одной из наиболее существенных проблем, затрудняющих работу органов МСУ, демонстрируют более высокий уровень недоверия к местной власти по сравнению с респондентами, для которых эта проблема оказалась не столь значимой (в 2017 г. 51,0% против 22,1, мониторинг)⁷. Значение этого фактора подтверждается общероссийскими исследованиями, согласно которым большинство россиян оценивает власть на местах как наиболее коррумпированную, что влияет на уровень институционального доверия к ней (Малкина и др., 2020; Петухов, 2020). Так, по данным общероссийского опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в октябре 2018 года, в группе респондентов, оценивающих власть на местах в качестве коррум-

пированной, 58% – не доверяют органам МСУ, доверяют им лишь 21% респондентов (Петухов, 2020). Уровень доверия к органам МСУ значительно выше у тех категорий граждан, которые позитивно оценивают работу местной власти, проводившуюся ее представителями в течение последнего года, что фиксируется как по результатам многолетнего мониторинга (2012–2014, 2016–2017, 2019, 2022 гг., мониторинг), так и по данным исследования, осуществленного осенью 2022 года, направленного на анализ доверия населения к органам МСУ (табл. 4). Это наблюдение подтверждается результатами корреляционного анализа с использованием индекса корреляции Спирмена, показавшего наличие умеренной зависимости между доверием к местной власти и позитивной оценкой работы и результативности деятельности органов МСУ в течение последнего года ($r = 0,395$).

В научной литературе отмечается, что существенную роль в формировании доверия/недоверия населения к местной власти играют уровень транспарентности муниципальных органов и возможность оказывать влияние на принимаемые ими решения (Ильичева, Лапин, 2022; Петухов, 2017; Петухов, 2020; Vuell at al., 2020), что подтверждается результатами наших исследований. Так, например, у респондентов, информированных о личности главы МО, показатели доверия к нему в 2 раза выше, чем у неинформированных граждан (15,4 и 5,7 соответственно, 2019 г., мониторинг). Более высокий уровень доверия к местной власти характе-

Таблица 4. Зависимость уровня доверия жителей Тверской области к органам МСУ от характера оценки их работы и результативности деятельности в течение последнего года, 2022 г., исследование доверия, % от числа ответивших

Уровень доверия	Оценка работы и результативности деятельности органов МСУ в течение последнего года			
	Полностью положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Полностью отрицательно
Безусловно доверяю	57,1	8,6	3,7	0
Скорее доверяю	33,9	65,0	9,0	5,2
Скорее не доверяю	5,4	14,7	60,8	32,8
Безусловно не доверяю	0	1,7	15,5	55,2

Источник: результаты исследований авторов.

⁶ Указаны суммарные доли ответов, с одной стороны, «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», с другой стороны, «безусловно не доверяю» и «скорее не доверяю».

⁷ Указаны суммарные доли ответов, с одной стороны, «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», с другой стороны, «безусловно не доверяю» и «скорее не доверяю».

рен для тех жителей муниципалитетов региона, которые оценивают степень влияния рядового гражданина на деятельность органов МСУ как высокую или среднюю⁸.

Личностные особенности субъекта доверия

Еще одна группа детерминант доверия населения к органам МСУ связана с особенностями социально-статусных характеристик субъекта доверия и обусловленной ими спецификой установок, взглядов, представлений, системы ценностей, поведенческих реакций и др. Так, проведенное нами исследование позволило выявить зависимость доверия к местной власти от ряда социально-демографических характеристик респондентов (приведены данные 2019 г., мониторинг). Уровень доверия выше у людей старшего возраста по сравнению с молодыми: главе МО доверяют 11,5% респондентов в возрасте 55 лет и старше, 12,1% – в возрасте 30–54 лет и 10,9% – в возрасте 18–29 лет; представителю органу МО – 6,6% граждан старшей возрастной категории, 6,8% людей среднего возраста и 3,8% молодых людей. Граждане, имеющие высокий уровень образования, ориентированы больше доверять администрации и представителю органу МО, а респонденты с неполным средним образованием демонстрируют более высокий уровень доверия главе МО⁹. Род деятельности респондентов также является фактором, дифференцирующим отношение граждан к институту МСУ. Наиболее высокий уровень доверия к муниципальным органам характерен для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов (главе МО – 33,3%, администрации МО – 22,2%, представителю органу МО – 22,2%), работников бюджетной сферы (главе МО – 15,3%, администрации МО – 12,3%, представителю органу МО – 9,8%), представителей биз-

неса (администрации МО – 12,5%, представительному органу МО – 9,4%). Однако главе МО в отличие от его администрации и представительного органа предприниматели доверяют в меньшей степени (6,2%). Что касается материального положения респондентов (оно определялось по их самооценке), то более высокий уровень доверия к представительному органу и главе МО характерен для состоятельных граждан (главе МО – 23,1%, представителю органу МО – 7,7%), а к администрации МО – людей со средним и низким уровнем дохода (10,1 и 7,3% соответственно). На значимость фактора материального благополучия граждан указывают и другие исследователи (Реутов, Реутова, 2016).

Система взаимодействия в рамках функционирования института МСУ и ее восприятие населением

Пятая группа детерминант доверия населения к органам МСУ связана с уровнем, характером и содержанием взаимодействия граждан с различными структурами, относящимися к данному социально-политическому институту, и особенностями восприятия населением этого взаимодействия. Так, результаты проведенного нами исследования показывают, что доверие к муниципальным структурам со стороны граждан, имевших реальный опыт взаимодействия с ними, выражено в большей степени, чем у респондентов, не обладающих подобным опытом (2019 г., мониторинг). Однако это касается лишь опыта взаимодействия, имевшего для гражданина некий позитивный результат. Если же жители муниципалитетов, как отмечается в научной литературе, имели личный коррупционный опыт в ходе взаимодействия с представителями местной власти, то в этом случае уровень их доверия к органам МСУ снижается (Малкина и др., 2020; Петухов, 2020).

Существенное влияние на уровень доверия россиян к институту МСУ оказывают наличие у них активистских установок и вовлеченность в различные самоуправленческие практики, в рамках которых им приходится так или иначе взаимодействовать с представителями муниципальных органов (Майкова, Симонова, 2023). В частности, респонденты, согласные с тем, что активная жизненная позиция жителей способствует улучшению ситуации в муниципалитете (2019 г., мониторинг; 2022 г., исследование до-

⁸ Главе МО: высокая степень – 18,8%, средняя степень – 14,8%, низкая степень – 7,3%; администрации МО: высокая степень – 24,0%, средняя степень – 13,7%, низкая степень – 11,1%; представителю органу МО: высокая степень – 6,6%, средняя степень – 4,8%, низкая степень – 5,6%, 2021 г., мониторинг.

⁹ Главе МО: неполное среднее – 21,1%, полное среднее – 11,9%, среднее специальное – 9,4%, высшее – 12,3%. Администрации МО: неполное среднее – 7,9%, полное среднее – 10,2%, среднее специальное – 7,1%, высшее – 10,8%. Представителю органу МО: неполное среднее – 5,3%, полное среднее – 4,2%, среднее специальное – 4,8%, высшее – 8,9%.

верия), и ориентированные на участие в делах местного сообщества и решение общих проблем (2022 г., мониторинг, 2022 г., исследование доверия), демонстрируют в большинстве случаев более высокий уровень доверия к органам МСУ по сравнению с другими категориями граждан.

Для россиян, выражающих готовность к реализации пассивного избирательного права, характерен более высокий уровень доверия к представительному органу МСУ, однако главе МО они доверяют в меньшей степени, чем респонденты, не стремящиеся к самореализации в качестве муниципального депутата (2022 г., мониторинг). Что же касается реального участия населения в различных муниципальных практиках, то показатели доверия/недоверия под влиянием этого фактора оказываются довольно неустойчивыми. Так, например, согласно данным исследования 2019 года (мониторинг), граждане, занимающиеся общественной деятельностью, имеющие членство в общественных организациях, НКО, больше доверяют главе и администрации МО, уровень их доверия к этим институтам муниципального управления практически в 2 раза выше, чем у других групп респондентов. Однако в исследовании 2022 года (исследование доверия) мы фиксируем подобный показатель (более высокий) только у категории граждан, «безусловно доверяющих» институту МСУ (14,6% против 7,8% респондентов, не состоящих в общественных организациях). Незначительны, в частности, также различия в уровне доверия к органам МСУ у категорий граждан, принимавших и не принимавших участие в течение последнего года в жизни своего населенного пункта, в решении общих для его жителей проблем (2022 г., исследование доверия).

Более существенное воздействие на уровень доверия имеет характер оценки собственного опыта взаимодействия с сотрудниками органов МСУ (табл. 5). Это наблюдение подтверждается результатами корреляционного анализа с использованием индекса корреляции Спирмена, показавшего наличие умеренной зависимости между доверием к местной власти и позитивной оценкой собственного опыта взаимодействия с сотрудниками органов МСУ ($r = 0,305$).

Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что вовлеченность в различные практики МСУ становится существенным фактором, оказывающим влияние на уровень доверия к муниципальным органам при наличии воздействия сопутствующих факторов (ценности участников, значимость взаимодействия, его результативность и др.).

Заключение

Итак, результаты исследования, проведенного авторами статьи, демонстрируют достаточно низкий уровень доверия граждан к органам МСУ по сравнению с уровнем доверия к ряду других властных институтов (в частности Президенту РФ). Доля респондентов, выражающих доверие муниципальной власти, как правило, составляет около трети (и менее) населения Тверского региона, что подтверждает выводы, сделанные другими исследователями в ходе общероссийских опросов, а также исследований, проведенных в отдельных субъектах РФ. В отличие от большинства предшественников мы ориентированы на анализ доверия к органам МСУ как единому целому и к отдельным составляющим этого социально-политического института (главе, администрации и представительному органу МО). Подобный подход позволил выявить доминирование на протяжении

Таблица 5. Зависимость уровня доверия жителей Тверской области к органам МСУ от характера оценки собственного опыта взаимодействия с их сотрудниками, 2022 г., исследование доверия, % от числа ответивших

Уровень доверия	Оценка собственного опыта взаимодействия граждан с сотрудниками органов МСУ			
	Полностью положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Полностью отрицательно
Безусловно доверяю	37,7	8,5	3,9	0
Скорее доверяю	49,2	54,0	9,1	3,2
Скорее не доверяю	3,3	19,3	61,0	38,7
Безусловно не доверяю	1,6	3,4	16,9	51,6

Источник: результаты исследований авторов.

практически всего периода наблюдений (2012–2020 гг.) персонифицированного характера доверия к органам МСУ и появление тенденции к его деперсонификации начиная с 2021 года (уровень доверия к администрации МО становится выше уровня доверия к главе МО), свидетельствующей, по мнению авторов, о формировании доверия институционального типа. В ходе исследования в Тверской области зафиксированы волнообразность динамики доверия к МСУ в период с 2012 по 2022 год и преобладание возрастающего тренда в целом.

Особое внимание уделено факторам, оказывающим влияние на уровень, характер, содержание и динамику доверия россиян к органам МСУ. На основе теоретического анализа и эмпирических исследований нами предложена теоретико-методологическая рамка, позволяющая построить систему детерминант доверия населения к органам МСУ: 1) национальные традиции и менталитет; 2) социальный контекст и его восприятие населением; 3) современное состояние института МСУ и его восприятие гражданами; 4) личностные особенности субъекта доверия; 5) система взаимодействия в рамках функционирования института МСУ и ее восприятие населением. Такой подход дополняет и развивает научные выводы предшественников, так как подобная группировка факторов доверия к МСУ не предпринималась исследователями, занимающимися данной проблематикой. Анализ влияния указанных групп факторов на уровень доверия граждан к органам МСУ показал, что выявленная ранее другими исследователями связь динамики доверия к МСУ с этапами экономического цикла не подтверждается на материалах нашего исследования. Проведенное нами исследование демонстрирует наличие слабой прямой зависимости уровня доверия от большинства экономических факторов. Детерминирует доверие граждан к органам МСУ не сама экономическая ситуация, а ее восприятие населением. Однако подтверждается значимость материального благополучия граждан как фактора, влияющего на уровень доверия к местной власти.

В ходе исследования выявлено, что к числу факторов, в наибольшей степени влияющих на

рост уровня доверия к местной власти, относятся позитивная оценка работы и результативности деятельности органов МСУ, позитивная оценка гражданами собственного опыта взаимодействия с сотрудниками органов МСУ, высокая или средняя оценка степени влияния рядового гражданина на деятельность органов МСУ. Это позволяет объяснять современное состояние доверия к муниципальной власти с применением положений институциональных теорий.

Был назван ряд проблем, касающихся доверия к органам МСУ. Так, достаточно устойчивым является негативное влияние на доверие к этому институту представления о коррумпированности муниципальных органов, а также несоответствия реальных муниципальных практик, направленных на минимизацию участия граждан в принятии управленческих решений (использование конкурсной модели при замещении должности главы МО), и ожиданий населения в отношении МСУ (ориентация на применение механизма прямых выборов). В этом плане результаты наших исследований подтверждают и дополняют данные общероссийских опросов. В качестве путей решения указанных проблем можно предложить совершенствование системы антикоррупционных мер в отношении органов МСУ; проведение разъяснительной работы среди населения, касающейся обоснования необходимости проведения реформ в системе МСУ (внедрения конкурсной модели избрания глав МСУ и др.); совершенствование системы коммуникаций органов муниципальной власти с населением, в том числе с применением новых информационно-коммуникационных технологий.

Предлагаемая в статье теоретико-методологическая конструкция может служить основой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований, наполняться новыми данными о детерминантах доверия к органам МСУ. Исследование имеет также и практическое значение, связанное с разработкой методических рекомендаций и выработкой мер государственной и муниципальной политики, направленной на совершенствование способов повышения доверия населения к органам власти и МСУ.

Литература

- Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. (2018). Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9
- Ворошилов Н.В. (2022). Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 5. С. 170–188. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.9
- Гидденс Э. (2011). *Последствия современности* / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 352 с.
- Глушко И.В. (2016). Факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе // *Гуманитарий Юга России*. Т. 20. № 4. С. 95–104.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. (2022). *На переломе веков: социодинамика российской культуры: монография*. М.: ФНИСЦ РАН. 703 с. DOI: 10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022
- Гужавина Т.А., Силина Т.А. (2018). «Недоверяющие»: социологический портрет группы (по результатам исследований в Вологодской области) // *Вопросы территориального развития*. № 1 (41). DOI: 10.15838/tdi/2018.1.41.4
- Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В., Лазутина Д.В. (2018). Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 6. С. 127–142. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.8
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества (2013) / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 564 с.
- Ильичева Л.Е., Лапин А.В. (2022). *Ценностные и социальные детерминанты устойчивого развития российских регионов в эпоху глобальной цивилизационной деформации: монография*. М.: Проспект. 344 с.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2015). Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*. № 1 (12). С. 79–99.
- Латов Ю.В. (2021). Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11
- Лыска А.Г. (2013). Концепция строительства местного сообщества: предпосылки формирования и основные положения // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 193–205.
- Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Холодилин К.А. (2020). Институциональные факторы политического доверия в современной России // *Journal of Institutional Studies*. № 12 (4). С. 77–93. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093
- Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. (2023). Взаимосвязь доверия к местному самоуправлению и участия в самоуправленческих практиках (на примере Тверской области) // *Социологические исследования*. 2023. № 2. С. 28–40 (готовится к печати).
- Петухов Р.В. (2017). Доверие российского общества к органам местного самоуправления // *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 61–75. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.05
- Петухов Р.В. (2020). Если ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления? // *Местное право*. № 3. С. 27–34.
- Реутов Е.В. (2018). Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 13. № 1. С. 12–20. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-1-12-20
- Реутов Е.В., Реутова М.Н. (2016). Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 11. № 5. С. 12–21. DOI: 10.12737/22689
- Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В. (2018). Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. Т. 11. Вып. 4. С. 464–486. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>
- Селигмен А. (2002). *Проблема доверия* / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс. 256 с.

- Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак». 730 с.
- Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. (2015). Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. Вып. 2 (76). С. 7–19.
- Штомпка П. (2012) Доверие – основа общества / П. Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос. 440 с.
- Abramson S.F., Carter D.B., Ying L. (2022). Historical border changes, state building, and contemporary trust in Europe. *American Political Science Review*, 116(3), 875–895. DOI: 10.1017/S0003055421001428
- Algan Y., Cahuc P. (2013). *Trust, Growth and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. Discussion Paper No. 7464*. Bonn: IZA. Available at: <https://www.yann-algan.com/wp-content/uploads/2016/10/Algan-et-Cahuc-2013-2.pdf>
- Buell R.W., Porter E., Norton M.I. (2020). *Surfacing the Submerged State: Operational Transparency Increases Trust in and Engagement with Government. Working Paper No. 14-034*. Boston: Harvard Business School. Available at: 14-034_16ccb2b4-1a24-47b5-8bcf-dca2720bb96f.pdf
- Dyde A., Warden R., Jacques D. (2019). *Building Community Capacity and Resilience. Evaluation Findings from a Two-Year Practice and Research Collaboration in Gloucestershire: Report*. Gloucester: Barnwood Trust. Available at: <https://www.barnwoodtrust.org/wp-content/uploads/2019/12/BCCR-Report.pdf>
- Lloyd J., Reynolds E. (2020). *Asset-Based Community Development for Local Authorities: How to Rebuild Relationships with Communities through Asset-Based Approaches: Report*. London: Nesta. Available at: <https://www.nesta.org.uk/feature/new-operating-models-handbook/>
- Mishler W., Rose R. (2001). What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-Communist societies. *Comparative Political Studies*, 34(1), 30–62. DOI: 10.1177/0010414001034001002
- Möllering G. (2001). The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*, 35(2), 403–420.
- Phifer B.M. (1990). Community development in America: A brief history. *Sociological Practice*, 8(1), 17–31.

Сведения об авторах

Элеонора Юрьевна Майкова — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой, Тверской государственный технический университет (170026, Российская Федерация, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22; e-mail: maykova@yandex.ru)

Елена Валерьевна Симонова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Тверской государственный технический университет (170026, Российская Федерация, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22; e-mail: Simonova-E-V@yandex.ru)

Maykova E.Yu., Simonova E.V.

Determinants of the Trust of Russian Municipalities' Residents in Local Self-Government Bodies

Abstract. The relevance of the article is due to Russia's orientation toward the democratization of socio-political relations, as well as the need to address issues emerging in modern society. We consider a system of factors determining the level, nature, and dynamics of the trust of Russian municipalities' residents in local self-government bodies. We provide the findings of the following sociological surveys conducted in the Tver Oblast: 1) a sociological monitoring carried out to analyze the dynamics of citizens' perceptions of local self-government (2012–2022); 2) a study that analyzes public trust in local self-government bodies (October 7 – November 1, 2022). The data of our research are compared with the results of all-Russian surveys. Our approach consists in analyzing the trust in local self-government as a whole and, at the same time, the trust in its individual institutions (head, administration, and representative body of municipality). This, along with the grouping of trust factors that we put forward, determines the scientific novelty of the work. In the course of the study, we observe a low level of trust in local self-government

bodies (compared, for example, with trust in the president), its undulating dynamics, predominance of an increasing trend, tendency toward its depersonalization, and formation of an institutional type of trust. We propose a theoretical and methodological framework for designing a system of determinants of trust in local self-government bodies and identify groups of factors influencing it. We reveal a weak connection of the dynamics of trust in local self-government bodies with the stages of the economic cycle, the importance of the material well-being of citizens as a trust factor; besides, we find that citizens' trust in local self-government bodies is conditioned by their perception of the economic situation. The factors that have the most significant influence on the growth of the level of trust in local authorities include positive assessment of the work of local self-government bodies, citizens' positive assessment of their own experience of interaction with local self-government employees, high or average assessment of the degree of influence of an ordinary citizen on the activities of local self-government bodies. Perceptions concerning the presence of corruption in municipal bodies, inconsistency of real municipal practices aimed at minimizing the participation of citizens in managerial decision-making, and people's expectations have a negative impact on the credibility of this institution. We propose ways to solve these problems. Theoretical significance of the work is determined by the possibility to use the theoretical and methodological framework for further theoretical and empirical research. Practical significance is associated with the possibility of developing state and municipal policy measures aimed at improving ways to increase public trust in local authorities.

Key words: Russian municipalities, local self-government bodies, level of public trust, dynamics of trust, determinants of trust, systematization of trust factors.

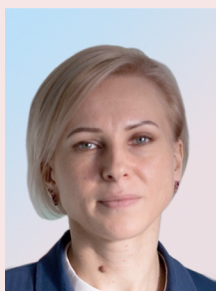
Information about the Authors

Eleonora Yu. Maykova – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, head of department, Tver State Technical University (22, Afanasiy Nikitin Embankment, Tver, 170026, Russian Federation; e-mail: maykova@yandex.ru)

Elena V. Simonova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Tver State Technical University (22, Afanasiy Nikitin Embankment, Tver, 170026, Russian Federation; e-mail: Simonova-E-V@yandex.ru)

Статья поступила 30.12.2022.

Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход

Елена Ивановна

САЛГАНОВА

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Челябинск, Российская Федерация

e-mail: salganovaei@susu.ru

ORCID: 0000-0002-1549-8425

Любовь Борисовна

ОСИПОВА

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: osipovalb@tyui.ru

ORCID: 0000-0003-1885-690X; ResearcherID: P-2244-2017

Аннотация. В настоящее время цифровые технологии оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие различных сфер жизнедеятельности общества. В связи с этим возрастает значимость сформированности цифровых компетенций обучающейся молодежи. Данные компетенции необходимы современному поколению для эффективной трудовой деятельности, безопасного использования цифровой среды. В статье представлены обзор и систематизация научных концепций, раскрывающих содержание цифровой грамотности. Предложено соотношение научных категорий «цифровая грамотность» и «цифровая компетенция». Конкретными фактами подтверждено, что применение в образовании цифровых технологий предполагает формирование цифровых компетенций, важность которых не подлежит сомнению, как и

Для цитирования: Салганова Е.И., Осипова Л.Б. (2023). Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 227–240. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.12

For citation: Salganova E.I., Osipova L.B. (2023). Students' digital literacy: Competence-based approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 227–240. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.12

то, что цифровая грамотность способствует развитию навыков поиска, анализа, критического осмысления полученной информации, а также компетентному использованию цифровых платформ, сетевых технологий с соблюдением основ безопасности в цифровой среде. В связи с этим цель авторского исследования состоит в выявлении уровня сформированности цифровых компетенций студентов в системе высшего образования (на примере Челябинской области). Научная новизна работы заключается в теоретическом обосновании содержания цифровой грамотности и систематизации подходов на основе компетентностного подхода. В данном контексте представляют интерес результаты опроса студентов четырех вузов г. Челябинска, направленного на выявление региональных особенностей и проблем формирования цифровых компетенций в системе высшего образования. Результаты исследования могут стать важным методологическим инструментом в определении групп риска по уровню сформированности цифровых компетенций среди обучающихся, разработке методов безопасного использования цифрового контента, профилактики распространения деструктивных интернет-практик среди молодежи и безопасного использования ими цифрового контента.

Ключевые слова: система высшего образования, студенческая молодежь, информатизация, цифровая грамотность, цифровые технологии, цифровые компетенции, цифровая безопасность.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда Конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

Анализируя инновационные процессы в России, важно отметить, что все они направлены на развитие потенциала цифровой экономики и в определенной степени способствуют повышению конкурентоспособности, обеспечению экономического роста, укреплению национального суверенитета государства и росту качества жизни граждан. В сложившихся условиях цифровизация затрагивает аспекты управления деятельностью компаний и модернизацию технологических процессов, определяющих развитие производства. Кроме того, цифровая трансформация промышленного сектора требует повышения качества профессиональной подготовки специалистов. Выпускникам вузов важно овладеть информационно-коммуникационными технологиями для поддержания интеллектуального и творческого потенциала, принятия профессиональных решений с учетом экономических, нравственных аспектов инновационного развития общества. Данный вопрос активно обсуждается на международном экспертном уровне:

в ведущих аналитических центрах ООН¹, на Всемирных экономических форумах², Worldskills³, в авторитетных международных научных публикациях (Belshaw, 2016; Gil-Garcia et al., 2017; Kullaslahti et al., 2019; Мерсиянова и др., 2022).

Президент Российской Федерации В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2017) отметил: «Мы намерены кратно увеличить выпуск специалистов в сфере цифровой экономики и, по сути, нам предстоит решить достаточно широкую задачу, задачу национального уровня — добиться

¹ Исследование ООН: Электронное правительство 2018 // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/publications/content/pdf>

² Willige A. How Do We Make Sure Our Children Are Fluent in Digital? World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/ways-to-preparekids-for-jobs-of-future/> (дата обращения 17.11.2022).

³ Лошкарева Е., Лукша П. [и др.]. (2017). Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. М.: WorldSkills Russia. 98 с.

всеобщей цифровой грамотности» (Долидзе, Чердаков, 2018). Тем самым глава государства обозначил значимость реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 года № 1632-р, которая по распоряжению Правительства Российской Федерации стала основным направлением стратегического развития страны на 2017–2030 годы⁴.

До принятия программы развитию цифровой грамотности уделялось несколько поверхностное внимание, что порождало риски по использованию населением на практике цифровых технологий. Именно реализация программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предоставила возможность широкого применения понятия «цифровая грамотность». Использование информационных технологий в качестве технологичного средства коммуникации, своеобразного инструмента создания цифрового образовательного пространства способствует формированию навыков, необходимых для существования человека в оцифрованном мире. В программе определено, что доля населения, владеющего цифровыми компетенциями, должна составить 40%. Однако в реальности темпы цифровизации несколько опережают цифровые умения и навыки россиян.

Кроме того, процесс цифровизации общества затрагивается в федеральных стратегических документах: Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; проекте «Современная цифровая образовательная среда в РФ» в контексте государственной программы «Развитие образования»⁵. В Стратегии развития информационного общества говорится о важности «развития инновационных образователь-

ных технологий, в том числе дистанционного и электронного обучения»⁶. В современных условиях актуализируется проблема расширения цифрового потребления, формирования цифровой культуры. Причем существенная роль в процессе формирования цифровых компетенций отводится системе образования⁷. Так, в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда» говорится о необходимости обновления содержания образования и создании возможности обучающимся свободно ориентироваться в цифровом пространстве. Важно понять, что цифровая грамотность как комплекс специфических знаний и умений становится неотъемлемым элементом профессиональной и общекультурной компетентности человека. Кроме того, для адаптации к новым тенденциям общественных отношений система образования должна перестроиться содержательно, используя новые приемы и методы обучения. Не случайно в государственной программе «Развитие образования на 2018–2025 годы» внимание акцентируется на необходимости оснащения образовательных организаций онлайн-сервисами для реализации программ профессионального образования в условиях цифровой трансформации⁸. В данном случае стратегическая задача заключается в подготовке компетентных кадров для деятельности в условиях цифровой экономики. При этом следует подчеркнуть важную роль педагогического сопровождения использования медиаплатформ, цифровых технологий в образовательном процессе, придающего гибкость учебным возможностям обучающихся, возводя их в центр сетевого мира и способствуя достижению ими готовности к профессиональному и личностному саморазвитию.

⁴ Программа «Цифровая экономика»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (дата обращения 12.01.2023).

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.12.2021) (с доп. вступ. в силу с 06.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/792cf113479908cd6826e29248342aae7d22626b/

⁶ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 436-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

⁷ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190009/65c73cdecf9794a8f8f67bdb438d964c9336f436

⁸ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/informacionnoe_obschestvo

Как видим, в контексте эпохи цифрового образования приобретает актуальность процесс формирования цифровой грамотности студентов. С одной стороны, он вызван широким распространением цифровых технологий в обществе, а с другой – недостаточной готовностью к безопасному восприятию и использованию цифрового контента. Именно это обуславливает, по мнению авторов, необходимость научного осмысления новых возможностей информационно-образовательной среды вуза для формирования цифровой грамотности, а также проведения исследования, цель которого заключается в выявлении уровня сформированности цифровых компетенций студентов в системе высшего образования (на примере Челябинской области). В настоящее время для вузов важны формирование цифровых компетенций и подготовка будущих специалистов к работе в цифровом мире. В ходе исследования ставились задачи по теоретическому обобщению и систематизации научных подходов к изучению цифровой грамотности; обоснованию наиболее важных её компонентов; выявлению критериев и уровня сформированности цифровых компетенций у студентов высших учебных заведений г. Челябинска.

Обзор литературы

В рамках цифровой политики и экономики современная образовательная среда характеризуется высоким темпом информатизации и предъявляет новые требования ко всем сферам деятельности человека. Современному специалисту необходимо обладать комплексными способностями для ответа на вызовы времени. Кроме того, в условиях цифровой экономики возрастает потребность в специалистах, способных непрерывно совершенствовать свои знания и умения, легко адаптироваться к новым технологиям производства, эффективно использовать современные средства информационных технологий.

Как правило, цифровое общество представляет собой сложную техно-социальную систему, в которой стремительно распространяющиеся технологии детерминируют режимы деятельности, поведения и способы мышления человека. Как отмечают исследователи, цифровизация – это трансформация, а технологии – инструменты, с помощью которых она проис-

ходит, охватывая все сферы общества (Дашенко, 2018; Сухарева, 2018). Это порождает модернизацию системы высшего образования, призванную «вооружить» студентов ключевыми компетенциями: политическими, социальными, коммуникативными, информационными и профессиональными⁹. Знания становятся важным источником профессионального и личностного совершенствования обучающихся, что возможно лишь при условии применения инновационных методов в образовательном процессе, осмысления процессов цифровизации и обобщения опыта пользователей в сетевой среде.

Развитие информационного общества привело к распространению понятия «цифровая грамотность», под которой подразумевается комплекс знаний, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых ресурсов, умения понимать и применять информацию, предоставленную во множестве разнообразных форматов и широкого круга источников. В мировом научном сообществе данный термин впервые появился на рубеже веков (Gilster, 1997, Берман, 2017; Солдатова и др., 2017; Шариков, 2018; Kullaslahti, Ruhalahti, 2019). Первым употребил термин «цифровая грамотность» Пол Гилстер – автор книги, вышедшей в 1997 году с идентичным названием «Digital Literacy». Он трактует данное понятие как способность поиска субъектом необходимой информации в сети Интернет; осознанный синтез и корректную работу с цифровым материалом; умение создавать инновационный продукт, решать задачи в цифровой среде, формировать навык безопасного использования, новых возможностей цифровых технологий. Одновременно исследователь убежден, что нахождение в поле гипертекста дает возможность оперативной навигации с одного ресурса на другой, формирует новые паттерны поведения человека, особенности коммуникации, что способствует развитию сетевого мышления (Gilster, 1997). С тех пор данная концепция становится все более вариабельной по мере распростране-

⁹ Болонский процесс: результаты обучения и компетентностный подход (2009) / под науч. ред. В.И. Баденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. С. 536.

Таблица 1. Многообразие понятий «цифровая грамотность»

Представители (авторы)	Содержание понятия
P. Gilster (Gilster, 1997)	Умение воспринимать и пользоваться информацией с помощью компьютеров
A. Martin, J. Grudziecki (Martin, Grudziecki, 2006); C. lordache, I. Mariën, D. Baelden (lordache et al., 2017)	Способность применять цифровые инструменты и средства для идентификации, управления; оценивать, анализировать и синтезировать цифровые ресурсы, создавать медиа-выражения и общаться с другими в контексте конкретных жизненных ситуаций, чтобы обеспечить конструктивные социальные действия и размышлять над этим процессом
J. Kullaslahti, S. Ruhalahti, S. Brauer (Kullaslahti et al., 2019)	Способность получать доступ, понимать, интегрировать, оценивать и создавать безопасный контент с помощью цифровых технологий для создания рабочих мест и предпринимательства
L. Limberg, O. Sundin, S. Talja (Limberg et al., 2012)	Способность поиска, анализа, критического оценивания информации способствует решению разнообразных задач
Н.Д. Берман (Берман, 2017)	Способность человека использовать цифровые инструменты с пользой для себя
А.Ф. Якунин (Якунин, 2016); С.Г. Давыдов, О.С. Логунова (Давыдов, Логунова, 2015)	Способность безопасного участия, критического осмысления производства и потребления контента
О.В. Ельцова, М.В. Емельянова (Ельцова, Емельянова, 2020)	Личностное образование субъекта, включающее систему знаний, умений и навыков в области использования цифровых ресурсов, положительную мотивацию и цифровую активность
М.В. Слесарь (Слесарь, 2018)	Способность создания контента при помощи цифровых технологий с использованием навыков компьютерного программирования, поиска и обмена информации, коммуникации
Источник: составлено авторами на основании анализа литературы.	

ния цифровых технологий. Анализ интерпретации термина «цифровая грамотность» выявил широкий диапазон трактовок, что подтверждает ценность этого понятия в современном цифровом обществе (табл. 1).

Таким образом, несмотря на общую позицию авторов в оценке цифровой грамотности как общей осведомленности личности о возможных целях, задачах и способах использования цифровых инструментов, часть исследователей подводит понимание «цифровой грамотности» под навыки использования цифровых ресурсов; другая группа ученых акцентирует внимание на эффективном применении цифровых ресурсов для решения задач.

Цифровая грамотность представляет собой набор знаний и умений, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета. Она включает в себя цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность. Цифровая компетентность — это многогранная движущаяся цель, которая постоянно развивается по мере появления новых технологий (Falloon, 2020; Zhao et al., 2021). Исследователи высказывают мнение, что цифровая компе-

тентность может быть заменена цифровой грамотностью в образовательном контексте, т. к. она уделяет значительное внимание этическим аспектам, безопасности и социальным аспектам. В контексте образования цифровая компетентность рассматривается как способность применения знаний и навыков, необходимых для реализации, оценки и постоянного пересмотра содержания образовательного процесса. При изучении профильных дисциплин студенты должны не только приобретать знания, но и совершенствовать цифровые компетенции, необходимые для конкуренции на рынке труда (Колоскова, 2021). Формирование цифровых компетенций должно коррелировать с содержательным наполнением ключевых компетенций цифровой экономики, которое включает коммуникации, критическое и креативное мышление в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, управление информацией. При этом цифровые компетенции нужно воспринимать не только как технические навыки, но и как навыки, сфокусированные на когнитивных, социальных и эмоциональных аспектах работы и жизни в цифровой среде.

Цифровое потребление отражает уровень доступности цифровых технологий: аппаратных и программных. Формируя цифровые компетенции, система высшего образования призвана готовить студентов не только к трудовой деятельности, но и к жизни в цифровой реальности, а значит, невозможно использование только одного механизма владения цифровыми технологиями. Следовательно, высшая школа должна заложить прочный фундамент и сформировать гибкую систему для развития цифровых компетенций студентов. К цифровой безопасности следует отнести владение навыками безопасной работы в сети, защиты персональных данных, обеспечение конфиденциальности информации. Таким образом, формирование цифровых компетенций означает развитие у студентов способностей применять разнообразные цифровые инструменты для результативности труда.

По мнению К. Дэвиса и соавторов, использование цифровых технологий создает возможности для обогащения опыта обучения, расширения горизонтов познания (Davis et al., 2017). Кроме того, использование цифровых технологий делает студентов активными участниками, а не пассивными потребителями информации, что формирует у них синкретическое мышление и информационную безопасность посредством создания цифрового пространства (Friedrich, 2013; Belshaw, 2016; Hoff, 2016; Woodworth et al., 2017). Например, Д. Белшоу предложил восемь ключевых компонентов цифровой грамотности (когнитивный, конструктивный, коммуникативный, критический, гражданский, культурный, креативный, уверенное использование), что способствует качественному взаимодействию человека с цифровой средой (Belshaw, 2016). Не следует забывать, что в мире стали доминировать фальшивые новости, обостряя проблему не только поиска информации, но и оценивания цифрового контента (Saunders, 2018). Кроме того, в результате цифровизации и конвергенции произошли глобальные изменения в сфере коммуникации. Сегодня новые модели использования цифровизации расплывчатые, гибридные и более сложные, чем раньше (Bjur et al., 2013; Schørder, 2014). Большинство ученых сходятся во мнении, что цифровая грамотность рассматривается как способность

человека создавать и использовать контент с помощью цифровых технологий, включая навыки поиска и отбора информации, сетевого общения и компьютерного программирования.

К сожалению, отечественные исследователи изучением данной проблематики стали заниматься относительно недавно (Лисенкова, 2017; Розина, 2017; Шариков, 2018; Астахова, 2019; Антипина и др., 2020). Например, А.В. Шариков раскрывает содержание четырех подходов к изучению цифровой грамотности (коммуникационно-технологический, медийно-информационный, психолого-педагогический, индустриальный). Впоследствии на основе условного деления обозначенных подходов ученым была предложена компонентная модель цифровой грамотности, включающая технико-технологические и содержательно-коммуникативные возможности, технико-технологические и социопсихологические угрозы (Шариков, 2018). В свою очередь, указывая на важность цифровых компетенций у студентов, Л.В. Астахова определяет ключевые виды информационной деятельности: потребительскую (поиск, отбор, оценивание, интерпретирование, защита цифрового контента), репродуктивную (взаимодействие и взаимообмен цифровым контентом), продуктивную (создание, интеграция и обработка контента), рефлексивную (выявление цифровых потребностей) (Астахова, 2019). Практика подтверждает, что навыки в области цифровой грамотности необходимы любому человеку не только для существования в цифровой среде, но и успешного функционирования в ней, для того чтобы находить эффективные решения множества проблем в любой сфере жизнедеятельности (Антипина и др., 2020). По мнению авторов, цифровая грамотность должна носить многокомпонентный характер.

Аналогичной позиции придерживаются Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова, указывая на необходимость перехода цифровой грамотности в цифровую компетентность, направленную на формирование знаний, умений, мотивации, ответственности, что позволит эффективно, критично и одновременно безопасно использовать информационно-коммуникационные технологии (Солдатова, Рассказова, 2014). Данную точку зрения разделяют В.С. Петрова и Е.Е. Щербик, которые в русле компетентност-

ного подхода делают акцент на формировании так называемых «навыков эффективного использования новых технологий» (Петрова, Щербик, 2018). Одновременно ими предложена система под названием «области цифровой компетенции», включающая информационную грамотность, коммуникации, создание контента, безопасность, умение решать технические проблемы. Именно эти структурные компоненты цифровой компетенции признаны основополагающими составляющими цифровой грамотности обучающейся молодежи.

Как видим, большинство исследователей приходят к общему мнению, что понимание цифровой реальности способно научить человека объективно оценивать полученную информацию, а использование цифровых технологий превращается в источник развития, который должен формироваться в образовательной среде учебного заведения. Причем цифровые инструменты становятся обычным атрибутом образовательного процесса. Однако студенты нуждаются в постоянной поддержке при включении в цифровую практику, особенно в академическом контексте. Таким образом, теоретический анализ научных концепций позволяет раскрыть содержание цифровой грамотности, представляющей способность эффективного и безопасного применения цифровых технологий, использования цифровых знаний, умений и навыков для решения проблем в конкретном контексте. Кроме того, процесс её формирования предусматривает овладение алгоритмами поиска информации, знаниями информационных ресурсов, рисков и возможностей в цифровой среде, умением оценить качество и надежность контента в информационном пространстве.

Методика исследования

В основу исследования авторов положен компетентностный подход, позволяющий оценить уровень сформированности цифровых компетенций и безопасного поведения в интернете. Цифровые компетенции являются важными компонентами, так называемыми индикаторами цифровой готовности студентов, т. к. по мере развития и стремительного распространения цифровых технологий возрастает потребность в цифровых компетенциях каждого гражданина для построения эффективного цифрового общества.

Оценка уровня цифровой грамотности проведена авторами по девяти компетенциям: цифровая техническая грамотность (поиск, фильтрация информации и цифрового контента); оценка и анализ данных, информации и цифрового контента; компьютерная грамотность, включающая владение программным обеспечением, стационарно расположенным на персональном компьютере; эксплуатация периферийных компьютерных устройств; создание и развитие цифрового контента; модификация и интеграция цифрового контента; коммуникация и сотрудничество (обмен информацией посредством цифровых технологий, цифровой этикет, ответственность); компетенции цифровой безопасности (защита персональных данных и обеспечение конфиденциальности, защита здоровья); решение проблем, связанных с цифровыми технологиями (решение технических проблем, определение потребностей и технологических решений). Условно сформированность цифровых компетенций была разделена на три уровня: высокий, средний и низкий. Преимуществом методологического подхода, по мнению авторов, является то, что он позволяет рассматривать студентов не только в качестве объекта цифровой среды, владеющего профессиональными знаниями и различными информационно-коммуникационными технологиями, но и субъекта, готового к эффективной трудовой деятельности (информационная среда, коммуникация, потребление, техносфера), поведение которого основано на чувстве ответственности.

Для реализации цели и задач работы использован комплекс научных методов: сравнительный, статистический, корреляционный анализ, социологические методы. Исследование проведено в марте – мае 2022 года кафедрой социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета) и Научно-исследовательским центром мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования. На основе количественного метода по стандартизированной анкете опрошены студенты 1–5 курсов высших образовательных организаций г. Челябинска в возрасте 17 лет и стар-

ше. Объем выборки — 1972 человека, выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения — анкетирование по месту обучения респондента в очной форме, метод сбора данных — прямой опрос. В опросе приняли участие студенты четырех вузов: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет и Челябинский государственный институт культуры. Это технические и социально-гуманитарные вузы, что позволило выявить особенности знаний и проблемы формирования цифровых компетенций в условиях применения цифровых технологий, медиаинформационной грамотности, безопасности, решения проблем у студентов разной профессиональной направленности подготовки. Обработка социологической информации осуществлялась на программе IBM SPSS Statistics (версия 22.0) с использованием коэффициентов корреляции.

Результаты исследования

Опираясь на компетентностный подход, мы рассматриваем цифровые компетенции как инструменты и показатели цифровой грамотности, включающие базовый набор знаний, навыков и установок использования интернета. Применение цифровых технологических инструментов помогает студенту эффективно и безопасно осуществлять деятельность в цифровой среде для достижения образовательных, профессиональных и личных целей. Цифровая грамотность позволяет создать цифровую экосреду, способствует обновлению содержания социокультурных процессов, в том числе коммуникации, и предоставляет возможность обучающимся свободно и безопасно находиться в цифровом пространстве, где безопасность выступает ключевым компонентом.

Это находит подтверждение в результатах авторского исследования. Важно было выяснить, как студенты определяют цифровую грамотность. Результаты исследования показали, что большая часть респондентов понимают цифровую грамотность как умение использовать цифровые технологии в учебе/работе, способность свободно и безопасно ориентироваться в цифровом пространстве и наличие знаний в области информационной, электронной безопасности. Причем умение использовать циф-

ровые технологии в учебе/работе более значимо для студентов института культуры (79,3%), чем других вузов. В педагогическом университете респонденты отдали предпочтение навыкам работы в цифровой образовательной среде (44,6%) и владению актуальной информацией о новых возможностях сетевого пространства (53,2%). Примечательно, что для опрошенных не утратили значения компетенции поиска информации в сети Интернет и ее анализа; владение актуальной информацией о новых возможностях сетевого пространства и готовность к работе в цифровой образовательной среде. При этом общение в социальных сетях подавляющее большинство респондентов не рассматривают в качестве ключевого критерия, показателя цифровой грамотности, скорее всего, в связи с тем, что для современной молодежи онлайн-общение уже является нормой. В повседневной жизни студенты активно используют социальные сети для коммуникации, а порой полностью переходят только на онлайн-общение, без особого труда создают группы по интересам, знакомятся, общаются, обмениваются мнениями по различным вопросам, обсуждают актуальные темы, фильмы, музыку и т. д. В ходе исследования не выявлено статистически значимых различий в понимании цифровой грамотности среди студентов разного пола, возраста, места проживания, уровня жизни. Вместе с тем большинство студентов придерживаются мнения о том, что цифровая грамотность необходима для работы в дистанционном формате, поиска новых возможностей заработка в сети Интернет, критического осмысления полученной информации, умения ориентироваться в интерфейсе, формирования базового набора навыков для решения проблем.

В ходе исследования авторами выявлен ряд проблемных моментов, которые связаны с аспектами безопасного использования студентами интернета. Результаты опроса студенческой аудитории показали, что уровень цифровой грамотности во многом зависит от уровня владения IT-технологиями, наличия знаний и навыков в области медиабезопасности в сети Интернет. Причем цифровая грамотность заметно выше у респондентов с высоким уровнем владения IT-технологиями. Однако владеют IT-технологиями на высоком уровне чаще респонденты в возрасте 22 года и стар-

ше (23,0%), чем другие возрастные группы студентов. Кроме того, установлено, что таких респондентов больше среди юношей (21,3%) в сравнении с девушками (10,4%). Для каждого второго студента с высоким уровнем владения ИТ-технологиями и высоким уровнем знаний и навыков в области медиабезопасности важны навыки владения актуальной информацией о новых возможностях сетевого пространства, что, безусловно, свидетельствует об актуализации содержания образовательных программ. Отмечено, что повышенный интерес к овладению информацией проявляют респонденты в возрасте 23–24 года (56,1%). Результаты опроса показали, что практически 2/3 студентов владеют ИТ-технологиями на среднем уровне (65,6%), причем среди них заметно выше доля респондентов в возрасте 17–18 лет (72,5%). Однако именно среди представителей этой возрастной группы преобладают те, кто полагает, что угрозы в интернет-пространстве не существует (20,0%). Это доказывает необходимость постоянного информирования студентов о существующих интернет-угрозах, формирования умений и навыков противостояния деструктивному контенту с помощью цифровых технологий. Так, по сведениям ВЦИОМ, в 2021 году для подавляющего большинства молодых людей (96%) в возрасте 18–24 лет интернет и социальные сети являются главными источниками информации, которыми они пользуются ежедневно (74%)¹⁰. Общеизвестно, что социальные сети – наиболее активный инструмент распространения деструктивных и экстремистских идей. Результаты авторского исследования показывают, что у респондентов в большей степени сформированы навыки цифровой технической грамотности, включающие поиск и фильтрацию информации и цифрового контента, чем компетенции медиабезопасности. Это подтверждается и в других исследованиях, проведенных в России в последние годы (Бродовская и др., 2019; Стрекалова, 2019; Ведяшкина, Ведяшкина, 2021).

Одновременно выявлено, что невелика доля респондентов Института культуры, у которых сформированы компетенции технической гра-

мотности, в сравнении со студентами других вузов. Способности в части эксплуатации периферийных устройств на персональном компьютере, решения проблем, связанных с цифровыми технологиями, сформированы только у каждого пятого студента. Причем заметно чаще данные компетенции развиты у юношей (32,6%), чем девушек (16,9%). Каждый второй юноша владеет программным обеспечением на персональном компьютере (55,5%). Среди девушек данными навыками владеет только треть. В свою очередь у девушек развиты навыки коммуникации и сотрудничества, включающие обмен информацией посредством цифровых технологий, цифрового этикета (44,4% против 39,9%).

Проблемным остается вопрос о наличии у студентов вузов компетенций в сфере медиабезопасности. В ходе исследования выявлено, что, несмотря на владение цифровыми компетенциями в целом, только треть респондентов вузов в совершенстве владеют навыками безопасности, включающими защиту персональных данных, обеспечение конфиденциальности, здоровья. Невелико число респондентов (10,7%), способных в полной степени модифицировать и интегрировать цифровой контент. Результаты корреляционного анализа по данным переменным представлены в *таблице 2*.

В настоящее время цифровая среда для многих молодых людей – это источник информации, технология и среда для коммуникации. Молодые люди доверяют данным, размещенным в интернете, на цифровых площадках они знакомятся с последними новостями в стране и мире, находят нужную для себя информацию.

Результаты опроса показали, что наибольшей популярностью у студентов пользуются такие платформы социальных сетей, как «ВКонтакте» (90,6%), «Telegram» (72,5%), «YouTube» (63,4%), «TikTok» (47,8%). Причем они одинаково часто применяются студентами всех указанных вузов. Среди респондентов оказалось немало тех, кто регулярно, вне зависимости от запретов, активен в Instagram¹¹ (32,5%). В интернете каждый четвертый респондент вне зависимости от вуза, направленности профессиональной подготовки, возраста и пола стал-

¹⁰ Медиапотребление в России сегодня. Опрос «ВЦИОМ-спутник». URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/user_upload/2021_media.pdf (дата обращения 17.10.2022).

¹¹ Платформа запрещена законодательством РФ и относится к экстремистской на территории России.

Таблица 2. Сформированность цифровых компетенций у студентов вузов в зависимости от уровня владения IT-технологиями и знаний, навыков в области медиabezопасности в сети Интернет, %

Цифровые компетенции	Все опрошенные	Уровень владения IT-технологиями				Уровень знаний и навыков в области медиabezопасности в сети Интернет					
		Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Затрудняюсь ответить
Цифровая техническая грамотность, включающая поиск и фильтрацию данных, информации и цифрового контента	56,6	73,7	60,2	37,1	28,3	71,1	64,9	52,2	34,8	21,6	29,6
Оценка и анализ данных, информации и цифрового контента	44,9	56,4	46,6	32,9	32,1	59,9	48,6	41,0	33,3	29,7	22,5
Компьютерная грамотность, включающая владение программным обеспечением, стационарно расположенным на персональном компьютере	43,8	68,0	44,8	25,2	27,4	54,9	51,3	38,8	31,9	13,5	23,9
Коммуникация и сотрудничество; включает обмен информацией посредством цифровых технологий, цифровой этикет	43,1	49,4	46,5	31,9	17,9	50,7	50,2	40,6	27,7	24,3	14,1
Безопасность, включающая защиту персональных данных и обеспечение конфиденциальности, защиту здоровья	31,7	40,9	33,4	19,5	24,5	46,7	38,1	25,8	14,2	18,9	16,9
Эксплуатация периферийных устройств на персональном компьютере	20,9	35,1	20,9	12,1	11,3	27,6	24,4	17,9	13,5	10,8	14,1
Решение проблем, связанных с цифровыми технологиями; включает решение технических проблем, определение потребностей и технологических решений	20,0	42,1	18,8	9,3	13,2	33,9	25,5	12,8	12,1	13,5	11,3
Создание и развитие цифрового контента	19,6	30,5	20,3	11,8	7,5	31,6	20,4	16,0	10,6	10,8	23,9
Модификация и интеграция цифрового контента	10,7	18,1	10,0	8,0	8,5	19,1	11,8	6,6	7,1	16,2	14,1
Затрудняюсь ответить	9,8	3,5	7,3	17,9	31,1	2,6	5,0	11,6	15,6	16,2	47,9
Никакие	3,7	0,0	2,3	11,5	5,7	0,7	3,3	3,4	9,2	21,6	1,4
Другие	0,1	0,0	0,2	0,0	0,0	0,3	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0

Сумма превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответа.
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

квивается с контентом, которые несут в себе признаки агрессии (60,1%), демонстрируют деструктивное, суицидальное поведение (52,3%), способствуют распространению наркотиков (11,0%), являются площадкой для развития запрещенного движения «колумбайн» (8,4%). Одновременно выявлены и другие угрозы цифровой среды, которые волнуют респондентов:

утечка личных данных по вине сети (74,1%), вирусы и фишинг (63,3%), взлом личной страницы (60,1%). Почти каждого второго студента волнует угроза буллинга в интернет-пространстве, причем больше подвержены им девушки (50,8%), чем юноши (37,6%). Все это подтверждает актуальность и значимость повышения цифровой грамотности и безопасности совре-

менной молодежи в интернет-пространстве. Обоснована необходимость разработки в высших образовательных учреждениях соответствующих методик и технологий безопасного использования цифрового контента, профилактики распространения деструктивных интернет-практик среди молодежи.

Заключение

Цифровая трансформация экономики требует формирования цифровой грамотности у студентов в процессе обучения. В настоящих условиях от сформированности цифровых компетенций зависит не только конкурентоспособность будущих специалистов, но и качество их жизни в дальнейшем. В ходе обучения студенческая молодежь активно использует различные цифровые технологии. К сожалению, темпы цифровизации опережают навыки пользователей по их освоению. Результаты авторского исследования подтвердили существенное «проседание» критически важных цифровых компетенций и профессиональных навыков. Кроме того, выявлено, что большинство студентов владеют ИТ-технологиями в основном на среднем уровне. Важно понимать, что владение недостаточным уровнем цифровой компетентности существенно снижает конкурентоспособность будущего специалиста на рынке труда, что порождает потребность сосредоточиться на кардинальных изменениях в содержательной части образовательных программ, активном использовании цифровых технологий и контроле над процессом формирования цифровых компетенций в процессе обучения студентов. Следует помнить, что в условиях распространения деструктивного и экстремистского контента в сети Интернет именно от развития цифровой грамотности

во многом зависят жизнь и здоровье студентов. В связи с этим преподаватели должны информировать студентов об угрозах и рисках цифровой среды, проводить профилактические мероприятия, обучать безопасному использованию различных цифровых ресурсов, по возможности контролировать соблюдение норм этики и коммуникативной грамотности в цифровой среде. Важно научить студентов критически оценивать информацию в сети Интернет, использовать достоверные и проверенные цифровые ресурсы и сервисы. Для повышения цифровой грамотности студентов на уровне вузов следует проработать вопрос о внедрении системных, междисциплинарных практик обучения с обязательным освоением и применением цифровых навыков в качестве инструмента обучения. Кроме того, необходимо разработать единый методический подход к мониторингу сформированности цифровых компетенций. Авторы выражают мнение, что перечисленные мероприятия позволят повысить уровень цифровой компетентности студентов. Результаты авторского исследования имеют практическую значимость для оценки сформированности цифровых компетенций у студентов, в том числе компетенций цифровой безопасности, уровня цифровой грамотности, определения групп риска исключенности из процессов цифрового развития; разработки мероприятий, направленных на профилактику угроз и рисков цифровой среды для молодежи; принятия управленческих решений, разработки стратегических программ регионального и федерального уровня органами государственной и муниципальной власти, в том числе в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Литература

- Антипина Н.Л., Герасимова Г.И., Мурзина Е.В. (2020). Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2 (65). С. 42–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-mediyno-informatsionnoy-gramotnosti-rossiyskih-podrostkov>
- Астахова Л.В. (2019). Развитие цифровой культуры студентов в условиях вузовской библиотеки // Вестник ЧГАКИ. № 4 (60). С. 47–57.
- Берман Н.Д. (2017). К вопросу о цифровой грамотности // Современные исследования социальных проблем. № 8. С. 35–38.
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. [и др.] (2019). Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного

- прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (149). С. 228–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37206222>. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
- Ведяшкина А.С., Ведяшкина М.С. (2021). Уровень цифровой грамотности студентов: готовность к цифровизации системы высшего образования (на примере МГУ им. Н.П. Огарева) // Наука и образование в современном обществе: актуальные вопросы и инновационные исследования: сб. статей IV Междунар. научно-практ. конф. Пенза, 15 сентября 2021 г. Пенза: Наука и Просвещение. С. 137–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46549888>
- Давыдов С.Г., Логунова О.С. (2015). Проект «Индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 41. С. 120–141.
- Дашенко Ю.Ю. (2018). Цифровая экономика как экономика будущего // Тенденции развития науки и образования. № 35-1. С. 18–19.
- Долидзе Н.И., Чердаков Е.О. (2018). Развитие цифровой грамотности населения // Вестник Международного юридического института. № 3 (66). С. 46–52.
- Ельцова О.В., Емельянова М.В. (2020). К вопросу о понятии цифровой грамотности // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. № 1 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-tsifrovoy-gramotnosti>
- Колоскова Г.А. (2021). Цифровая образовательная среда вуза как условие формирования профессиональных компетенций студентов // Вопросы методики преподавания в вузе. Т. 10. № 37. С. 99–106.
- Лисенкова А.А. (2017). Цифровая грамотность и экология глобального сетевого пространства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Т. 5. № 79. С. 87–94.
- Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Брюхно А.С. (2022). Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? // Социологические исследования. № 9. С. 38–48.
- Петрова В.С., Щербик Е.Е. (2018). Измерение уровня сформированности цифровых компетенций // Московский экономический журнал. № 5 (3). С. 237–244.
- Розина И.Н. (2017). Цифровая грамотность в курсе «Академическое письмо» // Образовательные технологии и общество. Т. 21. № 4. С. 538–556.
- Слесарь М.В. (2018). Сетевая среда учреждений повышения квалификации как важнейший фактор совершенствования профессионализма педагогов условиях цифровизации системы образования // Философские и методологические проблемы образования. № 2 (21). С. 7–12.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. (2014). Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. № 2 (14). С. 25–31.
- Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. (2017). Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. № 12. С. 103–109.
- Стрекалова Н.Б. (2019). Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. № 2. С. 84–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obrazovanie>. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88
- Сухарева М.А. (2018). От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник. № 68. С. 445–464.
- Шариков А.В. (2018). Концепции цифровой грамотности: российский опыт // Коммуникации. Медиа. Дизайн. Т. 3. № 3. С. 96–112.
- Якунин А.Ф. (2016). Информационно-коммуникационные технологии и цифровая грамотность педагога // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. № 1. С. 468–471.
- Belshaw D. (2016). *The Essential Elements of Digital Literacies*. Available at: <https://www.frysklab.nl/wp-content/uploads/2016/10/The-Essential-Elements-of-Digital-Literacies-v1.0.pdf>
- Bjur J., Schröder K.C., Hasebrink U. et al. (2013). Cross-media use. Unfolding complexities in contemporary audiencehood. In: Carpentier N., Schröder K.C., Hallett L. (Eds.). *Transformations: Shifting Audience Positions in Late Modernity*. New York: Routledge.
- Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. (2017). *DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with Eight Proficiency Levels and Examples of Use*. Available at: [http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_\(online\).pdf](http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_(online).pdf)

- Davis K., Ambrose A., Orand M. (2017). Identity and afterschool settings: Investigating digital media's supporting role. *Digital Culture & Education*, 9(1), 31–47.
- Falloon G. (2020). From digital literacy to digital competence: The teacher digital competency (TDC) framework. *Educational Technology Research & Development*, 68(5), 2449–2472.
- Gil-Garcia J.R., Dawes S.S., Pardo T.A. (2017). Digital government and public management research: Finding the crossroads. *Public Management Review*, 20(3), 1–14. DOI: 10.1080/14719037.2017.1327181
- Gilster P. (1997). *Digital Literacy*. New York: Wiley Computer Publishing.
- Hoff M. (2016). “I don't converse with those I don't know”. The role of trust/distrust in online engagement. *Digital Culture & Education*, 8(2), 90–106. Available at: <http://www.digitalcultureandeducation.com>
- Iordache C., Mariën I., Baelden D. (2017). Developing digital skills and competences: A quick-scan analysis of 13 digital literacy models. *Italian Journal of Sociology of Education*, 9(1), 6–30.
- Kullaslahti J., Ruhalahti S., Brauer S. (2019). professional development of digital competences: Standardised frameworks supporting evolving digital badging practices. *Journal of Siberian Federal University. Mathematics and Physics*, 12, 175–186. DOI 10.17516/1997-1370-0387
- Limberg L., Sundin O., Talja S. (2012). Three theoretical perspectives on information literacy. *Human I*, 11/2, 93–130.
- Martin A., Grudziecki J. (2006). DigEuLit: Concepts and tools for digital literacy development. *Innovation in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences*, 5(4), 249–267. DOI: 10.11120/ital.2006.05040249
- Saunders L. (2018). Information literacy in practice: Content and delivery of library instruction tutorials. *The Journal of Academic Librarianship*, 44(2), 269–278.
- Schørder K. (2014). News media old and new. *Journalism Studies*, 16(1), 60–78. DOI: 10.1080/1461670x.2014.890332
- Woodworth K.R., Arshan N.L., Gallagher H.A. (2017). *UC Irvine Writing Project's Pathway to Academic Success Program: An Investing in Innovation (i3) Validation Grant Evaluation. Technical Report*. Available at: https://www.sri.com/sites/default/files/publications/pathway_i3_sri_technical_report_21dec17_final_in_jan.pdf
- Zhao Y., Sánchez Gómez M.C., Pinto Llorente A.M., Zhao L. (2021). Digital competence in higher education: Students' perception and personal factors. *Sustainability*, 13(21), 1–17.

Сведения об авторах

Елена Ивановна Салганова – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76; e-mail: salganovaei@susu.ru)

Любовь Борисовна Осипова – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: osipovalb@tyui.ru)

Salganova E.I., Osipova L.B.

Students' Digital Literacy: Competence-Based Approach

Abstract. Currently, digital technology has a significant impact on socio-economic development in various societal spheres. In this regard, the importance of the formation of digital competencies in student youth is increasing. Modern generation should have these competences in order to work effectively and use the digital environment safely. The article presents an overview and systematization of scientific concepts that reveal the content of digital literacy. We show how the scientific category “digital literacy” correlates with “digital competence”. Concrete facts have confirmed that the use of digital technology in education involves the formation of digital competencies, the importance of which is beyond doubt, as well as the fact that digital literacy promotes the development of skills in search, analysis, critical understanding of the information received; it also helps to use digital platforms and network technology competently and in compliance with the basics of security in the digital environment. In this regard, the purpose of our

research is to identify the level of formation of digital competencies in students in the higher education system (on the example of the Chelyabinsk Oblast). Scientific novelty of the work lies in theoretical substantiation of the content of digital literacy and systematization of approaches using a competence-based approach. In this context, the results of a survey of students of four universities in Chelyabinsk, aimed at identifying regional features and problems of the formation of digital competencies in the higher education system, are of interest. The findings of our research can become an important methodological tool in determining risk groups by the level of formation of digital competencies in students, developing methods for the safe use of digital content, preventing the spread of destructive online practices among young people and promoting their safe use of digital content.

Key words: higher education system, student youth, informatization, digital literacy, digital technology, digital competencies, digital security.

Information about the Authors

Elena I. Salganova – Candidate of Sciences (Sociology), head of department, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; e-mail: salganovaei@susu.ru)

Lyubov B. Osipova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: osipovalb@tyui.ru)

Статья поступила 30.11.2022.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.13

УДК 336.74, ББК 65.262.6

Шах И.А., Ненгру Т.А.

Влияние денежных переводов на торговый баланс в странах Южно-Азиатского региона

Имтияз Ахмад
ШАХ
Кашмирский университет
Сринагар, Индия
E-mail: shahimtiyazccas@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5704-4571

Тарик Ахамд
НЕНГРУ
Кашмирский университет
Сринагар, Индия
E-mail: tariqnengroo76@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3766-800X

Аннотация. В работе исследуется взаимосвязь между торговым балансом и денежными переводами в пяти странах Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества. Помимо влияния денежных переводов на торговый баланс этого региона в целом, рассматривается их влияние на торговый баланс в каждой стране (Бангладеш, Индия, Шри-Ланка, Пакистан и Непал), а также проводится межстрановой анализ. Для этого были собраны ежегодные данные за период с 1991 по 2019 год из базы Всемирного банка и Penn World. Для оценки влияния денежных переводов в целом на регион использовались объединенные модели метода наименьших квадратов, модели со случайным эффектом и фиксированным эффектом, а для оценки по странам Южной Азии – модели взаимодействия и фиктивных переменных. Осуществленный нами панельно-регрессионный анализ выявил, что денежные переводы способствуют росту дефицита торго-

Для цитирования: Шах И.А., Ненгру Т.А. (2023). Влияние денежных переводов на торговый баланс в странах Южно-Азиатского региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 241–252. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.13

For citation: Shah I.A., Nengroo T.A. (2023). Impact of remittances on the trade balance in the countries of the South Asian region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 241–252. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.13

вого баланса пяти южноазиатских стран. Другие контрольные переменные, например обменный курс, прямые иностранные инвестиции, внутренние инвестиции и человеческий капитал, оказывают существенное негативное влияние на торговый баланс. С другой стороны, рента от природных ресурсов положительно воздействует на торговый баланс стран Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества. Модель взаимодействия фиктивных переменных подтверждает негативное влияние денежных переводов на торговый баланс в Индии, Непале и Пакистане, в то время как в Бангладеш и Шри-Ланке оно незначительно. В работе представлены возможные последствия для анализируемых стран.

Ключевые слова: денежные переводы, торговый баланс, Южная Азия, панельные данные.

Введение

Денежные переводы считаются стабильным источником дохода домохозяйств в развивающихся странах (Alferi et al., 2005). Каждый год мигранты из Южной Азии осуществляют большое количество денежных переводов (Sutradhar, 2020). Южная Азия в период с 2015 по 2019 год получила около 10% от общего объема денежных переводов в мире. Эти показатели превышают показатели прямых иностранных инвестиций и внешней финансовой поддержки, за исключением Мальдивских островов и Афганистана. В Южной Азии крупнейшим получателем денежных переводов в мире является Индия (в 2015–2019 гг. около 360 млрд долларов США). Денежные переводы используются для наращивания внутренних сбережений, минимизации ограничений, связанных с иностранным обменом и платежным балансом (Sutradhar, 2020). Они способствуют экономическому развитию и сокращению бедности¹.

Однако можно говорить и о негативном воздействии денежных переводов на экономический рост, что связано с миграцией квалифицированных и высокообразованных работников («утечка мозгов») (Torxhiu, Krasniqi, 2017), а также повышением обменного курса и снижением конкурентоспособности торгового сектора² (Ratha, 2013). Часто после получения денежных переводов в виде нетрудовых доходов члены домохозяйств принимают решение не работать (Sutradhar, 2020). Также увеличивается

неравенство между семьями, получающими денежные переводы, и остальными. Кроме того, денежные переводы в основном расходуются на потребительские нужды, а не на производственную деятельность (Hasan, Shakur, 2017).

В течение исследуемого периода (1991–2019 гг.) среди стран Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (SAARC) самая значительная доля ВВП, формируемая потоком денежных переводов, фиксировалась в Непале (16,43%). По этому показателю Непал занимает пятое место в мире. Далее следуют Шри-Ланка (7,36%), Бангладеш (5,92%), Пакистан (4,35%) и, наконец, Индия (2,75%; *рис. 1*).

Однако в течение того же периода в странах Южной Азии накапливался дефицит в торговом балансе. На *рисунке 2* показано наличие значительной разницы объемов экспорта и импорта в регионе.

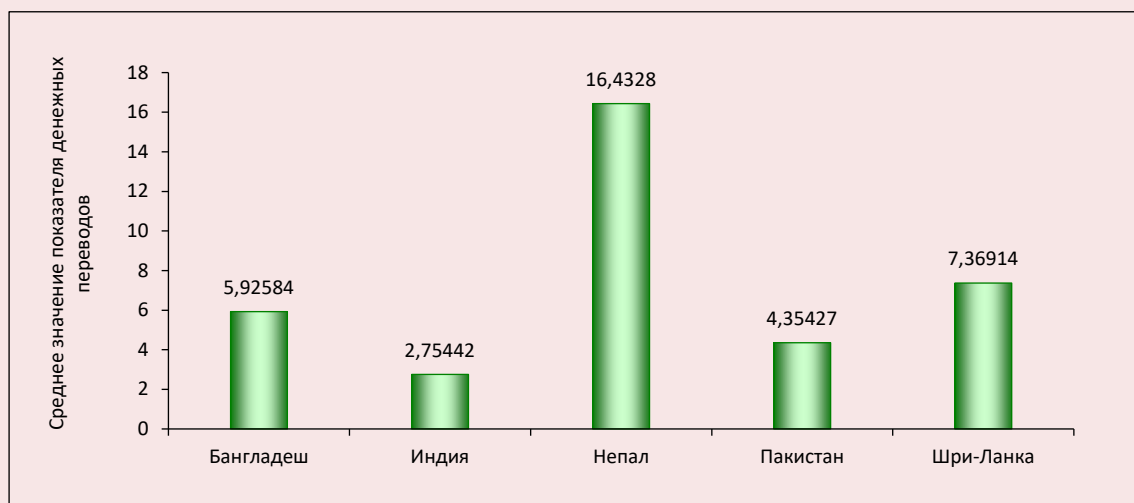
Для стран SAARC характерна слабая экспортная структура с преобладанием сырьевого экспорта и незначительными объемами экспорта промышленной продукции (Wood, Mayer, 2001). По мнению S. Lall (Lall, 2000), это негативно влияет на экономику Южной Азии, несмотря на наличие в регионе значительной промышленной базы. Торговый дефицит в течение длительного периода увеличивает уровень долга и формирует низкий государственный кредитный рейтинг, что ухудшает перспективы получения международных займов (Hasan, 2003).

Денежные переводы по-разному влияют на торговый баланс. Перечисляемые средства могут быть потрачены, инвестированы или сохранены внутри страны. Местные товары могут быть произведены за счет инвестиций и использованы в качестве импортозамещающих, а излишки могут быть экспортированы. Таким образом, денежные переводы помогают сокра-

¹ Migration and Remittances for Development in Asia. Washington, DC: World Bank, Asian Development Bank, 2018.

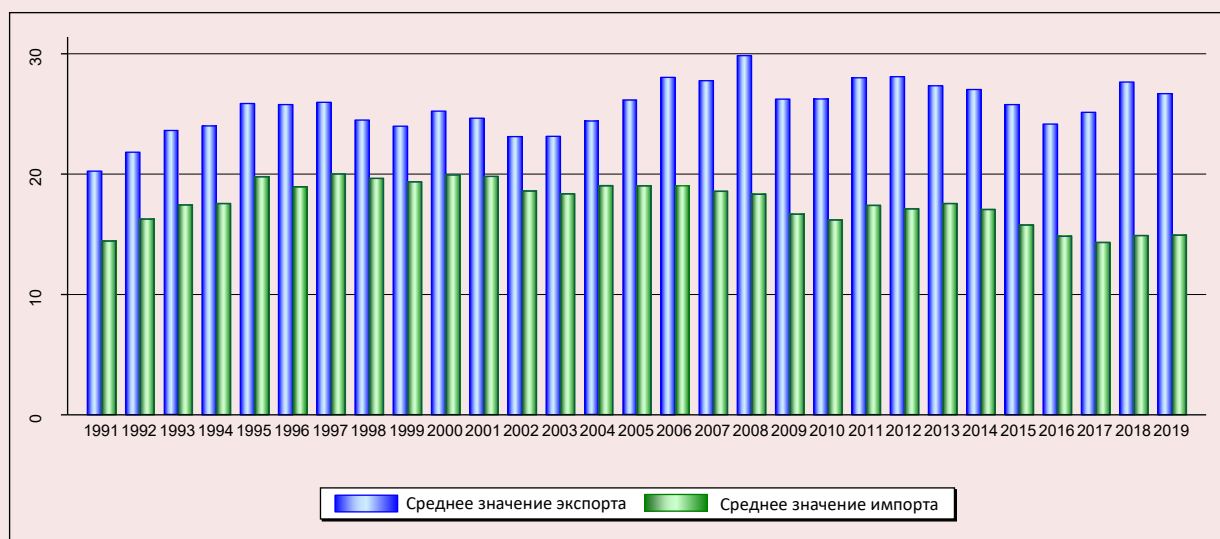
² Ratha D. (2013). The impact of remittances on economic growth and poverty reduction. Policy Brief, 8. Available at: <https://www.migrationpolicyinstitute-europe.com/research/impact-remittances-economic-growth-and-poverty-reduction>

Рис. 1. Приток денежных переводов в страны SAARC (1991–2019)

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка, 2021.

Рис. 2. Среднее значение экспорта и импорта (1991–2019), % от объема ВВП

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка, 2021.

тить дефицит торгового баланса и содействуют созданию рабочих мест. С другой стороны, влияние денежных переводов на конкурентоспособность экспорта, обменный курс и эффект «голландской болезни» активно обсуждается в последние годы. Доходы от переводов повышают курс местной валюты и могут повлиять на долгосрочный рост экономики. Денежные переводы могут оказывать эффект «голландской болезни» на торговый сектор экономи-

ки, если приток переводов вызывает переоценку местной валюты. В то же время денежные переводы повышают покупательную способность, могут возрасти предпочтения населения в отношении импортных товаров. Кроме того, большой приток денежных переводов снижает участие рабочей силы, что приводит к неблагоприятному экономическому развитию. Вследствие этого ухудшается внешнее положение страны и ее общий платежный баланс.

Возникает вопрос, в какой степени приток денежных переводов влияет на торговый баланс стран SAARC. В нашей работе изучается взаимосвязь между торговым балансом и денежными переводами в пяти странах SAARC. Насколько известно авторам, аналогичного исследования не существует. Помимо влияния денежных переводов на торговый баланс региона в целом, рассматривается влияние переводов на торговый баланс в каждой стране (Бангладеш, Индия, Шри-Ланка, Пакистан и Непал), также проведен межстрановый анализ. Для этого были собраны ежегодные данные за период с 1991 по 2019 год из базы Всемирного банка и Penn World. Мы придерживаемся исследования (Farzanegan, Sherif, 2016), в котором рассматривается, как денежные переводы влияют на торговый баланс стран Ближнего Востока и Северной Африки. Также изучается связь между потреблением домохозяйств, денежными переводами и торговым балансом.

Оригинальность работы заключается в том, что в ней исследуется влияние денежных переводов на торговый баланс в конкретной стране и на пять стран SAARC в целом, поскольку большинство предыдущих исследований посвящено только влиянию денежных переводов в целом на развивающиеся страны или группу развивающихся стран. Влияние денежных переводов на пять стран SAARC в целом рассматривается с помощью методов наименьших квадратов (МНК), случайных эффектов (СЭ) и фиксированных эффектов (ФЭ). Для изучения влияния денежных переводов на торговый баланс в каждой из пяти стран используется модель фиктивного взаимодействия.

Работа построена следующим образом. В разделе «Обзор литературы» рассмотрены предыдущие исследования взаимосвязи между денежными переводами и торговым балансом. В разделе «Теоретическая модель» обсуждается модель торгового баланса. Часть «Методология» объясняет переменные модели, источники данных, соответствующую эконометрическую модель и эмпирическую оценку настоящего исследования. В разделе «Эмпирические результаты» отражены результаты соответствующих эконометрических моделей. В заключении представлены результаты и рекомендации.

Обзор литературы

Цель работы — изучить влияние денежных переводов на торговые балансы пяти стран Южной Азии, ежегодно получающих огромные суммы денежных переводов. На первом месте в мире из рассматриваемых стран по объему переводов находится Индия (Sutradhar, 2020). Существуют различные исследования, посвященные роли денежных переводов. Поскольку в нашей работе основное внимание уделяется торговому балансу, будет проведен обзор исследований по этой теме.

Farzanegan и Sherif (Farzanegan, Sherif, 2016) утверждают, что приток денежных переводов способствует дефициту торгового баланса стран Ближнего Востока и Северной Африки (MENA), а эффект денежных переводов зависит от внутреннего накопления капитала. Khan et al. (Khan et al., 2021) исследуют различные детерминанты дефицита торгового баланса семи стран SAARC с 1990 по 2017 год. Используя обобщенный метод наименьших квадратов (ОМНК) и метод стандартной ошибки с панельной коррекцией (МСОПК), авторы обнаружили существенное положительное влияние внутреннего потребления на дефицит торгового баланса стран SAARC. Кроме того, инфраструктура оказывает значительное положительное влияние на дефицит торгового баланса, в то время как обменный курс и финансовое углубление отрицательно воздействуют на торговый баланс стран SAARC.

Okodua и Olayiwola (Okodua, Olayiwola, 2013) изучили взаимосвязь денежных переводов и торгового баланса стран Африки южнее Сахары в 2002–2011 гг. С использованием одношагового и двухшагового обобщенного метода моментов (ОММ) выявлено значительное отрицательное влияние денежных переводов на торговый баланс. Значимыми положительными переменными выступают реальный обменный курс и ВВП. В работе Tung (Tung, 2018) исследуется влияние денежных переводов на торговый баланс 17 стран Азиатско-Тихоокеанского региона в 1980–2015 гг. Двухэтапный метод наименьших квадратов и панельный обобщенный метод моментов (ПОММ) подтверждают значительное отрицательное влияние денежных переводов на торговый баланс. Другая переменная — темпы роста ВВП на душу населения —

оказывает негативное влияние, в то время как обменный курс положительно влияет на торговый баланс.

Различные исследования показывают, что приток денежных переводов не снижает торговый баланс и не имеет эффекта «голландской болезни». В работе (Hien, 2017) обнаружено значительное положительное влияние притока денежных переводов на торговый баланс Малайзии в 1990–2015 гг. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии симптомов «голландской болезни». В исследовании (Bouhga-Nagbe, 2004) выявлено, что денежные переводы покрывают почти весь дефицит торгового баланса и объясняют профицит текущего счета Марокко. Lartey (Lartey, 2018) отмечает положительное влияние денежных переводов на торговый баланс развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой. Однако в долгосрочной перспективе эффект от них может быть отрицательным и обусловленным базовыми характеристиками «голландской болезни». Кроме того, более гибкий обменный курс ослабляет положительное влияние денежных переводов на торговый баланс.

Теоретическая модель

Мы придерживаемся теоретической модели торгового баланса, представленной в (Farzanegan, Sherif, 2016):

$$TB_i = (Y_i, Z_{ij}, Y_j, K_i, R_j), \quad (1)$$

где TB_i – торговый баланс страны i ; Y_i – внутренний доход; Y_j – внешний доход; Z_{ij} – двусторонний обменный курс; K_i – запас капитала страны i ; R_j – приток иностранных денежных переводов из страны j .

TB положительно связан с реальным обменным курсом ($TB_i/Z_{ij} > 0$) и внешними доходами ($TB_i/Y_j > 0$) и отрицательно связан с внутренними доходами ($TB_i/Y_i < 0$), денежными переводами ($TB_i/R_j < 0$) и накоплением капитала ($TB_i/K_i < 0$).

Денежные переводы в модели рассматриваются как экзогенные, поскольку их влияние на импорт не является прямым, а зависит от расходов домохозяйств на импортную продукцию. С учетом того, что промышленный сектор в развивающихся странах слаб и не способен обеспечить замену импорта промышленных

товаров, частичная производная от денежных переводов на торговый баланс является отрицательной. Запас капитала представляет собой инвестиции в физический капитал и человеческий капитал.

Влияние обменного курса объясняется с точки зрения J-образной кривой и условия Маршалла – Лернера. Согласно гипотезе J-образной кривой, обесценивание валюты ухудшает торговый баланс в краткосрочном периоде. В долгосрочной перспективе ситуация улучшается, если предложение экспорта и спрос на импорт относительно неэластичны в долгосрочной перспективе по сравнению с краткосрочной. Также условие Маршалла – Лернера гласит, что обесценивание (девальвация валюты) ухудшает торговый баланс, если сумма эластичностей спроса на импорт и экспорт меньше единицы (Akoto, 2019). Кроме того, внутренний доход отрицательно связан с торговым балансом, поскольку положительно влияет на импорт. Внешний доход стимулирует экспорт страны, поэтому положительно влияет на торговый баланс (Falk, 2008).

В исследовании (Farzanegan, Sherif, 2016) выявлено влияние денежных переводов на торговый баланс стран MENA в целом, но не показано влияние на отдельные страны. Цель нашей работы – изучить ситуацию, касающуюся денежных переводов, относительно пяти стран Южной Азии в период с 1990 по 2019 год.

Методология

Гипотеза исследования заключается в том, что приток денежных переводов оказывает негативное влияние на торговый баланс пяти стран SAARC. Торговый баланс зависит от потребительских расходов, вызванных денежными переводами. Мы проверили эту гипотезу, рассмотрев двухпанельные уравнения регрессии, сначала между расходами домохозяйств на конечное потребление и денежными переводами, а затем между конечным потреблением домохозяйств и торговым балансом. Для измерения предельного влияния денежных переводов и других контрольных переменных мы используем несбалансированные панельные данные с 1991 по 2019 год, включающие 135 наблюдений. Для измерения индивидуальных предельных воздействий денежных переводов в работе применяются фиктивные переменные взаимодействия. Для оценки уравнения (1) использу-

ются объединенные модели МНК, случайного эффекта и фиксированного эффекта. Кроме того, в работе применяется модель взаимодействия фикций. Модели описываются следующим образом:

$$TB_{it} = \alpha + \beta R_{jt} + \gamma' Z_{ijt} + \varepsilon_{it} \quad (2)$$

$$TB_{it} = \alpha + \pi_i + \theta_t + \beta R_{jt} + \gamma' Z_{ijt} + \varepsilon_{it} \quad (3)$$

$$TB_{it} = \alpha + \pi_i + \theta_t + \beta R_{jt} + \delta(D_i \times R_{jt}) + \gamma' Z_{ijt} + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где TB_{it} – торговый баланс страны i ; π_i – инвариантный по времени или специфический для страны эффект; θ_t – эффект времени; R_{jt} – приток денежных переводов из страны j . Подстрочный индекс (i) представляет страны происхождения, а (j) – зарубежные страны ($i, j = 1, 2, \dots, N$), где $N = 5$. Подстрочный индекс (t) представляет время time ($t = 1, 2, \dots, T$), где $T = 20$. ε_{it} – термин ошибки, который предполагается независимым и идентично распределенным (iid) со средним нулем и вариацией 1. Чтобы уменьшить влияние пропущенных переменных, мы включаем Z_{ijt} как вектор объясняющих переменных, включая годовой рост ВВП как показатель внутреннего дохода, средневзвешенный показатель темпов роста ВВП для четырех других стран SAARC как показате-

ль внешнего дохода (Farzanegan, Sherif, 2016), реальный обменный курс как отношение национальной валюты к средневзвешенному показателю иностранных валют. Кроме того, мы используем внутренний кредит частному сектору страны, чтобы отразить влияние каналов сбережения и степень конкурентоспособности экспорта (Ramirez, Sharma, 2008). Помимо этого, мы включаем ренту от природных ресурсов, которые составляют большую долю экспорта в богатых ресурсами странах. Человеческий индекс используется в качестве косвенного показателя человеческого капитала и роли образования. Уровень инфляции учитывается в качестве показателя макроэкономической стабильности (Barro, Sala-i-Martin, 2004). Кроме того, мы используем приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), чтобы отразить влияние ПИИ, которые могут стимулировать страну к развитию инфраструктуры и стратегии роста экспорта (Pfaffermayr, 1996). Описание переменных и их источников представлено в *таблице 1*.

Чтобы выявить опущенную переменную, возникающую из-за неоднородности в различных срезях, используется модель с фиксированным эффектом, способная уменьшить ошибку опущенной переменной, связанную со специфическими для страны факторами. Существует

Таблица 1. Определения переменных и их источники

Переменная	Определение	Источники данных
ТБ	Торговый баланс включает в себя экспорт товаров и услуг за вычетом импорта товаров и услуг (в % от ВВП)	Всемирный банк (2021)
Денежные переводы	Частные денежные переводы включают личные переводы и оплату труда работников (в % от ВВП)	Всемирный банк (2021)
Доход	Годовой рост реального ВВП на душу населения	Всемирный банк (2021)
Внешние доходы	Среднегодовые темпы роста четырех стран SAARC	Всемирный банк (2021)
Обменный курс	Реальный эффективный обменный курс – это номинальный показатель стоимости валюты по отношению к средневзвешенному значению нескольких иностранных валют, поделенный на дефлятор цен 2010 года	Penn World (2021)
ПИИ	Чистый приток прямых иностранных инвестиций (в % от ВВП)	Всемирный банк (2021)
Инвестирование	Валовое накопление основного капитала (в % от ВВП)	Всемирный банк (2021)
Рента	Общая рента от природных ресурсов (в % от ВВП).	Всемирный банк (2021)
Инфляция	Уровень инфляции (индекс-дефлятор ВВП)	Всемирный банк (2021)
Человеческий капитал	Индекс человеческого капитала на человека с учетом количества лет обучения и отдачи от образования	Penn World (2021)
Кредит	Внутреннее кредитование частного сектора как показатель развития финансового сектора – финансовые ресурсы, предоставляемые частному сектору финансовыми корпорациями (как доля ВВП)	Всемирный банк (2021)
Источник: составлено авторами.		

вероятность возникновения проблем эндогенности в модели торгового баланса, поскольку высока вероятность обратной связи между дефицитом торгового баланса и такими независимыми переменными, как инвестиции и денежные переводы. Оба показателя измеряются в процентах от ВВП. Проблема эндогенности может быть решена с помощью обобщенного метода моментов (ОММ) и инструментальных переменных (ИП). Однако оба метода оказываются необъективными при малом объеме выборки. В нашем исследовании не было такой большой выборки, чтобы использовать методы ОММ или ИП. Проблема эндогенности может быть решена с помощью задержки независимых переменных. Уровень развития инвестиций и денежных переводов в прошлом может повлиять на текущие значения торгового дефицита, но текущие показатели торгового дефицита не могут повлиять на предыдущие значения инвестиций и денежных переводов (Bjorvatn, Farzanegan, 2013). Поэтому в нашем исследовании учитывается задержка независимых переменных.

На первом этапе параметры уравнения (2) оцениваются с помощью объединенной модели МНК без учета влияния страны и времени. Затем параметры уравнения (3) оцениваются с помощью модели с фиксированным эффектом, которая контролирует корреляцию между объясняющими переменными и индивидуальными эффектами. Оценка уравнения (4) получена с помощью модели случайных эффектов, которая предполагает, что индивидуальные эффекты не коррелируют с объясняющими переменными. Фиктивные переменные времени включены как в модели со случайными эффектами, так и в модели с фиксированными эффектами. На втором этапе объединенные регрессии МНК, СЭ, ФЭ выполняются для условий взаимодействия фиктивных переменных, как указано в уравнении (4). Для выбора модели между объединенным МНК и СЭ проводится тест Бройша – Пагана на множитель Лагранжа. Затем для выбора между ФЭ и СЭ используется тест Хаусмана. Наконец, мы получаем значение F-статистики от модели ФЭ, чтобы сделать выбор между моделями объединенного МНК и ФЭ.

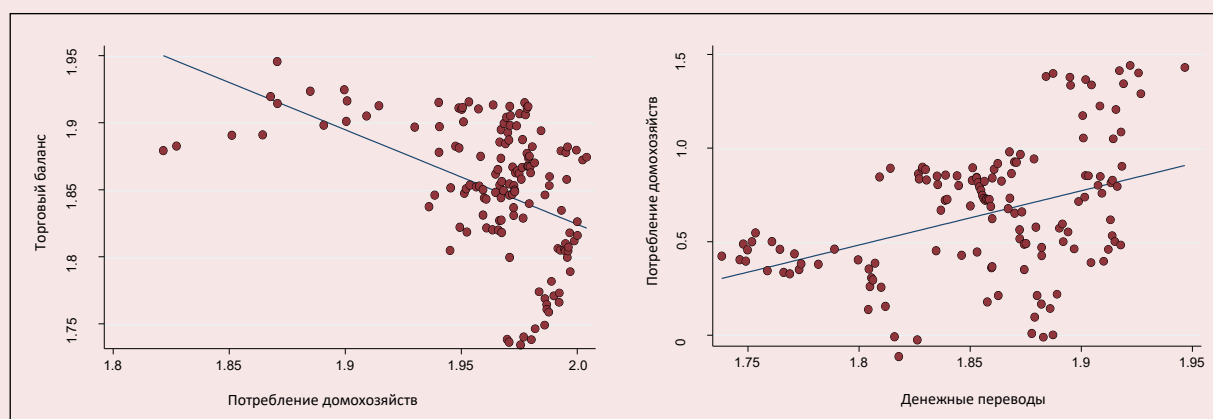
Эмпирические результаты

На *рисунке 3* представлен график корреляции между потребительскими расходами домо-

хозяйств и денежными переводами, а также между торговым балансом и потреблением домохозяйств. Результаты подтверждают, что денежные переводы увеличивают потребительские расходы домохозяйств. Кроме того, расходы на потребление домашних хозяйств оказывают отрицательное влияние на торговый баланс. Это означает, что денежные переводы увеличивают внутреннее потребление, а увеличение потребления полностью восполняется за счет импорта. Таким образом, отрицательный эффект торгового баланса обусловлен расходами на потребление, вызванными денежными переводами. Полученные нами результаты схожи с итогами исследования (Farzanegan, Sherif, 2016).

Чтобы измерить незначительное влияние денежных переводов на торговый баланс, мы проверили гипотезу о том, что денежные переводы увеличивают приток импорта товаров и услуг и повышают дефицит торгового баланса. Наша оценка начинается с изучения влияния денежных переводов на дефицит торгового баланса. И дефицит торгового баланса, и денежные переводы измеряются как процентная доля ВВП. Кроме того, все переменные взяты в форме натурального логарифма. К логарифму торгового дефицита добавляется 100, т. е. $\log(100 + TB)$, поскольку натуральный логарифм не может определять отрицательные значения. Мы используем годовую задержку всех объясняющих переменных, для того чтобы уменьшить проблему эндогенности. В *таблице 2* представлены объединенные результаты МНК, СЭ и ФЭ, которые подтверждают значительное негативное влияние денежных переводов на торговый баланс в странах Южной Азии. Результат теста Бройша – Пагана на множитель Лагранжа подтверждает, что объединенный МНК является лучшим выбором, чем СЭ. Кроме того, тест Хаусмана показывает, что модель ФЭ лучше, чем модель СЭ. Наконец, F-тест подтверждает наличие ненаблюдаемой неоднородности, и поэтому модель ФЭ является более подходящей, чем объединенный МНК. Таким образом, модель ФЭ является более подходящей среди объединенных моделей МНК, СЭ и ФЭ для нашего исследования. Эти результаты схожи с результатами исследования (Topxhiu, Krasniqi, 2017).

Рис. 3. Линия панельной регрессии между: 1) расходами на конечное потребление домашних хозяйств и торговым балансом; 2) расходами на потребление домашних хозяйств и денежными переводами

Источник: данные Всемирного банка (2021) и расчеты авторов.

Таблица 2. Результаты объединенного МНК, случайные эффекты и фиксированные эффекты

Переменная	Объединенный МНК	СЭ	ФЭ
Денежные переводы	-0,0696*** (-9,33)	-0,0827*** (-11,36)	-0,0550*** (-8,76)
Обменный курс	-0,0338** (-1,99)	-0,200*** (-6,95)	-0,0805** (-2,31)
Доход	-0,00787 (-0,96)	-0,00101 (-0,07)	0,00181 (0,19)
Инвестирование	-0,0530* (-1,92)	-0,0271 (-1,09)	-0,0741** (-2,29)
Кредит	-0,00558 (-0,35)	-0,0607*** (-3,81)	0,0143 (1,09)
ПИИ	0,00114 (1,31)	0,000155 (0,18)	-0,00125* (-1,86)
Рента	0,0131** (2,23)	-0,0315*** (-4,13)	0,0318*** (3,37)
Инфляция	-0,0180*** (-3,01)	-0,00948 (-1,55)	-0,00251 (-0,56)
Внешние доходы	-0,0177 (-0,90)	0,0917 (1,23)	0,0429 (0,81)
Человеческий капитал	0,166*** (5,19)	0,124*** (4,29)	-0,402*** (-4,75)
Постоянная	2,132*** (50,06)	2,343*** (28,84)	2,257*** (22,37)
Скорректированный коэффициент детерминации	,467	,6011	,5985
Критерий хи-квадрат Вальда	298,40***	502,20***	21,38***
Фиктивные переменные времени		Да	Да
Тест Хаусмана	95,78***		
Тест Бройша – Пагана на множитель Лагранжа для случайных эффектов	0,00		
F-тест при условии, что все $\alpha_i=0$:	28,27***		
Наблюдения	135		
В скобках указана t-статистика. * $p < 0.10$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$			

В модели ФЭ скорректированный R^2 составляет 0,5985. Это указывает, что независимые переменные объясняют 59,85% вариации торгового баланса. Результаты модели ФЭ свидетельствуют, что увеличение денежных переводов на 1% приводит к снижению торгового баланса на 0,055% (или увеличивает импорт за счет экспорта) в странах Южной Азии. Оба воздействия – внутреннего дохода и внешнего дохода – оказывают незначительное влияние на торговый баланс. Результаты по денежным переводам и доходам схожи с результатами исследования (Farzanegan, Sherif, 2016) на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Обменный курс оказывает значительное негативное влияние на торговый баланс стран Южной Азии. Увеличение обменного курса на 1% приводит к снижению торгового баланса на 0,08%. Исследовательская работа (Rifa et al., 2021) также подтверждает негативное воздействие обменного курса на торговый баланс Шри-Ланки. Кроме того, незначительно влияют рента и кредит. Инвестиции оказывают негативное влияние, как и предсказывала наша теоретическая модель. Увеличение инвестиций на 1% приводит к снижению торгового баланса на 0,074%.

ПИИ оказывают слабое отрицательное и значимое влияние на торговый баланс стран Южной Азии. Увеличение ПИИ на 1% снижает внешнеторговый баланс на 0,001%. Это объясняется тем, что взаимосвязь между ПИИ и экспортом носит сложный характер. Они могут действовать как взаимодополняющие или замещающие факторы, и это зависит от конкретного времени. Кроме того, человеческий капитал оказывает значимое отрицательное влияние на торговый баланс в странах Южной Азии с коэффициентом -0,402, т. е., с одной стороны, страны Южной Азии имеют низкий уровень человеческого капитала, а с другой, импорт постоянно растет (Bhattacharya, 2014). Отрицательный коэффициент человеческого капитала эмпирически подтвержден (Farzanegan, Sherif, 2016).

В таблице 3 представлены объединенные результаты регрессии МНК, СЭ и ФЭ для регрессионной модели взаимодействия фиктивных переменных времени. Чтобы выбрать подходящую модель, мы провели различные постстоеночные тесты. Тест Хаусмана исполь-

зуется для выбора между моделями СЭ и ФЭ, и его результаты подтверждают, что ФЭ модель является лучшей. Результаты теста Бройша – Пагана на множитель Лагранжа показывают преимущество МНК над моделью СЭ. Дальнейшая F-статистика подтверждает ненаблюдаемую неоднородность, и ФЭ-модель является более подходящей, чем объединенный МНК. Поэтому, исходя из постстоеночных тестов, модель ФЭ является более подходящей для модели взаимодействия фиктивных переменных. Скорректированное значение R^2 модели ФЭ составляет 0,59, и это означает, что независимые переменные объясняют 59% вариации торгового баланса. Бангладеш является базовой страной в нашей модели фиктивного взаимодействия. Результаты свидетельствуют, что денежные переводы оказывают значительное негативное влияние на торговый баланс Индии, Непала и Пакистана. Увеличение денежных переводов на 1% приводит к снижению торговых переводов на 0,048, 0,089 и 0,053% соответственно. Влияние денежных переводов на торговый баланс в Бангладеш и Шри-Ланке статистически незначимо.

Заключение

В статье исследуется влияние денежных переводов на торговый баланс экономики пяти стран Южной Азии в период 1991–2019 гг. Результат корреляции подтверждает, что денежные переводы увеличивают потребление домохозяйств. Неспособность стран SAARC соответствовать уровню потребления, вызванному денежными переводами, оказывает дополнительное давление на торговый баланс, увеличивая потребление импортных товаров. В результате рост объема денежных переводов в пяти странах SAARC приводит к увеличению дефицита торгового баланса.

Для измерения предельного влияния денежных переводов на торговый баланс мы использовали панельную объединенную модель OLS, модель со случайными эффектами, фиксированными эффектами и модель взаимодействия фиктивных переменных. Результаты регрессии подтверждают значительную отрицательную связь между денежными переводами и торговым балансом. Коэффициент частичной эластичности регрессии денежных переводов для торгового баланса составляет -0,055. Это означает, что увеличение денежных переводов на

Таблица 3. Результаты модели взаимодействия фиктивных переменных

Торговый баланс	Объединенный МНК	СЭ	ФЭ
Денежные переводы (Бангладеш)	0,0117 (1,34)	0,0100 (0,96)	0,0254 (1,55)
Денежные переводы (Индия)	0,0416*** (3,34)	0,00371 (0,28)	-0,0483** (-2,55)
Денежные переводы (Непал)	-0,0810*** (-12,11)	-0,0789*** (-10,74)	-0,0890*** (-5,41)
Денежные переводы (Пакистан)	-0,0810*** (-12,11)	-0,0518*** (-4,57)	-0,0532*** (-2,81)
Денежные переводы (Шри-Ланка)	0,00146 (0,11)	0,0727*** (3,71)	-0,0460 (-0,64)
Обменный курс	-0,0296** (-2,66)	-0,182*** (-6,29)	-0,144*** (-3,84)
Доход	-0,0142** (-2,71)	-0,0112 (-1,23)	-0,00816 (-0,93)
Инвестиции	-0,115*** (-4,21)	-0,131*** (-4,51)	-0,126*** (-4,08)
Кредит	0,0261* (2,37)	-0,0128 (-1,02)	-0,00116 (-0,08)
ПИИ	-0,000824 (-1,33)	-0,000493 (-0,79)	-0,000713 (-1,18)
Рента	0,00513 (0,71)	0,0138 (1,65)	-0,00443 (-0,36)
Инфляция	-0,00481 (-1,12)	-0,00257 (-0,57)	-0,00199 (-0,47)
Внешние доходы	-0,00964 (-0,76)	0,0186 (0,37)	0,0362 (0,77)
Человеческий капитал	-0,0306 (-0,59)	-0,169** (-2,94)	-0,258*** (-2,86)
Постоянная	2,175*** (62,00)	2,463*** (29,24)	2,402*** (24,84)
Скорректированный коэффициент детерминации	0,67	0,6752	,5985
Критерий хи-квадрат Вальда	924,82***	1254,00***	11,04*****
Фиктивные переменные времени	Нет	Да	Да
Тест Хаусмана (ФЭ vs СЭ)	33,84***		
Тест Бройша – Пагана на множитель Лагранжа (МНК vs СЭ)	0,00		
F-тест (МНК vs СЭ)	5,99***		
Наблюдения	135		
В скобках указана t-статистика. * p<0.10, ** p<0.05, *** p<0.01			

1% приводит к снижению торгового баланса стран SAARC на 0,05%. Отрицательный коэффициент денежных переводов свидетельствует о том, что значительная часть денежных переводов в странах SAARC используется для непроизводственной деятельности, например для потребительских расходов. Другие контрольные переменные, обменный курс, прямые внешние инвестиции, внутренние инвестиции и человеческий капитал, оказывают значимое отрицательное влияние на торговый баланс. С другой стороны, рента от природных ресурсов имеет

значительное положительное воздействие на торговый баланс стран SAARC. Модель взаимодействия фиктивных переменных подтверждает негативное влияние денежных переводов на торговый баланс в Индии, Непале и Пакистане, и незначительное – в Бангладеш и Шри-Ланке.

Хотя модель взаимодействия фиктивных переменных помогает определить влияние денежных переводов на торговый баланс отдельных стран, но оценка точной величины притока денежных переводов по неформальным каналам и их вклада в торговый баланс стран

SAARC выходит за рамки представленной работы. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на неформальных каналах притока денежных переводов. Кроме того, панельные данные по большему числу стран и длительным периодам могут дать более надежные результаты. Контроль большего числа переменных, связанных с миграцией, «утечкой мозгов» и институциональными факторами, может быть отдельной темой исследования.

В заключение отметим, что для содействия продуктивному использованию денежных переводов и создания благоприятного влияния денежных переводов на торговый баланс правительства стран Южной Азии и развивающихся стран должны продвигать различные

финансовые услуги, такие как денежные переводы, обратные облигации, стимулирование сбережений и процентные премии по депозитам, переводимым в страну, в целях содействия накоплению капитала. Кроме того, в рамках сотрудничества между различными международными финансовыми институтами, банками и заинтересованными группами необходимо разработать кооперативные схемы, способствующие получению сбережений от денежных переводов и направлению их на инвестиции в производство и промышленность. Это поможет поднять слабый промышленный сектор в странах SAARC и развивающихся странах и сократить огромный дефицит торгового баланса.

Литература

- Akoto L. (2019). Empirical analysis of the determinants of trade balance in post-liberalization Ghana. *Foreign Trade Review*, 54(3), 177–205.
- Alferi A., Havinga I., Hvidsten V. (2005). *Definition of Remittances and Relevant BPM5 Flows*. New York: Statistics Division, United Nations.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (2004). *Economic Growth*. 2nd edition. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bhattacharya S.K., Das G.G. (2014). Can South–South Trade Agreements reduce development deficits? An exploration of SAARC during 1995–2008. *Journal of South Asian Development*, 9(3), 253–285.
- Bjorvatn K., Farzanegan M.R. (2013). Demographic transition in resource rich countries: A blessing or a curse? *World Development*, 45, 337–351.
- Bouhga-Hagbe J. (2004). A theory of workers' remittances with an application to Morocco. *IMF Working Paper*, 04, 194. Washington D.C.: International Monetary Fund.
- Falk M. (2008). *Determinants of the Trade Balance in Industrialized Countries. FIW Research Report 13*. Vienna.
- Farzanegan M.R., Sherif M.H. (2016). How does the flow of remittances affect the trade balance of the Middle East and North Africa? *SSRN Scholarly Paper*. Rochester, New York: Social Science Research Network.
- Farzanegan M.R., Sherif M.H. (2020). How does the flow of remittances affect the trade balance of the Middle East and North Africa? *Journal of Economic Policy Reform*, 23(2), 248–266.
- Hasan G.M., Shakur S. (2017). Nonlinear effects of remittances on per capita GDP growth in Bangladesh. *Economies*, 5(3), 1–11.
- Hasan M. (2003). Export performance of South Asia after trade liberalization in the early 1990s. *The Chittagong University Journal of Business Administration*, 18, 107–120.
- Khan M.A., Faheem U.R., Hussain F., Razzaq A. (2021). Study on determinants of trade deficit in selected SAARC countries: The role of infrastructure. *Indian Journal of Economics and Development*, 9, 13.
- Lall S. (2000). The technological structure and performance of developing country manufactured exports, 1985–1998. *Oxford Development Studies*, 28(3), 337–369.
- Lartey E.K.K. (2018). The effect of remittances on the current account in developing and emerging economies. *Policy Research Working Paper, 8498*. Washington, D.C.: World Bank.
- Nguyen P.H. (2017). The impact of remittance on trade balance: The case of Malaysia. *Journal of Economics and Public Finance*, 3, 531.
- Okodua H., Olayiwola W. (2013). Migrant workers' remittances and external trade balance in Sub-Saharan African countries. *International Journal of Economics and Finance*, 5. DOI: 10.5539/ijef.v5n3p134.
- Pfaffermayr M. (1996). Foreign outward direct investment and exports in Austrian manufacturing: substitutes or complements? *Weltwirtschaftliches Archive*, 132(2), 501–522.

- Ramirez M., Sharma H. (2008). Remittances and growth in Latin America: A panel unit root and panel cointegration analysis. *Estudios Economicos de Desarrollo Internacional, Euro-American Association of Economic Development*, 9(1), 5–36.
- Rifa F., Thahara A.F., Fathima R., Kalideen S. (2021). The relationship between exchange rate and trade balance: Empirical evidence from Sri Lanka. *Journal of Asian Finance Economics and Business*, 37-0041.
- Sutradhar S. (2020). The impact of remittances on economic growth in Bangladesh, India, Pakistan, and Sri Lanka. *International Journal of Economic Policy Studies*, 14(3).
- Торпхиу R.M., Красниqi F.X. (2017). The relevance of remittances in fostering economic growth in The West Balkan countries. *Ekonomika*, 96(2), 28–42.
- Tung L.T. (2018). Impact of remittance inflows on trade balance in developing countries. *Economics and Sociology*, 11(4), 80–95.
- Wood A., Mayer J. (2001). South Asia's export structure in a comparative perspective. *Oxford Development Studies*, 29, 5–29. DOI: 10.2139/ssrn.189810

Сведения об авторах

Имтияз Ахмад Шах – Кашмирский университет (Индия, 190006, Джамму и Кашмир, г. Сринагар, Хазратбал; e-mail: shahimtiyazccas@gmail.com)

Тарик Ахад Ненгру – Кашмирский университет (Индия, 190006, Джамму и Кашмир, г. Сринагар, Хазратбал; e-mail: tariqnengroo76@gmail.com)

Shah I.A., Nengroo T.A.

Impact of Remittances on the Trade Balance in the Countries of the South Asian Region

Abstract. The present study empirically examines the relationship between trade balance and remittances in five selected countries of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC). Besides the joint impact of remittances on the trade balance, the individual impact of remittances on Bangladesh, India, Sri Lanka, Pakistan, and Nepal and comparison among these countries are also provided. To conduct this analysis, annual data of 20 years from 1991–2019 were collected from World Bank and Penn World database. Pooled OLS, random effect, and fixed models are used to estimate the joint impact of remittances. Further, dummy variable interaction models are used to estimate the individual impact of remittances on five South Asian countries. Our panel regression analysis confirms the increasing impact of remittances on the trade deficit of five South Asian countries by triggering import-led consumption expenditures. Other control variables, exchange rate, foreign direct investment, investment, and human capital have a significantly negative impact on the trade balance. On the other hand, rent has a significant positive impact on the trade balance of SAARC countries. Dummy variable interaction model confirms the negative impact of remittances on India, Nepal, and Pakistan, while remittances have an insignificant impact on Bangladesh and Sri Lanka. The paper provides various policy implications for SAARC region.

Key words: remittances; trade balance, South Asia, panel data.

Information about the Authors

Imtiyaz Ahmad Shah – University of Kashmir (Hazaratbal, Srinagar, Jammu and Kashmir, 190006, India; e-mail: shahimtiyazccas@gmail.com)

Tariq Ahad Nengroo – University of Kashmir (Hazaratbal, Srinagar, Jammu and Kashmir, 190006, India; e-mail: tariqnengroo76@gmail.com)

Статья поступила 15.03.2022.

Проблемы правового обеспечения китайско-российского экономического сотрудничества

ЖЭНЬ ЯНЬЯНЬ

Шанхайский политико-юридический университет

Шанхай, Китай

e-mail: renyanyan@shupl.edu.cn

Аннотация. За последние годы экономика и торговые отношения между Китаем и Россией выдержали мировой экономический спад и проверку пандемией. Объем торговли между этими странами в течение трех лет подряд преодолевал рубеж в 100 миллиардов долларов. Сотрудничество расширилось от чистой торговли до инвестиций, финансирования, энергетики, аэрокосмической отрасли, высоких технологий, высокоскоростных железных дорог, сельского хозяйства и других сфер деятельности; от приграничной торговли до крупных стратегических проектов, где экономические интересы стран очень тесно переплетены. Однако в то же время в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и России существуют определенные проблемы, в том числе замедление экономического развития двух стран, нерациональная структура торговли, несовершенные системные механизмы, несовершенная правовая система и так далее. На фоне слабого восстановления мировой экономики и бурного наращивания китайско-российского экономического и торгового сотрудничества эти проблемы сдерживают свободное и благоприятное развитие торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Задача исследования – рассмотреть опыт Европейского союза и Североамериканской зоны свободной торговли в области экономической интеграции, особенно гарантии соответствующих правовых систем в сфере торгово-экономического сотрудничества, и выявить, могут ли они быть полезны для развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Автор доказывает, что путем создания и совершенствования правовой системы, модернизации двусторонних

Для цитирования: Жэнь Яньянь (2023). Проблемы правового обеспечения китайско-российского экономического сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 253–265. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.14

For citation: Ren Yanyan (2023). Problems of legal support of Chinese–Russian economic cooperation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 253–265. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.14

инвестиционных соглашений, активизации изучения зон свободной торговли, укрепления связи между инициативой «Один пояс – один путь» и Евразийским союзом, а также совершенствования механизма сотрудничества стран БРИКС вполне возможно обеспечить правовые гарантии китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Основными методами, использованными в данной работе, являются эмпирические исследования, анализ конкретных случаев и сравнительный анализ.

Ключевые слова: Китай, Россия, экономическое сотрудничество, состояние развития, сдерживающие факторы, правовая защита.

Введение

С февраля 2022 года после начала специальной военной операции на Украине Соединенные Штаты Америки и Европейский союз ввели против России несколько пакетов экономических санкций, включая финансовые ограничения, торговые эмбарго, замораживание активов и разделение технологий. Экономический и политический фокус России перемещается с Запада на Восток (Климова, Гу Фанчжоу, 2015). Все это способствует ускоренному развитию китайско-российских экономических и торговых отношений. В сотрудничестве между двумя сторонами были достигнуты успехи в области энергетики, финансов, торговли, науки и техники, инфраструктуры.

В условиях новой модели развития особое значение имеют хорошие отношения с соседними крупными странами. Являясь важным полюсом международного сообщества, Россия выступает «игроком мирового уровня» с большим международным влиянием, и ее статус и роль на международной арене нельзя игнорировать. В свете трехсторонних отношений между Китаем, США и Россией, особенно когда отношения между Китаем и США являются относительно хрупкими, Россия становится очень конструктивной международной силой. Укрепление китайско-российского торгово-экономического сотрудничества и скорейшее избавление от дилеммы экономического развития стали общими потребностями и стратегическими требованиями Китая и России в условиях эпидемической ситуации (Hu Ming, Tian Wenquan, 2021). В перспективе ожидается дальнейшее укрепление китайско-российского торгово-экономического сотрудничества, однако из-за усложняющихся международных экономических и политических изменений,

вызванных различными несогласованными факторами, неизбежно возникнут трудности (Li Shuangshuang, 2022).

Обзор исследований

В связи с непрерывным развитием китайско-российского экономического и торгового сотрудничества повышение его уровня стало серьезной проблемой, вызывающей общую озабоченность ученых в смежных областях в Китае и России. Отметим несколько направлений исследований.

Исследование статуса-кво и механизма сотрудничества

Лю Хуацзинь считает, что при постоянном развитии экономического сотрудничества между Китаем и Россией благодаря усилиям двух правительств институциональная среда двустороннего торгово-экономического сотрудничества улучшилась, но проблема несостоятельности систем и механизмов все еще существует. В связи с этим Китай и Россия должны продолжать укреплять институциональную структуру двустороннего торгово-экономического сотрудничества, для того чтобы обеспечить долгосрочные институциональные гарантии устойчивого развития¹.

Исследование рисков китайско-российского экономического и торгового сотрудничества

Е.В. Боголомов, заместитель председателя Санкт-Петербургской коллегии адвокатов России и исполнительный директор Юридической фирмы Кузнева, указал, что введенные на фоне российско-украинского конфликта западными странами санкции серьезно повлияли на российскую экономику и бизнес-среду.

¹ Лю Хуацзинь. Торгово-экономическое сотрудничество в меняющемся мире. URL: <http://www.oymj-oys.org/UploadFile/Issue/r0ok5aiq.pdf>

Открылись новые возможности для китайско-российского экономического сотрудничества, однако проявились юридические, коммерческие и санкционные риски. Исключение или минимизация вышеперечисленных рисков — это подготовительная работа перед реализацией сотрудничества².

Ван Юйвэй считает, что нынешнее китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество в основном сопряжено с рисками судебной помощи и финансовыми и юридическими рисками. Лучшим решением этой проблемы должно стать верховенство права и концепций и ускорение создания системы государственных юридических услуг для китайско-российского экономического и торгового сотрудничества³.

Исследование перспектив китайско-российского торгово-экономического сотрудничества

Верховенство права играет важную роль в процессе китайско-российского экономического сотрудничества. Несмотря на то что в настоящее время отношения между Китаем и Россией можно назвать лучшим периодом в истории сотрудничества, еще есть много возможностей для роста взаимных инвестиций и усиления торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. С одной стороны, отсутствие правильного понимания российского рынка и бизнес-среды, во-вторых, влияние потенциальных вторичных санкций со стороны Европы и США и недооценка национального кредита России вызывают у некоторых инвесторов опасения.

Н.О. Старкова, Е.С. Балануца считают, что в современных условиях планомерное развитие двух соседних государств (РФ и КНР) не может осуществляться обособленно в силу как геополитических, так и экономических интересов (Старкова, Балануца, 2015).

² Мнение эксперта Санкт-Петербургской коллегии адвокатов России Е.В. Боголомова. URL: http://www.legaldaily.com.cn/Finance_and_Economics/content/2022-06/08/content_8730253.html

³ Ван Юйвэй (2018). Исследования по предотвращению и контролю правовых рисков в китайско-российском экономическом и торговом сотрудничестве на фоне «Одного пояса и одного пути» // Фортуна сегодня. URL: <http://vip.lninfo.com.cn/article/detail.aspx?id=74826770504849564955485748>

Современное состояние китайско-российского экономического сотрудничества

В последние годы Китай и Россия непрерывно углубляют взаимное политическое доверие. Значимый экономический и политический вес двух стран, их географическая близость, в целом позитивная история современных взаимоотношений, наличие длительного опыта экономических связей и заметное политическое сближение в последние годы способствуют росту интенсивности и качества экономического сотрудничества (Подольский и др., 2016). В 2019 году главы обоих государств повысили уровень двусторонних отношений до «всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и России в новую эпоху», обеспечивающего политические гарантии всестороннего и многопрофильного сотрудничества. Синергия между инициативой «Один пояс — один путь» и Евразийским экономическим союзом, а также между экономическим коридором Китай — Монголия — Россия и Зоной опережающего развития Дальнего Востока России откроет новые возможности для дальнейшего расширения сотрудничества между Китаем и Россией.

С момента начала пандемии коронавируса китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество развивалось скачкообразно вследствие повторяющихся взлетов и падений глобальной эпидемии и слабого восстановления экономики. Объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг в 2021 году 146,887 миллиардов долларов, что является рекордным показателем четвертый год подряд. Китай на протяжении 12 лет остается крупнейшим торговым партнером России (Sun Zhuangzhi et al., 2022). С января по октябрь 2022 года масштабы китайско-российской торговли достигли наивысшего уровня (табл. 1), сотрудничество в различных областях продолжает углубляться.

Энергетическое сотрудничество всегда было самой важной, плодотворной и широко-масштабной сферой китайско-российского практического торгово-экономического сотрудничества, а также его «краеугольным камнем». Согласно статистике Главного таможенного управления Китая, в 2021 году Китай импортировал из России энергоносителей на 334,29 млрд юаней, что на 47,4% больше,

Таблица 1. Масштабы китайско-российской торговли с января по октябрь 2022 года, млрд юаней

Показатель	Объём китайско-российской двусторонней торговли		Годовой рост, %	
	с янв. по окт.	октябрь	с янв. по окт.	октябрь
Общий объём двусторонней торговли	748.72	84.19	21.2	31.7
Общий экспорт в Россию	342.56	35.6	20.8	10.4
Общий импорт из России	406.16	48.59	21.5	53.4

Источник: данные Таможенного управления Китая. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/4062162/index.html>

чем в прошлом году (65,3% от общей стоимости импорта Китая из России)⁴. Россия остается для Китая крупнейшим источником импорта энергоносителей, вторым по величине источником импорта сырой нефти и первым — импорта электроэнергии.

Непрерывно укрепляется сотрудничество Китая и России в финансовой сфере. В 2020 году более половины торговых операций между Китаем и Россией осуществлялось в евро, юанях и рублях, а не в долларах. Согласно статистике Центрального банка России и Таможенного управления Китая, в настоящее время на долю юаня приходится более 17% двусторонних торговых расчетов между Китаем и Россией и более 12% международных резервов России. Роль китайской валюты как платежного средства постепенно возрастает⁵. Сотрудничество в финансовой сфере способствует диверсификации международной валютной системы и поможет эффективно избежать всех видов санкций, которые США могут принять против двух сторон посредством гегемонии доллара. В будущем Китай и Россия будут продолжать поддерживать расширение ценообразования и расчетов в местной валюте в двусторонней торговле, инвестициях и кредитах, а услуги обеспечат стабильное развитие двусторонней торговли.

Правительства двух стран подписали «Соглашение об экономических и торговых отношениях», «Соглашение об избежании двойно-

⁴ Главное таможенное управление: объем торговли между Китаем и Россией в 2021 году впервые превысил 900 млрд юаней. URL: <https://wap.yzwb.net/wap/news/1924862.html> (дата обращения 27.02.2022).

⁵ Китай в течение 12 лет подряд является крупнейшим торговым партнером России — плодотворное экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Россией. URL: http://www.cnjjwb.com/index.php?s=szb&c=home&m=szb_content&id=11475 (дата обращения 03.10.2022).

го налогообложения» и «Китайско-российское межправительственное соглашение о гарантиях инвестиций», которые обеспечивают правовую защиту инвесторов. Продвижение китайской инициативы «Один пояс — один путь» придало новый импульс торгово-экономическому сотрудничеству между Китаем и Россией. Являясь ключевой силой на маршруте инициативы «Один пояс — один путь», Россия не только активно поддерживает развитие этого проекта, но и способствует его синергии с Евразийским экономическим союзом. Однако существуют факторы, определяющие, можно ли будет вывести экономическое сотрудничество двух государств на более высокий уровень. Поэтому создание долгосрочной и стабильной правовой системы для экономического развития двух стран должно стать важной частью будущего сотрудничества между Китаем и Россией.

Факторы сдерживания развития китайско-российского экономического сотрудничества

Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией развивается быстрыми темпами, но некоторые проблемы сохраняются. Дальнейшее развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества сдерживается замедлением экономического роста стран, неразумной структурой торговли, несовершенными механизмами управления, неустойчивой инвестиционной конъюнктурой, коррупцией, отсутствием правопорядка (Zhang Chao, Zhao Haifeng, 2018) и опасениями по поводу подъема Китая. На практике экономические отношения двух стран могут развиваться как в лучшую, так и в худшую сторону: существует ряд факторов, которые способствуют и препятствуют дальнейшему углублению экономических связей (Нго, 2021). Есть и проблемы, которые нельзя игнорировать.

Экономическое развитие России сталкивается с трудностями

Будучи единственной страной в мире, которая полностью обеспечивает себя природными ресурсами, Россия имеет огромный рынок численностью в 146 миллионов человек. В то же время страна обладает достаточно целостными промышленной и государственной экономической системами, которые имеют несравнимое с другими странами превосходство в плане экономической безопасности и противодействии ударам. В то же время экономика России имеет ряд проблем, в том числе нерациональную структуру, потенциальные опасности модели экономического роста и долгосрочные проблемы зависимости от других стран в международном экономическом порядке. С началом российско-украинского конфликта США и страны Запада ввели против РФ беспрецедентные экономические и финансовые санкции. Центральный банк России заморозил почти 300 миллиардов долларов валютных резервов, несколько крупных банков РФ исключены из Международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (SWIFT). Был отменен режим наибольшего благоприятствования, множество компаний уходят с российского рынка, введены жесткие энергетические санкции. Санкции стали важным инструментом и долгосрочным политическим выбором для США и их союзников по сдерживанию и изоляции России, а также переменной, влияющей на ее экономическое развитие (Li Jianmin, 2022).

Санкции, наложенные Западом, направлены на подрыв финансово-экономической ситуации в России, провоцирование паники на рынке, коллапс банковской системы, создание масштабного дефицита товаров. В целях устранения последствий санкций и стабилизации внутриэкономической ситуации Россия предприняла ряд антисанкционных мер: указ о расчетах в рублях, указ о параллельном импорте, указ об импортозамещении, создание независимой Российской системы передачи финансовой информации (СПФС). В какой-то степени это показывает, что западный «экономический блицкриг» против России в краткосрочной перспективе не сработал, а план Запада по санкциям для быстрого обрушения российской экономики провалился. Но в долгосрочной

перспективе санкции все же окажут серьезное пагубное влияние на российскую экономику. На самом деле санкции затронули не только Россию, но и другие страны и регионы мира, в том числе не вовлеченные в конфликт. Можно даже утверждать, что пакет западных санкций с 2014 года действительно поставил Россию на более низкую траекторию роста, и их кумулятивное воздействие со временем растет (Tao Shigui, Gao Yuan, 2020). Однако введение масштабных санкций против России со стороны «коллективного Запада» закономерно поставило вопрос об углублении и расширении экономических отношений с Китаем⁶.

Замедление скорости экономического развития Китая

В данный момент китайское общество находится на стадии перехода от общества, ориентированного на производство, к обществу, ориентированному на потребление. Китайская экономика движется по пути от экономики, ориентированной на инвестиции, к экономике, ориентированной на потребление. А цель экономического развития Китая изменяется от высокоскоростного к качественному развитию. В процессе экономической и социальной трансформации Китая экономический рост с каждым годом замедляется (Guo Changqing, 2019). Правительство уже осознало наличие проблемы, поэтому прилагает усилия для продвижения реформ и энергичного развития высокотехнологичных отраслей и новых отраслей сферы услуг, надеясь создать новые точки роста для экономического развития Китая. Однако выгоды от реформы не будут очевидны в течение короткого времени. В то же время пандемия COVID-19 поставила жесточайшие вызовы перед экономикой страны.

Целевой показатель роста ВВП Китая на 2022 год составил около 5,5%, но экономический рост замедлился в первом квартале из-за более сильных, чем ожидалось, факторов, таких как пандемия. По данным Китайского национального бюро статистики на 15 июля, ВВП Китая вырос на 2,5% в годовом исчислении в

⁶ Тимофеев И. (2022). Российско-китайское экономическое сотрудничество: возможности и препятствия в новых условиях. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-kitayskoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-vozmozhnosti-i-prepyatstviya-v-novykh-usloviyakh/>

Таблица 2. Темпы роста ВВП в годовом исчислении, %

Год	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
2017	7.0	7.0	6.9	6.8
2018	6.9	6.9	6.7	6.5
2019	6.3	6.0	5.9	5.8
2020	-6.9	3.1	4.8	6.4
2021	18.3	7.9	4.9	4.0
2022	4.8	0.4	3.9	

Примечание: Темпы роста в годовом исчислении представляют собой темпы роста по сравнению с тем же периодом предыдущего года.
Источник: данные Китайского национального бюро статистики. URL: http://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202210/t20221024_1889593.html

первом полугодии и на 0,4% во втором квартале (табл. 2). В настоящее время риск стагнации в мировой экономике увеличивается, влияние внешних дестабилизирующих факторов и неопределенность растут, а тройное давление сокращения внутреннего спроса, потрясений предложения и ослабления ожиданий продолжает сохраняться.

В краткосрочной перспективе замедление экономического роста Китая в основном связано с пандемией COVID-19 и сдерживающим влиянием со стороны западных стран во главе с США. Судя по тенденции долгосрочного развития, снижение экономического роста Китая может стать объективным неотвратимым явлением. В целях содействия общему процветанию в условиях замедления экономического роста стране предстоит столкнуться с рядом проблем, включая среднесрочные и долгосрочные крупные проблемы, связанные со старением населения, новым типом урбанизации, технологическим прогрессом, увеличением разрыва в доходах жителей, разнообразными культурными и социальными конфликтами, осложнением внешней среды.

Нерациональная структура и малые объемы торговли между Китаем и Россией

Китай и Россия являются развивающимися странами. В сфере внешней торговли, вследствие разницы государств в обеспеченности ресурсами, экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами долгое время страдало от таких проблем, как нерациональная структура и унитарная форма. В последние годы структура экспорта Китая в Россию постоянно совершенствовалась и модернизировалась. На обрабатывающую промышленность приходится подавляющая часть экспорта Китая

в Россию. При этом доля наукоемкой продукции в экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности увеличивается, тогда как в экспорте России в Китай доминирующее положение занимают первичная продукция и сырьевые товары (Qi Shaozhou, Fu Zexi, 2017). За последние 20 лет экономическое сотрудничество между Китаем и Россией все больше концентрировалось на сырьевых материалах⁷.

Помимо этого, несмотря на быстрые темпы развития в последние годы, с точки зрения общего объема двусторонняя торговля между Китаем и Россией занимает сравнительно небольшую долю во внешней торговле Китая. В 2021 году общий объем торговли между Китаем и Россией составлял около 2,43% от общего объема внешней торговли Китая⁸, в то время как в тот же период общий объем торговли между Китаем и Европой (за исключением России) – 13,7%. Таким образом, на основе закрепления текущей тенденции роста китайско-российской торговли и дальнейшей оптимизации структуры торговли Китай и Россия должны исследовать новые точки роста и новые формы сотрудничества в двустороннем торгово-экономическом сотрудничестве. На основе традиционной торговли товарами, а также активно в сфере высоких технологий, энергетики, ресурсов, финансов, инвестиций, про-

⁷ Hillman E. (2020). China and Russia: Economic Unequals. Center for Strategic & International Studies. Available at: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals>

⁸ Предварительный обзор результатов российско-украинского конфликта 2022 года и анализ их влияния на различные отрасли. URL: <https://www.vzko.com/read/202205300dca8eb6e5fd65ac11a750e3.html> (дата обращения 2022-06-30)

изводственной кооперации в таких областях, как различные формы экономического и технологического направления развития сотрудничества, использование цифровой экономики, «зеленое» развитие, биологическая медицина и новые источники роста, торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией выявляет модель диверсификации, масштаба и качества двусторонних торгово-экономических отношений «двойного повышения».

Механизмы китайско-российского торгово-экономического сотрудничества в ожидании дальнейшего совершенствования

Упрощение процедур торговли стало для стран важным путем улучшения деловой среды, снижения торговых издержек и повышения эффективности торговли (Li Jianmin, 2020). Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Россией в целом основано на межправительственных торговых соглашениях. Торговая система и система торгово-экономических услуг в соответствии с международной практикой еще не выстроены подобающим образом.

Благодаря усилиям правительств двух государств двусторонняя торговая система улучшается. Однако все еще существуют проблемы, связанные с ненадежностью механизмов системы, включая механизм защиты интересов рабочих, механизм урегулирования споров, механизм трансграничных платежей и расчетов, механизм таможенного оформления и т. д. Рассмотрим, к примеру, защиту прав и интересов китайских рабочих в России. Вследствие ограничения по квоте, налагаемого в России на привлечение иностранной рабочей силы на предприятия, процедура применения квоты является громоздкой, а цикл исполнения длительным. Положения о локализации рабочих затруднили работу китайских предприятий в России, права и интересы китайских рабочих в России не могут быть защищены. Если же взять в качестве примера китайские и российские инвестиции, то из-за различий в инвестиционном законодательстве стран китайские инвесторы в России сталкиваются с финансовыми рисками, рисками инвестиционной среды и валютных расчетов, рисками интеллектуальной собственности, логистическими, налоговыми и другими рисками. В какой-то степени они повлияли на

готовность китайских компаний инвестировать в Россию. Только путем создания соответствующего механизма контроля рисков и полного механизма урегулирования споров можно будет наладить инвестиционные отношения и повысить уровень желаний к инвестированию. Китай и Россия должны постоянно укреплять институциональную структуру двустороннего торгово-экономического сотрудничества, чтобы обеспечить долгосрочные институциональные гарантии устойчивого развития (Liu Huaqin, 2019).

Правовая система регионального экономического сотрудничества

В контексте регионального экономического сотрудничества обратимся к опыту Европейского союза (ЕС) и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Их создание было направлено на содействие свободной торговле внутри регионов и даже во всем мире, а их основные системы демонстрируют зрелые правовые характеристики (Shen Sibao, Fu Rong, 2008). В связи с этим Китай и Россия могут извлечь уроки из опыта правовых систем ЕС и НАФТА.

Правовая система Европейского союза

На сегодняшний день Европейский союз является крупнейшим таможенным союзом в мире. Он имеет достаточно усовершенствованную правовую систему, включающую «первичное право» и «вторичное право». Понятие «первичное право» относится к договорам, приложениям и меморандумам, подписанным между правительствами-членами для создания ЕС, а также к международным договорам и соглашениям ЕС, таким как Римский договор, в то время как вторичное относится к постановлениям и резолюциям, совместно принятым институтами ЕС. Принцип верховенства права ЕС является одним из столпов этой правовой системы. Другими словами, право ЕС всегда будет более эффективным, чем законы членов ЕС, которые ему не соответствуют.

В определенной степени члены Европейского союза поступились государственным суверенитетом, что привело к созданию ряда институтов «надгосударственного суверенитета», таких как Совет Европейского союза, Европейская комиссия, Европейский парламент и Европейский суд. С точки зрения законода-

тельства государства-члены наделяют ЕС значительной законодательной властью. Фактически основная деятельность ЕС заключается в принятии и толковании этих законов посредством Европейского суда.

ЕС имеет не только усовершенствованный законодательный механизм, но и достаточно надежную правовую систему, включая учредительные договоры, приложения и меморандумы, подписанные между государствами-членами, а также положения и резолюции, принятые институтами ЕС. Данные законы имеют высшую силу в Европейском союзе. В то же время требуется, чтобы государства-члены принимали активные меры по усилению интеграции законов друг с другом. Например, «Белая книга о завершении внутреннего рынка», изданная ЕС, и соответствующий «Единый европейский акт», основная цель которого — устранение пограничного контроля и гармонизация стандартов продукции для создания свободного единого рынка. Через Европейский суд с надгосударственной суверенностью ЕС не только контролирует выполнение своих законов, но и наделен обширной юрисдикцией по разрешению споров.

Несмотря на брекзит, финансовый кризис, кризис с беженцами и другие факторы, ЕС остается организацией с самым высоким уровнем интеграции региональных организаций в мире. ЕС не только действительно реализует внутри себя свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и людских ресурсов, но еще и учредил совершенную правовую систему как гарантию «свободы». Правовая система ЕС уникальна, и ни одна другая правовая система не может с ней сравниться, несмотря на то что она опирается на многие элементы. Ключом к пониманию принципов ее работы является недопущение попыток включить их в национальные системы и рассматривать их поведение с различных точек зрения⁹. Этот полный набор экономических, социальных и правовых систем не имеет себе равных в других региональных организациях и представляет собой модель будущей региональной интеграции и экономической глобализации.

⁹ Bolado L. Overview of the EU legal system. Available at: <https://www.lexisnexis.co.uk/legal/guidance/overview-of-the-eu-legal-system> (accessed: October 15, 2019).

Правовая система Североамериканской зоны свободной торговли

Наиболее развитой интеграционной группировкой наравне с Европейским союзом является Североамериканская зона свободной торговли. Это первая в мире региональная торговая организация, в состав которой входят как развитые, так и развивающиеся страны. Поскольку члены НАФТА подчеркнута настаивают на государственном суверенитете, уступка суверенных прав очень ограничена. НАФТА поддерживает ориентацию на модель Европейского союза в аспекте экономической интеграции. Отличие заключается в отсутствии стремления к формированию политических надгосударственных органов¹⁰. Именно по этой фундаментальной причине НАФТА проявляет свою уникальность в плане правовой системы. Иными словами, в соответствии с различными потребностями стран-членов в организации региональной интеграции она разрабатывает организационную структуру и правовую систему с характеристиками как мягкого права, так и жесткого законодательства. Благодаря гибкому системному устройству данная модель не только должным образом решает многие проблемы, вызванные различным уровнем экономического развития стран — членов Североамериканской зоны свободной торговли, но и создает новые пути сотрудничества Север — Юг, имеющие достаточно сильную ценность как модель для подражания в деле региональной интеграции (Wang Chunjie, 2009).

Североамериканская зона свободной торговли стремится к реализации свободного движения товаров, услуг и капитала внутри региона. Однако одной только отмены таможенных налогов и квот недостаточно для реализации свободной торговли. Необходимо усовершенствовать правовую систему. Североамериканская комиссия по свободной торговле не имеет права издавать законы, поэтому правовая система НАФТА достаточно элементарна. Имеется лишь «Соглашение о свободной торговле в Северной Америке» и соответствующие

¹⁰ Зеленская Т. НАФТА — это... Североамериканская зона свободной торговли. НАФТА: цели и задачи. URL: <https://fb.ru/article/176971/nafta---eto-severo-amerikanskaya-zona-svobodnoy-torgovli-nafta-tseli-i-zadachi>

приложения к нему. Данное соглашение в Соединенных Штатах считается международным договором и имеет тот же статус, что и федеральный закон. Хотя Североамериканская комиссия по свободной торговле не обладает законодательной властью, чтобы гарантировать свободный поток внутрирегиональной торговли, «Соглашение о свободной торговле в Северной Америке» может в определенной степени корректировать внутреннее законодательство стран-членов и решать юридические вопросы и противоречия. Например, когда речь идет о законах о здоровье и окружающей среде, НАФТА требует от стран-членов интегрировать свои законы, запрещает использование законов в качестве средства, препятствующего торговле, и устанавливает механизмы для взаимно признанных стандартов продукции. Это обеспечивает либерализацию торгового оборота с правовой точки зрения и позволяет избежать скрытой торговой защиты. Что касается механизма разрешения споров, НАФТА предусматривает его в главах 11, 19 и 20 «Соглашения о свободной торговле в Северной Америке» соответственно, а также устанавливает механизмы урегулирования споров по экологическим и трудовым вопросам в двух дополнительных соглашениях: «Соглашении о сотрудничестве в области окружающей среды в Северной Америке» и «Соглашении о трудовом сотрудничестве в Северной Америке». В целом НАФТА не имеет единого механизма разрешения споров, а модель разрешения споров объединяет дипломатические и судебные методы. Однако данный способ разрешения споров является гибким и не носит принудительный характер, что может обеспечить достаточную правовую гарантию разрешения споров внутри региона.

Недостаток институциональных правовых гарантий китайско-российского торгово-экономического сотрудничества скрыто способствовал увеличению торговых барьеров между двумя странами и препятствовал двустороннему торгово-экономическому сотрудничеству. Китай и Россия могут позаимствовать успешный опыт зон свободной торговли в Северной Америке и Европейском союзе. Разница между Китаем и Россией в плане исторического фона, социальной культуры и правовой системы очень велика. В данном моменте есть достаточное сходство с взаимоотношениями

между США, Канадой и Мексикой, поэтому Китай и Россия в правовых рамках будущей зоны свободной торговли могут позаимствовать у НАФТА простую и мягкую организационную структуру, а также гибкую правовую систему. Такая модель в настоящее время также является основной в свободной торговле Китая с другими странами. Европейский союз обладает самой глубокой степенью интеграции, особенно в части правовых конфликтов. Его опыт также может быть использован Китаем и Россией в качестве ориентира для улучшения соответствующих положений.

Правовые гарантии китайско-российского экономического сотрудничества

Согласно Соглашению между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, подписанному главами государств в июне 2018 года, обе стороны подчеркивают необходимость продолжения совместных усилий для обеспечения всестороннего характера практического сотрудничества. С правовой точки зрения Китай и Россия должны создавать правовую среду, подходящую для развития рыночной экономики. Между двумя странами должен быть подписан договор о сотрудничестве для развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества и обеспечения его правовых гарантий. Необходимо соблюдать международное право и, в частности, активно реализовывать различные соглашения в рамках ВТО, применять механизм разрешения споров ВТО для защиты собственных соответствующих прав и интересов, активно использовать инициативу — «Один пояс — один путь», механизмы БРИКС и другие платформы для развития торгово-экономического сотрудничества. Рассмотрим подробнее аспекты, обеспечивающие надежные правовые гарантии китайско-российского экономического сотрудничества.

Улучшение и реализация правовой базы китайско-российского торгово-экономического сотрудничества

В последние годы Китай и Россия подписали ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве в области экономики и торговли, в том числе «Китайско-российское межправительственное соглашение о поощрении и защите инвестиций», «Китайско-российское межправительственное соглашение об избежании двойного налогообложения, двойного налогообложения

и уклонения от уплаты налогов», «Китайско-российское межправительственное соглашение об экономических и торговых отношениях», «Китайско-российское межправительственное соглашение об урегулировании правительственного кредита и долговых обязательств» и т. д. Это заложило прочную правовую основу для развития китайско-российской торговли и создало здоровую среду для экономического развития двух стран. Однако по мере углубления и развития двустороннего сотрудничества некоторые соглашения, подписанные за эти годы, перестали соответствовать реалиям. Современная ситуация в сфере двустороннего сотрудничества требует либо подписания нового соглашения о сотрудничестве, либо внесения корректив в такие важные пункты существующего соглашения, как доступ к рынкам, урегулирование инвестиционных споров и долговых вопросов, чтобы создать более мягкую институциональную среду для китайско-российского торгово-экономического сотрудничества.

В феврале 2022 года в ходе визита Президента РФ В.В. Путина в Китай и посещения им церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Пекине соответствующими ведомствами Китая и России был подписан ряд документов о сотрудничестве в ключевых областях. В частности, таможи двух стран подписали соглашение о планировании взаимного признания «уполномоченных экономических операторов» (УЭО). Взаимное признание УЭО будет и дальше оказывать стимулирующее воздействие, а также способствовать повышению уровня торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Евразийским экономическим союзом. В тот же день обе стороны подписали «Меморандум о взаимопонимании по содействию инвестиционному сотрудничеству в области устойчивого (зеленого) развития».

Повышение уровня китайско-российского инвестиционного сотрудничества и обоснование создания зоны свободной торговли между Китаем и Россией

И Китай, и Россия являются странами с рыночной экономикой, играя важную роль на международном рынке. С начала российско-украинского конфликта экономическая зависимость Китая и России непрерывно увеличивается. Повышение уровня китайско-российского инвестиционного сотрудничества и создание

китайско-российской зоны свободной торговли являются стратегическим выбором стран в целях преодоления кризиса (Zhan Siyu, Li Yamin, 2010). Также это поможет обеим сторонам избежать рисков вследствие экономической глобализации.

В 2006 году Китай и Россия подписали «Китайско-российское межправительственное соглашение о гарантиях инвестиций», которое официально вступило в силу в 2009 году. Соглашение обеспечивает правовые гарантии в сфере торговли между Китаем и Россией. На современном этапе расширение двустороннего инвестирования является важным направлением для достижения качественного развития торгово-экономического сотрудничества стран в будущем. Таким образом, экономические и торговые ведомства России и Китая должны приступить к изучению возможности повысить уровень китайско-российского инвестиционного сотрудничества и стремиться к созданию более эффективных институциональных механизмов для его реализации. Наряду с углублением китайско-российских всесторонних стратегических партнерских отношений в новую эпоху создание более тесной китайско-российской зоны свободной торговли является беспримышленным выбором для обеих сторон. Если Китай и Россия смогут подписать соглашение о свободной торговле, то это не только будет способствовать торгово-экономическим контактам между двумя странами, но и обеспечит надежную правовую гарантию их экономического сотрудничества.

В соответствии с текущей ситуацией в сфере торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией для достижения цели создания зоны свободной торговли по-прежнему необходимо приложить усилия. Требуется повышение транспарентности судебного процесса и выполнения взаимных обязательств для вступления в ВТО. Соответствующие ведомства должны создавать платформы обмена и сотрудничества, своевременно устранять потенциальные опасности в экономике и сфере торговли, а также корректировать взаимовыгодные соглашения о дружбе и сотрудничестве между правительствами в соответствии с состоянием развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Следует стремиться преодолеть таможенные и нетамо-

женные барьеры, изменить налоговую ставку и внешнюю налоговую ставку в пределах юрисдикции, эффективно использовать методы разрешения торговых споров, ускорить свободное обращение товаров, услуг и капитала между двумя странами.

Синергия между инициативой «Один пояс – один путь» и Евразийским экономическим союзом

Синергия между инициативой «Один пояс – один путь» и Евразийским экономическим союзом может не только способствовать взаимосвязи между ними, создав платформу сотрудничества для торгово-экономических контактов, но и обеспечить правовые гарантии торгово-экономического сотрудничества между двумя странами в правовом отношении. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является результатом продвижения В.В. Путиным интеграции в регионе Содружества Независимых Государств (СНГ). Есть надежда, что ЕАЭС сможет сыграть роль моста между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом в многополярном мире. Однако синергия инициативы «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом также сталкивается с такими проблемами, как различия в этапах развития, расхождение интересов, низкий уровень сотрудничества, неидеальная деловая среда и отставание в построении системы. Тем не менее Китай и Россия могут продолжать продвижение синергии между проектом «Один пояс – один путь» и Евразийским экономическим союзом в целях стимулирования коммуникаций и экономического развития в регионе Евразийского континента. Россия пока не принимает активного участия в широкой инициативе Китая по развитию инфраструктуры во всей Азии, известной как инициатива «Один во всем районе», но это может измениться по мере улучшения межгосударственных отношений¹¹.

В мае 2018 года было официально подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом. Тем самым была сформирована правовая основа и механизмы взаимодействия для решения вопросов торгово-экономического

сотрудничества ЕАЭС и Китая. Соглашение обеспечивает важную правовую гарантию формирования общего пространства экономического развития, осуществляя синергию между инициативой «Один пояс – один путь» и ЕАЭС, а также скоординированное развитие инициативы «Один пояс – один путь» и партнерских взаимоотношений в Большой Евразии (Zhao Mingwen, 2020).

Углубление механизмов сотрудничества стран БРИКС

Страны БРИКС привлекают внимание всего мира не только благодаря своим экономическим моделям и жизнеспособности своей экономики, но и потому что они играют все более важную роль в повестке дня глобального управления в качестве бенефициаров последнего раунда глобализации и отличников из числа экономически отстающих стран. В результате более чем десятилетнего развития страны БРИКС стали важной платформой для сотрудничества между государствами с зарождающимися рынками. В июне 2022 года успешно прошел XIV саммит БРИКС. Официальные заявки от Аргентины и Ирана на членство, последовавшие за саммитом БРИКС, еще больше привлекли внимание к организации во всем мире. В 2021 году совокупный ВВП стран БРИКС составил 24,5 триллиона долларов (24% от общемирового объема). Сегодня страны БРИКС сотрудничают во многих областях и сформировали механизмы сотрудничества, такие как Новый банк развития БРИКС, Экстренное планирование резервов БРИКС, Деловой совет БРИКС и Совет аналитических центров БРИКС, которые проявляют свою значимую роль в международной экономике. По этой причине страны БРИКС также могут стать важной площадкой для торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией. С момента начала российско-украинского конфликта Россия призвала страны БРИКС к сплоченности в целях создания новой платежной системы под названием «платежи БРИКС», а также к выбору «платежей БРИКС» для проведения внутренних транзакций, чтобы реализовать дедолларизацию торговли внутри БРИКС.

Заглядывая в будущее, необходимо продолжать внедрять инновации и строить основанную на правилах и ориентированную на рынок новую модель китайско-российского торгово-

¹¹ Lotspeich R. The economic integration of China and Russia. Available at: <https://theasiadialogue.com/2018/03/14/economic-integration-of-china-and-russia/>

экономического сотрудничества, чтобы обеспечить долгосрочные институциональные гарантии устойчивого развития Китая и России (Liu Huaqin, 2019).

Заключение

Последовательное укрепление стратегического партнерства между Россией и Китаем происходит на фоне растущей глобальной турбулентности и хаотичности международных отношений (Кортунов и др., 2020). Наиболее перспективным и в то же время оптимальным партнёром для России на данный момент является Китай. Это можно судить по различным показателям, к которым относится в первую очередь взаимодополняемость экономик этих стран (Ganeeva, Tulueva, 2016). Стабильные партнерские связи между Китаем и Россией обеспечивают прочную основу для торгово-экономического развития двух стран. Однако на практике вследствие различных причин

успехи торгово-экономического сотрудничества между двумя странами по-прежнему трудно назвать удовлетворительными. Дальнейшее развитие двусторонних отношений также выдвигает новые требования к торгово-экономическому сотрудничеству. В целях обнаружения и решения проблем, имеющих место в сферах экономики и торговли, а также укрепления торгово-экономического сотрудничества России и Китая необходимо отнестись с вниманием к улучшению правовых гарантий, чтобы обеспечить стабильную и долгосрочную юридическую поддержку торгово-экономического сотрудничества. Изучение и реализация политических и правовых гарантий китайско-российского экономического сотрудничества будут способствовать дальнейшему совершенствованию и укреплению отношений двух стран в условиях международных экономических и политических изменений.

Литература

- Климова Е.О., Гу Фанчжоу (2015). Россия и Китай – экономическое сотрудничество // Перспективы модернизации современной науки: сб. статей Междунар. научно-практ. конф. С. 36–39.
- Кортунов А., Кузьмина К., Теркина Д. (2020). Стратегическое взаимодействие России и Китая: значимость и сущность // Аналитическая записка РСМД и Китайской академии общественных наук. № 28. С. 1–18.
- Нго Ле Зиу Хыонг (2021). Экономическое сотрудничество России и Китая // Молодой ученый. № 2 (344). С. 262–264.
- Подольский С.В., Стукова В.С., Куцый Н.В. (2016). Проблемы и перспективы развития российско-китайского экономического сотрудничества // Дискуссия. № 8 (71). С. 42–54.
- Старкова Н.О., Балануца Е.С. (2015). Экономическое сотрудничество РФ и КНР // Мировая экономика и международные отношения. № 23. С. 43–47.
- Ganeeva K.V., Tulueva C.E. (2016). Trade and economic cooperation between Russia and China. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 7, 440–443.
- Guo Changqing (2019). Economic restructuring, growth slowdown and high-quality development – based on the Soro-Swan growth model. *Journal of Guizhou University of Finance and Economics*, 5, 12–18.
- Hu Ming, Tian Wenquan (2021). Sino-Russian Economic and Trade Cooperation under the New Development Pattern: Review, Current Situation and Prospect. *International Trade*, No. 3: 19-26.
- Li Jianmin (2020). Regional economic cooperation under the construction of the SCO community of shared future. In: *The Construction of the SCO Community of Shared Future: Opportunities and Challenges*. Beijing: World Knowledge Press.
- Li Jianmin (2022). The impact of U.S. and Western sanctions on Russia's economy and its enlightenment. *Eurasian Economy*, 4, 1–20.
- Li Shuangshuang (2022). Sino-Russian economic and trade relations under the influence of the economic sanctions imposed by the United States and Europe on Russia. *Research on Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 5, 102–115.
- Liu Huaqin (2019). Opening a new era of Sino-Russian economic and trade cooperation – review and prospect of Sino-Russian (Soviet) economic and trade cooperation for 70 years. *Research on Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 04, 59–75, 156–157.
- Qi Shaozhou, Fu Zexi (2017). Deconstruction analysis of Sino-Russian trade from the perspective of global value chain. *Business Research*, 6, 86–94.

- Shen Sibao, Fu Rong (2008). Comparative analysis of the legal system of the European Union and the North American Free Trade Area. *Journal of Ningbo University (Humanities)*, 4.
- Sun Zhuangzhi, Li Zhonghai, Zhang Haoqi (2022). *Russian Yellow Book: Russian Development Report (2022)*. Social Science Literature Press.
- Tao Shigui, Gao Yuan (2020). The impact of western economic and financial sanctions on the Russian economy: A study based on the composite control method. *World Economic Research*, 11, 113–126.
- Wang Chunjie (2009). Analysis of the innovative value of the North American Free Trade Area model. *Shandong Social Sciences*, 2, 83–85.
- Zhang Chao, Zhao Haifeng (2018). Research on the legal protection of Sino-Russian economic cooperation policy. *Harbin Institute of Technology Press (Social Science Edition)*, 20(4), 21–27.
- Zhang Siyu, Li Yamin (2010). Feasibility analysis of establishing a Sino-Russian economic free trade zone. *Value Engineering*, 20, 224–225.
- Zhao Mingwen (2020). China-Russia relations: Comprehensive strategic cooperation partner in the new era. *Research on International Relations*, 3, 22–38.

Сведения об авторе

Жэнь Яньян – младший научный сотрудник, Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), Шанхайский политико-юридический университет (Китай, г. Шанхай, дорога Вэйцинсон, район Цинпу, 7989; e-mail: renyanyan@shupl.edu.cn)

Ren Yanyan

Problems of Legal Support of Chinese-Russian Economic Cooperation

Abstract. In recent years, the economies of China and Russia and their trade relations have withstood the global economic downturn and the pandemic tests. The volume of trade between the countries has exceeded the 100 billion USD mark for three years in a row. Cooperation has expanded from trade to investment, finance, energy, aerospace, high technology, high-speed railways, agriculture and other areas; from cross-border trade to major strategic projects where the economic interests of the countries are very closely intertwined. However, at the same time, there are certain problems in trade and economic cooperation between China and Russia, including a slowdown in the economic development of the two countries, flaws in the trade structure, system mechanisms, legal framework, etc. Alongside a slow recovery of the world economy and a rapid expansion of Chinese-Russian economic and trade cooperation, these problems hinder the free and favorable development of trade and economic cooperation between the two countries. The aim of the study is to examine the experience of the European Union and the North American Free Trade Area in the field of economic integration, especially the guarantees of the relevant legal systems in the field of trade and economic cooperation, and identify whether they can be useful for the development of Sino-Russian trade and economic cooperation. We show that by creating and improving the legal system, modernizing bilateral investment agreements, intensifying the study of free trade zones, strengthening the link between The Belt and Road Initiative and the Eurasian Union, as well as improving the cooperation mechanism of the BRICS countries, it is quite possible to provide legal guarantees of Chinese-Russian trade and economic cooperation. The main methods used in this work are empirical research, case analysis and comparative analysis.

Key words: China, Russia, economic cooperation, development status, constraints, legal protection.

Information about the Author

Ren Yanyan – Junior Researcher, Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO (China), Shanghai University of Political Science and Law (7989, Wai Qing Song Road, Qingpu District, Shanghai City, China; e-mail: renyanyan@shupl.edu.cn)

Статья поступила 21.10.2022.

Об итогах конференции «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях» в рамках I Лапинских чтений

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

**Евгения Анатольевна
КОГАЙ**

Курский государственный университет
Курск, Российская Федерация
e-mail: eakogay@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2950-5710; ResearcherID: B-4772-2016

В Институте философии Российской академии наук 17–18 ноября 2022 года состоялись I Лапинские чтения «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях». Организаторами их проведения стали Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (ИФ РАН) и Вологодский научный центр РАН (ВолНЦ РАН). Конференция послужила началом возобновления ежегодных научных мероприятий участни-

ков программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Начало реализации данной программы было положено 23 года назад. Её инициатором и идейным вдохновителем стал член-корреспондент РАН, руководитель ЦИСИ ИФ РАН Николай Иванович Лапин. После его ухода из жизни коллектив ЦИСИ выступил с предложением о проведении регулярных Лапинских чтений, о продолжении традиций организованного научного обсужде-

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Когай Е.А. (2023). Об итогах конференции «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях» в рамках I Лапинских чтений // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 266–274. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.15

For citation: Romashkina G.F., Kogay E.A. (2023). On the results of the conference “Consolidation of Russian Society in the New Geopolitical Realities” in the framework of the First Lapin Readings. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(1), 266–274. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.15

ния социокультурных проблем развития России и ее регионов. Это предложение было поддержано всеми участниками программы. Цель конференции — рассмотреть проблемы консолидации населения в общероссийском и региональном контексте в новой ситуации международных санкций и изменений геополитических реалий, в которые включена современная Россия.

В работе конференции приняли участие представители 17 российских регионов, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга, Пермского края, Брянской, Вологодской, Иркутской, Курской, Нижегородской, Смоленской, Тюменской, Свердловской, Тульской, Ульяновской областей, республик Башкортостан, Карелия, Чувашия, Чечня, а также Республики Южная Осетия. Помимо авторитетных ученых, на ней присутствовали студенты вузов из Москвы, Санкт-Петербурга, Курской, Вологодской, Ульяновской, Тюменской областей, Республики Башкортостан и Чувашской республики. Всего было проведено две пленарные сессии и пять секций. С приветствием к участникам I Лапинских чтений обратился врио директора ИФ РАН д-р филос. наук, академик РАН А.А. Гусейнов, директор ФНИСЦ РАН, д-р соц. наук, член-корр. РАН М.Ф. Черныш, научный руководитель ВолНЦ РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корр. РАН В.А. Ильин. Все выступавшие с благодарностью вспоминали Николая Ивановича Лапина, внесшего огромный вклад в российскую науку.

Участники конференции поделились результатами исторических и актуальных социологических исследований, итогами своих теоретических поисков, методологических и философских размышлений. Конференция стала междисциплинарной как по способам поиска нового знания, обобщения результатов и анализа конкретных исторических реалий развития российского общества, так и по методологическим основаниям и методическим инструментам получения привлекаемых материалов и способам формирования научного дискурса.

В ходе **первой пленарной сессии** ученые обратились к наследию Н.И. Лапина. Д-р соц. наук профессор Л.А. Беляева, и.о. руководителя ЦИСИ ИФ РАН, рассказала о совместной работе с Н.И. Лапиным, как создавался проект «Социокультурные портреты регионов России».

Этот проект объединил усилия философов, социологов, экономистов из самых разных по своим социокультурным, модернизационным и иным характеристикам российских регионов. Анализируя глубокие модернизационные различия между субъектами РФ, Н.И. Лапин одним из первых поставил вопрос о том, что стоит за этими различиями. Людмила Александровна продолжила изучение гетерогенности российского общества, в том числе отметила возможные риски, которые несет в себе гетерогенность, предложила новые способы объяснения модернизационных различий между российскими регионами. Это позволило раскрыть некоторые новые идеи, сформулировать новые проблемы, требующие изучения.

Профессор МГИМО МИД России д-р соц. наук И.В. Катерный выступил с докладом «*От кризисного социума к кризисной социальности: к 30-летию работы Н.И. Лапина „Тяжкие годы России“*». На основе всероссийского исследования «Наши ценности сегодня» автор провел глубокий анализ возможностей гуманизации как пускового процесса социальной реформации в России. Эту гуманистическую идею можно предложить и для выхода из текущего кризиса, перехода к постконфликтному переустройству в новой России.

Ученые из Института демографических исследований ФНИСЦ РАН д-р соц. наук, профессор Г.И. Осадчая и д-р соц. наук, профессор Т.Н. Юдина представили совместный доклад «*Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление*», посвященный социологической школе под руководством Н.И. Лапина и В.А. Ядова. Они рассказали об опыте обучения социологов через участие в исследованиях, углубленное изучение теории и современных методик на практике, в живом и творческом общении. Школа воспитала целую плеяду выдающихся ученых и внесла неоценимый вклад в развитие российской социологии.

Доцент Чеченского гос. университета канд. соц. наук М.М. Юсупов в докладе «*Методология и метод изучения ценностей в исследованиях Н.И. Лапина*» осветил некоторые аспекты теоретико-методологического подхода и метода изучения социокультурных ценностей, выработанного вместе с коллегами-единомышленниками. Докладчик привел пример реализации методологического подхода в мониторинге

«Социокультурный портрет регионов России», межрегиональном сравнении результатов исследований. Сделан важный вывод: при всей неизбежной региональной специфике все субъекты РФ находятся в одном цивилизационном или социокультурном пространстве.

Другой аспект научного наследия Н.И. Лапина, касающийся доверия к институтам, раскрыл канд. полит. наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук В.А. Подольский. Вадим Андреевич отметил, что социальное государство Н.И. Лапин считал важнейшим институциональным воплощением справедливости, необходимым для оправдания доверия, опираясь как на социологические теории XX века, так и на классические политико-философские работы.

Заключительное сообщение первой пленарной сессии сделала д-р экон. наук, директор ВолНЦ РАН А.А. Шабунова. Александра Анатольевна рассказала о важнейших результатах и перспективах проведения исследований по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов», а также поделилась ближайшими планами координаторов программы. Развитие научных исследований требует совместных интеллектуальных и организационных усилий ученых – представителей всех регионов, принимающих участие в программе. Участники конференции высказали важные предложения, направленные на реализацию инициатив. В частности, было предложено обновить методику изучения социокультурной эволюции для организации Всероссийского социологического исследования цивилизационной гетерогенности российского общества.

На **Второй пленарной сессии** обсуждались вопросы развития потенциала консолидации в современной России. Сессию открыл д-р филос. наук, профессор, директор Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге В.А. Козловский с докладом «*Трансформация цивилизационной идентичности российского общества в контексте множественной модернизации*». Он дал понимание цивилизационной идентичности как совокупности общественных форм современности, которая включает в себя способы (правила, ценности и нормы) социокультурного конструирования, понимания, интерпретации и действия сложившихся социальных групп.

Особое внимание докладчик уделил различным измерениям цивилизационной идентичности россиян в контексте модернизационных процессов: формам и степени социальной и культурной интеграции; экономическим, социальным и культурным доминантам, определяющим смысл и дух современной эпохи; уникальным типам дифференциации современных обществ; формам социокультурного взаимодействия трансформирующихся современных обществ в условиях глобализации; меняющимся моделям природопользования и потребления; ключевым параметрам жизненных путей и моделей социального действия современного человека; смысловым структурам повседневного опыта и заданным наукой и технологиями стандартам жизни; коллективному представлению об инновациях, аномии, а также аномалиях современного общества.

Трансформации российского федерализма в новых геополитических реалиях были проанализированы в докладе д-ра филос. наук, ведущего научного сотрудника ИФ РАН Ю.Д. Гранина. Ученый отметил, что за период 1990–2022 гг. страна эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» к модели «централизованной федерации». Последняя модель в полной мере может быть вписана в имперскую парадигму развития, характерную для России. Выступление Ю.Д. Гранина вызвало острую дискуссию о судьбе российского федерализма, о взаимосвязи между понятиями локальности и цивилизации, о возможностях и препятствиях сохранения баланса федерального централизма и регионального разнообразия.

Доклад д-ра филос. наук, профессора, зав. кафедрой Курского гос. университета Е.А. Когай «*Практики гражданского участия жителей Центрального Черноземья*» репрезентировал гражданское участие в качестве показателя гражданской культуры. На основании анализа результатов полевых социологических исследований, проведенных в 2020–2021 гг. в Воронежской, Курской и Липецкой областях, докладчик пришел к выводу о потенциальной готовности жителей к взаимодействию с властью в решении социальных вопросов и весомом потенциале гражданского участия. Однако практическое воплощение этого потенциала требует создания адекватных условий, а также разработки более действенных инструментов и механизмов.

Заключительный доклад, прозвучавший на сессии, д-ра социол. наук, профессора Тюменского гос. университета Г.Ф. Ромашкиной «*Центр — периферия в восприятии сельских жителей*» был основан на анализе результатов количественных и качественных исследований — массовых социологических опросов, углубленных интервью жителей сельских территорий, экспертов различных уровней Тюменской области. Были систематизированы представления о центр-периферийных признаках, на основе чего раскрыты их ментальные, социально-экономические и экономико-географические коннотации; проявлена структура региональных идентичностей в контексте влияния таких факторов, как образование, уровень дохода и занятость. Обнаружена меньшая степень удовлетворенности жизнью, большая зависимость и более слабая консолидация жителей малых периферийных городов по сравнению с сельскими жителями и жителями крупных городов.

Секция 1 «Цивилизационные вызовы развития России в новых социально-политических обстоятельствах» на первый план вывела проблемы влияния современных модернизационных процессов на разные сферы жизни российского общества. Выступление д-ра филос. наук, главного научного сотрудника ИФ РАН И.Н. Сиземской «*О цивилизационных смыслах современного этапа модернизации*» акцентировало внимание на важности обращения к общечеловеческим, гуманистическим смыслам модернизационных процессов. Ирина Николаевна подчеркнула методологическую состоятельность концепции поэтапной интегрированной модернизации, разработанной коллективом ЦИСИ ИФ РАН, указала на необходимость фиксации важного параметра современных модернизационных процессов — становления «знания в статусе понимания людьми друг друга и окружающего их природного и социального пространства». Помимо того, она обозначила актуальный вопрос о моделях регулирования модернизации, отметив, что движение по «авторитарному модусу» порождает трудно разрешимые ситуации.

Д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН Ю.М. Резник в ходе выступления «*Отечественная философия в поисках ответов на цивилизационные вызовы*

России» подчеркнул важность обращения к отечественному философскому наследию. Одной из основополагающих идей данного наследия можно считать идею эгоцентризма, которая может стать плодотворной мировоззренческой установкой будущего социального развития. Канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник ИФ РАН В.П. Веряскина в докладе «*Вызовы цивилизационного развития России в XXI веке: прогнозы, тенденции и образ будущего*» указала на потребность в современном геополитическом контексте обращения к прогнозированию возможных изменений. На основе обобщения ряда научных прогнозов она подчеркнула принципиальное значение для настоящего времени идей всесубъектности и консолидации человеческого потенциала. Именно на укрепление данного потенциала следует направить развитие духовной культуры, исторических традиций и исторической памяти.

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН М.Н. Яковлева в докладе «*Проблемы культурно-цивилизационной идентичности России в условиях глобализации*» также подняла вопросы возрождения духовных ценностей российского общества. Она связала раскол российского общества с противоречием традиционного русского самосознания и некритичным заимствованием западных ментальных стереотипов и стандартов поведения. Подчеркнув важность современной реинтерпретации культурно-цивилизационной идентичности российского общества, особенно молодежи, через внедрение новых образцов ментальных стереотипов и поведения, М.Н. Яковлева отметила, что реинтерпретация должна обязательно учитывать традиционное русское самосознание и, в частности, коренные принципы нравственности и религии народов России.

В ходе работы **секции 2 «Социокультурное развитие регионов России»** был осуществлен подробный анализ результатов полевых социологических исследований, проводимых в рамках реализации программы, а также рассмотрены вопросы об отражении результатов данных исследований в образовательной практике. Так, в рамках выступления «*Социально-экономическая уязвимость развития российских регионов в современных условиях*» канд. соц. наук,

доцент Курского гос. университета Ю.М. Пасовец акцентировала внимание на условиях нестабильности и рисков протекания современных социокультурных процессов. В качестве ключевого фактора уязвимости регионального развития ею был представлен контрастный профиль социально-экономической стратификации населения на примере регионов Центрального Черноземья. Канд. псих. наук, доцент Смоленского гос. института искусств А.В. Винокуров в докладе «*Становление индустрии цифровой экономики и культуры в Смоленской области*» ознакомил участников конференции с ведущими направлениями программы цифровой трансформации региона, утвержденной в декабре 2021 года. Он обратился к вопросу об изменении коммуникативной культуры молодежи Смоленской области под влиянием электронной среды, подчеркнул важность проведения анализа нейросетевых эффектов цифровой экономики и культуры региона Западного приграничья России.

Канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой Пермского гос. национального исследовательского университета Е.Б. Плотникова и канд. соц. наук, доцент Пермского гос. национального исследовательского университета Ю.С. Маркова в выступлении «*Социальное проектирование как технология преодоления социокультурных рисков муниципальных образований*» акцентировали внимание на важности совершенствования технологий преодоления существующих угроз, возникающих в границах зон муниципальных образований Пермского края. Ими были рассмотрены разнообразные способы преодоления социокультурных рисков, получившие воплощение в социальных проектах промышленных предприятий. Ученые указали также на ряд рисков, для снижения которых до настоящего времени не разработаны соответствующие проекты: риски низкого уровня жизни, отсутствия поддержки социально незащищенных категорий граждан, доступности информации, необходимости сохранения исторической памяти малой Родины и др. Также они поделились опытом внедрения материалов, полученных в ходе реализации программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в образовательный процесс Пермского государственного национального исследовательского университета.

Канд. экон. наук, старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН М.А. Груздева в докладе «*Социокультурные характеристики региона сквозь призму кризисных трансформаций*» обратилась к анализу данных, полученных в ходе семи волн социологических опросов на территории Вологодской области. Это позволило ей воссоздать динамику социокультурного развития региона, выявить ведущие трансформации территориальной идентичности и ценностной структуры населения, осуществленные под влиянием экономических кризисов и внешних вызовов.

В выступлении канд. соц. наук, зам. директора Уфимского университета науки и технологий Н.М. Лавренюк-Исаевой «*Социоконструктивный активизм в нецентральных районах городов России*» был рассмотрен один из вариантов решения проблемы консолидации российских регионов. Она отметила, что консолидацию россиян целесообразно начинать через их вовлечение в конструктивные «близкие» практики, касающиеся каждодневного времяпрепровождения. Соответственно, эффективным способом решения поставленной проблемы Н.М. Лавренюк-Исаева назвала развитие социоконструктивного активизма локальных городских сообществ.

Канд. соц. наук, старшие научные сотрудники Института социологии ФНИСЦ РАН В.С. Богданов и А.А. Почестнев свое выступление «*Проблема экспертного группообразования в регионах с разным уровнем социокультурного развития*» построили, опираясь на проведенные экспертные опросы. Ими было последовательно раскрыто влияние сложившихся региональных систем управления на модернизационные процессы регионов. Докладчики пришли к выводу о необходимости типологизации регионов не только по технико-технологической, социоэкономической, социокультурной компонентам социокультурной модернизации, но также по степени развития институционально-регулятивной компоненты.

Канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского НЦ РАН М.В. Морошкина в докладе «*Центральные и периферийные регионы СЗФО*» затронула проблему географической доступности регионов СЗФО, при этом отметила амбивалентность влияния приграничного положения на разви-

тие региона. Ею был предложен расчет уровня периферийности региона на основе оценки географического расположения и объема регионального рынка. С помощью такого расчета может быть осуществлена классификация регионов, а также проведено их ранжирование в зависимости от уровня доступности регионального рынка. Канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского НЦ РАН Л.И. Розанова в ходе выступления «*Влияние инвестиций на социальную устойчивость в регионе*» отметила важность государственной инвестиционной поддержки развития территорий СЗФО. Эта поддержка может способствовать привлечению частных инвесторов, развитию малого и среднего бизнеса, а также депопуляционных процессов, в итоге – повышению уровня социальной устойчивости регионов обозначенного федерального округа.

Работа **секции 3 «Идентичность в контексте консолидации российского общества»** была выстроена вокруг вопросов преодоления дисфункциональности традиционных компонентов идентичности в современной России. Так, д-р соц. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФСНИЦ РАН К.С. Мокин в докладе «*Территориальная идентичность: формы и механизмы [ре]конфигурации (сравнительный анализ Саратовской области и Республики Кабардино-Балкария)*» представил анализ факторов, влияющих на трансформацию территориальной идентичности российских граждан, а также предложил условия формирования идентификационной матрицы. Докладчик подчеркнул, что территориальная идентичность выступает одним из ведущих видов социального капитала жителей регионов, выполняя как мобилизационные, так и социально-культурные презентационные функции территориальных сообществ. Канд. ист. наук, доцент Чувашского гос. института гуманитарных наук В.Г. Харитоновна свое выступление «*Общероссийская гражданская, региональная и этническая идентичность населения Чувашии*», подготовленное в соавторстве с д-ром ист. наук, профессором И.И. Бойко, выстроила на основе материалов ряда социологических опросов. Это позволило воссоздать состояние и динамику различных уровней идентичности населения Чувашии. Отмечено, что иерархическое сочетание различных типов идентичности не свидетельствует о

наличии противостояний представителей разных национальностей республики. Следует понять, что идентичности не являются жесткими конструкциями, они могут быть изменчивыми и даже ситуативными.

Канд. соц. наук, доцент, декан Башкирского гос. университета Р.М. Валиахметов в докладе «*Особенности формирования и проявления этнической, региональной и гражданской идентичностей в Республике Башкортостан*» продолжил изучение данной темы. Он акцентировал внимание на том, что основу любой идентичности составляют глубинные социокультурные ценности и факторы. В ходе рассмотрения отдельных видов (форм) идентичностей они порой «закрываются» в определенные рамки, причем искусственно. Однако, отметил докладчик, следует также учитывать и, соответственно, более внимательно и пристально изучать также многосоставные, приграничные идентичности, субрегиональные субэтнические идентичности и т. д. Канд. филос. наук, доцент Юго-Осетинского гос. университета им. А.А. Тибилова К.Г. Дзугаев в своем выступлении «*Республика Южная Осетия: альтернативная идентичность?*» указал на вариативность выбора идентичности для южных осетин. Им было подмечено возникновение новой политической и культурной реальности в Республике Южная Осетия по итогам президентских выборов 2022 года. И эта новая реальность привела к многочисленным активным дискуссиям жителей региона, которые осуществляются на различных уровнях, охватывая социальные сети, трудовые коллективы, соседские общины и родственные группы.

Д-р соц. наук, доцент, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Ю.В. Латов в докладе «*Модернизация ментально-культурных ценностей россиян и урбанизация: перевернутая U-образная зависимость*», подготовленном совместно с канд. соц. наук, ведущим научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН Н.В. Латовой, отметил неоднозначный характер социокультурной модернизации в России в начале XXI столетия. Опираясь на анализ результатов общероссийских социологических опросов, организованных в 2000–2020-х гг. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, докладчик проследил закономерности современного состояния ментально-

культурных характеристик жителей различных типов городов России. При этом он обратил внимание на пониженную приверженность жителей столичных мегаполисов модернизационным характеристикам, если осуществлять сравнение с жителями городов меньшего размера. Он представил перевернутую U-образную модель различий, которая проявляется у жителей разных городов в запросах на информационно-культурные контенты, в приверженности культурно-модернизационным ценностям, а также в распространенности разнообразных видов социального участия. В выступлении д-ра филос. наук, доцента, зав. кафедрой Нижегородского гос. педагогического университета им. К. Минина И.И. Сулимы «*Пути формирования языкового единства: методология отношения к языку*» был рассмотрен вопрос о языковой идентичности в контексте консолидационных процессов. Докладчик пришел к выводу, что основой консолидации российского общества должны стать родной язык, языки искусства, а также языки науки. Соответственно, перед системой образования возникает задача минимизации иноязычного заимствования, так как именно язык представляет собой базовый элемент, который определяет национальную идентичность.

Секция 4 «Молодежь в условиях современных вызовов» в соответствии со своим названием объединила состоявшихся ученых, аспирантов, студентов. В.Т. Тарасов в докладе «*Элементы исторического сознания у молодежи*» провел сравнение исторического сознания молодежи на примере России и студентов вузов Чувашии в различные периоды СССР и России. На основе условного сравнения представителей молодежи разных исторических периодов изучался процесс формирования ее исторического сознания в динамике. Владимир Тимофеевич представил возрастные когорты как молодежь соответствующих периодов, чье сознание формировалось при различных моделях политических отношений. Была поставлена цель выяснить, как конкретная социальная практика и идеологическое воздействие повлияли на молодое поколение в различных исторических периодах. Результаты лонгитюдных исследований обрабатывались при помощи факторного анализа, были показаны самые значимые расхождения условных значений факторов. В частности, существенные различия наблюдались в

факторах и уровне религиозного сознания и социального оптимизма у молодежи периодов СССР и современной молодежи.

Руководитель отдела Института социально-политических исследований д-р соц. наук, профессор Л.С. Рубан представила доклад «*Исследование национальной и гражданской идентичности учащихся в рамках лонгитюда трёх поколений российской молодёжи*». За 30 лет социологических опросов советских и, позднее, российских школьников было исследовано три поколения молодёжи: последнее советское, переходного периода и первое постсоветское. Как показала Лариса Семёновна, в 1990–1991 и 1995–1998 гг. 75–80% учащихся определяли Родину как малую родину. Позднее, в 2001–2007 гг. стала складываться новая тенденция, выразившаяся в осознании Родины как сильной страны, защищающей своих граждан. В этот период так считали 44% опрошенных, дали характеристику Отечества как малой родины уже 34%.

В совместном докладе профессора РЭУ им. Г.В. Плеханова д-ра соц. наук Е.В. Каргаполовой со студентами того же вуза Д.Н. Матрешкиной и А.Д. Чубаровой «*Здоровьесберегающие практики российской молодежи: корреляты дифференциации*» обсуждались результаты конкретного социологического исследования, проведенного методом анкетирования в феврале 2020 года среди студентов вузов Москвы и Московской области (N = 2600). Соавторы представили основные корреляты здоровьесберегающих практик, в первую очередь это семья, опыт подработок, материальное положение студентов.

Канд. соц. наук, доценты Тюменского гос. университета Е.В. Андрианова и М.В. Худякова выступили с докладом «*Образ будущего в восприятии сельской молодежи: возможность консолидации*». Сохраняя традиции полевой сельской социологии, исследовательская группа собрала 152 экспертных и глубинных интервью, фото- и видеoinформацию, на территории 14 районов Тюменской области (лето 2020 года). Для выявления образа будущего сельских поселений сформирована подвыборка из 59 интервью. Проведение глубинных интервью в режиме «лицом к лицу» позволило определить жизненный опыт информанта, его отношение к современному состоянию села/деревни и видение перспектив развития территории. В 2021

году было организовано и проведено 9 фокус-групп с выездом в районы Тюменской области. Авторы подтвердили, что единого «образа будущего» нет, но имеются некоторые общие фрагменты, формирующие основные типы представлений о будущем, демонстрирующие оси различия среди сельской и городской молодежи: экономическая активность, социальная активность, межпоколенческий переход, территориальная идентичность, социокультурная идентичность, молодежная активность.

Доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова канд. ист. наук Ю.А. Давыдова совместно со студентами того же вуза А.Д. Соколовым и Д.И. Пискаревым подготовила доклад «*Образ родины в представлении студентов*». В ходе исследования студентов вузов города Москвы спрашивали об ассоциациях, связанных с понятием «родина». Было получено 4276 слов-ответов. Исследование показало, что наибольшее количество ответов дала группа «Место/территория» (40%), наиболее часто встречались слова «дом» (37% упоминаний) и «Россия» (17%). Второй по количеству ответов оказалась группа «Культурное/историческое наследие», в которую вошли 13% ответов респондентов, приоритетными стали слова «отечество» (28% упоминаний) и «патриотизм» (27%). Третья группа «Семья» (12%) соотносится с ассоциациями «семья» (44%) и «мать» (32%). Таким образом, малая родина, место, где они живут; страна в целом, культурное и историческое наследие, семья, родители символизируют понятие «родина» для подавляющего числа опрошенных.

Профессора Тюменского госуниверситета д-р соц. наук Ромашкина Г.Ф. и д-р соц. наук В.А. Давыденко представили междисциплинарную концепцию человеческого капитала. Докладчики провели согласование различных теоретических представлений о происхождении преимуществ развитого человеческого капитала, его связи с социальным контекстом, особенностями человека и разнообразием представлений о капитале человека как таковом, психологическими особенностями, поведением человека на рынке труда.

Далее с докладом теоретико-методологического характера «*Исследовательский потенциал метода когнитивного картирования в социальных науках*» выступила младший научный сотрудник ИФ РАН К.В. Ракова. Контент-анализ от-

ественных научных исследований, опубликованных в период с 2010 по 2021 год, позволил автору оценить исследовательский потенциал метода когнитивного картирования. К слабым сторонам метода были отнесены высокие временные издержки, ограничение в применении полученных результатов и выводов при исследовании иных проблематик в социальных науках, ограничения в классификации и группировании ответов. Преимущества метода включают возможность увидеть латентные ментальные установки индивида по отношению к тому или иному событию, явлению, индивиду или социальной группе, низкий уровень формализованности, оригинальный эмпирический материал, возможности для выявления индивидуального или группового «социального настроения».

В ходе конференции состоялось обсуждение методологических вопросов. Участники отметили, что в настоящее время многие ученые, используя традиционные социологические методы, сталкиваются с трудно разрешимыми вопросами доступности, актуальности и репрезентативности данных. Например, необходимо учитывать ограничения различных технологий эмпирических исследований в современных социальных науках, таких как лонгитюдные исследования, исследования методом «снежного кома», с привлечением онлайн-методик, критически подходить к различным методикам получения качественных и количественных данных в их взаимосвязи.

В заключение участники конференции и члены координационного совета обсудили наиболее важные результаты и перспективы развития программы «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов». В первую очередь была отмечена необходимость обновления методики, включения в неё наиболее важных современных аспектов, таких как формирование и развитие локальных цивилизаций, оценка идентичностей, формирование ядра культуры российского общества, его разнообразия, дополнительности и контрастности по территориальным, этническим, религиозным и модернизационным характеристикам, угроз для консолидации общества. Кроме того, необходимо продолжать изучение дигитализации в региональных сообществах, процессов самоорганизации и/или дезорганизации общественной жизни, а также разработку институциональ-

но-субъектного (интегрирующего возможности региональных управленческих институтов и индивидуальных субъектов) механизма регулирования социокультурных процессов в территориальных сообществах. Участники конференции признали необходимость проведения Лапинских чтений в различных регионах России с целью продолжения уникальных традиций программы, межрегиональной коорди-

нации, обобщения опыта социокультурных, традиционных социологических и социально-экономических исследований. Развитие традиций связано с глубоким историко-культурным и философским уровнем осмысления, сопоставлением и обобщением знаний, выходом на новый уровень, включающий изучение цивилизационных гетерогенностей и поиск новых междисциплинарных форм.

Сведения об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Евгения Анатольевна Когай – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: eakogay@mail.ru)

Romashkina G.F., Kogay E.A.

On the Results of the Conference “Consolidation of Russian Society in the New Geopolitical Realities” in the Framework of the First Lapin Readings

Information about the Authors

Gul'nara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Evgeniya A. Kogay – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, head of department, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: eakogay@mail.ru)

Статья поступила 26.01.2023.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (февраль 2023 г.), а также за период с февраля 2022 по февраль 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

В декабре 2022 – феврале 2023 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 59 до 61%). Удельный вес отрицательных суждений снизился на 3 п. п. (с 25 до 22%).

По сравнению с февралем 2022 г. уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 13 п. п. (с 48 до 61%); удельный вес негативных оценок снизился на 10 п. п. (с 33 до 23%)³.

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в феврале 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в феврале 2022 г.

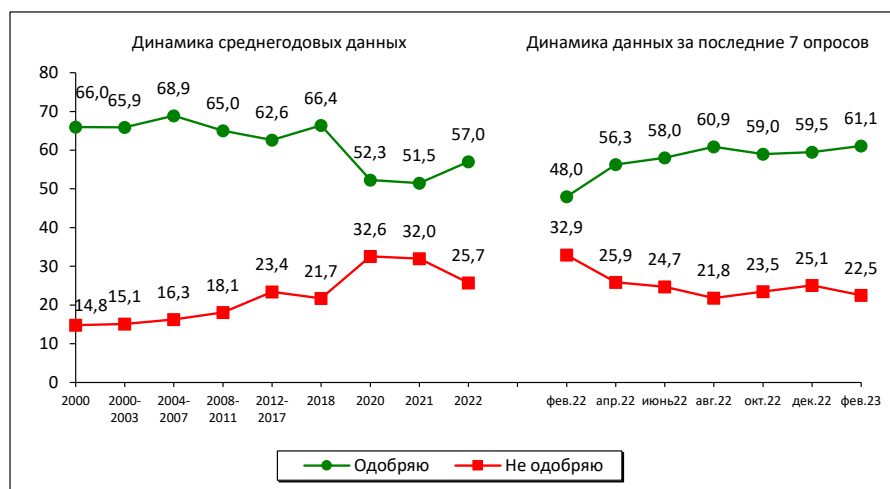
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	фев. 2022	дек. 2022	
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	48,0	56,3	58,0	60,9	59,0	59,5	61,1	+13	+2	
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	32,9	25,9	24,7	21,8	23,5	25,1	22,5	-10	-3	
Председатель Правительства РФ*																		
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	37,6	43,6	45,5	47,5	48,1	50,1	49,3	+12	-1	
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	37,7	32,5	31,4	29,4	31,3	29,9	27,9	-10	-2	
Губернатор																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	33,9	38,2	41,2	43,3	43,0	45,5	47,1	+13	+2	
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	41,6	37,3	34,3	32,5	33,9	35,2	33,0	-9	-2	

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

* Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Одобрю	+13	+2
Не одобряю	-10	-3

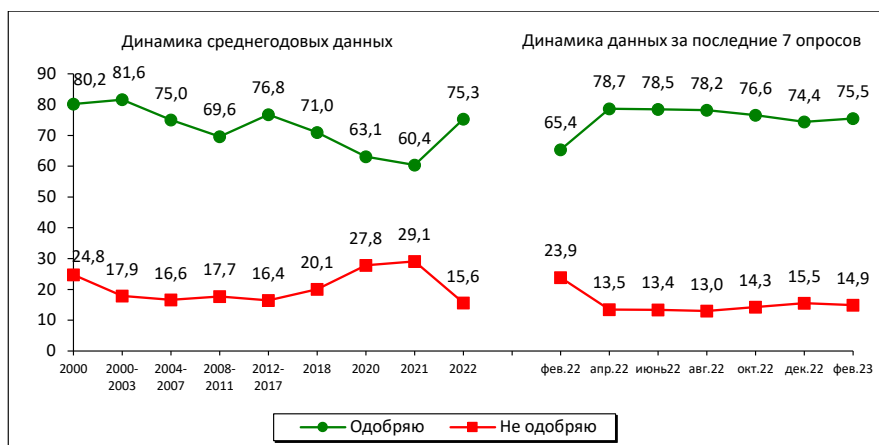
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с декабря 2022 по первую половину февраля 2023 г. не изменился и составил 74–75%.

По сравнению с февралем 2022 г. доля положительных оценок существенно увеличилась – на 10 п. п. (с 65 до 75%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Одобряю	+10	+1
Не одобряю	-9	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?»

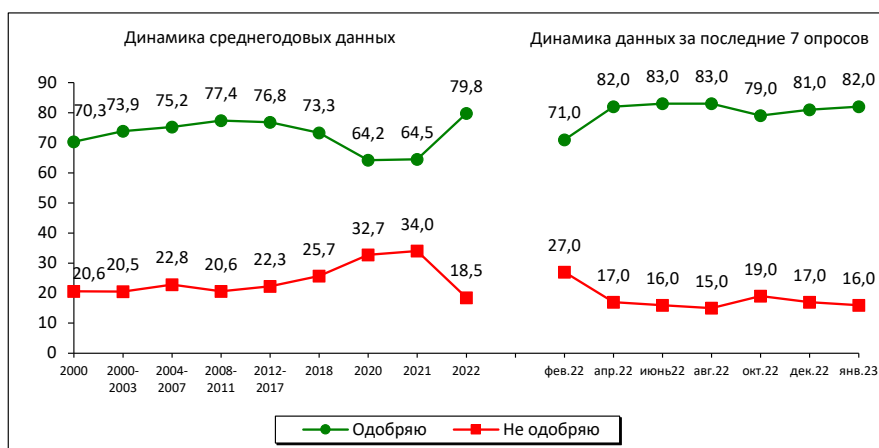
Данные за февраль 2023 г. – среднее за два опроса (5 и 12 февраля).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в декабре 2022 – январе 2023 г. составил 81–82%.*

За период с февраля 2022 по январь 2023 г. уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 11 п. п. (с 71 до 82%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), январь 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Одобряю	+11	+1
Не одобряю	-11	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

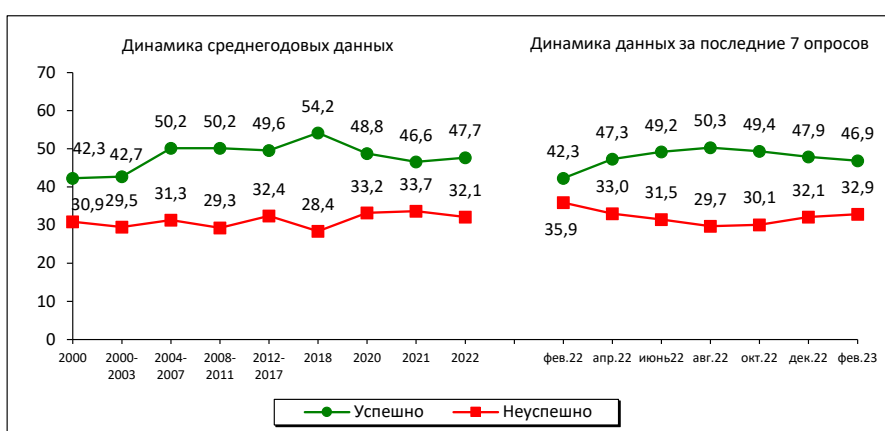
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (47–48%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также остается стабильным (32–33%).

С февраля 2022 по февраль 2023 г. доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России увеличилась на 5 п. п. (с 42 до 47%); удельный вес негативных характеристик снизился на 3 п. п. (с 36 до 33%).

Укрепление международных позиций России

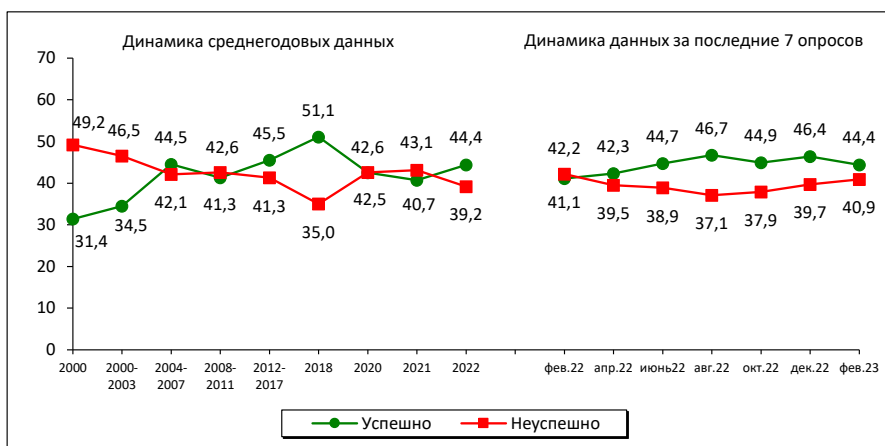

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Успешно	+5	-1
Неуспешно	-3	+1

В декабре 2022 – феврале 2023 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, снизилась на 2 п. п. (с 46 до 44%). Удельный вес негативных характеристик существенно не изменился (40–41%).

За период с февраля 2022 по февраль 2023 г. доля людей, позитивно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, увеличилась на 3 п. п. (с 41 до 44%); удельный вес отрицательных суждений не изменился (41–42%).

Наведение порядка в стране

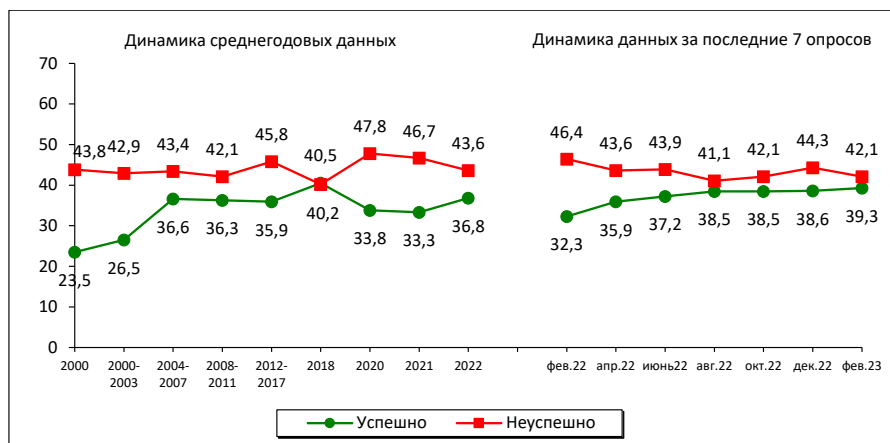

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Успешно	+3	-2
Неуспешно	0	+1

В декабре 2022 – феврале 2023 г. доля положительных оценок успешности действий Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан не изменилась и составила 39%. Удельный вес отрицательных суждений снизился на 2 п. п. (с 44 до 42%).

Позитивные изменения отмечаются за период с февраля 2022 по февраль 2023 г.: доля позитивных оценок возросла на 7 п. п. (с 32 до 39%), отрицательных – снизилась на 4 п. п. (с 46 до 42%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

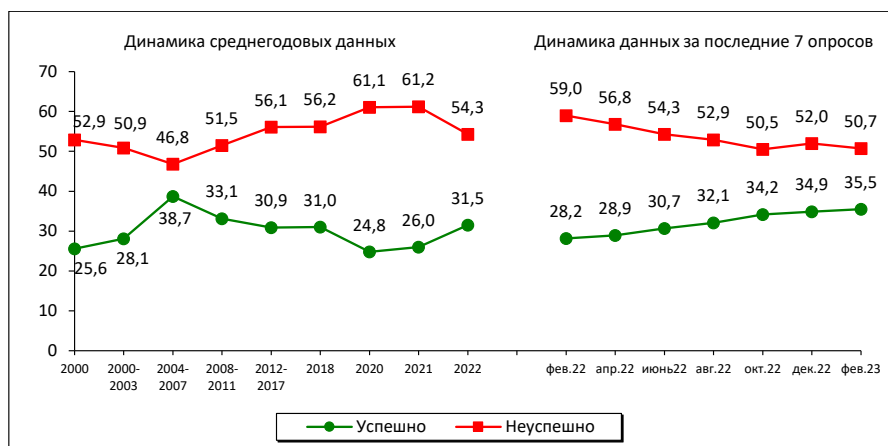

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Успешно	+7	+1
Неуспешно	-4	-2

В декабре 2022 – феврале 2023 г. существенно не изменилось общественное мнение относительно деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных оценок составила 35–36%, отрицательных – 51–52%.

С февраля 2022 по февраль 2023 г. доля положительных суждений увеличилась на 8 п. п. (с 28 до 36%), отрицательных – уменьшилась также на 8 п. п. (с 59 до 51%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Успешно	+8	+1
Неуспешно	-8	-1

Структура партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца существенно не изменилась: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 38–39%, КПРФ – 9–10%, ЛДПР – 6%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 1%.

С февраля 2022 по февраль 2023 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 8 п. п., с 31 до 39%), а также уменьшение доли людей, затруднившихся со своим и выбором или считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 3 п. п., с 42 до 39%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2023 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	фев. 2022	дек. 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	31,1	34,2	34,9	36,2	36,7	38,3	39,1	+8	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,5	11,2	10,2	10,4	9,9	9,3	9,5	0	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	9,4	7,7	7,8	6,8	6,0	6,3	5,9	-4	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	5,7	4,5	4,8	4,9	4,5	4,7	4,6	-1	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,6	1,3	1,6	1,9	1,1	1,5	1,3	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,7	0,3	0,1	0,1	0,5	0,0	0,1	-1	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	32,4	30,8	30,7	29,3	30,6	29,9	28,0	-4	-2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	9,6	10,0	9,9	10,5	10,8	9,9	11,4	+2	+2

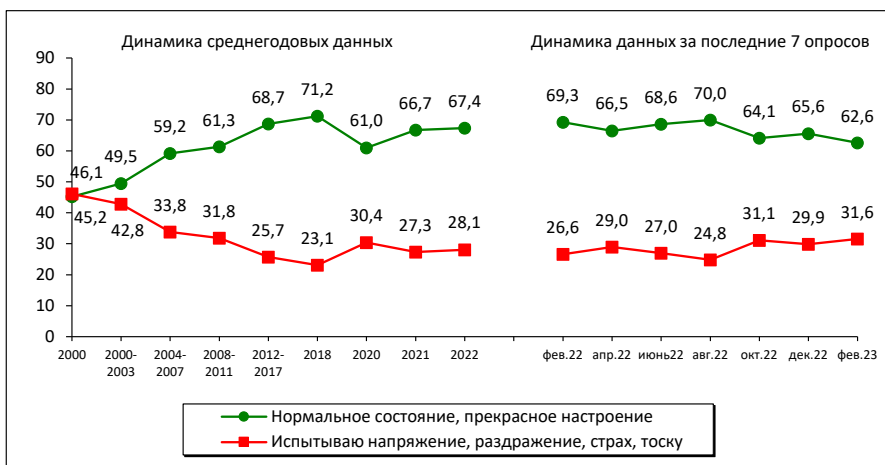
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца незначительно ухудшилось социальное настроение жителей области. Доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 3 п. п. (с 66 до 63%). Удельный вес тех, кто испытывает преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», возрос на 2 п. п. (с 30 до 32%).

По сравнению с февралем 2022 г. отмечается снижение доли позитивных оценок социального настроения на 6 п. п. (с 69 до 63%), а также рост удельного веса отрицательных характеристик (на 5 п. п., с 27 до 32%).

Социальное настроение

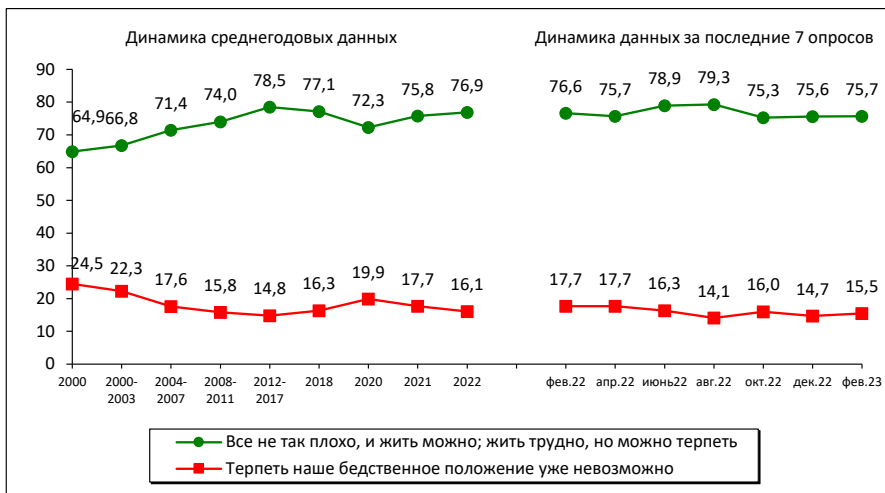

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-6	-3
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+5	+2

В декабре 2022 – феврале 2023 г. доля людей, считающих, что «все не так плохо, жить можно; жить трудно, но можно терпеть», осталась стабильной (76%). Удельный вес отмечающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», также не изменился (15–16%).

С февраля 2022 по февраль 2023 г. доля положительных характеристик запаса терпения составила 76–77%, при этом удельный вес отрицательных оценок уменьшился на 2 п. п. (с 18 до 16%).

Запас терпения

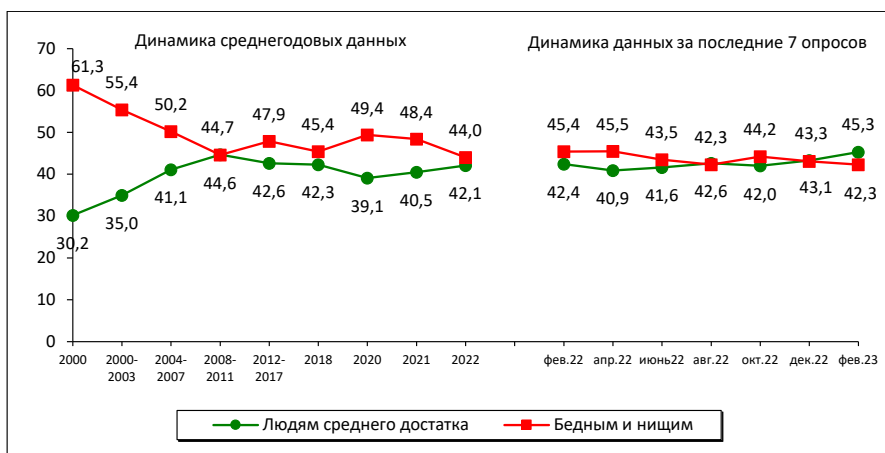

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-1	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	+1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца существенно не изменился (42–43%); при этом доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 43 до 45%).

По сравнению с февралем 2022 г. доля людей «среднего достатка» увеличилась на 3 п. п. (с 42 до 45%), удельный вес «бедных и нищих» незначительно снизился также на 3 п. п. (с 45 до 42%).

Социальная самоидентификация

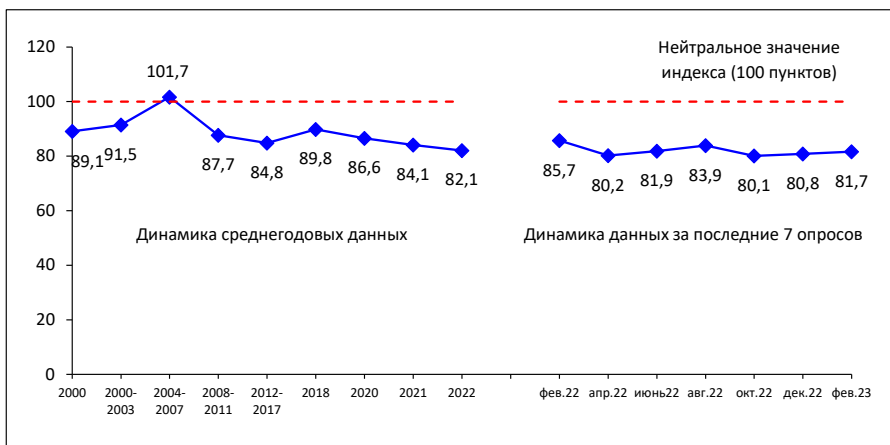
Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
Вариант ответа	фев. 2022	дек. 2022
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	-3	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В декабре 2022 – феврале 2023 г. индекс потребительских настроений (ИПН) составил 81–82 п.

По сравнению с февралем 2022 г. отмечается снижение ИПН на 4 пункта (с 86 до 82 п.), что говорит о росте пессимистических прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

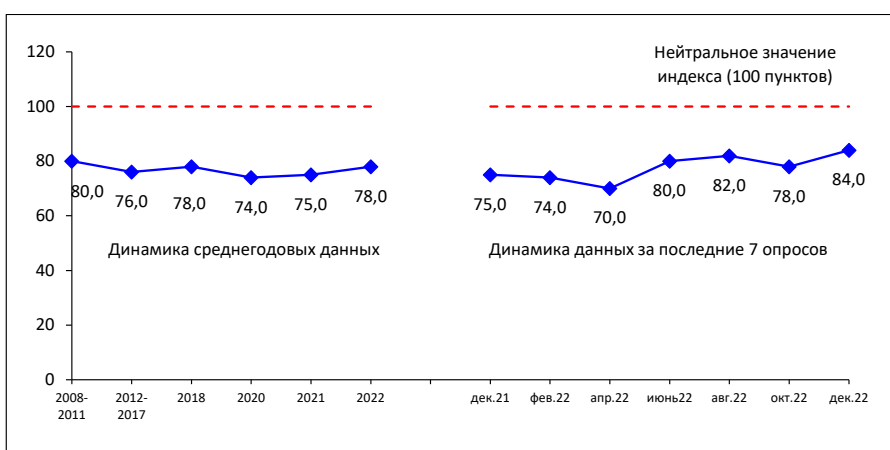
Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
ИПН	фев. 2022	дек. 2022
Значение индекса, в пунктах	-4	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* в динамике ИПН за период с октября по декабрь 2022 г. отмечаются позитивные изменения (ИПН возрос на 6 пунктов, с 78 до 84 п.).

За период с февраля по декабрь 2022 г. ИПН увеличился на 10 пунктов (с 74 до 84 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), декабрь 2022 г. к		
ИПН	фев. 2022	окт. 2022
Значение индекса, в пунктах	+10	+6

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за декабрь 2022 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

В динамике социального настроения за последние два месяца произошли преимущественно негативные изменения. В большинстве основных социально-демографических категорий отмечается снижение доли людей, которые положительно характеризуют свое повседневное эмоциональное состояние, особенно среди тех, кто по самооценкам собственных доходов составляет группу 20% наименее обеспеченных слоев населения (на 9 п. п., с 55 до 46%), а также среди людей в возрасте до 30 лет (на 8 п. п., с 79 до 71%).

С февраля 2022 по февраль 2023 г. в тенденциях социального настроения также наблюдаются преимущественно негативные изменения: доля людей, проявляющих позитивные эмоции, уменьшилась во всех основных социально-демографических категориях населения, особенно среди 20% наименее обеспеченных жителей области (на 14 п. п., с 60 до 46%) и людей со средним / средним специальным образованием (на 12 п. п., с 69 до 57%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	фев. 2022	дек. 2022
Пол																	
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	68,3	67,4	69,9	65,0	64,7	62,5	-3	-2
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	72,3	65,1	69,7	70,2	63,3	66,5	62,7	-10	-4
Возраст																	
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,3	81,8	77,3	77,8	74,5	78,7	70,6	-5	-8
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	70,7	71,1	68,8	72,0	65,2	68,5	63,9	-7	-5
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	65,3	55,2	65,3	64,6	58,7	57,2	58,1	-7	+1
Образование																	
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	68,7	63,0	65,8	68,5	58,9	62,7	57,2	-12	-6
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	68,3	69,8	70,5	71,0	65,8	64,3	63,7	-5	-1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	71,5	66,9	69,7	70,8	67,5	70,6	67,3	-4	-3
Доходная группа																	
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	60,5	61,5	58,4	55,4	50,7	55,4	46,2	-14	-9
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	68,8	64,2	70,3	73,2	65,9	66,1	62,2	-7	-4
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	81,5	81,9	75,7	77,0	78,7	74,9	73,8	-8	-1
Территория																	
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	63,2	60,2	61,0	61,5	55,7	57,2	54,5	-9	-3
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	72,6	70,1	72,8	74,6	67,9	69,1	65,9	-7	-3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	70,8	68,1	70,6	72,3	66,6	68,5	65,3	-5	-3
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	69,3	66,5	68,7	70,1	64,1	65,7	62,6	-7	-3

РЕЗЮМЕ

В феврале 2023 г. прошел год с момента начала специальной военной операции (24 февраля 2022 г.). Как отметил Президент РФ, «год назад ради защиты людей на наших исторических землях, для обеспечения безопасности нашей страны, для ликвидации угрозы, которая исходила от неонацистского режима, сложившегося на Украине после переворота 2014 года, было принято решение о проведении специальной военной операции. И мы шаг за шагом, аккуратно и последовательно, будем решать стоящие перед нами задачи»⁴.

За прошедшие 12 месяцев в динамике общественных настроений наметились разнонаправленные тенденции.

✓ С одной стороны, можно констатировать, что в условиях нарастания международной политической напряженности, экономических санкций против России, введенных странами НАТО, и продолжающихся боевых действий общество консолидируется вокруг Президента и в целом вокруг государственной власти.

Так, с февраля 2022 по февраль 2023 г. уровень одобрения деятельности главы государства увеличился на 13 п. п. (с 48 до 61%); Председателя Правительства РФ – на 11 п. п. (с 38 до 49%), губернатора области – на 13 п. п. (с 34 до 47%). Кроме того, выросла поддержка партии власти «Единая Россия» (на 8 п. п., с 31 до 39%), а также оценка работы Президента РФ по ключевым направлениям, в первую очередь по укреплению международных позиций России (на 5 п. п., с 42 до 47%), подъему экономики страны и росту благосостояния граждан (на 8 п. п., с 28 до 36%).

✓ С другой стороны, следует обратить внимание, что за период с февраля 2022 по февраль 2023 г. ухудшилось социальное настроение людей. Доля тех, кто характеризует свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 6 п. п. (с 69 до 63%), а удельный вес тех, кто испытывает преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», возрос на 5 п. п. (с 27 до 32%).

Отчасти это является естественным следствием сложной внешней и внутренней обстановки вокруг России после начала СВО, отчасти – связано с опасениями людей по поводу перспектив развития отечественной экономики и своего личного материального положения (об этом говорит снижение индекса потребительских настроений за последние 12 месяцев на 4 пункта, с 86 до 82 п.).

Таким образом, выявленные в ходе мониторинга тенденции общественного мнения свидетельствуют о том, что ресурс доверия власти (как и любой другой ресурс) не является безграничным. Общество понимает всю сложность ситуации, в которой оказалась страна после 24 февраля 2022 г., и готово дальше поддерживать политический курс, реализуемый Президентом. Однако, как справедливо отметил глава государства, «оборона страны — важнейший приоритет, но, решая вопросы стратегического характера, мы должны делать всё для уверенного развития страны»⁵.

В связи с этим дальнейшая динамика социальных настроений во многом будет зависеть не только от хода реализации СВО, но и от качественного, своевременного и полного выполнения поручений главы государства, в том числе прозвучавших в ходе Послания В.В. Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 г.: по созданию специального адресного фонда помощи семьям погибших военных и ветеранам СВО; по запуску программы льготного арендного жилья для сотрудников ОПК; плавному переходу к традиционной базовой подготовке специалистов с высшим образованием, повышению минимального размера оплаты труда и т. д.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

⁵ Там же.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

ПОПРАВКИ К СТАТЬЯМ

Исправление

[DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11](https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.11)

Исправление к статье: Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

В статье «Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии» авторов В.Г. Доброхлеб, О.В. Кучмаева, А.Д. Брагин, М. Афзали, опубликованной в № 4, том 15, 2022 (стр. 172–188), была опущена ссылка на работу З.Г. Казбековой «Impact of the demographic dividend on economic growth», опубликованную в № 2 (4), 2018 журнала «Population and Economics» (стр. 85–135). В исправленной версии статьи ссылка добавлена в следующие скорректированные абзацы:

С. 175: Исследователи выделяют ряд условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, важнейшим из которых, по мнению З.Г. Казбековой, поддерживающей точку зрения Д. Блума и Д. Каннига (Bloom, Canning, 2004), является способность экономики создавать рабочие места для все возрастающего населения в трудоспособном возрасте, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики государства, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, рост численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала, что более остро ставит проблему демографической безопасности (Kazbekova, 2018).

С. 179: Как было отмечено ранее, важнейшее среди условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, – способность экономики создавать рабочие места как для все возрастающего числа населения в трудоспособном возрасте, так и для стареющего населения, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, увеличение численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала (Kazbekova, 2018).

С. 180: По мнению исследователей, наибольший уровень сбережений наблюдается среди населения в возрасте от 40 до 65 лет, что связано с двумя факторами: у людей в этом возрасте, как правило, отсутствует необходимость совершения инвестиций в своих детей; люди начинают больше сберегать перед выходом на пенсию, чтобы сохранить равномерный уровень потребления на протяжении следующих десятилетий жизни (Bloom et al., 2003; Kazbekova, 2018).

В список литературы добавлен источник: Kazbekova Z. (2018). Impact of the demographic dividend on economic growth. *Population and Economics* 2(4): 85–135. Available at: <https://doi.org/10.3897/popcon.2.e36061>

Данная ошибка не повлияла на результаты исследования. Исправления внесены в электронную версию статьи.

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.02.2023.
Дата выхода в свет 28.02.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 500 экз. Заказ № 6.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru